

16+

ISSN 2587-8344

(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2022 • Т. 6 • № 1

Тема номера

Личность, общество, регион, государство:
имперские и современные кейсы

<http://hpchsu.ru>

Выход в свет: 2022 • Т. 6 • № 1. • МАРТ. Выходит четыре раза в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Сетевой журнал “Historia provinciae – журнал региональной истории” со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *О.Ю. Солодянкина*, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

Ответственный за номер: *О.Ю. Солодянкина*, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Н.А. ТИХОМИРОВА +7 (8202) 51-72-40

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. РУДЕНКО, канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и практика перевода» (Севастопольский
государственный университет)

Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:

162600, Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.
<http://hpchsu.ru>

На обложке представлен коллаж фото из открытых интернет-источников.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 31

Выход в свет: 15.03.2022

Формат 60 × 84 ¹/₈

Гарнитура Таймс

© Череповецкий государственный
университет, 2022

16+
ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA PROVINCIAE- THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2022 • Vol. 6 • No. 1

Cover story

**Personality, society, region, state:
Imperial and present-day cases**

<http://en.hpchsu.ru>

Publication: 2022 • Vol. 6 • No. 1 • MARCH. Issued four times a year.

FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (Эл № ФС77-70013) dated 31.05.2017

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 07.00.02 National History (Historical Sciences); 07.00.03 World History (of a corresponding period) (Historical Sciences); 07.00.09 Historiography, Source Study and Methods of Historical Research (Historical Sciences); 07.00.15 History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences).

EDITOR-IN-CHIEF: *Olga Yu. Solodyankina*, Doctor of Historical Sciences
(Cherepovets State University)

Managing editor of the issue: *Olga Yu. Solodyankina*, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

EDITOR: Anna A. LUKHNEVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: Mariya N. AVDYUKHOVA

EXECUTIVE EDITOR: Nataliya A. TIKHOMIROVA +7 (8202) 51-72-40

PROOFREADER (ENGLISH): Natal'ya S. RUDENKO, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department (Sevastopol State University)

Address of the publisher, editorial office and printing office: 162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, <http://hpchsu.ru>

The cover features a collage of photos from the open Internet sources.

OPEN PRICE

Online media

31 standard publisher's sheets

Publication: 15.03.2022

Format 60 × 84 ¹/₈

Font style Times

© Cherepovets State University, 2022

Содержание

Contents

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

- Солодянкина О.Ю.* Государство, общество, личность: поиск первичного 8

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Маров М.Н.* Семейные связи землевладельцев Устюженского уезда Колюбакиных, Линева и Долгоруковых в XVII–XIX веках 18

- Плех О.А.* Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России) 86

- Сафронова Ю.А.* Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний 126

- Синова И.В.* Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов 164

- Марков Е.А.* Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.) 211

РЕЦЕНЗИИ

- Аржакова Л.М.* Царство Польское или Привислинский край? Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020 241

- Дронов А.М.* Политическая история Хорватии рубежа XIX–XX вв.: проблемы и методы. Рецензия на:

OPENING SPEECH

- Solodyankina, O.Yu.* State, society, personality: in search of primacy 8

RESEARCH

- Marov, M.N.* Family ties of the Kolyubakins, the Linevs, and the Dolgorukovs, the landowners of Ustyuzhna Uyezd, in the 17th–19th centuries 18

- Plekh, O.A.* Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia) 86

- Safronova, Yu.A.* How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings 126

- Sinova, I.V.* Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents 164

- Markov, E.A.* Transformations in political preferences of voters (Comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns) 211

REVIEWS

- Arzhakova, L.M.* “The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?” *Review of* Rolf, M. Polish Lands under the rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War, translated from German into Russian by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020 241

- Dronov, A.M.* “Political history of Croatia at the turn of the 19th–20th centuries: problems and methods.” *Review of*

Ostajmer B. *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903.* Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018 274

Князев М.А. История гибели Николая II и его семьи через призму источниковедения. Рецензия на: Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. Москва: РГГУ, 2020 298

СООБЩЕНИЯ

Егоров А.Н. Журнал «Освобождение» крупным планом 323

Епифанов А.Е., Солодянкина О.Ю. Наука и историческая память: студенческие проекты в регионах 329

Ostajmer, B. *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903.* Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018..... 274

Knyazev, M.A. “The story of the death of Nicholas II and his family through the prism of source study.” *Review of Pchelov, E.V. Tsareubiistvo 1918 goda: istochniki, voprosy, versii* [The regicide of 1918: sources, questions, and versions]. Moscow: RGGU, 2020..... 298

COMMUNICATIONS

Egorov, A.N. The journal *Osvobozhdenie* in close-up 323

Epifanov, A.E., Solodyankina, O.Yu. Science and historical memory: student projects in the regions 329

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Вступительное слово

Opening speech

2022 · Vol. 6 · № 1

Вступительная статья к номеру

Государство, общество, личность: поиск первичного

Ольга Юрьевна Солодянкина,
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
olga_solodiankin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Olga Yu. Solodyankina,
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
olga_solodiankin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>

Аннотация. Во вступительной статье к номеру охарактеризованы материалы очередного выпуска журнала «Historia Provinciae – журнал региональной истории».

Ключевые слова: социоцентристский подход, антропоцентристский подход, современная историография

Для цитирования: Солодянкина О.Ю. Государство, общество, личность: поиск первичного // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 8–16.

State, society, personality: in search of primacy

Abstract. The introductory article considers the materials of the current issue of *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*.

Keywords: sociocentric approach, anthropocentric approach, contemporary historiography

For citation: Solodyankina, O.Yu. “State, society, personality: in search of primacy”. *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 8–16.

Давние споры схоластов на тему первичности-вторичности (Что первично – курица или яйцо?), казалось бы, далеки от текущей историографической проблематики, а сама формулировка вопроса (первичность / вторичность) производит впечатление философски ориентированной, что в целом не присуще более конкретно мыслящим историкам. Однако именно социоцентристская или, наоборот, антропоцентристская рамка во многом

определяет характер исторического исследования. Социоцентристский подход предполагает, что в центре внимания находится социум, государство, а отдельный индивид является лишь частью большого образования, его интересы вторичны по сравнению с уровнем всего общества, которое представляет собой не просто сумму всех своих составляющих, а качественно новое образование. Сторонники антропоцентристского подхода уверены в том, что ценна и уникальна каждая человеческая личность, а общество лишь создает возможности для реализации индивидуального начала каждого из нас. Специалисты по межкультурной коммуникации, несомненно, добавляют, что в культурах народов мира исторически заложены коллективистские или индивидуалистические ориентиры, тесным образом пересекающиеся с антропоцентристским и социоцентристским началами.

А что же историки? Какой уровень рассмотрения является для автора научного исторического текста стартовым? Отталкивается ли исследователь от государственной проблематики и потом переходит на уровень личности, или же для него личность первична, а регион, государство – пространственный аспект существования индивида? Историки, как правило, не пускаются в размышления на подобные темы, а уже самими названиями своих исследований предопределяют антропоцентристский или же социоцентристский характер собственных штудий.

Сквозь призму подобного ориентира рассмотрим работы авторов текущего номера журнала «*Historia Provinciae* – журнал региональной истории».

Показательно, что редакторы журнала попытались задать авторам социоцентристскую рамку, напомнив в информационном письме, что частые и во многом неожиданные изменения Века Просвещения, эпохи Наполеоновских войн, промышленной и научной революций, а также строительство империй и наций существенно повлияли на взаимоотношения между обществом, регионами и государствами. Взяв за основу идею, что последствия этих и связанных с ними процессов по-разному проявлялись как на уровне тех или иных государств, так и внутри них, а формирование современных централизованных государств на практике закончилось только к концу XIX века, редакторы предложили обратить внимание на важность регионального контекста, предложив рассмотреть практики ответов властей на социальные и политические вызовы разных эпох. Как отреагировали на подобное предложение авторы номера?

В статье «Семейные связи землевладельцев Устюженского уезда Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в XVII–XIX веках» кандидата технических наук М.Н. Марова (г. Санкт-Петербург), давно на серьезном для любителя уровне занимающегося восстановлением родословий нескольких дворянских родов землевладельцев Устюженского уезда, показаны

взаимоотношения и семейные связи помещиков Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых, проанализированы причины возникновения этих связей и их влияние на перераспределение земельной собственности между родами. Компактное проживание семейств, невзирая на наличие родственных связей, в ряде случаев приводило к возникновению имущественных или хозяйственных конфликтов, а сами семейные связи приводили к перераспределению поместной собственности между родами за счет ее передачи в качестве приданого или в результате наследования по боковым ветвям. Для исследователя однозначно первичными были люди, эволюционирующие семейные кланы, действующие в контексте заданной региональной рамки на протяжении довольно длительного исторического периода.

Кандидат исторических наук О.А. Плех (Институт российской истории РАН, г. Москва) в статье «Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России)» сделала акцент на нуждах и возможностях государства, реализуемых на региональном уровне с учетом человеческого фактора. Автор приходит к однозначному выводу, что проблемы кадрового обеспечения решались по мере развития пенитенциарной системы и напрямую зависели от состояния мест заключения. Анализируя источники (прежде всего нормативно-правовые документы), О.А. Плех выстраивает вертикаль рассмотрения проблемы: нужды государства, материально-технические возможности государства, законодательное оформление правового положения тюремных смотрителей и надзирателей, требования к кандидатам на эти должности. Конкретные кейсы, персоналии перегрузили бы эту четкую линию рассмотрения проблемы, и автор сознательно отдает предпочтение социоцентристскому подходу.

В силу задач исследования, не переходит на личностный уровень и автор статьи «Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.)», доктор политических наук Е.А. Марков (Череповецкий государственный университет). В центре его внимания – изменения, происходящие в политических настроениях различных общественных групп и определяющие итоги избирательных кампаний. В статье проанализированы особенности проведения избирательной кампании разными политическими силами, а также ход подготовки и проведения самих выборов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Статья кандидата исторических наук Ю.А. Сафроновой (Европейский университет в Санкт-Петербурге) «Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний» может выступать иллюстрацией синтетического подхода. С одной стороны, задана рамка государственных структур – министры и

межведомственные совещания. Это ориентирует читателя на взгляд на проблему с позиций нужд и интересов государства. С другой – речь идет о взглядах конкретных персон, их экспертных оценках, их знаниях и опыте и влиянии этого личностного начала на определение правительственного курса. Такая антропоцентристская призма исследователя позволила прийти к неожиданному выводу, что решения межведомственных совещаний 1870-х годов, сыгравшие ключевую роль в эскалации революционного насилия и возникновении политического терроризма, не были результатом «страха» перед лицом революционной угрозы, а возникли в результате непонимания природы новой фазы молодежного протеста, отчасти связанного с инерцией восприятия начавшегося «хождения в народ» по аналогии с европейским революционным движением, с одной стороны, и более ранними организациями, в первую очередь «Народной расправой», с другой. Новизна выводов автора, как нам представляется, во многом связана именно с умелым сочетанием социоцентристского и антропоцентристского подходов к пониманию проблем российского социума последней трети XIX века.

Четкий антропоцентристский подход заявлен в статье доктора исторических наук И.В. Синовой (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) «Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов». Уровень государства, социума, региона необходим автору только как пространственно-временная основа, в рамках которой реализовывались главные героини ее исследования – авторы воспоминаний М.П. Бок (дочь П.А. Столыпина), знаменитая балерина М.Ф. Кшесинская, художница А.П. Остроумова-Лебедева, княгиня М.К. Тенишева и стоявшая гораздо ниже других по социальному положению М.И. Ключева. Анализируя женские эго-документы, автор приходит к выводу, что героини жизнеописаний превращали себя и все, что их окружает, не столько в объект собственно повествования, сколько анализа, оценивая и проверяя происходящее на соответствие собственным идеалам. Однако на конкретных примерах И.В. Синова показывает, что самоидентификация личности в нарративах в значительной степени отображала особенности развития общества в целом и его проблемы. Авторы воспоминаний предстают как самостоятельные, состоявшиеся личности, самоидентификация которых имеет как общие, так и особенные черты, зависящие в том числе от менталитета, жизненных приоритетов и способов достижения целей, характерных для социума определенного исторического периода. Таким образом, по ходу текста исследовательская призма сделала полный оборот: от социоцентристской рамки к антропоцентристскому содержанию и синтезу подходов в выводах.

По сути, о выстраивании баланса социоцентристской и антропоцентристской парадигм можно рассуждать на основе рецензии

«Царство Польское или Привислинский край?» доктора исторических наук Л.М. Аржаковой (Институт славяноведения РАН, г. Москва). В рецензируемой исследовательницей монографии немецкого историка Мальте Рольфа присутствует как социоцентристский подход – предложена детальная характеристика административного аппарата имперской власти, сформированного после поражения Январского восстания 1863 г. и просуществовавшего до конца российского господства в польских землях (1915), так и антропоцентристская составляющая – коллективный портрет варшавских генерал-губернаторов. Синтез двух подходов позволил автору рецензируемой монографии всесторонне рассмотреть, по его выражению, «контактные зоны и конфликтные узлы», наиболее явственно выступающие на фоне действующих административных структур в рамках сложного процесса превращения Царства Польского в Привислинский край.

Примером аналогичного исследовательского подхода выступает рецензируемая А.М. Дроновым (Институт славяноведения РАН, г. Москва) монография хорватского историка Бранко Остаймера «Народная партия в Славонии и Среме 1883–1903». А.М. Дронов отмечает такую особенность работы, как обращение автора к ярким персоналиям эпохи, связанным с деятельностью Хорватской народной партии. Б. Остаймер изучает внутреннюю организацию партии, ее электорат, в том числе взаимодействие с отдельными социальными и этническими группами, а также деятельность партии в контексте хорватско-венгерских отношений, но значительное место в повествовании отводит фигуре хорватского бана К. Куэна-Хедервари, период правления которого был взят в качестве хронологических рамок работы.

Видимо, сочетание социоцентристского и антропоцентристского начал являются трендом современной историографии, обещая нам появление новаторских исследовательских текстов.

Dear colleagues, dear friends,

The long-standing scholastic disputes on the issue of primacy versus secondarity (What comes first, the chicken or the egg?) seem to stand far from the scope of current historiography, and the wording of the question itself (primacy / secondarity) appears to be oriented towards philosophy, which is generally less common for

historians with their more concrete way of thinking. However, it is the sociocentric or vice versa anthropocentric framework that predetermines the nature of historical research in many ways. Sociocentric approach presumes that society or state is the focus of attention and an individual is just a part of a larger formation and his interests are secondary in relation to the level of society as a whole, the latter being not just a sum total of all components but a qualitatively new formation. The proponents of the anthropocentric approach are certain that each person is valuable and unique, and society offers opportunities to express the individuality of each and every one of us. Specialists in intercultural communication are certain to add that national cultures of the world are historically focused on individualistic or collectivistic principles that are closely correlated with anthropocentric and sociocentric approaches.

And what about historians? Which level of analysis is the starting point for an author of a scholarly historical text? Does a researcher proceed from the state-level issues and then descend to the level of personality or is personality of primary importance for a historian, the region or state being a spatial aspect of the existence of an individual? As a rule, historians do not go deep into thoughts on such subjects but determine either anthropocentric or sociocentric approach in the titles of their studies.

Let us consider the works included in the current issue of *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* through the prism of this reference point.

It is indicative that the editors of the journal made an attempt to keep the authors within the sociocentric framework by reminding them in the call for papers that building the empires and the nations as well as frequent, and in many respects unexpected, change during the Age of Enlightenment, the Napoleonic Wars, the Industrial Revolution and the Scientific Revolution produced a considerable effect on the relationship between society, regions, and states. Proceeding from the idea that the consequences of these and related processes manifested themselves in different ways both at the level of certain states and within them and that the formation of modern centralized states had ended only by the end of the 19th century, the editors proposed paying attention to the importance of regional context and considering practices of the authorities responding to social and political challenges of different eras. How did the authors of the issue react to such a proposal?

The article “Family ties of the Kolyubakins, the Linevs and the Dolgorukovs, the landowners of Ustyuzhna Uyezd, in the 17th–19th centuries” was written by Candidate of Technical Sciences M. Marov (St Petersburg), who has been reconstructing the pedigree of several landowning families of Ustyuzhna Uyezd for a long time with profundity uncommon for an amateur. The article reveals the relationships and family ties between landowners Kolyubakins, Linevs, and Dolgorukovs and analyzes the causes of these ties as well as their influence on the redistribution of landed

property between these clans. Despite family ties, compact residence of the families sometimes resulted in property and economic disputes, and the family ties themselves led to the redistribution of landed property between the clans due to its transfer as a dowry or to heirs by collateral. Of primary importance for the researcher were people and evolving clans that existed within the established regional frame during quite a long historical period.

In the article “Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia),” Candidate of historical Sciences O. Plekh (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences) focused on the needs and opportunities of the state at the regional level taking into account the human factor. The author made an unambiguous conclusion that the staffing problems were solved as the penitentiary system developed and were directly dependent on the condition of the places of detention. Analyzing the sources (legislative documents in the first place), O. Plekh constructed the vertical approach to the problem: needs of the state, material and technical resources of the state, legislative regulation of the legal status of prison superintendents and warders, candidate specification. Specific cases and personalities would “overload” this clear vertical line of analysis, and the author purposefully chose the sociocentric approach.

Because of the tasks of his research, Doctor of Political Science E. Markov (Cherepovets State University), the author of the article “Transformations in political preferences of voters (comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns)” did not cross over to the level of personality either. He focused his attention on the changes taking place in the political mood of various social groups and determining the results of election campaigns. The article offers an analysis of specific features of the election campaigns organized by different political forces as well as the course of preparation and conduct of the elections, both at the federal and at the regional levels.

The article by Candidate of Historical Sciences Yu. Safronova (European University at St Petersburg) “How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings” can serve as an illustration of synthetic approach. On the one hand, the frame of the state structures was set (ministers and interdepartmental meetings), which suggests the reader’s look at the problem from the standpoint of the needs and interests of the state. On the other hand, the author considered the views of certain persons, their expert opinions and knowledge, and the influence of the personal on the course of the government. This anthropocentric approach allowed the author to make an unexpected conclusion that the decisions of the interdepartmental meetings of the 1870s that played a key role in the escalation of revolutionary violence and the emergence of political terrorism did not result from “fear” of revolutionary threat. They were caused by misinterpretation of the nature of the new phase of youth protest, partly associated with the inertia of

the perception of the incipient “going to the people” (*khozhdenie v narod*) by analogy with the European revolutionary movement, on the one hand, and earlier organizations, primarily the People’s Retribution (*Narodnaya rasprava*), on the other. The novelty of the author’s conclusions appears to be connected with skillful combination of sociocentric and anthropocentric approaches to the interpretation of the problems of Russian society in the last third of the 19th century.

Clearly anthropocentric approach was declared in the article by Doctor of Historical Sciences I. Sinova (Saint Petersburg State University of Economics) “Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents.” The level of the state, society, and region was necessary to the author only as a space-time frame within which the heroines of her research expressed themselves (P. Stolypin’s daughter M. Bock, famous ballerina M. Kschessinska, artist A. Ostroumova-Lebedeva, Princess M. Tenisheva, and M. Klyucheva, whose social standing was much lower than that of the others). Considering women’s ego-documents, the author concluded that by means of assessing and evaluating the events described for compliance with their own ideals, the heroines of biographies transformed themselves and their surroundings not so much into an object of narrative proper as into an object of analysis. On the basis of concrete examples, it was shown that self-identification of an individual in narratives largely reflects the features of the development of society as a whole and its problems. The memoirists appeared to be independent, mature personalities, whose self-identification has common and specific features, among other things, dependent on mentality, life priorities, and means to achieve the goals that were characteristic of society at a certain historical period. Thus, in the course of the text, the research prism made a full turn from the sociocentric frame to the anthropocentric contents and to the synthesis of approaches in the conclusions.

In essence, we can discuss the balance between sociocentric and anthropocentric paradigms, referring to the review “The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?” written by Doctor of Historical Sciences L. Arzhakova (Institute of Slavic Studies of the RAS). The monograph under review written by German historian Malte Rolf contains both sociocentric approach (a detailed description of the imperial administrative apparatus that was formed after the defeat of the January Uprising of 1863 and existed until the end of Russian rule in the Polish lands in 1915) and anthropocentric elements (the collective portrait of Warsaw governors general). The synthesis of two approaches allowed the author of the monograph under review to comprehensively consider, as he put it, the “contact zones and conflict nodes” that stood out most clearly against the background of the existing administrative structures within the framework of the complex process of transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land.

The review of the monograph by Croatian historian Branko Ostajmer *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. [The People's Party in Slavonia and Srem in 1883–1903] written by A. Dronov (Institute of Slavic Studies of the RAS) is an example of a similar research approach. A. Dronov points out such specific feature of the book under review as the author's focus on the outstanding personalities of the era associated with the activities of the People's Party. B. Ostajmer studied the internal organization of the party and its electorate, including the interaction with individual social and ethnic groups, as well as the activities of the party in the context of Croat-Hungarian relations, but much space in the narrative is given to the figure of Croatian Ban K. Khuen-Héderváry, whose reign was taken as the chronological frame of the work.

Apparently, the combination of sociocentric and anthropocentric approaches is a current trend in present-day historiography that promises us the emergence of new research texts.

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Солодянкина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiankin@mail.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Вологодская обл., г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

Information about the author

Olga Yu. Solodyankina – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiankin@mail.ru, Cherepovets State University (d. 5, Pr-t Lunacharskogo, g. Cherepovets, Vologodskaya obl., Russia, 162600)

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2022 · Vol. 6 · № 1

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 18–85

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 18–85

Научная статья

УДК 929.522.3:323.311.1(470.12)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-1>

Семейные связи землевладельцев Устюженского уезда Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в XVII–XIX веках

Михаил Николаевич Маров,

Акционерное общество «РАМЭК-ВС»,

Санкт-Петербург, Россия,

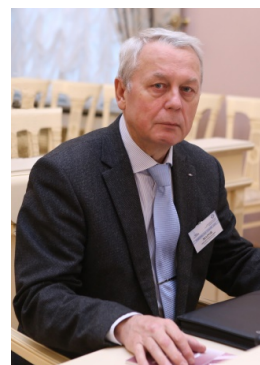
marmin953@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7344-7941>

Mikhail N. Marov,

RAMEC-VS JSC,

Saint-Petersburg, Russia,

marmin953@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7344-7941>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению закономерностей в процессе становления региональных помещичьих родов на территории Устюженского уезда в XVII–XIX веках с учетом взаимных связей между родами на примере семейств помещиков Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых. Выявлено, из каких административно-территориальных образований – пятин Новгородской земли, а также в связи с чем произошло переселение помещиков Колюбакиных, Долгоруковых и Линевых в уезд Устюжны Железопольской в начале XVII в. На основе анализа ряда документов из фондов Герольдмейстерской конторы (ф. 286), Поместного приказа (ф. 1209), Устюжской воеводской канцелярии (ф. 596) Российского государственного архива древних актов, впервые вводимых в научный оборот, а также с опорой на результаты проводимых автором исследований истории древнего рода Колюбакиных установлены факты взаимоотношений и семейных связей между рассматриваемыми родами помещиков, проанализированы причины возникновения этих связей. Показано, что семейные связи Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых приводили к перераспределению поместной собственности между родами за счет ее передачи в качестве приданого или в результате наследования по боковым ветвям, к племянникам и внучатым племянникам по женской линии. Реконструирована роспись устюженской ветви рода помещиков Долгоруковых, включающая пять поколений потомков и охватывающая период с конца XVI до второй половины XVIII в. Прослежена эволюция семейных кланов Долгоруковых, Линевых и Колюбакиных в Устюженском уезде в период XVII–XIX столетий. Установлено, что к концу XIX века из трех рассмотренных родов в числе

© Маров М.Н., 2022

© Marov M., 2022

крупных землевладельцев в уезде остались только Колюбакины. Отмечено, что географическим центром описываемых в статье событий стало село Расторопово Устюженского уезда, сохранившееся до настоящего времени. Проведенный анализ позволил проиллюстрировать на конкретных примерах и детализировать ряд ранее выявленных закономерностей становления помещичьего землевладения в Устюженском уезде.

Ключевые слова: Колюбакины, Линевы, Долгоруковы, Устюжна Железопольская, Устюженский уезд, дворяне, помещики, семейные связи, поместное землевладение, родословная роспись

Для цитирования: Маров М.Н. Семейные связи землевладельцев Устюженского уезда Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в XVII–XIX веках // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 18–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-1>

Family ties of the Kolyubakins, the Linevs, and the Dolgorukovs, the landowners of Ustyuzhna Uyezd, in the 17th–19th centuries

Abstract. The article is devoted to the consideration of regularities in the process of formation of regional landowning families in the territory of Ustyuzhna Uyezd in the 17th–19th centuries. The study takes into account the mutual ties between the clans, using the example of the landowning families of the Kolyubakins, the Linevs, and the Dolgorukovs. It was revealed from which administrative-territorial formations (pyatinas of the Novgorod Lands) and for what reason the landowning families of Kolyubakins, Dolgorukovs, and Linevs were resettled to Ustyuzhna-Zhelezopolskaya Uyezd at the beginning of the 17th century. The facts of relationships and family ties between the families of landowners under consideration are identified and the reasons for the emergence of these ties are analyzed on the basis of the analysis of a number of documents from the fonds of the Heralds office (F. 286), Pomestnyi Prikaz (F. 1209), and the Ustyuzhna Voivodeship Chancellery (F. 596) in the Russian State Archive of Ancient Acts, which are introduced into scientific circulation for the first time, as well as of the results of the research on the history of the ancient Kolyubakin family, conducted by the author. It is shown that the family ties of the Kolyubakins, Linevs and Dolgorukovs led to the redistribution of landed property between these clans due to its transfer as a dowry or inheritance by collateral by nephews and grand-nephews from maternal lineage. In the course of the research, the Ustyuzhna branch of the noble family of Dolgorukov is reconstructed, including five generations of descendants, and covering the period from the end of the 16th century to the second half of the 18th century. The development of the family clans of the Dolgorukovs, Linevs, and Kolyubakins in Ustyuzhna Uyezd in the period between the 17th and the 19th centuries is analyzed. It is established that at the end of the 19th century, of the three families to which this article is devoted, only the Kolyubakins still remained among the prosperous landowners of the uyezd. It is noted that the village of Rastoropovo in Ustyuzhna Uyezd, which survived to this day, was the geographical center of the events described in the article. The analysis made it possible to illustrate with specific examples and in detail a number of previously identified patterns in the formation of land ownership in Ustyuzhna Uyezd.

Keywords: Kolyubakins, Linevs, Dolgorukovs, Ustyuzhna Zhelezopolskaya, Ustyuzhna Uyezd, nobility, landowners, family ties, landed estate, genealogical table

For citation: Marov M. “Family ties of the Kolyubakins, the Linevs, and the Dolgorukovs, the landowners of Ustyuzhna Uyezd, in the 17th–19th centuries.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 18–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-1>

Введение

В ходе исследований по истории рода Колюбакиных автором статьи были выявлены многочисленные брачные связи этих дворян с представителями других известных родов. При этом некоторые из связанных с Колюбакиными родов оказывались в родстве еще и между собой. В ряде случаев возникшие семейные связи оставались достаточно прочными и могли быть прослежены на протяжении нескольких столетий.

В частности, подобные связи были выявлены между семействами землевладельцев Колюбакиных и Линевых, Колюбакиных и Долгоруковых, а также Линевых и Долгоруковых, помещенных на территории Устюженского уезда с центром в городе Устюжна, располагающемся на юго-западе нынешней Вологодской области и до XVIII века именовавшемся Устюжной Железопольской¹. Семейные связи этих трех помещичьих родов, взаимосвязь которых удалось проанализировать в период XVII–XIX веков, были выбраны в качестве объекта исследования, представленного в данной статье. Территориальные и хронологические рамки исследований были определены самим фактом существования выбранных семейных связей именно в этом регионе и именно в этот период.

Основы исторического описания Устюжны Железопольской и ее уезда заложены в работах П.А. Колесникова (1907–1996)². Он одним из первых обратил внимание на необходимость изучения истории дворянских родов Устюженского уезда, посвятив этой теме отдельную статью, в которой отмечена важность изучения уездного дворянского сословия, а также вкратце

¹ Рыбаков А.А. Устюжна. Череповец. Вытегра. Ленинград: Искусство, 1981. С. 7–82; Брумфилд У.К. Устюжна: западная жемчужина Вологодского Края // Устюжна=Ustyuzhna: фотоальбом / перевод с английского Т. Саранцевой. Москва: Три квадрата, 2010. С. 7–32.

² Колесников П.А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова / под редакцией В.И. Шункова. Москва: Наука, 1966. С. 144–147; Колесников П.А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. // Проблемы исторической географии России: материалы Второй Всесоюзной конференции по исторической географии России, Москва, 25–26 ноября 1980 г. Вып. 1: Формирование государственной территории России / под общей редакцией Я.Е. Водарского. Москва: Институт истории СССР, 1982. С. 182–187; Камкин А.В. Петр Андреевич Колесников – историк Устюжны // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 3. Вологда: Русь, 1995. С. 411–420.

рассказано о проживавших в уезде дворянах Ушаковых, Неплюевых, Линевых, Перских, Колюбакиных и представителях ряда других фамилий³.

В дальнейшем состав устюженского уездного дворянства, причины появления дворянских фамилий в уезде, а также динамика формирования поместного и поместно-вотчинного землевладения были исследованы в работах И.В. Пугача⁴. И.В. Пугачом был выявлен ряд закономерностей и региональных особенностей развития родовых помещичьих кланов уезда Устюжны Железопольской, в числе которых можно указать следующие⁵:

- многие из помещичьих семейств, появившихся в начале XVII века на территории Устюженского края, были выходцами из новгородских пятин, где их фамилии известны с середины XVI века;

- к концу первой четверти XVII века в уезде завершился процесс разрастания земельных владений помещичьих семейств за счет раздачи черносошенных, дворцовых и порожжих земель, в дальнейшем преобладающей практикой приобретения поместий стало их наследование по прямым и боковым линиям внутри родов;

- одним из признаков укрепления позиций устюжно-железопольских помещичьих кланов в первой трети XVII века стала тенденция развития владений смешанного типа – «поместье-вотчина».

При этом в исследовании помещичьих семейных кланов, проведенном И.В. Пугачом, практически отсутствует анализ их взаимосвязей друг с другом. В то же время компактное проживание дворянских семейств на территории уезда неизбежно вело к возникновению между ними не только имущественных отношений, приводивших в ряде случаев к конфликту интересов и хозяйственным спорам и тяжбам, но и добрососедских связей и многолетней дружбы, нередко заканчивавшихся заключением брачных союзов. Это, в свою очередь, вело к перераспределению поместной собственности между семьями и оказывало влияние на процесс их становления и развития в регионе.

В связи с этим в качестве цели работы, представленной в данной статье, было выбрано рассмотрение тенденций эволюции помещичьих семейных

³ Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX века // Устюжна: историко-литературный альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: Легия, 2007. С. 288–309.

⁴ Пугач И.В. Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. Вологодский государственный педагогический университет, 1999. С. 140–171.

⁵ Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 69, 78, 80–82.

кланов Устюженского уезда в их взаимосвязи друг с другом на примере помещиков Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых.

Поставленная цель требовала решения следующих задач: выяснить пути появления помещиков Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в уезде Устюжны Железопольской; установить причины возникновения между ними семейных связей; проанализировать развитие этих связей в период XVII–XIX веков; проследить за переходом поместной собственности между родами.

История рода Колюбакиных прослеживается по документам со второй половины XV в., а роспись рода, включающая 25 поколений, описана достаточно подробно для целей данной статьи⁶. Род Линевых прослеживается с середины XIV в., и роспись 10 поколений его устюженской ветви также опубликована⁷. В то же время в распоряжении автора статьи не имелось описания рода новгородских служилых людей Долгоруковых, в связи с чем требовалось реконструировать ту ветвь этого рода, которая была вовлечена во взаимосвязь с родами дворян Колюбакиных и Линевых. Это стало одной из задач данной работы.

Для того чтобы проследить пути появления в Устюженском уезде представителей семейств Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых, были проанализированы списки служилых людей новгородской земли, опубликованные в работах Н.Ф. Яницкого, Н.Е. Носова, П.И. Иванова, В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева⁸.

Источниковую базу исследований составили материалы, отложившиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и впервые вводимые в научный оборот. Также использовались материалы из фонда Ю.Б. Шмарова, хранящиеся в отделе письменных и аудиовизуальных

⁶ Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. С. 15–16, 24–28, 61–229.

⁷ Морозов Б.Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV–XV вв. // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 2. С. 42–43; 1994. Вып. 4. С. 14–19; Воротынцева Е.А. Дворяне Линевы, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 6. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 152–158.

⁸ Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1915. Вып. 4. (Сборники Студенческого историко-этнографического кружка при Императорском Университете святого Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского); Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. Москва: Наука, 1957; Иванов П.И. Обзор писцовых книг по Нову-городу и Пскову. Москва: Типография Правительствующего сената, 1841; Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ / ответственный редактор А.Л. Шапиро. Ленинград: ЛГУ, 1986.

источников Государственного музея А.С. Пушкина, фонда дворян Зубцовского уезда Лихаревых Государственного архива Тверской области (ГАТО) и различных фондов Российского государственного исторического архива (РГИА).

Следует оговориться, что в документах XVI–XVII вв. нередко встречается различное написание фамилий служилых людей, рассматриваемых в данной статье, причем иногда применительно к одному и тому же лицу. Так, Колюбакины часто писались как Кулебакины, Кулибакины, Кулюбакины или Колюбякины, а Долгоруковы – как Долгорукие. При этом в статье пойдет речь о Долгоруковых, которые в документах упоминаются без титула, то есть о ветви Долгоруковых, не принадлежащей к княжескому роду, или просто об однофамильцах знаменитого княжеского рода. Кроме того, необходимо отметить существование в России вплоть до XVII в. традиционной практики давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, не крестильное, которое первоначально называлось мирским именем, а в дальнейшем прозвищем⁹. Упоминание персон в документах по прозвищу встречается едва ли не чаще, чем по имени. Так, Гаврила Кириллович Колюбакин, который как третий сын в семье имел прозвище Третьяк, в документах именуется то Гаврила Кириллов сын, то Третьяк Кириллов сын. При этом и слово «сын» опускалось, так что в тексте оставалось Гаврила Кириллов или Третьяк Кириллов. Осип Васильевич Колюбакин по прозвищу Мясоед записывался как Осип Васильев или Мясоед Васильев, и так далее. При именовании детей патронимы также часто образовывались от прозвища отца, а не от его имени. Дети того же Гаврилы Колюбакина часто указывались в документах с патронимом «Третьяковы». К примеру, сын Гаврилы Исай Колюбакин мог именоваться то Исаем Гавриловым, то Исаем Третьяковым; это касается и другого сына Гаврилы – Софрона Колюбакина. Указанные особенности следует учитывать при чтении данной статьи, в которой имена, отчества (патронимы) и фамилии персон приводятся в том виде, в каком они указаны в исторических документальных источниках.

Основная часть

Считается, что в уезд Устюжны Железопольской некоторые из служилых людей переселились в начале XVII в. из новгородских земель после ликвидации Новгородской боярской республики и начавшегося во второй половине

⁹ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. История происхождения, значение и национальные черты наследственных родовых имен и псевдонимов / перевод Л.А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2021. С. 15–17.

XVI века «перебора» уездного дворянства в ходе опричнины¹⁰. По мнению И.В. Пугача,

дворяне и дети боярские Бежецкой и Обонежской пятин, вошедших в опричнину в 1571 г., были переселены в приграничные местности, в т.ч., на наш взгляд, и в Устюженский уезд¹¹.

Чтобы выяснить пути и время появления помещиков Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в Устюженском уезде, обратимся к писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. В книге упоминаются помещики Колюбакины: Андрей Савельев (в книге записан как Колюбанов), Федор Савельев, Мясоед Васильев и Исай Третьяков¹². Имеющиеся на сегодня сведения о родословной Колюбакиных позволяют понять, что все они – близкие родственники. Андрей и Федор Савельевы дети – родные братья, Осип Мясоед Васильев сын – их двоюродный брат, Исай Третьяков – сын Гаврилы Третьяка Кирилловича Колюбакина, троюродного брата Андрея и Федора Савельевых. Все они обозначены как помещики Бежецкой пятины Новгородской земли, где их корни удастся проследить.

Среди землевладельцев Новгородских пятин по переписи 1582–1584 гг. находим в Бежецкой пятине помещиков Кулибакиных: уже упомянутого Осипа Васильева, Захария Кузьмина и Кирилла Захарова – прадеда и деда Исае Третьякова, Савву Александрова – отца Андрея и Федора Савельевых детей и одновременно племянника Захария Кузьмина¹³. Кроме того, Захарья Кузьмин сын Кулибакин, Кирилка и Богдан Захарьевы дети упоминаются в акте от 1572 г., обнаруженном среди документов XVI в. Поместного стола новгородской Съезжей избы и относящемся к разделу отказной книги «Отделы, обыски и отписки поместий 1572 г. в разных погостах Бежецкой пятины»¹⁴. Таким образом, Колюбакины, пожалованные поместьями в уезде Устюжны

¹⁰ Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX века. С. 292–293; Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века. С. 59.

¹¹ Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века. С. 101.

¹² Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. / публикация И.В. Пугача // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 1–2. Вологда: Легия, 2007. С. 97, 99, 100; Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 166, 175, 179, 182, 184–187, 212–213, 217, 219.

¹³ Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Приложение XIV. С. 146.

¹⁴ Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2 / составитель Д.Я. Самоквасов; Московский Архив Управления Юстиции. Москва: Университетская типография, 1909. С. 164–167.

Железопольской, оставили обжитые места в Бежецкой пятине, на которых жили по 2–3 поколения их предков.

Анализ записей в писцовой книге 1628–1630 гг. позволяет определить время появления Колюбакиных в уезде Устюжны Железопольской. Так, Осип Мясоед Васильев сын Колюбакин по отдельной выписи Федора Биречинского и подьячего Микиты Чашникова 124-го (1615/1616) года получил в поместье 3 «живущих» деревни, которые не числились за прежними владельцами¹⁵. По этой же выписи 1615/1616 гг. Исай Третьяков сын Колюбакин получил жеребий деревни Квашнино, также не числившийся за прежним владельцем, пожни и сенные покосы по рекам Молога, Ижина и Кобожа¹⁶. Оба этих помещика появились в уезде в середине второго десятилетия XVII в. в начальный период раздачи свободных земель.

Андрею Савельеву сыну Колюбакину по отдельной выписи губного старосты Путила Бирилева 134-го (1625/1626) года была пожалована половина «живущего» сельца Тимофеевского и половина пустоши Тестовы из прожиточного поместья Марфицы Васильевой дочери Негановского¹⁷. Федору Савельеву сыну Колюбакину по памяти из Поместного приказа за приписью дьяка Феокиста Тихомирова 140-го (1631/1632) года досталась «живущая» деревня в приселке Железная Дубровка, ранее бывшая в поместье стольника Родиона Яковлевича Лодыгина, и 5 пустошей из бывших поместий Юрия Захарина и Семена Яковлева¹⁸. Эти помещики появились в уезде на рубеже второго–третьего десятилетий XVII века, когда свободные земли подошли к концу и в раздачу пошли поместья прежних владельцев.

Переходя к Линевым, в писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. находим упоминания помещика Водской пятины Никона Васильева сына, а также Семена и Федора Линевых¹⁹. Никону Васильеву сыну Линеvu по выписи Карпа Навалкина 130-го (1621/1622) года выделено обширное поместье, бывшее ранее во владении Александра Ефимьева, – сельцо, 3 «живущих» деревни без жеребья и 2 пустоши с

¹⁵ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 4. С. 186–187.

¹⁶ Там же. С. 179.

¹⁷ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 1–2. С. 99.

¹⁸ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 4. С. 213–214.

¹⁹ Там же. Вып. 4. С. 168, 178, 181, 188, 195, 198, 200–201.

припускной пустошью²⁰. При этом Семен и Федор Линевы упоминаются в числе прежних владельцев имений, пожалованных другим помещикам. Это позволяет предположить, что Линевы жили на землях уезда еще до начала массовой раздачи в нем поместий в первых двух десятилетиях XVII в.

Василий Линева, отец Никона Васильева сына Линева, в опубликованной родословной обозначен как родоначальник Устюженской ветви рода Линева²¹.

Дворяне Линева также имеют свои родовые корни в пятинах Новгородской земли, где их фамилии известны с конца XVI века. Так, среди землевладельцев Новгородских пятин по переписи 1582–1584 гг. в Деревской пятине встречаются Иван и Никита Иванов сын Линева²². Среди новгородских детей боярских упоминаются судебные приставы-недельщики Василий Игнатьев сын Линева (1586/1587) и Семен Яковлев сын Линева (1592/1593)²³. В описании Новгородского уезда 1626–1627 гг. указаны землевладельцы Линева – Дмитрий, Семен и Яков Павловы дети, а также Семен Яковлев сын²⁴.

Из Долгоруковых в писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. упоминается только Демид Пименов сын Долгорукий, помещик Бежецкой пятины. Ему по государевой грамоте и по выписи с книг отдела Отсталца Румянцева за приписью дьяка Бажена Степанова 136-го (1628/1629) года пожалованы деревня Погорелка, жеребей «живущей» деревни Квашнино и 6 пустошей с припускными пустошами из поместий, бывших ранее во владении Федора Линева, Якова Епанчина, Ильи Резанова и Андрея Железного²⁵.

Помещики Долгоруковы также встречаются среди землевладельцев Новгородских пятин с конца XVI века, где по переписи 1582–1584 гг. известны Зык и Торпан Евстафьевы дети Долгорукие в Бежецкой пятине, Роман Долгоруков в Деревской пятине²⁶. В тот же период среди новгородских детей

²⁰ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 4. С. 200–201.

²¹ Воротынцева Е.А. Дворяне Линева, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина. С. 125, 152.

²² Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. С. 160.

²³ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. С. 365–366.

²⁴ Иванов П.И. Обзорение Писцовых книг по Нову-городу и Пскову. С. 50.

²⁵ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 4. С. 181–183.

²⁶ Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. С. 132.

боярских упоминается судебный пристав-недельщик Данила Ильин сын Долгоруков (1586/1587)²⁷.

Перейдем далее к рассмотрению взаимосвязей семейств помещиков трех исследуемых фамилий.

Взаимосвязь родов Колюбакиных и Линевых прослеживается с середины XVI века.

Как упоминалось ранее, Исай Третьяков сын Кулебакин с 1615/1616 года владел жеребьем деревни Квашино, где находился его помещичий двор.

Впоследствии, как отмечено в писцовой книге Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг., доли имения в этой деревне перешли от Исаея к его сыновьям Кузьме и Герасиму Кулибакиным. Однако согласно той же писцовой книге долями в этой деревне Квашино владели к 1685 г. также Сергей Федоров сын и Онцифор Иванов сын Линева, причем в писцовой книге отмечено, что эти доли достались им от их деда Исаея Кулебакина²⁸.

Причина, по которой Исай Третьяков сын Кулебакин считался дедом Сергея и Онцифора Линева и передал им по наследству часть своего имения, состоит в том, что родной брат Исаея, Софрон Гаврилов сын по прозванию Надежа (до 1615–1659), служивший в 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича в Ладогe воеводой, был женат на Акулине Линева²⁹. Таким образом, Исай Кулебакин через жену своего родного брата Софрона приходился дедом (правильнее было бы сказать, двоюродным дедом, но в XVII в. делать такие уточнения было не принято) внукам братьев Акулины Федора и Ивана Линева. Таким образом, наблюдаем переход недвижимого имения к собственникам другой фамилии по боковой ветви женской линии.

Разберемся далее во взаимосвязи родов Колюбакиных и Линева с родом Долгорукова.

²⁷ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. С. 365.

²⁸ Пугач И.В. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвузовский сборник научных трудов, посвященный П.А. Колесникову / под редакцией А.В. Камкина. Вологда: ВГПИ, 1992. С. 177–179, 185.

²⁹ Поколенная роспись Колюбакиных // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 497. Л. 260–261 (О определении недорослей Мирона Федора Колюбакиных... в морской корпус в кадеты. 1761 февраля 6); Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / составитель А. Барсуков. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. С. 124; Старшая Новгородская ветвь. 6-я отр. Колюбакины-Софроновичи. 1-й отпрыск, потомство Федора Софроновича Надежина сына Колюбакина // Государственный музей А.С. Пушкина. Собрание Ю.Б. Шмарова. Л. 57 (Дело Колюбакиных); Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. С. 74.

Согласно писцовой книге станов и волостей Устюжны Железопольской 1628–1630 гг. Исай Третьяков сын Кулебакин и Демид Пименов сын Долгорукий владели жеребьями в одной и той же деревне Квашнино. За Демидом Долгоруким числилась доля поместья Федора Линева. Отметим этот факт, указывающий на существование между помещиками Колюбакиными, Долгоруковыми и Линевыми имущественных отношений с конца первой трети XVII века.

Начальные сведения для выяснения связи родов Колюбакиных и Долгоруковых были получены из списка с купчей, принадлежавшей отставному капралу Ивану Корнилову сыну Колюбакину (около 1726 – после 1776)³⁰. В этой купчей, составленной 16 марта 1771 г, записано:

1771 г. марта в шесть на десять Новгородской помещик отставной капрал Иван Корнилов сын Колюбакин в роде своем не последний продал я Бежецкому помещику капитану Степану Анфиногенову сыну Перскому крепостного своего крестьянина Киприяна Екимова с женою ево и з двумя [детьми] и со всеми их крестьянскими животы без земли на вывоз и с платежом подушных денег доставшагося мне по наследству после дяди моего родного Ивана Григорьевича Долгорукова которой за мной в подушной оклад написан в Новгородском уезде в сельце Росторопове а взял я Иван у него Степана за оногo крестьянина с семейством ево денег десять рублей а напред сей купчей оной мой крестьянин с женой ево и з детьми иному никому не продан не заложен и не в какие крепости не укреплен и ни за что не описан и ежели кто во оногo крестьянина з женою ево и з детьми по каком и несть крепостям будет вступатца то мне Ивану и наследникам ево от того вступщиком и ото всякой крепости...³¹.

Упомянутый в купчей покупатель крестьянина капитан Степан Анфиногенов сын – известный представитель древнего дворянского рода Перских. Он с женой Ульяной Ивановной и детьми Михаилом, Никифором и Натальей записан в 6 часть родословной книги Тверской губернии по определению от 8 февраля 1793 г.³²

Чтобы выяснить, что за Долгоруков упоминается в купчей в качестве родного дяди Ивана Корнилова сына Колюбакина, были проанализированы сведения об Иване Корниловиче и его сыне Василии Ивановиче, которые

³⁰ Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. С. 133.

³¹ Колюбакины-Корниловичи Новгородской и Тверской губ. // Государственный музей А.С. Пушкина. Собрание Ю.Б. Шмарова. Л. 54 (Дело Колюбакиных).

³² Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г.: с алфавитным указателем и приложениями / составлено М. Чернявским. Тверь: [Б. и.], 1869. Л. 146.

удалось отыскать в делах фонда Герольдмейстерской конторы Российского государственного архива древних актов (ф. 286).

В марте 1774 г. Герольдмейстерской конторой было заведено дело о дворянстве Василия Колюбакина, на тот момент солдата 1-й Сенатской роты. В деле имеется сказка, записанная со слов Василия Колюбакина, в которой он показал, что от роду ему 18 лет, предки его из дворян. В доказательство этого представил обширную родословную схему, включающую тридцати трех представителей рода Колюбакиных семи поколений, а также аттестат от «благородного дворянства» Устюжского уезда³³. Василий Колюбакин допустил при составлении родословной схемы несколько ошибок. Это заставило Герольдмейстерскую контору запросить целый ряд справок из Боровицкой воеводской канцелярии, Разрядного архива, Вотчинной коллегии и конторы. Часть полученных справок содержала важную для темы данной статьи информацию, ссылки на них будут даны по мере необходимости.

Сведения в подтверждение дворянского происхождения сына были запрошены также у отца Василия, Ивана Корнилова сына Колюбакина, который в 1776 г. тоже представил в Герольдмейстерскую контору свою сказку и аттестат «Устюжскаго Железопольскаго Боровицкаго и Бежецкаго уездов от благороднаго дворянства генералитета штап и обер афицеров». В сказке Иван Корнилович описал не только линию из 14 поколений предков своего сына, но и воспроизвел легендарную историю появления рода Колюбакиных в России, а также указал на наличие у предков Колюбакиных жалованных грамот XV века³⁴.

О самом Иване Корниловиче в фонде Герольдмейстерской конторы РГАДА нашлись следующие сведения. В записной книге недорослей 1743 г. и в указе от 13 апреля 1743 г. «Об отсылке недорослей... в военную службу» приведена сказка, поданная Иваном Корниловым сыном на первом смотре:

Иван Корнилов сын Колюбакин сказал: от роду ему семнатцать лет прадеда и деда как имянно звали и каким чинами служили не знает отец ево Корнила Михайлов сын Колюбакин служил в драгунах и отставлен капралом а в котором полку был не упомнит и прадед и дед подлинно из дворян помещен

³³ Сказка Василия Иванова сына Колюбакина. Родословная роспись. Аттестат // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–5 (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774); Маров М.Н. Дело о не признании солдата Василия Колюбакина дворянином // Известия Русского генеалогического общества. 2021. Вып. 37. С. 211–223.

³⁴ Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина. Аттестат. Донесение Боровицкой воеводской канцелярии // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 12–14, 16–17, 48 об.–53 (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

в Устюжском уезде Железопольского крестьян за отцом ево во оном же Устюжском уезде пять душ дядю имеет родного дворянина Ивана Григорьева сына Долгорукова которой служил драгуном и отставлен а братьев родных и других ближних не имеет а о прадеде и деде и отце ево и об сем Иване что они из дворянства и он Иван никакой беглой человек и в подушном окладе не положен и до сего времени нигде в службу не определен и не явился за скудостью ведает и во свидетельство подписался гвардии Преображенского полку капрал Иван Линев он же объявил падучую болезнь грамоте и писать не умеет.

На записи пометка:

апреля 13 дня по резолюции сенацкой отослан в службу в военную коллегию³⁵.

Заметим, что Иван Корнилов сын уже на первом смотре упоминает о своем родном дяде Иване Григорьевиче Долгорукове, служившем до отставки драгуном.

Службу Иван Корнилович проходил в Вятском пехотном полку. В сентябре 1746 г. был отставлен от службы в связи с падучей болезнью с производством в капралы, о чем сохранилась «промемория» из Государственной военной коллегии в Герольдмейстерскую контору от сентября 1746 г.³⁶

В 1764 г. Иван Корнилович упоминается в доношении Устюжской Железопольской воеводской канцелярии в Первый департамент Правительствующего Сената:

Капрал Иван Корнилов сын Колюбакин от роду ему 41 год крестьян за им в Устюжском уезде восемь душ детей у него сын Василей трех лет пашпорт дан из Государственной военной коллегии в 746 году... оной Колюбакин служил в армейских полках и в 746м году по пашпорту из военной коллегии от всех дел отставлен живет в Новгородском уезде в сельце Росторопове³⁷.

³⁵ Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 272. Л. 1055 (Книга записная недорослям. 1743); Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 523 об.–524 (Об отсылке недорослей ... Ивана Колюбакина ... в военную службу. 1743).

³⁶ Промемория // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 322. Л. 744 (О написании капрала Ивана Колюбакина с вечно отставными в список. 1746).

³⁷ Ведомости о дворянах и о их детях, присланные из губернских, провинциальных, воеводских канцелярий // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 512. Л. 234, 289, 675, 679 об. (Из Устюжской Железопольской воеводской канцелярии по Устюжскому Железопольскому уезду. 1764).

По данным 3-й ревизии (1761–1767) Иван Корнилович владел поместьями в Устюжском Железопольском, Боровицком и Белозерском уездах. Сведения об этих поместьях приведены в аттестате, который был дан его сыну недорослю Василию Колюбакину от дворян Устюжского Железопольского, Боровицкого и Бежецкого уездов в январе 1774 г. в качестве свидетельства его дворянского происхождения:

за отцом ево Василья Иваном Корниловым сыном Кулюбакиным, поместья и вотчины состоят, писанных по третьей ревизии мужеска полу, которые и ныне во владении за ними состоят в Устюжском уезде Железопольском в Белетовском стану в селце Тимофеевском семь, в Боровицком уезде, что быв прежде Новгородский уезд, в Спасском Слескинском погосте в усадище Росторопове з деревнями шестдесят шесть в Белозерском уезде в Тумбавской волосте в деревне Кукуеве семнатцать душ³⁸.

Отец Ивана Корнилова сына, Корнила Михайлов сын Колюбакин (1684 – после 1732) служил в Новотроицком полку в драгунах и был отставлен капралом³⁹. На запрос о нем, отправленный Герольдмейстерской канторой в казенную палату, был получен следующий ответ:

казенной палаты от архивы что с имеющихся 1-й ревизии со сказок переписными имянными книгами а 2-й и 3-й ревизий со скасками оказалось по поданной от помещика Корнилы Михайлова сына Колюбакина по второй ревизии скаске доставшихся ему по приданному в 732 году за женою ево Афимьею Григорьевою дочерью от брата ее роднаго Ивана Григорьева сына Долгорукова писанных за ним по скаске 719 году Спасакаго Слескинскаго погоста в усадище Расторопове за ним Колюбакиным состоит мужеска полу три души⁴⁰.

Итак, Иван Корнилович Колюбакин называл Ивана Григорьевича Долгорукова своим родным дядей потому, что его отец Корнил Михайлович

³⁸ Аттестат // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 4–5, 35 об.–37 (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

³⁹ Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 523 об. (Об отсылке недорослей ... Ивана Колюбакина ... в военную службу. 1743); Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 272. Л. 1055 (Книга записная недорослям. 1743); Сказка Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 13 об.–14 (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

⁴⁰ Донесение казенной палаты от архивы // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 52 об. (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

был женат на сестре Долгорукова – Афимье Григорьевне, а недвижимое имение в Расторопове, доставшееся Ивану Корниловичу, было получено его отцом в 1732 г. в приданое от семейства Долгоруковых. Таким образом, снова наблюдается переход собственности между родами по женской линии.

Следует упомянуть про имеющиеся сведения еще об одной возможной брачной связи Колюбакиных с Долгоруковыми. У Ивана Корниловича Колюбакина помимо упомянутого сына Василия было еще три дочери: Агафья, Прасковья и Дарья. В родословном альбоме Колюбакиных, составленном генералом-лейтенантом Алексеем Михайловичем Колюбакиным (1851–1917), в качестве мужа Прасковьи Ивановны Колюбакиной указан Долгоруков без упоминания имени или инициалов⁴¹. Эта брачная связь представляется вероятной с учетом того, что Прасковья приходилась родной внучкой Афимье Григорьевне, урожденной Долгоруковой, однако подтверждения этого брака в архивных документах на сегодняшний день не найдено.

Дополнительные сведения об интересующем нас семействе Долгоруковых были обнаружены в фонде Устюжской воеводской канцелярии РГАДА (ф. 596). Там хранится документ, который в описи называется так: «По прошению помещика Колюбакина о недвижимом имении дяди его князя Долгорукова» (упоминание в описи княжеского титула оказалось ошибкой).

Документ представляет собой челобитную, поданную 7 ноября 1750 г. на имя императрицы Елизаветы Петровны устюжским помещиком отставным капралом Иваном Корниловым сыном Колюбакиным с жалобой на устюжского же помещика каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Антонова сына Линева.

Вот как излагает Иван Корнилович суть своей жалобы:

А сего ноября 3 числа 1750 году означенной Иван Линева будучи в сельце Расторопове поймав с людьми своими человека моего Мирона Васильева и взяв в хоромы о чем увидав я пошел ко объявленному Линеву в хоромы и оной Линева не допустив меня до себя взяв в хоромы своих за ворот и вынес вон на крыльцо и на крыльце загреб меня за волосы таскал а потом и толкнул меня с крыльца прямо на землю...⁴².

⁴¹ Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. С. 152; Маров М. Родословный альбом // Мир музея. 2020. № 11 (399). С. 10–14; Колюбакины-Корниловичи Новгородской и Тверской губ. // Государственный музей А.С.Пушкина. Собрание Ю.Б. Шмарова. Л. 54 (Дело Колюбакиных).

⁴² Челобитная Устюжского помещика отставного капрала Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 (По прошению помещика Колюбакина о недвижимом имении дяди его князя Долгорукова. 1750 ноября 7).

Налицо бытовой конфликт соседей-помещиков. Но, как оказалось, речь идет не о соседстве, а о родстве. Иван Корнилович в челобитной пояснял:

После умершего дяди моего и ево Линева родного новгородского помещика дворянина Ивана Григорьева сына Долгорукова недвижимое ево имение в Новгородском уезде Бежецкой пятине в Тверской половине в Спасском погосте Слескине сельцо Росторопово и в других погостах в разных местах с людьми и со крестьяны по заручной ево челобитной надлежит мне именованному с ним Линевым пополам и во оном сельце в оставшем ево Долгорукова доме с ним Линевым ныне и жительство имею⁴³.

Таким образом, Иван Григорьевич Долгоруков упоминается уже не только как родной дядя Ивана Колюбакина, но и как родной же дядя Ивана Антонова сына Линева, который, в свою очередь, приходится Колюбакину, очевидно, двоюродным братом и живет с ним в сельце Расторопово в одном доме, доставшемся им обоим в наследство от дяди.

Сведения об Иване Антонове сыне Линеве (1715 – после 1750) имеются в опубликованной родословной Линевых, где в VI колене Устюженской ветви рода показан он сам, а в VII–X коленах – четыре поколения его потомков⁴⁴.

С опорой на эти сведения можно обнаружить дополнительные свидетельства близкой связи двух семейств Колюбакиных и Линевых.

Во-первых, вполне вероятно, что именно Иван Антонов сын Линева представлял своего малолетнего двоюродного брата Ивана Корнилова сына Колюбакина на его первом смотре в 1743 г. В цитированной ранее в этой статье записи, сделанной на смотре об Иване Колюбакине, говорится:

а о прадеде и деде и отце ево и об сем Иване что они из дворянства и он Иван никакой беглой человек и в подушном окладе не положен и до сего времени нигде в службу не определен и не явился за скудостью ведает и во свидетельство подписался гвардии Преображенского полку капрал Иван Линева.

В сведениях об Иване Антонове сыне Линеве из статьи А.П. Колесникова также указано, что на 1744 г. он был капралом. В челобитной, составленной в 1750 г., Иван Антонович обозначен как каптенармус того же самого

⁴³ Челобитная Устюжского помещика отставного капрала Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 (По прошению помещика Колюбакина о недвижимом имении дяди его князя Долгорукова. 1750 ноября 7).

⁴⁴ Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX веков. С. 303–304; Воротынцева Е.А. Дворяне Линева, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина. С. 154–155.

Преображенского полка⁴⁵. Наконец, он был на 11 лет старше своего двоюродного брата Ивана Колюбакина и вполне мог представлять его на смотре и расписаться за него в сделанной на смотре записи.

Далее, среди дворян Устюжского Железопольского, Боровицкого и Белозерского уездов, подписавших в 1774 г. аттестат, подтверждающий дворянское происхождение сына Ивана Корниловича Колюбакина Василия, также обнаруживаются двое Линевых: секунд-майор Василей Линева и боровицкий помещик ладожского пехотного полка премьер-майор Логвин Линева⁴⁶.

Возможно, первый из них – это Василий Семенов сын Линева, внук Онцифора Линева, владевший по данным второй ревизии на 1744 г. деревней Софронцево⁴⁷ и принадлежавший к тому же поколению рода Линевых, что и Иван Антонович. Второй из подписавших аттестат, очевидно, Логин Иванович Линева, сын Ивана Антоновича Линева (1745 – после 1782)⁴⁸.

Бликие отношения двух семейств Колюбакиных и Линевых продолжались и в XIX в. Так, крестным отцом Веры Александровны Колюбакиной, родившейся 27 января 1849 г. в Спасо-Слезкинском погосте вблизи деревни Крестцы Устюжского уезда Новгородской губернии и крещенной 30 января, был села Расторопова штабс-ротмистр Логин Иванович Линева (1811–1880), правнук Ивана Антоновича Линева⁴⁹.

Но что же за семейство Долгоруковых состояло в родстве с Колюбакиными и Линевыми? Отчасти прояснить этот вопрос помогает еще одно дело из фонда Устюжской воеводской канцелярии РГАДА.

В имеющейся в деле челобитной новгородского помещика отставного драгуна Тита Сергеева сына Долгорукого, поданной 14 марта 1752 года, говорится:

⁴⁵ Челобитная Устюжского помещика отставного капрала Ивана Корнилова сына Колюбакина // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 (По прошению помещика Колюбакина о недвижимом имении дяди его князя Долгорукова. 1750 ноября 7).

⁴⁶ Аттестат // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 51 об.–52 (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

⁴⁷ Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX веков. С. 303.

⁴⁸ Воротынцева Е.А. Дворяне Линева, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина. С. 154.

⁴⁹ Отношение Новгородской духовной консистории // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 23. Д. 5669. Л. 10–10 об. (Дело о дворянстве рода Колюбакиных. 1856); Архивная справка // Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Исх. № 09-01/536 от 8 октября 2003 г.; Воротынцева Е.А. Дворяне Линева, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина. С. 155.

В прошлом 7200 (1691/1692. – М. М.) году дано и отказано отцу моему Сергею Антонову сыну Долгорукову поместье ево в Новгородском уезде в Бежецкой пятине в Спаском погосте в Слескине пустошь Еванцево на реке на Кате против погоста Спаского Городку тож а в ней пашни десять четвертей со всеми угодьями которая ныне после смерти отца моего надлежит мне по наследству. А с того ж 200 году при жизни реченного отца моего оною пустошью со всеми угодьями завладел насильно дядя мой Ефим Фокин сын Долгоруков а после ево Ефима владел насильно тою пустошью племянник ево родной которой остался в ево Ефимовом имении законным наследником Иван Григорьев сын Долгоруков а ныне после смерти одного Ивана Долгорукова владеют тою пустошью наследники ево Иван Антонов сын Линева да Иван Корнилов сын Колюбакин насильно же⁵⁰.

Оставив в стороне суть хозяйственного конфликта, обратим внимание на обильно упоминаемые в челобитной родственные связи. С опорой на них были проведены дополнительные поиски сведений о помещиках Долгоруковых по делам XVIII в. из фондов Герольдмейстерской канцелярии и Поместного приказа (ф. 1209) РГАДА.

В группе дел фонда Поместного приказа под общим названием «Дела молодых лет» (далее – ДМЛ) по Новгородскому уезду удалось отыскать несколько дел, проясняющих как имущественные, так и родственные отношения семейств трех рассматриваемых нами фамилий.

В частности, в фонде Поместного приказа отложилось дело, в котором хранится челобитная Ивана Григорьева сына Долгорукова императрице Елизавете Петровне, поданная в феврале 1750 года. В ней говорится:

Бьет челом Иван Григорьев сын Долгоруков а в чем мое прошение тому следуют пункты

I

Имею я собственное свое движимое и недвижимое имение которое мне досталось после отца моего Григория и дядей моих родных Ефима и Степана Фокиных и брата моего родного Прохора Долгоруковых в Новгородском уезде в Бежецкой пятине в Тверской половине в Спаском погосте Слускине⁵¹ и купленные мною в Бежецком уезде в разных станех сельцо Росторопово усадище Кузминское Городок тож и в деревнях Горе и Поддубье Триданиха

⁵⁰ Челобитная Тита Сергеева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–2 (По прошению помещика Долгорукова о владении наследственною его пустошью помещиками Иваном Линевым и Иваном Колюбакиным. 1752 марта 14).

⁵¹ Так в тексте; правильно – Слезкине.

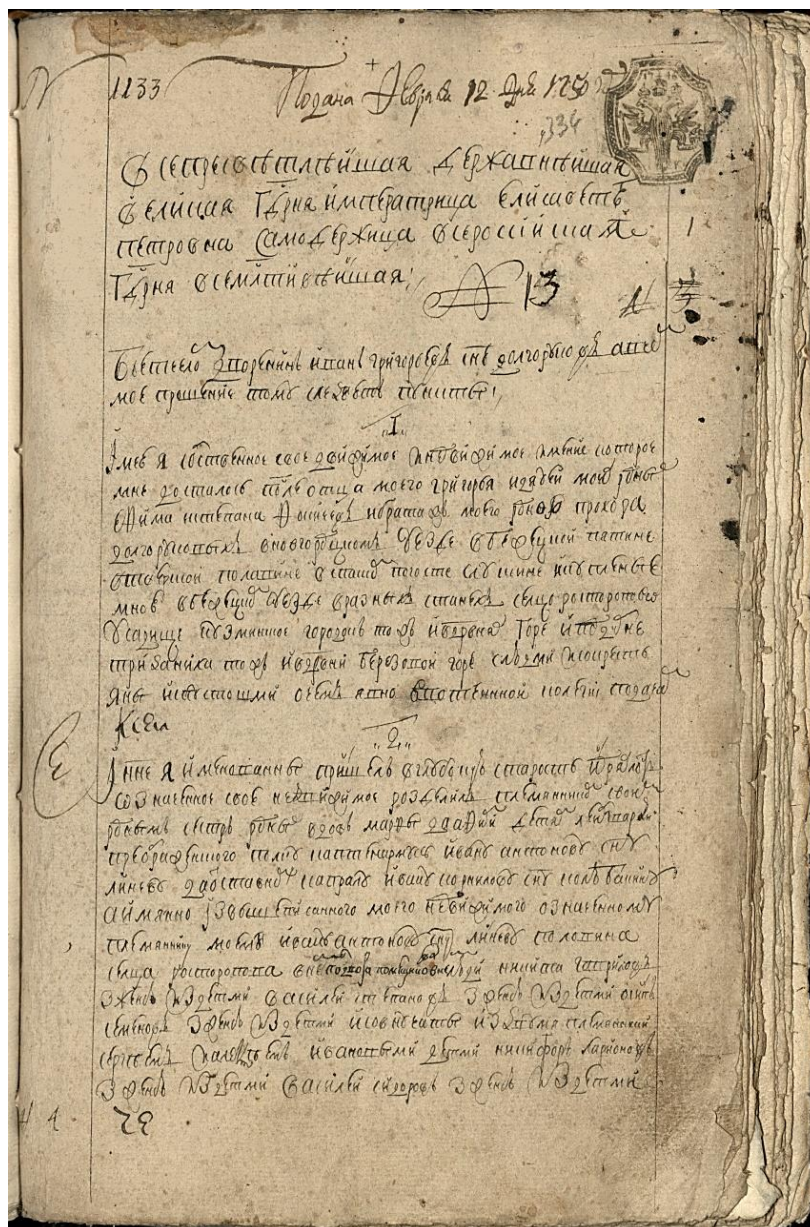
тож и в деревни Березовой горе с людьми и со крестьяны и с пустошми о чем
явно Вотчинной коллегии по дачам

II

И ныне я именованный пришел в глубокую старость и дряхлость означенное
свое недвижимое разделил племянникам своим родным сестр родных вдов
Марфы да Афимьи детям лейб гвардии Преображенского полку каптенармусу
Ивану Антонову сыну Линеvu да отставному капралу Ивану Корнилову сыну
Колюбакину а имянно из вышеписанного моего недвижимого означенному
племяннику моему Ивану Антонову сыну Линеvu половина сельца
Росторопова в нем полдвора помещикова в нем люди [...] Ивану Корнилову
сыну Колюбакину другая половина того ж сельца Росторопова в нем полдвора
помещикова в нем дворовые люди [...] ⁵².

В челобитной упоминаются две родные сестры Ивана Григорьевича
Долгорукова: Марфа, вдова Антона Линева, с сыном Иваном Антоновым
сыном Линевым, и Афимья, вдова Корнила Колюбакина, с сыном Иваном
Корниловым сыном Колюбакиным. Это объясняет, каким образом Иван
Антонович Линеv приходился племянником Ивану Григорьевичу Долгорукову.
Из текста челобитной следует, что к Ивану Линеvu доля села Расторопова
также перешла от семейства Долгоруковых по женской линии.

⁵² Челобитная // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8807. Д. 13. Л. 334–
334 об. (Дело Ивана Григорьева сына Долгорукова о справке за племянниками его Иваном
Антоновым сыном Линевым и Иваном Корниловым сыном Колюбакиным доставшегося ему
после отца Григория и дядей Ефима и Степана Фокиных детей и брата его Прохора
Долгоруковых недвижимого имения. 1750).

Фрагмент челобитной Ивана Григорьева сына Долгорукова
императрице Елизавете Петровне. Февраль 1750 г.

Источник: РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8807. Д. 13. Л. 334.

Проведенный поиск позволил составить роспись шести поколений одного из семейств Устюжно-Железопольских помещиков Долгоруковых, связанных родственными отношениями с Колюбакиными и Линевыми.

I – Пимен Долгоруков.

II – Демид⁵³, Фока (р. около 1600) и Тимофей, дети Пимена⁵⁴.

⁵³ Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской. Устюжна. Вып. 4. С. 181–183.

⁵⁴ Выписки из даточных книг // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8816. Д. 43. Л. 373 (Дело по отношению Новгородского наместничества палаты гражданского суда

III – Антон⁵⁵, Ефим⁵⁶, Василиса, Степан с женой Лукерьей Борисовной⁵⁷ и Григорий⁵⁸ (р. в 1637, ум. после 1722), дети Фоки. Потап с женой Аксиньей Андреевной⁵⁹, Матрена, Федосья, Аграфена и Фекла, дети Тимофея⁶⁰.

IV – Сергей⁶¹ (р. до 1692, ум. до 1752) и Богдан, дети Антона⁶². Тихон⁶³ (упом. в 1726–1729), сын Ефима; Иван⁶⁴ (р. в 1682, ум. в 1750), Акимья⁶⁵ (в

по прошению Ивана Кирилова Колюбякина по присылке справки по заручной челобитной Ивана Григорьева Долгорукова о разделе с Иваном Антоновым Линевым недвижимого имения Ефима и Стефана Фокиных и брата его Прохора Долгоруковых. 1784–1786).

⁵⁵ Журнал заседаний о недорослях // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 526. Л. 140 (Об отсылке недоросля Николая Долгорукова гвардии в Преображенский полк в солдаты. 1764 мая 4).

⁵⁶ Челобитная Тита Сергеева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 305. Л. 1 (По прошению помещика Долгорукова о владении наследственною его пустошью помещиками Иваном Линевым и Иваном Колюбакиным. 1752 марта 14); Челобитная // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8813. Д. 63. Л. 140 (Дело Ивана Антонова сына Линева о справке и об отказе за ним после дяди его родного Ивана Григорьева сына Долгорукова недвижимого имения Новгородского уезда. 1754).

⁵⁷ Выписки из даточных книг // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8816. Д. 43. Л. 373 об.–374 об. (Дело по отношению Новгородского наместничества палаты гражданского суда по прошению Ивана Кирилова Колюбякина по присылке справки по заручной челобитной Ивана Григорьева Долгорукова о разделе с Иваном Антоновым Линевым недвижимого имения Ефима и Стефана Фокиных и брата его Прохора Долгоруковых. 1784–1786).

⁵⁸ Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 485 об. (Книга дел о смотре служилых людей и недорослей в Сенате. 1721); Сказка отставного рейтара Григория Фокина сына Долгорукова 1722 февраль // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 13. Л. 221 (Сказки. 1721–1723); Расписка Григория Фокина сына Долгорукова 1724 ноября 21 // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 60. Л. 379 (Книга дел. 1723–1727); Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 152. Л. 18 (Книга дел. 1733).

⁵⁹ Прошение // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8813. Д. 68. Л. 152 (Прошение Ивана Антонова сына Линева о записке за ним меновного от Агея Потапова сына Долгорукова с матерью его Аксиньей Андреевою дочерью Потаповою женою Долгоруковою недвижимого имения Новгородского уезда. 1759).

⁶⁰ Справка // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8807. Д. 13. Л. 341–343 (Дело Ивана Григорьева сына Долгорукова о справке за племянниками его Иваном Антоновым сыном Линевым и Иваном Корниловым сыном Колюбакиным доставшегося ему после отца Григория и дядей Ефима и Степана Фокиных детей и брата его Прохора Долгоруковых недвижимого имения. 1750).

⁶¹ Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 478 (Книга дел о смотре служилых людей и недорослей в Сенате. 1721); Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 47. Л. 97 (Записная книга приездов. 1722–1724); Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 181. Л. 908 (Книга дел. 1736); Журнал заседаний о недорослях // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 526. Л. 140 (Об отсылке недоросля Николая Долгорукова гвардии в Преображенский полк в солдаты. 1764 мая 4).

⁶² Копия с закладной // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8816. Д. 43. Л. 376 об. (Дело по отношению Новгородского наместничества палаты гражданского суда по прошению Ивана Кирилова Колюбякина по присылке справки по заручной челобитной

замужестве Колюбакина), Марфа (в замужестве Линева) и Прохор⁶⁶, дети Григория. Агей⁶⁷, сын Потапа.

V – Тит⁶⁸ (упом. в 1746–1752, ум. до 1764), сын Сергея. Василий⁶⁹, сын Богдана.

Ивана Григорьева Долгорукова о разделе с Иваном Антоновым Линевым недвижимого имения Ефима и Стефана Фокиных и брата его Прохора Долгоруковых. 1784–1786).

⁶³ Журнал // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 83. Л. 185, 187 (Книга дел. 1726–1729).

⁶⁴ Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 3. Л. 504 об. (Книга дел о смотре служилых людей и недорослей в Сенате. 1721); Сказка отставного рейтара Григория Фокина сына Долгорукова 1722 февраль // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 13. Л. 221 (Сказки. 1721–1723); Список // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 48. Л. 744 (Книга дел. 1722–1725); Список. Записка приездов драгунов, которые обложены в денежный оклад. Допрос // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 60. Л. 185 об., 244, 463 (Книга дел. 1723–1727); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 69. Л. 5, 369, 646 (Книга дел о разборе служилых людей Новгородского разряда. 1724–1731); Указ // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 105. Л. 16 (Указы и резолюции Сената и приговоры Герольдмейстерской конторы. 1729); Указ // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 111. Л. 13, 26 (Указы и резолюции Сената. 1730); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 157. Л. 100 (Входящая и исходящая книга. 1734); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 163. Л. 511, 515, 519, 521 (Книга дел. 1734–1735); Челобитная отставного драгуна Ивана Григорьева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 223. Л. 212–213 (Книга дел. 1739); Реестр решенным делам о недорослях по Герольдмейстерской конторе 1743 года // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 269. Л. 524 (Книга дел о недорослях. 1743).

⁶⁵ Донесение Новгородского наместнического правления // РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 44. Л. 52 об. (О не признании солдата Василия Колюбакина дворянином. 1774).

⁶⁶ Отношение Новгородского наместничества палаты гражданского суда // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8816. Д. 43. Л. 366 (Дело по отношению Новгородского наместничества палаты гражданского суда по прошению Ивана Кирилова Колюбакина по присылке справки по заручной челобитной Ивана Григорьева Долгорукова о разделе с Иваном Антоновым Линевым недвижимого имения Ефима и Стефана Фокиных и брата его Прохора Долгоруковых. 1784–1786).

⁶⁷ Прошение // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8813. Д. 68. Л. 152 (Прошение Ивана Антонова сына Линева о записке за ним меновного от Агея Потапова сына Долгорукова с матерью его Аксиной Андреевой дочерью Потаповой женою Долгоруковой недвижимого имения Новгородского уезда. 1759).

⁶⁸ Показания Тита Сергеева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 318. Л. 259 (Книга дел о недорослях. 1746–1747); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 526. Л. 140; Челобитная Тита Сергеева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 596. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–2 (По прошению помещика Долгорукова о владении наследственною его пустошью помещиками Иваном Линевым и Иваном Колюбакиным. 1752 марта 14).

⁶⁹ Копия с закладной // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8816. Д. 43. Л. 376 об. (Дело по отношению Новгородского наместничества палаты гражданского суда по прошению Ивана Кирилова Колюбакина по присылке справки по заручной челобитной Ивана Григорьева Долгорукова о разделе с Иваном Антоновым Линевым недвижимого имения Ефима и Стефана Фокиных и брата его Прохора Долгоруковых. 1784–1786).

VI – Николай⁷⁰ (р. в 1747), Тимофей⁷¹ (упом. в 1746–1747 как недоросль) и Катерина⁷², дети Тита.

В делах РГАДА удалось отыскать сведения об отставном рейтаре Новгородского уезда Бежецкой пятины Григории Фокиче Долгорукове и его служившем в драгунах сыне Иване Григорьевиче, брате жен Корнила Михайловича Колюбакина и Антона Линева.

Сохранилась сказка, записанная со слов Григория Фокича в 1722 году в Герольдмейстерской конторе в Москве, где он предстал перед ближним стольником герольдмейстером Степаном Андреевичем Колычевым⁷³ «со товарищи». В своей сказке Григорий Долгоруков дал такие показания:

отставной рейтар Григорей Фокин сын Долгоруков... от роду мне восемьдесят пять лет дряхл и увечен изожжен от разбойников служил же с 1673 году рейтарскую службу и на службах Его Императорского Величества везде был с приездом до отпусков а у кого в полку бояр и воевод и в которых годах и городех о том явно в военном приказе и в 701 году за старость и за службы от полковые службы отставлен... и после того предложен на денежной оклад по два рубли на год и такие деньги платил по вся годы сполна без доимки а детей у меня сын Иван сорока лет увечен изожжен от разбойников был в драгунех и предложен на денежной оклад вместо службы а крестьянских дворов за мною ныне нет а которые были и те справлены за вышеписанным сыном моим Иваном⁷⁴.

Иван Григорьевич Долгоруков, прибыв 5 мая 1724 года на объявленный правительственным указом смотр, о себе рассказал, что ему от роду 43 года, в службе находился с 1708 года, крестьян за ним в Новгородском уезде в усадище Расторопове 3 двора, и с 1709 года по разбору Новгородского

⁷⁰ Журнал заседаний о недорослях // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 526. Л. 140 (Об отсылке недоросля Николая Долгорукова гвардии в Преображенский полк в солдаты. 1764 мая 4).

⁷¹ Показания Тита Сергеева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 318. Л. 259 (Книга дел о недорослях. 1746–1747).

⁷² Челобитная // РГАДА. Ф. 1209. ДМЛ. Новгородский уезд. Кн. 8810. Д. 1. Л. 1–2 (Дело Афонасья Петрова сына Лодыгина о справке за ним проданного от Катерины Ивановой жены Карауловой недвижимого Новгородского имения. 1765).

⁷³ Колычев Степан Андреевич (1674 или 1679–1735) – государственный деятель, первый российский герольдмейстер с 18 января 1722 г. (См. подробнее: *Комолов Н.А.* Колычев Степан Андреевич // *Воронежская энциклопедия. Т. 1: А–М* / главный редактор М.Д. Карпачев. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. С. 385).

⁷⁴ Сказка отставного рейтара Григория Фокина сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 13. Л. 221 (Сказки. 1722).

ландрихтера Якова Римского-Корсакова⁷⁵ служба заменена ему уплатой денежного оклада по шесть рублей в год, которые он и платил исправно без недоимок⁷⁶.

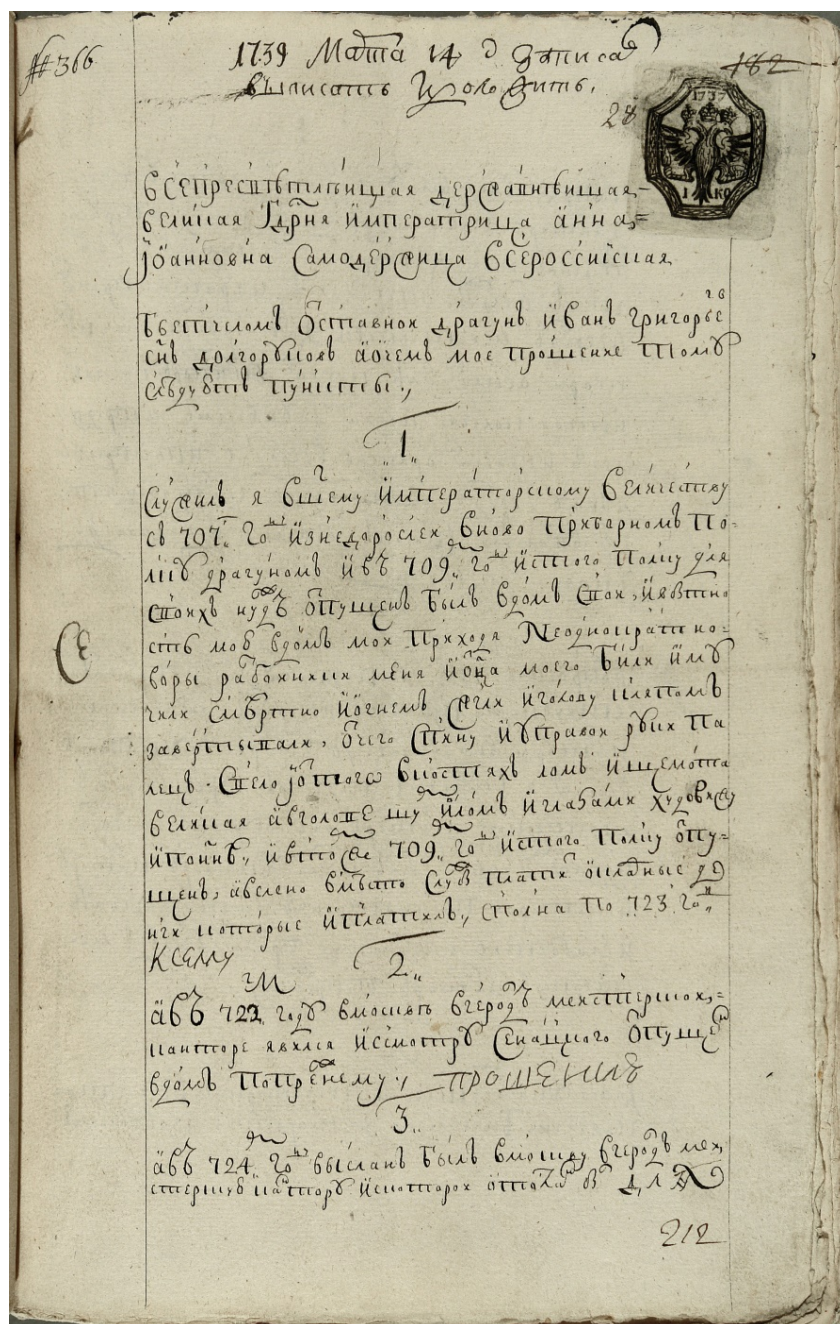
Упомянутые его отцом Григорием Фокичем драматические события, связанные с получением ими обоими увечий и ожогов «от разбойников», еще более подробно описаны Иваном Григорьевичем. В своей челобитной от марта 1739 г. он сообщал:

Государыня императрица Анна Иоанновна... служил я Вашему Императорскому Величеству с 707 году из недорослей в Ново Приборном полку драгуном и в 709 году ис того полку для своих нужд отпущен был в дом свой и в бытность мою в дом мой приходя неоднократно воры разбойники меня и отца моего били и мучили смертно и огнем жгли и голову кляпом завертывали отчего спину и у правой руки палец свело и от того в костях лом и щемота великая и в голове шум и лом и глазами худо вижу...⁷⁷

⁷⁵ Яков Никитич Римский-Корсаков – копорский комендант и ландрихтер ингерманландский, в 1711 г. Санкт-Петербургский вице-губернатор; за разные злоупотребления сослан в 1715 г. (См.: Энциклопедический словарь. Т. 26а: Резонанс и резонаторы – Роза ди-Тиволи / составители Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург: Типографское акционерное общество «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 724).

⁷⁶ Записка приездов драгунов, которые обложены в денежный оклад // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 60. Л. 244 (Книга дел. 1723–1727).

⁷⁷ Челобитная отставного драгуна Ивана Григорьева сына Долгорукова // РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 223. Л. 212–213 (Книга дел. 1739).

Фрагмент челобитной Ивана Григорьева сына Долгорукова
императрице Анне Иоанновне. Март 1739 г.
Источник: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 223. Л. 212.

Вопрос о том, что представляли собой события, связанные с неоднократным нападением разбойников на дом растороповских помещиков Григория Фокича и его сына Ивана Долгоруковых, выходит за рамки данной статьи.

Говоря об эволюции помещичьих семейств трех рассматриваемых родов в Устюженском уезде в период XVII–XIX вв., отметим, что Долгоруковы уже не встречаются в числе землевладельцев в писцовой книге Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. В то же время в ней помимо

упоминавшихся ранее в данной статье Сергея Федорова и Онцыфора Иванова Линевых, а также Кузьмы и Герасима Исаевых детей Кулибакиных, записаны землевладельцы Федор Тимофеев сын и его отец Тимофей Сафонтьев (также упоминается как Сафронтьев) сын Кулибакины. Оба последних – также близкие родственники ранее упоминавшихся Колюбакиных. Из родословной Колюбакиных известно, что Тимофей Софроньевич приходился двоюродным братом Кузьме и Герасиму Исаевичам.

За Федором Тимофеевым сыном Кулибакиным по выписи из отказных книг Устюжны Железопольской отказа площадного подьячего Ивашки Кривошеина от 8 апреля 193 (1685) года числился в поместье жеребий сельца, что была деревня Квашнино⁷⁸. При этом у его отца Тимофея Софроньевича по выписи из отказных книг отказа железопольского пушкаря Мишки Преснякова 184 (1675/1676) года имелся жеребий того же сельца Квашнино, который 30 июля 194 (1686) года был записан за Тимофеем в вотчину⁷⁹. Появление смешанной поместно-вотчинной собственности у Колюбакиных свидетельствует об укреплении позиций этих землевладельцев в уезде к концу XVII века.

В материалах для оценки земельных угодий устюженского уезда новгородской губернии, опубликованных в 1897 г., помещиков Долгоруковых также нет среди землевладельцев⁸⁰. По-видимому, к началу XX века Устюженская ветвь рода помещиков Долгоруковых почти извелась или основная часть ее представителей покинула уезд и губернию. Во всяком случае, во 2-й части дворянской родословной книги Новгородской губернии имеется запись только об одном помещике Николае Александровиче Долгорукове, его жене Елизавете Ивановне и их детях – Николае, Петре и Владимире, сделанная по определению дворянского собрания от 5 июня 1836 г.⁸¹

Имущественное положение семейства Линевых до середины XIX века укреплялось. Так, штаб-ротмистр Логин Линева, вышедший в отставку 26 ноября 1841 года, получил в наследство от умершего отца в Растороповской волости Устюженского уезда родовое имение Дуброво-Линева, состоявшее из 8 сел и деревень, к которым были приписаны 144 души крепостных. Однако

⁷⁸ Пугач И.В. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. С. 177–178.

⁷⁹ Пугач И.В. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. С. 185–186.

⁸⁰ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюжнский уезд. Новгород: Типография А.С. Федорова, 1897.

⁸¹ Голицын П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии с 1787 по 1-е января 1910 г., с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года / составлено П. П. Голицыным. Новгород: Губернская типография, 1910. С. VII, 76.

уже к началу 1870-х гг. помещичье хозяйство разорилось, а в 1876 г. имение Дуброво-Линево было продано за долги⁸². На 1897 г. Линевы упоминаются в Устюженском уезде только как бывшие землевладельцы⁸³.

Помещики Колюбакины к концу XIX века занимали в Устюженском уезде прочное положение. На 1897 г. среди землевладельцев числились: Николай Александрович Колюбакин (19 ноября 1839 – 20 февраля 1911), бывший для своего времени довольно заметной фигурой в Устюженском уезде, Дмитрий Викторович Колюбакин (1843 – 19 октября 1913), почетный гражданин города Череповца, его жена Юлия Васильевна, Анна Павловна Колюбакина (ум. в 1903), жена родного брата Николая Александровича, а также наследники Надежды Антоновны Колюбакиной, вдовы контр-адмирала⁸⁴.

Устюженские помещики Николай Александрович (в центре) и Дмитрий Викторович (справа) Колюбакины с полковником Алексеем Михайловичем Колюбакиным (слева), составителем родословного альбома Колюбакиных.

Устюжна, 2 августа 1897 г.

Источник: Государственный музей А.С. Пушкина. Собрание Ю.Б. Шмарова. Л. 45
(Дело Колюбакиных).

⁸² Воротынцева Е.А. Дворяне Линевы, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина. С. 129, 138.

⁸³ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюжнский уезд. С. 5, 10, 15 (2 паг.), 17, 26, 30, 31 (3 паг.).

⁸⁴ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюжнский уезд. С. 68 (2 паг.), 16 (5 паг.); Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. С. 127–128, 152–154, 192–195.

Село Расторопово, в свое время доставшееся Колюбакиным от Долгоруковых, стало родовым имением Колюбакиных на долгие годы вплоть до начала второго десятилетия XX века. От Корнила Михайловича Колюбакина оно перешло по наследству к его сыну Ивану, затем к внуку Василию Ивановичу, который был женат на Елизавете Александровне Епанчиной (1765–1835)⁸⁵. Далее имение унаследовал сын Василия Ивановича, штабс-капитан Александр Васильевич Колюбакин (1796–1860), устюженский уездный предводитель дворянства в 1842–1844 гг.⁸⁶

Анна Павловна Колюбакина, урожденная Унковская, и ее муж Михаил Александрович Колюбакин (1840 – после 1915).

Источник: Государственный архив Тверской области. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 277. Л. 20
(Лихаревы, дворяне Зубцовского уезда).

Последним владельцем имения стал Николай Александрович Колюбакин. Об имущественном положении семейства этого помещика говорит перечень его недвижимых имений. В 1866–1882 гг. Николай Александрович владел имением, включающим усадьбу Расторопово, часть земли сельца Посадницы, сельца Дуплихово с пустошами Пушиново, Гузарово, Шаглово, Аржанухино, Лукьянцево, Степанцево, Павлищево, Ануфриха, Кривая Гора и Шагличи, а

⁸⁵ Колюбакины-Корниловичи. Василий Иванович Колюбакин и его жена Елизавета Александровна рожденная Епанчина // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 277. Л. 48 (Документы дворян Колюбакиных и их родственников. Б/д); Родословие Епанчиных / составители А.А. Епанчин, А.Я. Моторкин // Краеведческий сборник: материалы архива. Муром: Реком, 2005. С. 101–103.

⁸⁶ Голицын П.П. Уездные предводители дворянства. Устюжнский уезд // Список дворянских родов Новгородской губернии с 1787 по 1-е января 1910 г., с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 г. С. 38 (3 паг.).

также деревнями Гора, Крестцы, Кузьминский Городок и Алексино⁸⁷. В 1897–1911 гг. за ним числились две усадьбы – Старое Расторопово и Новое Расторопово, части сельца Расторопово с деревней Горкой, сельца Посадницы, сельца Яковлево, села Знаменское и ряда пустошей в Растороповской волости Устюженского уезда Новгородской губернии⁸⁸. Представители трех последних поколений данного семейства Колюбакиных были похоронены неподалеку от Расторопова возле несохранившейся Преображенской Спасо-Катской церкви погоста Спасо-Слезкинское. Погост располагался на юго-западе Устюженского уезда, на реке Катъ, смежно с деревней Крестцы⁸⁹.

⁸⁷ Журнал Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 22. Д. 3250. Л. 1 (Дело г-на Колюбакина Н.А. Новгородской губернии Устюжского уезда в селении Горе. 1866); Журнал Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия // РГИА. Ф. 577. Оп. 22. Д. 3251. Л. 2 (Дело г-на Колюбакина Н.А. Новгородской губернии Устюжского уезда в с. Алексине. 1869); Журнал Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия // РГИА. Ф. 577. Оп. 22. Д. 3252. Л. 2 (Дело г-на Колюбакина Н.А. Новгородской губернии Устюжского уезда селения Кузьминска-Городка. 1871); Журнал Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия // РГИА. Ф. 577. Оп. 22. Д. 3253. Л. 2 (Дело г. Колюбакина Н.А. селения Крестцев Новгородской губернии Устюжского уезда. 1882).

⁸⁸ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюжский уезд. С. 2, 5, 16–19 (3 паг.), 16 (5 паг.); Список населенных мест Новгородской губернии / под редакцией С.Р. Минцлова. Вып. VIII. Устюжский уезд. Новгород: Губернская типография, 1911. С. 82–83; Архивная справка // Устюженский краеведческий музей. Иск. № 133 от 7 ноября 2007 г.

⁸⁹ *Шереметьевский В.В.* Русский провинциальный некрополь: Т. 1: Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. Москва: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. С. 419; Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 1: Списки церквей и монастырей / автор-составитель Н.М. Македонская; Вологодское Православное Духовное училище. Вологда: Древности Севера, 2007. С. 94.

Надежда Антоновна Колюбакина, урожденная Рылеева, с дочерьми Екатериной и Александрой и ее муж контр-адмирал Александр Николаевич Колюбакин (1793–1849).
Источник: Государственный музей А.С. Пушкина. Собрание Ю.Б. Шмарова. Л. 90
(Дело Колюбакиных).

Заключение

Проведенный анализ процессов появления землевладельцев Колюбакиных, Линевых и Долгоруковых в уезде Устюжны Железопольской, их взаимодействия и заключения брачных связей, приведших к перераспределению поместной собственности, а также эволюции семейных кланов в период XVII–XIX столетий позволил проиллюстрировать на конкретных примерах и детализировать ряд ранее выявленных закономерностей становления помещичьего землевладения в уезде.

Результаты проведенных исследований можно сформулировать следующим образом:

1. Выявлено, что переселение в начале XVII в. помещиков Колюбакиных и Долгоруковых в уезд Устюжны Железопольской произошло из Бежецкой пятины, Линевых – из Водской пятины Новгородской земли и было связано с выделением им поместий на землях уезда. Отмечено, что Линевы, возможно, имели поместья в уезде и до начала XVII в. При этом представители данных родов остались и на землях новгородских пятин, где по данным переписи 1678 г. указаны восемнадцать Кулебакиных, четверо Линевых и восемь Долгоруковых⁹⁰.

⁹⁰ Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. С. 117–118.

2. Установлено, что причина возникновения семейных связей между рассматриваемыми родами состояла в том, что пожалованные им поместья граничили или представляли собой доли одних и тех же территориальных образований – деревень, пустошей. Связи между родами Колюбакиных и Линевых прослежены с первой половины XVII в. до середины XIX в. Связь обоих этих родов с родом Долгоруковых выявлена в начале XVIII в. Несмотря на наличие родственных связей, компактное проживание семейств в ряде случаев приводило к возникновению имущественных или хозяйственных конфликтов.

3. Показано, что семейные связи приводили к перераспределению поместной собственности между родами за счет ее передачи в качестве приданого, как в случае с переходом долей села Расторопово от Долгоруковых к Колюбакиным, или в результате наследования по боковым ветвям, к племянникам и внучатым племянникам по женской линии, как в случае с переходом долей деревни Квашнино от Колюбакиных к Линевым и половины селца Расторопово от Долгоруковых к Линевым.

4. Реконструирована роспись устюженской ветви рода помещиков Долгоруковых, включающая пять поколений потомков и охватывающая период с конца XVI до второй половины XVIII в.

Предварительный анализ корпуса источников из фонда Поместного приказа РГАДА показывает, что аналогичные связи и вызванный ими переход поместной собственности имели место и между другими родами устюженских помещиков, например, между Колюбакиными и Ушаковыми, Лаптевыми, Ходневыми и др. Изучение этих связей могло бы составить возможный предмет дальнейших исследований в данном направлении, не ограничивающихся территориально рамками одного только Устюженского уезда.

Introduction

While studying the history of the Kolyubakin family, the author of the article revealed numerous marital ties of these noblemen with representatives of other well-known families. Some of the families related to the Kolyubakins were also related to each other. In some cases, the emergin family ties were strong enough and appeared to last for several centuries.

In particular, such marital ties were revealed between the Kolyubakins and the Linevs, the Kolyubakins and the Dolgorukovs, and between the Linevs and the Dolgorukovs who resided in the territory of Ustyuzhna Uyezd with its center in the town of Ustyuzhna. This town was located in the south-western part of the present-day Vologda Oblast and had been called Ustyuzhna Zhelezopolskaya until the 18th century.¹ The family ties of these three families of landowners, whose relationship to each other was analyzed in the period between the 17th and the 19th centuries, were chosen as the object of research presented in this publication. The territorial and chronological framework of the research was determined by the very fact of the existence of the family ties mentioned above in this very region and in this very period.

The basis for the historical description of Ustyuzhna Zhelezopolskaya and its uyezd was laid in the publications of Pyotr A. Kolesnikov (1907–96).² Pyotr Kolesnikov was one of the first researchers to point out the necessity of studying the history of the noble families of Ustyuzhna Uyezd and dedicated a separate article to this topic. The article stressed the importance of studying the history of local landowners and briefly described the Ushakov, Neplyuev, Linev, Perskii, and Kolyubakin families as well as representatives of some other clans who lived in the uyezd.³

Later on, the composition of the nobility of Ustyuzhna Uyezd, the reasons for the arrival of noble families in the uyezd, and the dynamics of the formation of local land ownership were researched and published in the works of I. Pugach.⁴

¹ A.A. Rybakov, *Ustyuzhna. Cherepovets. Vytegra* [in Russian] (Leningrad: Iskusstvo, 1981), 7–82; W.C. Brumfield, “Ustyuzhna: Vologda’s western treasure,” in *Ustyuzhna* [in Russian and English] (Moscow: Tri Kvadrata, 2010), 7–32.

² P.A. Kolesnikov, “Ustyuzhna Zhelezopolskaya according to descriptions of 1567 and 1597” [in Russian], in *Cities of feudal Russia: a collection of articles in memory of N.V. Ustyugov*, ed. V.I. Shunkov (Moscow: Nauka, 1966), 144–47; P.A. Kolesnikov, “Ustyuzhna-Zhelezopolskaya Uyezd in the 17th century” [in Russian], in *Problems of historical geography of Russia: Proceedings of the Second All-Union Conference on the historical geography of Russia*, Moscow, November 25–26, 1980, is. 1, *Formation of the state territory of Russia*, ed. Ya.E. Vodarskii (Moscow: Institut istorii SSSR, 1982), 182–87; A.V. Kamkin, “Petr Andreevich Kolesnikov – a historian of Ustyuzhna” [in Russian], in *Ustyuzhna: Local history almanac*, ed. M.A. Beznin, is. 3 (Vologda: Rus', 1995), 411–20.

³ P.A. Kolesnikov, “Nobility of Ustyuzhna Uyezd of the 17th – early 20th century” [in Russian], in *Ustyuzhna: historical and literary almanac*, ed. M.A. Beznin, is. 1–2 (Vologda: Legiya, 2007), 288–309.

⁴ I.V. Pugach, *Ustyuzhna Zhelezopolskaya and the uyezd in the 16th – first half of 17th century: territory, population, economy* [in Russian] (PhD. diss., Vologda State Pedagogical University, 1999), 140–71.

I. Pugach identified a number of patterns and regional peculiarities in the development of landowning families of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd, including the following:⁵

- Many of the landowning families that appeared in the early 17th century in the territory of Ustyuzhna Uyezd arrived from the Novgorod lands, where their surnames had been known since the middle of the 16th century;

- By the end of the first quarter of the 17th century, the process of expansion of landed property of landowning families through distribution of state, palace and unowned lands had been completed in the region; later on, the predominant practice of acquiring new estates was their inheritance through direct and lateral family lines within the clans;

- The tendency to develop mixed-type estates of the patrominy estate type was one of the signs revealing the strengthening of landowners' positions in Ustyuzhna-Zhelezopolskaya Uyezd in the first third of the 17th century.

Meanwhile, the study of the noble landowning families, conducted by I. Pugach, is practically devoid of any analysis of their interrelationship. At the same time, compact residence of the noble families in the uyezd inevitably led not only to property-based relations between them (which in some cases resulted in conflicts of interest and economic disputes and litigations) but also to good-neighbourly relations and long-term friendship, often ending in marital unions. This, in turn, led to the redistribution of landed property between families and influenced the process of their development in the region.

In this connection, the purpose of this article was to examine the tendencies in the development of the landowning families of Ustyuzhna Uyezd in their interconnection on the example of the Kolyubakins, Linevs, and Dolgorukovs.

The purpose of the article mentioned above required to solve the following tasks: to reveal how the landowners Kolyubakins, Linevs, and Dolgorukovs appeared in Ustyuzhna-Zhelezopolskaya Uyezd; to establish the reasons for any family connections between them; to analyze the development of these connections during the 17th–19th centuries; to understand the processes of local property redistribution between the families.

The history of the Kolyubakin family recorded in documents can be traced back to the second half of the 15th century. The genealogical table of the Kolyubakins includes 25 generations and is described in sufficient detail for the purposes of this

⁵ I.V. Pugach, "Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the 16th – first half of 17th century" [in Russian], in *Ustyuzhna: local history almanac*, ed. M.A. Beznin, is. 4 (Vologda: Legiya, 2000), 69, 78, 80–82.

article.⁶ The history of the Linev family dates back to the middle of the 14th century and the genealogical table of 10 generations of the Linevs' Ustyuzhna branch has also been published.⁷ At the same time, there was no description of the Dolgorukov family of the Novgorod service class people at the disposal of the author of this article. Therefore, it was required to reconstruct the branch of the family tree connected with the noble Kolyubakin and Linev families. This became one of the tasks of this work.

In order to trace back the details of arrival of the Kolubakin, Linev and Dolgorukov families in Ustyuzhena Uyezd, the author analyzed the lists of service class people of Novgorod Land, which were published in the works of N. Yanitskii, N. Nosov, P. Ivanov, V. Vorob'ev and A. Degtyarev.⁸

The source base of the research consisted of the materials stored in the fonds of the Russian State Archive of Ancient Acts, which are introduced into scientific circulation for the first time. Moreover, the source base includes the materials of the collection of Yu. Shmarov stored in the department of written and audio-visual sources at the Pushkin State Museum of Fine Arts, the fonds of the Likharevs, noblemen of Zubtsovs Uyezd, at the State Archive of Tver Oblast (GATO), and various fonds of the Russian State Historical Archive (RGIA).

It should be noted that the documents of the 16th–17th centuries often contain different spelling of the surnames of the service class people mentioned in this article. This is sometimes the case for the same person. For instance, the surname “Kolyubakin” was often spelled as “Kulebakin,” “Kulibakin,” “Kulyubakin,” or “Kolyubyakin.” The surname “Dolgorukov” was sometimes spelled as “Dolgorukii.” In this article, we will talk about the Dolgorukovs who are mentioned in documents without a title, that is, about the branch of the Dolgorukov family that did not belong

⁶ M.N. Marov, *The Kolyubakins: Materials for the genealogy* [in Russian] (St Petersburg: SPbGU, 2008), 15–16, 24–28, 61–229.

⁷ B.N. Morozov, “Genealogical table of the Chikhachevs, Gorstkins, Linevs, Ershovs, Somovs, and Okunevs with unique news from the 14th–15th centuries” [in Russian], *Istoricheskaya genealogiya*, is. 2 (1993): 42–43; is. 4 (1994): 14–19; E.A. Vorotyntseva, “The noble family of Linev, the Church of the Ascension, and a portrait of Pushkin” [in Russian], in *Ustyuzhna: local history almanac*, ed. M.A. Beznin, is. 6 (Vologda: VGPU, 2008), 152–58.

⁸ N.F. Yanitskii, *Economic crisis in the Novgorod region in the 16th century* [in Russian], Collections of the Students' Historical and Ethnographic Circle at the Imperial University of St Vladimir under the guidance of Prof. M.V. Dovnar-Zapolsky 4 (Kiev: Tipografiya universiteta svyatogo Vladimira, 1915); N.E. Nosov, *Essays on the history of local governance of the Russian State in the first half of the 16th century* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957); P.I. Ivanov, *Review of the cadastres of Novgorod and Pskov* [in Russian] (Moscow: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata, 1841); V.M. Vorob'ev and A.Ya. Degtyarev, *Russian feudal landownership from the Time of Troubles to the eve of Peter the Great's reforms* [in Russian], ed. A.L. Shapiro (Leningrad: LGU, 1986).

to the princely family or simply about the namesake of the famous princely family. In addition, the traditional practice existing in Russia until the 17th century should be mentioned. That is, to give a child another name in addition to his official baptismal name. This not baptismal name was originally called “a secular name” and later became known as a nickname.⁹ In official documents, people are mentioned by their nicknames almost as often as by names. For example, in some documents, Gavril Kirillovich Kolyubakin, who was the third son and so had the nickname of Tretyak [the third], was referred to either as Gavril son of Kirill (*Kirillov syn*), or Tretyak son of Kirill (*Tret'yak Kirillov syn*). The word ‘son’ was sometimes also omitted and in the text it was ‘Gavril Kirillov’ or ‘Tretyak Kirillov.’ Osip Vasilievich Kolyubakin nicknamed Myasoed [Meat eater] was recorded as Osip Vasiliev or Myasoed Vasiliev, and so on. In the documents mentioning children, patronyms were also often formed from the father’s nickname rather than from his name. The children of Gavril Kolyubakin were often listed in the documents with the patronym formed from his nickname “Tretyak.” For example, Gavril’s son Isai Kolyubakin was referred to either as Isai Gavrilov or as Isai Tretyakov (that is Isai son of Gavril or Isai son of Tretyak). The same concerns another son of Gavril, Sofron Kolyubakin. The above-mentioned patterns should be taken into account when reading this article, in which names, patronyms, and surnames of the people are given exactly as they appear in the official historical documentary sources.

Main body

It is believed that several families of service class people moved to Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd from Novgorod Lands at the beginning of the 17th century after the liquidation of the Novgorod boyar republic. Special state measures were aimed at revising the number of the uyezd nobility in the course of oprichnina, which began in the second half of the 16th century.¹⁰ According to I. Pugach,

the noblemens and boyar scions of Bezhetsk and Obonezhsk pyatinas, which joined the oprichnina in 1571, were resettled to the bordering areas, including, in our opinion, Ustyuzhna Uyezd.¹¹

In order to clarify the circumstance and the exact period of arrival of the landowning families of Kolyubakins, Linevs, and Dolgorukovs in Ustyuzhna

⁹ B.O. Unbegaun, *Russian surnames. History of origin, meaning and national features of hereditary family names and pseudonyms* [in Russian], trans. L.A. Igorevskii (Moscow: Tsentrpoligraf, 2021), 15–17.

¹⁰ Kolesnikov, “Nobility of Ustyuzhna Uyezd,” 292–93; Pugach, “Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the 16th – first half of 17th century,” 59.

¹¹ Pugach, “Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the 16th – first half of 17th century,” 101.

Zhelezopolskaya Uyezd, let us turn our attention to the Cadastre of Stans and Volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya of 1628–30. The cadastre mentions the following landowners from the Kolyubakin family: Andrei Saveliev (recorded in the book as Kolyubanov), Fyodor Saveliev, Myasoed Vasiliev, and Isai Tretyakov.¹² Official records currently available on the genealogy of the Kolyubakins allow us to understand that all of them were close relatives. Andrei son of Savelii and Fyodor son of Savelii were brothers. Osip son of Vasilii Myasoed was their cousin. Isai Tretyakov was the son of Gavril Tretyak son of Kirill Kolyubakin. Kirill Kolyubakin, in his turn, was the cousin of Andrei and Fyodor. All of these representatives of the Kolyubakin family are mentioned as landowners of Bezhetsk Pyatina of Novgorod Lands, where their origins can be found.

According to the census of 1582–84, among the landowners of Novgorod pyatins, we can find the following landowners in Bezhetsk Pyatina: the already mentioned Osip Vasiliev; Zakharii Kuzmin and Kirill Zakharov, great-grandfather and grandfather of Isai Tretyakov; Savva Aleksandrov, father of Andrei and Fyodor, children of Savelii, and at the same time nephew of Zakharii Kuzmich.¹³ Zakharii son of Kuzma Kulibakin as well as Kirilka and Bogdan, children of Zakharii, were also mentioned in the act of 1572. The record was found among the 16th century documents of the Novgorod local assembly house. This act refers to the section of the Refusal log book “Segregations, examinations, and transfers of estates in 1572 in different pogosts of Bezhetsk Pyatina.”¹⁴ Thus, the Kolyubakins who received estates in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd had left rather prosperous lands of Bezhetsk Pyatina, where their ancestors lived for at least two or three generations.

Analysis of the records in the Cadastre of 1628–30 allows us to determine the time of the Kolyubakins’ arrival in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd. According to the record made by register Fyodor Birechinskii and clerk Mikita Chashnikov in the year 124 (1615/1616), Osip son of Vasilii Myasoed Kolyubakin received his estate with three populated villages, which were not assigned to any previous owners.¹⁵ According to the same record of 1615/1616, Isai Kolyubakin son of Tretyak received a land allotment within the village of Kvashnino, which also did not belong to any other owners, as well as reaping fields and hay meadows by the rivers Mologa,

¹² “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya” [in Russian], publ. I.V. Pugach, in *Ustyuzhna: local history almanac*, ed. M.A. Beznin, is. 1–2 (Vologda: Legiya, 2007), 97, 99, 100; is. 4 (Vologda: Legiya, 2000), 166, 175, 179, 182, 184–87, 212–13, 217, 219.

¹³ Yanitskii, *Economic crisis in the Novgorod region*, 146.

¹⁴ *Archival material: Newly discovered documents of the local and patrimonial institutions of the Tsardom of Moscow* [in Russian], vol. 2, comp. D.Ya. Samokvasov, Moskovskii Arkhiv Upravleniya Yustitsii (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1909), 164–67.

¹⁵ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 4, 186–87.

Izhina, and Kobozha.¹⁶ These two landowners appeared in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the mid-1620s during the initial period of distribution of free lands of the uyezd.

According to the record by starosta Putil Birilev of the year 134 (1625/1626), Andrei son of Savelii Kolyubakin was granted half of the ‘living’ seltso of Timofeevskoe and half of the abandoned village of Testova of the estate of Marfitsa Neganovskaya, daughter of Vasilii.¹⁷ According to the record of Pomestnyi Prikaz of the year 140 (1631/1632) notarized by clerk Feoktist Tikhomirov, Fyodor son of Savelii Kolyubakin received a small populated village, a hamlet of Zheleznaya Dubrovka situated near another bigger settlement, and five abandoned villages from the former estates of Yuri Zakharin and Semen Yakovlev.¹⁸ Zheleznaya Dubrovka formerly belonged to the estate of stolnik Rodion Yakovlevich Ladygin. These other two landowners appeared in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the late 1620s – early 1630s, when there were no more lands unassigned to anyone else and the estates of previous owners began to be distributed.

In regard to the Linevs, in the Cadastre of Stans and Volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya for 1628–30, we find mentions of Nikon son of Vasilii Linev, a landowner from Vodskaya Pyatina. Moreover, there are mentions of Semen Linev and Fyodor Linev.¹⁹ According to the record by Karp Navalkin of the year 130 (1621/1622), Nikon son of Vasilii Linev received a big estate formerly owned by Alexander Efimiev. The estate included a hamlet, three populated villages without land allotments with peasants, and two abandoned villages.²⁰ At the same time, both Semen Linev and Fyodor Linev are mentioned among the former owners of the estates granted to other landowners. This suggests that the Linevs had lived on the lands of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd before the beginning of mass distribution of land property in the first two decades of the 17th century.

Vasilii Linev, father of Nikon son of Vasilii Linev, is pointed out in the published pedigree as the founder of the Ustyuzhna branch of the Linev family.²¹

The noble family of Linev also have their ancestral roots in the pyatins of Novgorod Lands where their family name was already known at end of the 16th century. According to the census of 1582–84, Ivan and Nikita son of Ivan, sons of Linev can be found among the landowners of Derevskaya Pyatina.²² Among

¹⁶ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 4, 179.

¹⁷ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 1–2, 99.

¹⁸ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 4, 213–14.

¹⁹ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 4, 168, 178, 181, 188, 195, 198, 200–01.

²⁰ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” is. 4, 200–01.

²¹ Vorotyntseva, “The noble family of Linev,” 125, 152.

²² Yanitskii, *Economic crisis in the Novgorod region*, 160.

Novgorod boyar sions there were bailiffs Vasilii Ignatiev son of Linev (1586/1587) and Semen Yakovlev son of Linev (1592/1593).²³ The description of Novgorod Uyezd of 1626–27 also mentions landowners under the family name Linev: Dmitrii, Semen, and Yakov, sons of Pavel, and Semen son of Yakov.²⁴

As far as the Dolgorukovs are concerned, the Cadastre of Stans and Volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya for 1628–30 mentions only Demid Pimenov son of Dolgorukii, a landowner of Bezhetsk Pyatina. By the tsar's highest permission and according to the record in the books of the department of Ostalets Rumyantsev with the postscript by clerk Bazhen Stepanov of the year 136 (1628/1629), he received the village of Pogorelka, a land allotment of the inhabited village of Kvashnino and six abandoned villages of the estates, which used to be owned by Fyodor Linev, Iakov Epanchin, Ilya Rezanov, and Andrew Zheleznyi.²⁵

The landowners under the name of Dolgorukov could also be found among the landowners of Novgorod pyatins of the end of the 16th century. Thus, the census of 1582–84 mentions Zyk Dolgorukii and Torpan Dolgorukii, sons of Evstafii, in Bezhetsk Pyatina and Roman Dolgorukov in Derevskaya Pyatina.²⁶ During the same period, bailiff Danila son of Ilya Dolgorukov (1586/1587) was mentioned among Novgorod boyar scions.²⁷

Let us proceed further to considering the relationships between the landowning families of Kolyubakin, Linev, and Dolgorukov.

The relationship between the Kolyubakins and the Linevs can be traced back to the middle of the 16th century.

As mentioned above, from 1615/1616, Isai son of Tretyak Kulebakin owned a land allotment in the village of Kvashnino, where his household was situated.

Subsequently, as noted in the Cadastre of Stans and Volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya for 1685–86, parts of the estate in this village passed from Isai to his sons Kuzma Kulibakin and Gerasim Kulibakin. However, according to the same cadastre, in 1685, some parts of the village of Kvashnino were also owned by Sergei son of Fyodor Linev, and Ontsifor son of Ivan Linev. The cadastre also noted that they received these shares from their grandfather Isai Kulebakin.²⁸

²³ Nosov, *Essays on the history of local governance of the Russian state*, 365–66.

²⁴ Ivanov, *Review of the cadastres of Novgorod and Pskov*, 50.

²⁵ “The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya,” vol. 4, 181–83.

²⁶ Yanitskii, *Economic crisis in the Novgorod region*, 132.

²⁷ Nosov, *Essays on the history of local governance of the Russian state*, 365.

²⁸ I.V. Pugach, “The cadastre of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in 1685–1686” [in Russian], in *Problems of historiography and source study of the history of the European North: interuniversity collection of scientific works devoted to P.A. Kolesnikov*, ed. A.V. Kamkin (Vologda: VGPI, 1992), 177–79, 185.

The reason why Isai son of Tretyak Kulebakin gave a share of his estate to Sergei Linev and Ontsifor Linev was that Isai's brother, Sofron son of Gavril, nicknamed Nadezha (till 1615–59), who served in 1649 by order of tsar Alexei Mikhailovich as voivode in Ladoga, was married to Akulina Lineva.²⁹ Thus, Isai Kulebakin was the grandfather (it would be more correct to say 'great-uncle,' but in the 17th century it was not customary to be that specific) of Akulina's brothers' children Fyodor Linev and Ivan Linev. Here we observe the transfer of the estate to the relatives of another surname in the lateral branch of the female line.

Let us further understand the connections between the Kolyubakins and the Linevs with the Dolgorukov family.

According to the Cadastre of Stans and Volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya for 1628–30, Isai son of Tretyak Kulebakin and Demid son of Pimen Dolgorukii owned the same land allotments in the village of Kvashnino. Demid Dolgorukii also had a share in the estate of Fyodor Linev. Let us note this fact as it indicates the existence of property relations between the Kolyubakins, the Dolgorukovs, and the Linevs already at the end of the first third of the 17th century.

Initial information needed in order to clarify the existing relationship between the families of Kolyubakin and Dolgorukov was obtained from the copy of deeds of purchase which belonged to retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin (about 1726 – after 1776).³⁰ In this deed of purchase, written on March 16, 1771, it stands:

1771 g. marta v shest' na desyat' Novgorodskoi pomeshchik otstavnoi kapral Ivan Kornilov syn Kolyubakin v rode svoem ne poslednii prodal ya Bezhetskomu pomeshchiku kapitanu Stepanu Anfinogenovu synu Perskomu krepostnogo svoego krest'yanina Kipriyana Ekimova s zhenoyu evo i z dvumya [det'mi] i so vsemi ikh krest'yanskimi zhivoty bez zemli na vyvoz i s platezhom podushnykh deneg dostavshagosya mne po nasledstvu posle dyadi moego rodnogo Ivana Grigor'evicha

²⁹ "Pokolennaya rospis' Kolyubakinykh" [Genealogical register of the Kolyubakins]. O opredelenii nedoroslei Mirona Fedora Kolyubakinykh... v morskoi korpus v kadety. 1761 fevralya 6 [On sending minors Miron and Fyodor Kolyubakin... to the Marine Corps as cadets. February 6, 1761]. F. 286, op. 1, d. 497, ll. 260–261. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archives of Ancient Acts] (RGADA), Moscow, Russia; A. Barsukov, comp., *Lists of town voivodes and other persons of voivode administration the Russian State according to published government regulations* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1902), 124; "Starshaya Novgorodskaya vetv'. 6-ya otr. Kolyubakiny-Sofronovichi. 1-i otprysk, potomstvo Fedora Sofronovicha Nadezhina syna Kolyubakina" [The senior Novgorod branch. The 6th family tree branch of the Kolyubakins-Sofronoviches. The first descendant of Fyodor Sofronovich son of Nadezha Kolyubakin]. Delo Kolyubakinykh [Kolyubakins file]. Sobranie Yu.B. Shmarova [The collection of Yu.B. Shmarov]. L. 57. Gosudarstvennyi muzei A.S. Pushkina [The Pushkin State Museum of Fine Arts], Moscow, Russia; Marov, *The Kolyubakins: Materials for the genealogy*, 74.

³⁰ Marov, *The Kolyubakins: Materials for the genealogy*, 133.

*Dolgorukova kotoroi za mnoi v podushnoi oklad napisan v Novgorodskom uezde v sel'tse Rostoropove a vzyal ya Ivan u nego Stepana za onogo krest'yanina s semeistvom evo deneg desyat' rublei a napred sei kupchei onoi moi krest'yanin s zhenoi evo i z det'mi inomu nikomu ne prodan ne zalozen i ne v kakie kreposti ne ukreplen i ni za chto ne opisan i ezheli kto vo onogo krest'yanina z zhenoyu evo i z det'mi po kakom i nest' krepostyam budet vstupattsya to mne Ivanu i naslednikam evo ot togo vstupshchikom i oto vsyakoi kreposti. . .*³¹

[Retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin from Novgorod Uyezd stated that on March 16, 1771, he sold to a landowner of Bezhetsk Uyezd Captain Stepan son of Anfinogen Perskii his serf Kipriyan Ekimov, his wife, his two children, and all their peasant livestock. The serf was sold to be taken away from his land allotment without the land and with a capitation payment. The serf was inherited by Ivan Kolyubakin from his uncle Ivan Grigorievich Dolgorukov and was registered in his name in the hamlet of Rostoropovo of Novgorod Uyezd. I, Ivan, confirm that I took from Stepan ten roubles for that peasant and his family. I also state that before this deed of purchase this peasant, his wife and children were neither sold nor pledged to anyone else, nor were paying any capitation to anyone else. If anyone were to file claims for this peasant, his wife and his children, I, Ivan, and my heirs would have return claims to the sold serf and to his capitation payments. . .]

Captain Stepan son of Anfinogen Perskii mentioned in the deed of purchase was a famous representative of the ancient noble family of Perskii. Stepan, his wife Ulyana Ivanovna, and their children Mikhail, Nikifor, and Natalia are registered in the 6th part of the genealogical book of Tver Governorate by a decree as of February 8, 1793.³²

The information about Ivan son of Kornil Kolyubakin and his son Vasilii was analysed in order to find out who was the Dolgorukov mentioned in the deed of purchase as Ivan Kolyubakin's uncle. This information was found in the funds of the Heralds Office of the Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter RGADA) (F. 286).

In March 1774, a file on the debateable nobility of Vasilii Kolyubakin, then a soldier of the 1st Senate Company, was opened by the Heralds Office. In the file, there is a record of the words of Vasilii Kolyubakin, in which he had testified that he

³¹ "Kolyubakiny-Kornilovichy Novgorodskoi i Tverskoi gub." [The Kolyubakins-Kornilovichs of Novgorod and Tver governorates]. Delo Kolyubakinykh [Kolyubakins file]. Sobranie Yu.B. Shmarova [The collection of Yu.B. Shmarov]. L. 54. The Pushkin State Museum of Fine Arts.

³² M.P. Chernyavskii, comp. *Genealogy of noblemen, listed in the genealogical book of Tver Governorate from 1787 to 1869: with an alphabetical index and appendices* [in Russian] (Tver: [n.p.], 1869), 146.

was 18 years old and that his ancestors were noblemen. As a proof of this fact he presented a large pedigree chart, which included thirty-three representatives of the Kolyubakin family of seven generations, and also a certificate from “noble gentry” of Ustyuzhna Uyezd.³³ Vasiliy Kolyubakin made several mistakes in the compilation of his pedigree chart. Due to this fact the Heralds Office requested a number of certificates from the Borovitskaya Voivodeship Chancellery, the Office of the Registrar’s Archive, the Votchina Collegium and Office. Some of these certificates contained information relevant in the framework of this article, and references to them will be given when applicable.

Evidence of his son’s noble origin was also sought from the father of Vasiliy, Ivan son of Kornil Kolyubakin. In 1776, he also submitted his record and his certificate of the “Ustyuzhna Zhelezopolskaya, Borovchi and Bezhetsk uyezds of noble gentry, general staff and chief officers” to the Heralds Office. In the record, Ivan Kornilovich not only described the line of 14 generations of his son’s ancestors, but he also reproduced the legendary history of the arrival of the Kolyubakin family in Russia and pointed out the presence in the possession of the Kolyubakins’ ancestors of the charters to the gentry of the 15th century.³⁴

There is information on Ivan Kornilovich himself in the collections of the Heralds Office at the Russian State Archive of Ancient Acts. In the register of minors of 1743 and in the decree as of 13 April, 1743, “On sending minors. . . to military service” there is a record, submitted by Ivan son of Kornil during the first inspection:

Ivan Kornilov syn Kolyubakin skazal: ot rodu emu semnattsat' let pradede i deda kak imyanno zvali i kakim chinami sluzhili ne znaet otets evo Kornila Mikhailov syn Kolyubakin sluzhil v dragunakh i otstavlen kapralom a v kotorom polku byl ne upomnit i praded i ded podlinno iz dvoryan ispomeshchen v Ustyuzhskom uезде Zhelezopol'skogo krest'yan za ottsom evo vo onom zhe Ustyuzhskom uезде pyat' dush dyadyu imeet rodnogo dvoryanina Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova kotoroi sluzhil dragunom i otstavlen a brat'ev rodnykh i drugikh blizhnykh ne imeet a o pradede i dede i ottse evo i ob sem Ivane chto oni iz dvoryanstva i on Ivan nikakoi

³³ “Skazka Vasiliya Ivanova syna Kolyubakina. Rodoslovnaya rospis'. Attestat” [Record on Vasiliy son of Ivan Kolyubakin. Genealogical register. Certificate]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasiliy Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, ll. 1–5. RGADA; M.N. Marov, “The case of not recognizing soldier Vasiliy Kolyubakin as a nobleman” [in Russian], *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*, is. 37 (2021): 211–23.

³⁴ “Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina. Attestat. Donesenie Borovitskoi voevodskoi kantselyarii” [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin. Certificate. Report from the Borovitskaya Voivodeship Chancellery]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasiliy Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, ll. 12–14, 16–17, 48 ob.–53. RGADA.

begloi chelovek i v podushnom oklade ne polozhen i do sego vremeni nigde v sluzhbu ne opredelen i ne yavilsya za skudost'yu vedaet i vo svidetel'stvo podpisalsya gvardii Preobrazhenskogo polku kapral Ivan Linev on zhe ob'yavil paduchuyu bolezni gramote i pisat' ne umeet.

[Ivan son of Kornil Kolyubakin said that he was seventeen years old and that he did not know his great-grandfather's and grandfather's names or their ranks. His own father Kornila Mikhailovich Kolyubakin served as dragoon and retired as corporal, but in what regiment he could not recall. His great-grandfather and grandfather were noblemen and were stationed in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd. His father had five souls in the aforesaid Ustyuzhna Uyezd. He also said he had an uncle, also a nobleman by birth, Ivan Grigorievich Dolgorukov, who served as dragoon and retired in the rank of corporal. He told he did not have any brothers or other relatives and emphasized again that his great-grandfather and grandfather as well as his father were noblemen. He confirmed that he was not a runaway, was not paying any capitation, and was not appointed to serve anywhere else. The certificate was signed by Corporal Ivan Linev of the Preobrazhenskii regiment, because Ivan Kolyubakin himself was ill with seizure disorder and was not able to read or write.]

There was also a note on the record:

*aprelya 13 dnya po rezolyutsii senatskoi otoslan v sluzhbu v voennuyu kollegiyu.*³⁵

[The note reads that on April 13, by the resolution of the Senate, he was sent to the service to the Military Collegium.]

It should be noted that Ivan son of Kornil mentioned his own uncle Ivan Grigorievich Dolgorukov who served as a dragoon prior to retiring already during the first inspection.

Ivan Kornilovich served in the Vyatka Infantry Regiment. In September 1746, he was dismissed from service in connection with seizure disorder and received the rank of corporal. There is an extant *pro memoria* note from the State Military Collegium to the Heralds office as of September 1746³⁶ regarding this fact.

³⁵ "Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina" [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin]. *Kniga zapisnaya nedoroslyam. 1743* [Register of minors. 1743]. F. 286, op. 1, d. 269, ll. 523 ob.–524. RGADA; "Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina" [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin]. *Ob otsylke nedoroslei ... Ivana Kolyubakina ... v voennuyu sluzhbu. 1743* [On sending Ivan Kolyubakin's minors ... to military service. 1743]. F. 286, op. 1, d. 269, ll. 523 ob.–524. RGADA.

³⁶ "Promemoriya" [Pro memoria]. *O napisanii kaprala Ivana Kolyubakina s vechno otstavnymi v spisok. 1746* [On including Corporal Ivan Kolyubakin to the list of the retired. 1746]. F. 286, op. 1, d. 322, l. 744. RGADA.

In 1764 Ivan Kornilovich was mentioned in the report of the Ustyuzhna Voivodeship Chancellery to the First Department of the Governing Senate:

*Kapral Ivan Kornilov syn Kolyubakin ot rodu emu 41 god krest'yan za im v Ustyuzhskom uезде vosem' dush detei u nego syn Vasilei trekh let pashport dan iz Gosudarstvennoi voennoi kollegii v 746 godu... onoi Kolyubakin sluzhil v armeiskikh polkakh i v 746m godu po pashportu iz voennoi kollegii ot vsekh del otstavlen zhivet v Novgorodskom uезде v sel'tse Rostoropove.*³⁷

[Corporal Ivan Kornilovich Kolyubakin is 41 years old and has eight peasants in Ustyuzhna Uyezd. He has a three-year-old son Vasilei. A passport issued by the State Military Collegium in the year 746. . . He had served in army regiments and in the year 746 was discharged from military service under the passport from the State Military Collegium and lived in Novgorod Uyezd in the hamlet of Rostoropovo.]

According to the 3rd revision (1761–67), Ivan Kornilovich owned estates in Ustyuzhna Zhelezopolskaya, Borovichi, and Belozersk uyezds. The information on these estates is specified in the certificate which was issued to his son by the nobility of Ustyuzhna Zhelezopolskaya, Borovichi, and Bezhetsk uyezds in January 1774 as a proof of his noble origin:

*za ottsom evo Vasil'ya Ivanom Kornilovym synom Kulyubakinym, pomest'ya i votchiny sostoyat, pisannykh po tret'ei revizii muzheska polu, kotorye i nyne vo vladenii za nimi sostoyat v Ustyuzhskom uезде Zhelezopolskom v Beletovskom stanu v seltse Timofeevskom sem', v Borovitskom uезде, chto byv prezhdе Novgorodskii uезд, v Spasskom Sleskinskom pogoste v usadishche Rostoropove z derevnyami shestdesyat shest' v Belozerskom uезде v Tumbavskoi voloste v derevne Kukueve semnattsat' dush.*³⁸

[The certificate states that Vasilii's father Ivan Kornilovich Kulyubakin had estates and fiefdoms, which were registered under his name during the 3rd revision and still remained in his possession. The list of his property also included seven souls in Ustyuzhenskii Zhelezopolskii uyezd in Beletovskaya volost in the hamlet of Timofeevskoe; sixty-six souls – in Borovitskii uyezd, which formerly belonged to

³⁷ “Vedomosti o dvoryanakh i o ikh detyakh, prislannye iz gubernskikh, provintsial'nykh, voevodskikh kantselyarii” [State registers of noblemen and their children, sent from Voivodeship Chancelleries of governorates and provinces]. Iz Ustyuzhskoi Zhelezopol'skoi voevodskoi kantselyarii po Ustyuzhskomu Zhelezopol'skomu uезdu. 1764 [From Ustyuzhna Zhelezopolskaya Voivodeship Chancellery of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd. 1764]. F. 286, op. 1, d. 512, ll. 234, 289, 675, 679 ob.

³⁸ “Attestat” [Certificate]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasilii Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, ll. 4–5, 35 ob.–37. RGADA.

Novgorodskii uyezd, in Spasskii Sleskinskii pogost in the hamlet of Rostoropovo; and seventeen souls – in Belozerskii uyezd in Tumbavskaya volost in the village of Kukuevo.]

Father of Ivan son of Kornil, Kornila son of Mikhail Kolyubakin (1684 – after 1732), served in the Novotroitskii regiment as dragoon and was dismissed with the rank of corporal.³⁹ There was the following reply to the enquiry about him sent by the Heralds Office to the Treasury Chamber:

*kazennoi palaty ot arkhivy chto s imeyushchikhsya 1-i revizii so skazok perepisnymi imyannymi knigami a 2-i i 3-i revizii so skaskami okazalos' po podannoi ot pomeshchika Kornily Mikhailova syna Kolyubakina po vtoroi revizii skaske dostavshikhsya emu po pridannomu v 732 godu za zhenoyu evo Afim'eyu Grigor'evoyu docher'yu ot brata ee rodnago Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova pisannykh za nim po skaske 719 godu Spaskago Sleskinskago pogosta v usadishche Rastoropove za nim Kolyubakinym sostoit muzheska polu tri dushi.*⁴⁰

[It was reported from Treasury Chamber that from the available 1st revision with records from census books and the 2nd and 3rd revisions with records as well as in accordance with the record of the 2nd revision on the landowner Kornila Mikhailovich Kolyubakin, he had three male souls received by him in 732 as a dowry of his wife Afimia Grigorievna. The dowry was received from her brother Ivan Grigorievich Dolgoroukov. Ivan Dolgoroukov's property in Spasskii Sleskinskii pogost in the hamlet of Rastoropovo was confirmed by the record of the year 719.]

Thus, Ivan Kornilovich Kolyubakin called Ivan Grigorovich Dolgoroukov his uncle because his father Kornil Mikhailovich was married to Dolgoroukov's sister Afimia Grigorievna. The estate in the hamlet of Rastoropovo, which was given to Ivan Kornilovich, was received by his father in 1732 as a dowry from the Dolgoroukov

³⁹ “Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin]. Ob otsylke nedoroslei ... Ivana Kolyubakina ... v voennuyu sluzhbu. 1743 [On sending Ivan Kolyubakin's minors ... to military service. 1743]. F. 286, op. 1, d. 269, l. 523 ob. RGADA; “Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin]. Kniga zapisnaya nedoroslyam. 1743 [Register of minors. 1743]. F. 286, op. 1, d. 272, l. 1055. RGADA; “Skazka Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Record on Ivan son of Kornil Kolyubakin]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasiliy Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, ll. 13 ob.–14. RGADA.

⁴⁰ “Donesenie kazennoi palaty ot arkhivy” [Report from the archives of the Treasury Chamber to]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasiliy Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, l. 52 ob. RGADA.

family. Therefore, again there is a transfer of property between the clans in the female line.

Another possible connection between the Kolyubakin family and the Dolgorukov family should also be mentioned. In addition to the above-mentioned son Vasili, Ivan Kornilovich Kolyubakin had three daughters: Agafia, Praskovia and Daria. In the genealogical table of the Kolyubakins compiled by Lieutenant-General Alexei Mikhailovich Kolyubakin (1851–1917), Dolgorukov is listed as the husband of Praskovia Ivanovna Kolyubakina. This Dolgorukov is mentioned without his name or initials.⁴¹ This marital relationship seems highly likely, given that Praskovia was a native granddaughter of Afimia Grigorievna, née Dolgorukova, but no confirmation of this marriage has yet been found in the archival documents.

Additional information about the Dolgorukov family was found in the records of the Ustyuzhna Voivodship Chancellery of the Russian State Archive of Ancient Acts (F. 596). There is a document called “On the petition of landowner Kolyubakin about an estate of his uncle Prince Dolgorukov” (it turned out to be a mistake to mention a princely title in the document).

The document is a petition as of November 7, 1750 filed by retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin from Ustyuzhna addressed to Her Majesty Empress Elizabeth Petrovna, containing a complaint against Captain Ivan son of Anton Linev from the Preobrazhenskii Regiment of the Lifeguards, also from Ustyuzhna.

Here is how Ivan Kornilovich explains the essence of his complaint:

*A sego noyabrya 3 chisla 1750 godu oznachennoi Ivan Linev buduchi v sel'tse Rostoropove poimav s lyud'mi svoimi cheloveka moego Mirona Vasil'eva i vzyav v khoromy o chem uvidav ya poshel ko ob'yavlennomu Linevu v khoromy i onoi Linev ne dopustiv menya do sebya vzyav v khoromakh svoikh za vorot i vynes von na kryl'tso i na kryl'tse zagreb menya za volosy taskal a potom i stolknul menya s kryl'tsa pryamo na zemlyu. . .*⁴²

[On November 3, 1750 Ivan Linev was in the hamlet of Rostoropovo. With his own men, he caught my man Miron Vasiliev and took him into the mansion. When I saw

⁴¹ Marov, *The Kolyubakins: Materials for the genealogy*, 152; M. Marov, “Genealogical album” [in Russian], *Mir muzeya*, no. 11 (399) (2020): 10–14; “Kolyubakiny-Kornilovichi Novgorodskoi i Tverskoi gub.” [The Kolyubakins-Kornilovichs of Novgorod and Tver governorates]. *Delo Kolyubakinykh* [Kolyubakins file]. *Sobranie Yu.B. Shmarova* [The collection of Yu.B. Shmarov]. L. 54. The Pushkin State Museum of Fine Arts.

⁴² “Chelobitnaya Ustyuzhnskogo pomeshchika otstavnogo kaprala Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Petition from a landowner of Ustyuzhna, retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin]. *Po prosheniyu pomeshchika Kolyubakina o nedvizhimom imenii dyadi ego knyazya Dolgorukova. 1750 noyabrya 7* [On the request of landowner Kolyubakin about the estate of his uncle Prince Dolgorukov. November 7, 1750]. F. 596, op. 1, d. 290, l. 1. RGADA.

that, I went to the Linev's mansion and was not allowed to enter. Ivan Linev grabbed me by the neck and carried me out onto the porch. On the porch I was caught by the hair and then pushed off the porch and onto the ground. . .]

This scene looked like a domestic conflict between neighbouring landowners. But, as it turned out, it was the question of kinship rather than neighbourhood. Ivan Kornilovich explained in his petition:

*Posle umershego dyadi moego i evo Lineva rodnogo novgorodskogo pomeshchika dvoryanina Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova nedvizhimoe evo imenie v Novgorodskom uezde Bezhetskoi pyatine v Tverskoi polovine v Spasskom pogoste Sleskine sel'tso Rostoropovo i v drugikh pogostakh v raznykh mestakh s lyud'mi i so krest'yany po zaruchnoi evo chelobitnoi nadlezhit mne imenovannomu s nim Linevym popolam i vo onom sel'tse v ostavshem evo Dolgorukova dome s nim Linevym nyne i zhitel'stvo imeyu.*⁴³

[My and Ivan Linev's uncle Ivan Grigor'evich Dolgorukov, an honorable Novgorod landowner and nobleman, deceased, and both cousins, Kolyubakin and Linev, based on the hand-written petition of Dolgorukov, received an estate in the hamlet of Rastoropovo in Novgorod Uyezd, Tver half of Bezhetsk Pyatina, Spasskiii pogost, Sleskino as well as other pogosts in different places. Those territories were received with people and peasants and in that hamlet of Rastoropovo, in the house which belonged to Dolgorukov, I, Ivan Kolyubakin, reside with Ivan Linev together.]

Thus, Ivan Grigorievich Dolgorukov is mentioned not only as an uncle of Ivan Kolyubakin but also as an uncle of Ivan son of Anton Linev, who, in turn, is apparently a cousin of Ivan Kolyubakin and lives with him in the hamlet of Rastoropovo in the same house, inherited by both of them after their uncle's death.

Information about Ivan son of Anton Linev (1715 – after 1750) can be found in the published genealogy book of the Linevs. We can see his name in the 6th generation of the Ustyuzhna branch of the family, where the 7th–10th generations are his direct descendants.⁴⁴

On the basis of this information we can find additional evidence of a close connection between these two families, the Kolyubakins and the Linevs.

⁴³ “Chelobitnaya Ustyuzhskogo pomeshchika otstavnoho kaprала Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Petition from a landowner of Ustyuzhna, retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin]. Po prosheniyu pomeshchika Kolyubakina o nedvizhimom imenii dyadi ego knyazya Dolgorukova. 1750 noyabrya 7 [On the request of landowner Kolyubakin about the estate of his uncle Prince Dolgorukov. November 7, 1750]. F. 596, op. 1, d. 290, l. 1. RGADA.

⁴⁴ Kolesnikov, “Nobility of Ustyuzhna Uyezd,” 303–04; Vorotyntseva, “The noble family of Linev,” 154–55.

First, it is highly likely that it was Ivan son of Anton Linev who represented his younger cousin Ivan Kornilov son of Kolyubakin at his first inspection in 1743. The record about Ivan Kolyubakin cited earlier in this article says

a o pradede i dede i ottse evo i ob sem Ivane chto oni iz dvoryanstva i on Ivan nikakoi begloi chelovek i v podushnom oklade ne polozhen i do sego vremeni nigde v sluzhbu ne opredelen i ne yavilsya za skudost'yu vedaet i vo svidetel'stvo podpisalsya gvardii Preobrazhenskogo polku kapral Ivan Linev.

[Ivan Kolyubakin's great-grandfather and grandfather as well as his father were noblemen. Ivan is not a runaway and is not paying any capitation and is not appointed to serve anywhere else. To certify this, Corporal Ivan Linev of the Preobrazhenskii Regiment Guard put his signature.]

The information about Ivan son of Anton Linev given in the article by A. Kolesnikov also states that he had the rank of corporal in 1744. In a petition compiled in 1750, Ivan Antonovich is listed as corporal of the same Preobrazhenskii Regiment.⁴⁵ Moreover, he was 11 years older than his cousin Ivan Kolyubakin and could present him at the inspection and sign the record at the inspection for him.

Further, among noblemen of Ustyuzhna Zhelezopolsaya, Borovich, and Belozersk uyezds who signed the certificate confirming a noble origin of Ivan Kornilovich Kolyubakin's son Vasilii in 1774, we can find two representatives of the Linev family. Those are Major Vasilii Linev and Major Logvin Linev of the Ladoga Infantry Regiment.⁴⁶

Probably, the first of them was Vasilyi Semenov son of Linev, grandson of Ontsifor Linev, who according to the second revision of 1744 was the owner of the village of Sofrontsevo.⁴⁷ He belonged to the same generation of the Linev family as Ivan Antonovich. The second signer of the certificate evidently was Login Ivanovich Linev, son of Ivan Antonovich Linev (1745 – after 1782).⁴⁸

Close relations between the Kolyubakin family and the Linev family persisted into the 19th century. For example, Staff Rittmeister Linev (1811–80) from the village

⁴⁵ “Chelobitnaya Ustyuzhnskogo pomeshchika otstavnogo kaprala Ivana Kornilova syna Kolyubakina” [Petition from a landowner of Ustyuzhna, retired Corporal Ivan son of Kornil Kolyubakin]. Po prosheniyu pomeshchika Kolyubakina o nedvizhimom imenii dyadi ego knyazya Dolgorukova. 1750 noyabrya 7 [On the request of landowner Kolyubakin about the estate of his uncle Prince Dolgorukov. November 7, 1750]. F. 596, op. 1, d. 290, l. 1. RGADA.

⁴⁶ “Attestat” [Certificate]. O ne priznanii soldata Vasilii Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasilii Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, ll. 51 ob.–52. RGADA.

⁴⁷ Kolesnikov, “Nobility of Ustyuzhna Uyezd,” 303.

⁴⁸ Vorotyntseva, “The noble family of Linev,” 154.

of Rastoropovo, great-grandson of Ivan Antonovich Linev, was godfather to Vera Aleksandrovna Kolyubakina who was born on January 27, 1849 in Spaso-Slezkinskoi pogost near the village of Kresttsy in Ustyuzhna Uyezd of Novgorod Governorate and christened on January 30.⁴⁹

But what kind of family were the Dolgorukovs related to the Kolyubakins and the Linevs? Another file from the Ustyuzhna Voivodship Chancellery in the Russian State Archive of Ancient Acts helps to partly clarify this question.

The petition of the Novgorod landowner, the retired dragoon Tit son of Sergei Dolgorukii, as of March 14, 1752, states

*V proshlom 7200 godu dano i otkazano otsu moemu Sergeyu Antonovu synu Dolgorukovu pomest'e evo v Novgorodskom uezde v Bezhetskoi pyatine v Spaskom pogoste v Sleskine pustosh' Evantsevo na reke na Kate protiv pogosta Spaskogo Gorodku tozh a v nei pashni desyat' chetvertei so vsemi ugod'yami kotoraya nyne posle smerti ottsa moego nadlezhit mne po nasledstvu. A s togo zh 200 godu pri zhizni rechennogo ottsa moego onoyu pustosh'yu so vsemi ugod'yami zavladel nasil'no dyadya moi Efim Fokin syn Dolgorukov a posle evo Efima vladel nasil'no toyu pustosh'yu plemnyannik evo rodnoi kotori ostalsya v evo Efimovom imenii zakonnym naslednikom Ivan Grigor'ev syn Dolgorukov a nyne posle smerti onogo Ivana Dolgorukova vladeyut toyu pustosh'yu nasledniki evo Ivan Antonov syn Linev da Ivan Kornilov syn Kolyubakin nasil'no zhe.*⁵⁰

[In the year of 200 (1691/1692) an estate in Novgorod Uyezd in Bezhetsk Pyatina in Sleskino, in the abandoned village of Evantsevo on the river Kat' against Spasskii Gorodok was given to my father Sergei son of Anton Dolgorukov with its arable land of ten chetverts and adjoining territories. After my father's death, the estate is to be inherited by me. In the year when my father was still alive, my uncle Efim Fokin son of Dolgorukov took possession of the above-mentioned territories by force and his own nephew Ivan Grigoriev son of Dolgorukov owned the abandoned village and remained in the estate as a lawful owner. After the death of Ivan

⁴⁹ "Otnoshenie Novgorodskoi dukhovnoi konsistorii" [Official letter of Novgorod Ecclesiastical Consistory]. Delo o dvoryanstve roda Kolyubakinykh [Case of the nobility of the Kolyubakins. 1856]. F. 1343, op. 23, d. 5669, ll. 10–10 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; "Arkhivnaya spravka" [Archival letter of verification]. Ex. no. 09-01/536 as of October 8, 2003. Gosudarstvennyi arkhiv Tverskoi oblasti [State Archive of Tver Oblast] (GATO), Tver, Russia; Vorotyntseva, "The noble family of Linev," 155.

⁵⁰ "Chelobitnaya Tita Sergeeva syna Dolgorukova" [Petition of Tit son of Sergei Dolgorukov]. Po prosheniyu pomeshchika Dolgorukova o vladenii nasledstvennoyu ego pustosh'yu pomeshchikami Ivanom Linevym i Ivanom Kolyubakinym. 1752 marta 14 [On the petition of landowner Dolgorukov on the ownership of the abandoned village inherited by him by landowners Ivan Linev and Ivan Kolyubakin. March 14, 1752]. F. 596, op. 1, d. 305, ll. 1–2. RGADA.

Dolgorukov, his heirs Ivan Antonovich Linev and Ivan Kornilovich Kolyubakin own that abandoned village also illegitimately.]

Leaving aside the essence of the domestic conflict, let us pay attention to the kinship ties abundantly mentioned in the petition. On this basis, we conducted additional research of the landowning family of Dolgorukov in the 18th century files of the Heralds Office and Pomestnyi Prikaz (F. 1209) at the Russian State Archive of Ancient Acts.

We managed to find some records clearing up proprietary and family relations of the families under research in the fonds of Pomestnyi Prikaz entitled “The documents of earlier years” (Dela molodykh del, DML).

In particular, the fonds of Pomestnyi Prikaz include a file containing a petition written by Ivan Grigoriev son of Dolgorukov to Empress Elizabeth Petrovna and sent in February 1750. The petition reads:

B'et chelom Ivan Grigor'ev syn Dolgorukov a v chem moe proshenie tomu sleduyut punkty

I

Imeyu ya sobstvennoe svoe dvizhimoe i nedvizhimoe imenie kotoroe mne dostalos' posle ottsa moego Grigoriya i dyadei moikh rodnykh Efima i Stepana Fokinykh i brata moego rodnogo Prokhora Dolgorukovykh v Novgorodskom uezde v Bezhetskoi pyatine v Tverskoi polovine v Spaskom pogoste Sluskine⁵¹ i kuplenye mnoyu v Bezhetskom uezde v raznykh stanekh sel'tso Rostoropovo usadishche Kuzminskoe Gorodok tozh i v derevnyakh Gore i Poddub'e Tridanikha tozh i v derevni Berezovoi gore s lyud'mi i so krest'yany i s pustoshmi o chem yavno Votchinnoi kollegii po dacham

II

I nyne ya imenovannyi prishel v glubokuyu starost' i dryakhlost' oznachennoe svoe nedvizhimoe razdelil plemnyannikam svoim rodnym sestr rodnykh vdov Marfy da Afim'i detyam leib gvardii Preobrazhenskogo polku kaptenarmusu Ivanu Antonovu synu Linevu da otstavnomu kapralu Ivanu Kornilovu synu Kolyubakinu a imyanno iz vyshepisannogo moego nedvizhimogo oznachennomu plemnyanniku moemu Ivanu Antonovu synu Linevu polovina sel'tsa Rostoropova v nem poldvora pomeschchikova

⁵¹ As it is written in the original; it should be “Slezkine.”

*v nem lyudi [...] Ivanu Kornilovu synu Kolyubakinu drugaya polovina togo zh
sel'tsa Rostoropova v nem poldvora pomeshchikova v nem dvorovye lyudi [...]*⁵²

[Ivan Grigoriev son of Dolgorukov petitions, and what he petitioned about is stated
below

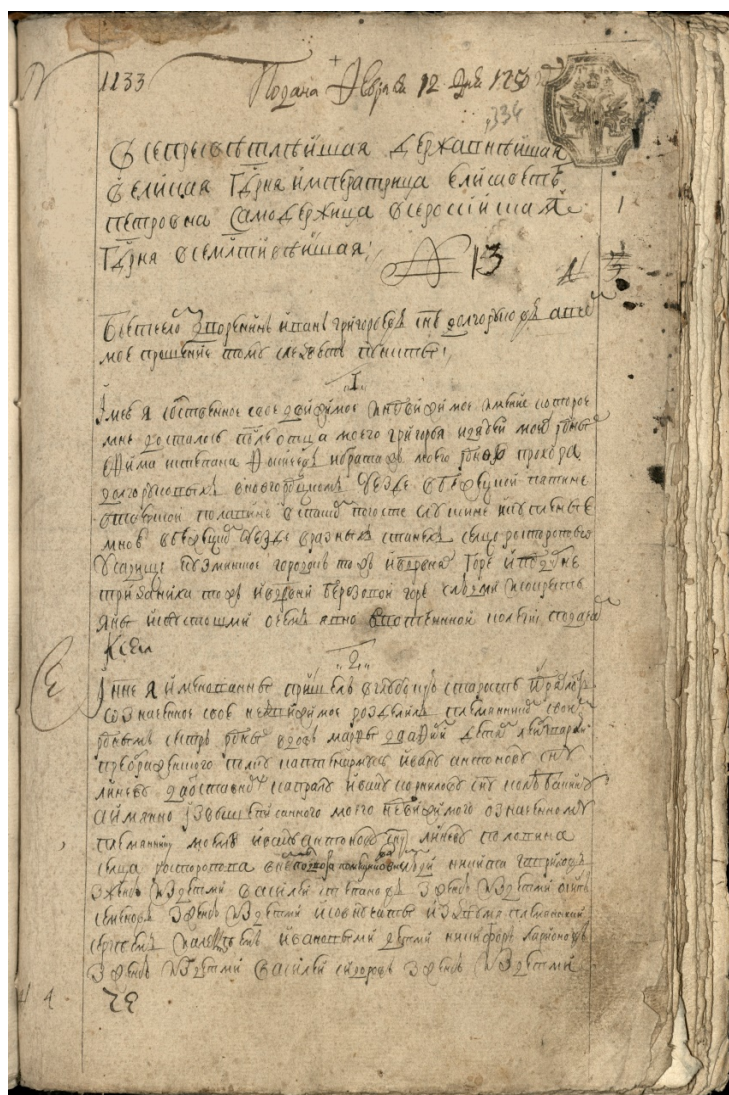
I

I have in my possession movable and immovable property which I inherited from my father Grigorii, my uncles from maternal lineage Efim Fokin and Stepan Fokin and from my brother Prokhor Dolgorukov. The estates I inherited is located in Novgorod Uyezd in Tver half of Bezhetsk Pyatina in Spasskii pogost, in Sluskino. I also bought land in Bezhetsk Uyezd, namely the hamlet of Rostoropovo, the farmstead of Kuzminskoe Gorodok, the hamlet of Gore and Poddubie, the village of Tridanikha, the village of Berezovaya Gora, with people, peasants and abandoned villages of which the Votchina Collegium is aware.

II

Due to my extremely old age and decrepitude, I want to divide my immovable property among my nephews, children of my sisters, widows Marfa and Afimia, retired Captainarmus of the Preobrazhenskii Regiment Guard Ivan Antonov son of Linev and retired Corporal Ivan Kornilov son of Kolyubakin is to inherit half of the hamlet of Rostoropovo with half of a landlord's house in the village and its yard with domestic servants. Ivan Kornilov son of Kolyubakin is to inherit the other half of the hamlet of Rostoropovo with another half of the same landlord's house and its peasant yard with domestic servants.]

⁵² “Chelobitnaya” [Petition]. Delo Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova o spravke za plemnyannikami ego Ivanom Antonovym synom Linevym i Ivanom Kornilovym synom Kolyubakinym dostavshegosya emu posle ottsa Grigoriya i dyadei Efima i Stepana Fokinykh detei i brata ego Prokhora Dolgorukovykh nedvizhimogo imeniya. 1750 [Case of Ivan son of Grigorii Dolgorukov on obtaining for his nephews, Ivan son of Anton Linev and Ivan son of Kornil Kolyubakin, real estate inherited by him after his father Grigori and after his uncles Efim Fokin and Stepan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1750]. F. 1209, DML, Novgorodskii uезд, kn. 8807, d. 13, ll. 334–334 ob. RGADA.

Fragment of the petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to Empress Elizabeth Petrovna.
February 1750.

Source: F. 1209, DML, Novgorodskii uyezd, kn. 8807, d. 13, l. 334. RGADA.

The petition mentions two sisters of Ivan Grigorievich Dolgorukov, Marfa, widow of Anton Linev with her son Ivan son of Anton Linev, and Afimia, widow of Kornil Kolyubakin, with her son Ivan son of Kornil Kolyubakin. This explains why Ivan Antonovich Linev was a nephew of Ivan Grigorievich Dolgorukov. It follows from the text of the petition that Ivan Linev also inherited a share of the village of Rastoropovo from the Dolgorukov family from maternal lineage.

The search carried out made it possible to draw up a list of six generations of the Dolgorukov family of the Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd related to the Kolyubakins and to the Linevs.

I – Pimen Dolgorukov.

II – Demid,⁵³ Foka (born about 1600) and Timofei, children of Pimen.⁵⁴

⁵³ "The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya," is. 4, 181–83.

III – Anton,⁵⁵ Efim,⁵⁶ Vasilisa, Stepan with his wife Lukeria Borisovna⁵⁷ and Grigorii⁵⁸ (born in 1637, died after 1722), children of Foka. Potap and his wife Aksinia Andreevna,⁵⁹ Matrena, Fedosia, Agraphena and Fekla, children of Timofei.⁶⁰

⁵⁴ “Vypiski iz datochnykh knig” [Extracts from land allotment books]. Delo po otnosheniyu Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda po prosheniyu Ivana Kirilova Kolyubyakina po prisylke spravki po zaruchnoi chelobitnoi Ivana Grigor'eva Dolgorukova o razdele s Ivanom Antonovym Linevym nedvizhimogo imeniya Efima i Stefana Fokinykh i brata ego Prokhora Dolgorukovykh. 1784–1786 [The case regarding the official letter of the Chamber of Civil Court of the Novgorod Viceroyalty on the petition of Ivan son of Kornil Kolyubyakin on sending a certificate for a petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to share with Ivan son of Anton Lineev the estate of Efim Fokin and Stephan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1784–1786]. F. 1209, DML. Novgorodskii uезд. Kn. 8816, d. 43, l. 373. RGADA.

⁵⁵ “Zhurnal zasedanii o nedoroslyakh” [Journal of the sessions on minors]. Ob otsylke nedoroslyya Nikolaya Dolgorukova gvardii v Preobrazhenskii polk v soldaty. 1764 maya 4 [On sending a minor Nikolai Dolgorukov to the Guard of the Preobrazhenskii Regiment as a soldier. May 4, 1764]. F. 286, op. 1, d. 526, l. 140. RGADA.

⁵⁶ “Chelobitnaya Tita Sergeeva syna Dolgorukova” [Petition of Tit son of Sergei Dolgorukov]. Po prosheniyu pomeshchika Dolgorukova o vladenii nasledstvennoyu ego pustosh'yu pomeshchikami Ivanom Linevym i Ivanom Kolyubakinyim. 1752 marta 14 [On the petition of landowner Dolgorukov on the ownership of the abandoned village inherited by him by landowners Ivan Linev and Ivan Kolyubakin. March 14, 1752]. F. 596, op. 1, d. 305, l. 1. RGADA; “Chelobitnaya” [Petition]. Delo Ivana Antonova syna Lineva o spravke i ob otkaze za nim posle dyadi ego rodnogo Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova nedvizhimogo imeniya Novgorodskogo uyezda. 1754 [Case of Ivan son of Anton Linev about the request and the following refusal on the handover of the real estate of Novgorod Uyezd after the death of his uncle Ivan son of Grigorii Dolgorukov. 1754]. F. 1209, DML, Novgorod Uyezd, kn. 8813, d. 63, l. 140. RGADA.

⁵⁷ “Vypiski iz datochnykh knig” [Extracts from land allotment books]. Delo po otnosheniyu Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda po prosheniyu Ivana Kirilova Kolyubyakina po prisylke spravki po zaruchnoi chelobitnoi Ivana Grigor'eva Dolgorukova o razdele s Ivanom Antonovym Linevym nedvizhimogo imeniya Efima i Stefana Fokinykh i brata ego Prokhora Dolgorukovykh. 1784–1786 [The case regarding the official letter of the Chamber of Civil Court of the Novgorod Viceroyalty on the petition of Ivan son of Kornil Kolyubyakin on sending a certificate for a petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to share with Ivan son of Anton Linev the estate of Efim Fokin and Stephan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1784–1786]. F. 1209, DML. Novgorodskii uезд. Kn. 8816, d. 43, ll. 373 ob.–374. RGADA.

⁵⁸ “Spisok” [Register]. Kniga del o smotre sluzhilykh lyudei i nedoroslei v Senate. 1721 [Register of cases on the inspection of service class people and minors in the Senate. 1721]. F. 286, op. 1, d. 3, l. 485 ob. RGADA; “Skazka otstavnogo reitara Grigoriya Fokina syna Dolgorukova 1722 fevral” [Record on the retired soldier Grigorii son of Foka Dolgorukov. February, 1722]. Skazki. 1721–1723 [Records. 1721–1723]. F. 286, op. 1, d. 13, l. 221. RGADA; “Raspiska Grigoriya Fokina syna Dolgorukova 1724 noyabrya 21” [Acknowledgement of Grigorii son of Foka Dolgorukii, November 21, 1724]. Kniga del. 1723–1727 [Register of cases. 1723–1727]. F. 286, op. 1, d. 60, l. 379. RGADA; “Spisok” [Register]. Kniga del. 1733 [Register of cases. 1733]. F. 286, op. 1, d. 152, l. 18. RGADA.

⁵⁹ “Proshenie” [Petition]. Proshenie Ivana Antonova syna Lineva o zapiske za nim menovnogo ot Ageya Potapova syna Dolgorukova s mater'yu ego Aksin'eyu Andreevoyu docher'yu Potapovoyu

IV – Sergei⁶¹ (born before 1692, died before 1752) and Bogdan, children of Anton.⁶² Tikhon son of Efim⁶³ (mentioned between 1726 and 1729); Ivan⁶⁴ (born in

zhenoyu Dolgorukovoyu nedvizhimogo imeniya Novgorodskogo uyezda. 1759 [Petition by Ivan son of Anton Linev on handing him over the real estate of Novgorod Uyezd, which was exchanged for him from Agei son of Potap Dolgorukov by his mother, Aksinya, daughter of Andrei Potapov, wife of Dolgorukov. 1759]. F. 1209, DML, Novgorodskii uyezd, kn. 8813, d. 68, l. 152. RGADA.

⁶⁰ “Spravka” [Reference]. Delo Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova o spravke za plemnyannikami ego Ivanom Antonovym synom Linevym i Ivanom Kornilovym synom Kolyubakinyem dostavshegosya emu posle ottsa Grigoriya i dyadei Efima i Stepana Fokinykh detei i brata ego Prokhora Dolgorukovykh nedvizhimogo imeniya. 1750 [Case of Ivan son of Grigorii Dolgorukov on obtaining for his nephews, Ivan son of Anton Linev and Ivan son of Kornil Kolyubakin, real estate inherited by him after his father Grigori and after his uncles Efim Fokin and Stepan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1750]. F. 1209, DML, Novgorod Uyezd, kn. 8807, d. 13, ll. 341–43. RGADA.

⁶¹ “Spisok” [Register]. Kniga del o smotre sluzhilykh lyudei i nedoroslei v Senate. 1721 [Register of cases on the inspection of service class people and minors in the Senate. 1721]. F. 286, op. 1, d. 3, l. 478. RGADA; “Spisok” [Register]. Zapisnaya kniga priezdov. 1722–1724 [Register of arrivals. 1722–1724]. F. 286, op. 1, d. 47, l. 97. RGADA; “Spisok” [Register]. Kniga del [Register of cases. 1736]. F. 286, op. 1, d. 181, l. 908. RGADA; “Zhurnal zasedanii o nedoroslyakh” [Journal of the sessions on minors]. Ob otsylke nedoroslya Nikolaya Dolgorukova gvardii v Preobrazhenskii polk v soldaty. 1764 maya 4 [On sending a minor Nikolai Dolgorukov to the Guard of the Preobrazhenskii Regiment as a soldier. May 4, 1764]. F. 286, op. 1, d. 526, l. 140. RGADA.

⁶² “Kopiya s zakladnoi” [Copy of a mortgage]. Delo po otnosheniyu Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda po prosheniyu Ivana Kirilova Kolyubyakina po prisylke spravki po zaruchnoi chelobitnoi Ivana Grigor'eva Dolgorukova o razdele s Ivanom Antonovym Linevym nedvizhimogo imeniya Efima i Stefana Fokinykh i brata ego Prokhora Dolgorukovykh. 1784–1786 [The case regarding the official letter of the Chamber of Civil Court of Novgorod Viceroyalty on the petition of Ivan son of Kornil Kolyubyakin on sending a certificate for a petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to share with Ivan son of Anton Lineev the estate of Efim Fokin and Stephan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1784–1786]. F. 1209, DML, Novgorodskii uyezd, kn. 8816, d. 43, l. 376 ob. RGADA.

⁶³ “Zhurnal” [Register]. Kniga del. 1726–1729 [Register of cases. 1726–1729]. F. 286, op. 1, d. 83, ll. 185, 187. RGADA.

⁶⁴ “Spisok” [Register]. Kniga del o smotre sluzhilykh lyudei i nedoroslei v Senate. 1721 [Register of cases on the inspection of service class people and minors in the Senate. 1721]. F. 286, op. 1, d. 3, l. 504 ob. RGADA; “Skazka otstavnogo reitara Grigoriya Fokina syna Dolgorukova 1722 fevral” [Record on the retired soldier Grigorii son of Foka Dolgorukov. February, 1722]. Skazki. 1721–1723 [Records. 1721–1723]. F. 286, op. 1, d. 13, l. 221. RGADA; “Spisok” [Register]. Kniga del. 1722–1725 [Register of cases. 1722–1725]. F. 286, op. 1, d. 48, l. 744. RGADA; “Spisok. Zapiska priezdov dragunov, kotorye oblozheny v denezhnyi oklad. Dopros” [Register. Record of the arrival of the taxed dragoons. Interrogation]. Kniga del. 1723–1727 [Register of cases. 1723–1727]. F. 286, op. 1, d. 60, ll. 185 ob, 244, 463. RGADA; Kniga del o razbore sluzhilykh lyudei Novgorodskogo razryada. 1724–1731 [Register of cases of the inspection of service class people of Novgorod ranks. 1724–1731]. F. 286, op. 1, d. 69, ll. 5, 369, 646. RGADA; “Ukaz” [Decree]. Ukazy i rezolyutsii Senata i prigovory Gerol'dmeisterskoi kontory. 1729 [Decrees and resolutions of the Senate and the adjudications of the Heralds office. 1729].

1682, died in 1750), Afimia⁶⁵ (married name Kolyubakina), Marta (married name Lineva) and Prokhor,⁶⁶ children of Grigorii. Agei son of Potap.⁶⁷

V – Tit son of Sergei⁶⁸ (mentioned between 1746 and 1752, died before 1764). Vasilii son of Bogdan.⁶⁹

F. 286, op. 1, d. 105, l. 16. RGADA; “Ukaz” [Decree]. Ukazy i rezolyutsii Senata. 1730 [Decrees and resolutions of the Senate. 1730]. F. 286, op. 1, d. 111, ll. 13, 26. RGADA; Vkhodyashchaya i iskhodyashchaya kniga. 1734 [Register of incoming and outgoing documents. 1734]. F. 286, op. 1, d. 157, l. 100. RGADA; Kniga del. 1734–1735 [Register of cases. 1734–1735]. F. 286, op. 1, d. 163, ll. 511, 515, 519, 521. RGADA; “Chelobitnaya otstavnogo draguna Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova” [Petition from a retired dragoon Ivan son of Grigorii Dolgorukov]. Kniga del. 1739 [Register of cases. 1739]. F. 286, op. 1, d. 223, ll. 212–13. RGADA; “Reestr reshennym delam o nedoroslyakh po Gerol'dmeisterskoi kontore 1743 goda” [Register of the solved cases involving minors under the Heralds office in 1743]. Kniga del o nedoroslyakh. 1743. [Register of cases involving minors. 1743]. F. 286, op. 1, d. 269, l. 524. RGADA.

⁶⁵ “Donesenie Novgorodskogo namestnicheskogo pravleniya” [Report of the Administration of Novgorod Viceroyalty]. O ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom. 1774 [On not recognizing soldier Vasilii Kolyubakin as a nobleman. 1774]. F. 286, op. 2, d. 44, l. 52 ob. RGADA.

⁶⁶ “Otnoshenie Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda” [Official letter of the Chamber of Civil Court of Novgorod Viceroyalty]. Delo po otnosheniyu Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda po prosheniyu Ivana Kirilova Kolyubyakina po prisylke spravki po zaruchnoi chelobitnoi Ivana Grigor'eva Dolgorukova o razdele s Ivanom Antonovym Linevym nedvizhimogo imeniya Efima i Stefana Fokinykh i brata ego Prokhora Dolgorukovykh. 1784–1786. [The case of the official letter of the Chamber of Civil Court of the Novgorod Viceroyalty on the petition of Ivan son of Kornil Kolyubyakin on sending a certificate for a petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to share with Ivan son of Anton Linev the estate of Efim Fokin and Stephan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1784–1786]. F. 1209, DML, Novgorodskii uезд, kn. 8816, d. 43, l. 366. RGADA.

⁶⁷ “Proshenie” [Petition]. Proshenie Ivana Antonova syna Lineva o zapiske za nim menovnogo ot Ageya Potapova syna Dolgorukova s mater'yu ego Aksin'eyu Andreevoyu docher'yu Potapovoyu zhenoyu Dolgorukovoyu nedvizhimogo imeniya Novgorodskogo uyezda. 1759. [Petition by Ivan son of Anton Linev on handing him over the real estate of Novgorod Uyezd, which was exchanged for him from Agei son of Potap Dolgorukov by his mother, Aksinya, daughter of Andrei Potapov, wife of Dolgorukov. 1759]. F. 1209, DML, Novgorodskii uезд, kn. 8813, d. 68, l. 152. RGADA.

⁶⁸ “Pokazaniya Tita Sergeeva syna Dolgorukova” [Testimony of Tit son of Sergei Dolgorukov]. Kniga del o nedoroslyakh. 1746–1747 [Register of cases involving minors. 1746–1747]. F. 286, op. 1, d. 318, l. 259. RGADA; F. 286, op. 1, d. 526, l. 140. RGADA; “Chelobitnaya Tita Sergeeva syna Dolgorukova” [Petition of Tit son of Sergei Dolgorukov]. Po prosheniyu pomeshchika Dolgorukova o vladenii nasledstvennoy ego pustosh'yu pomeshchikami Ivanom Linevym i Ivanom Kolyubakinyam. 1752 marta 14 [On the petition of landowner Dolgorukov on the ownership of the abandoned village inherited by him by landowners Ivan Linev and Ivan Kolyubakin. March 14, 1752]. F. 596, op. 1, d. 305, ll. 1–2. RGADA.

⁶⁹ “Kopiya s zakladnoi” [Copy of a mortgage]. Delo po otnosheniyu Novgorodskogo namestnichestva palaty grazhdanskogo suda po prosheniyu Ivana Kirilova Kolyubyakina po prisylke spravki po zaruchnoi chelobitnoi Ivana Grigor'eva Dolgorukova o razdele s Ivanom Antonovym Linevym nedvizhimogo imeniya Efima i Stefana Fokinykh i brata ego Prokhora

VI – Nikolai⁷⁰ (born in 1747), Timofei⁷¹ (mentioned between 1746 and 1747 as a minor) and Katerina,⁷² children of Tit.

It was possible to find information in RGADA about Grigorii Fokich Dolgorukov, a retired reiter from Novgorod Uyezd, Bezhitsk pyatina, and his son, gragoon Ivan Grigorievich, a brother to wives of Kornil Mikhailovich Kolyubakin and Anton Linev.

The archives preserved a record documented from the words of Grigorii Fokich in 1722 at the Heralds Office in Moscow, where he appeared in front of heroldmeister Stepan Andreevich Kolychev “along with his fellows.”⁷³ In this record, Grigorii Dolgorukov gave the following testimony:

otstavnoi reitar Grigorei Fokin syn Dolgorukov... ot rodu mne vosem'desyat pyat' let dryakhl i uvechen izozhzhzen ot razboinikov sluzhil zhe s 1673 godu reitarskuyu sluzhbu i na sluzhbach Ego Imperatorskogo Velichestva vezde byl s priedzu do otpuskov a u kogo v polku boyar i voevod i v kotorykh godekh i gorodekh o tom yavno v voennom prikaze i v 701 godu za starost' i za sluzhby ot polkovye sluzhby otstavlen... i posle togo predlozhen na denezhnoi oklad po dva rubli na god i takie den'gi platil po vsya gody spolna bez doimki a detei u menya syn Ivan soroka let uvechen izozhzhzen ot razboinikov byl v dragunekh i predlozhen na denezhnoi oklad

Dolgorukovykh. 1784–1786 [The case regarding the official letter of the Chamber of Civil Court of Novgorod Viceroyalty on the petition of Ivan Kirilov Kolyubyakin on sending a certificate for a petition of Ivan Grigoriev Dolgorukov to share with Ivan Antonov Linev the estate of Efim Fokin and Stephan Fokin and his brother Prokhor Dolgorukov. 1784–1786]. F. 1209, DML, Novgorodskii uezd, kn. 8816, d. 43, l. 376. RGADA.

⁷⁰ “Zhurnal zasedanii o nedoroslyakh” [Journal of the sessions on minors]. Ob otsylke nedoroslyya Nikolaya Dolgorukova gvardii v Preobrazhenskii polk v soldaty. 1764 maya 4 [On sending a minor Nikolai Dolgorukov to the Guard of the Preobrazhenskii Regiment as a soldier. May 4, 1764]. F. 286, op. 1, d. 526, l. 140. RGADA.

⁷¹ “Pokazaniya Tita Sergeeva syna Dolgorukova” [Testimony of Tit son of Sergei Dolgorukov]. Kniga del o nedoroslyakh. 1746–1747 [Register of cases involving minors. 1746–1747]. F. 286, op. 1, d. 318, l. 259. RGADA.

⁷² “Chelobitnaya” [Petition]. Delo Afonas'ya Petrova syna Lodygina o spravke za nim prodannogo ot Kateriny Ivanovoi zheny Karaulovoi nedvizhimogo Novgorodskogo imeniya. 1765 [The case of Afonasiy son of Pyotr Lodygin about handing him over the real estate in Novgorod sold by Katerina daughter of Ivan Karaulova. 1765]. F. 1209, DML, Novgorodskii uezd, kn. 8810, d. 1, ll. 1–2. RGADA.

⁷³ Kolychev, Stepan Andreevich (1674 or 1679–1735), a statesman, the first Russian heraldmeister from January 18, 1722 (See N.A. Komolov, “Kolychev, Stepan Andreevich” [in Russian], *Voronezh Encyclopedia*, vol. 1, A–M, ed. M.D. Karpachev (Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya, 2008), 385.

*vmesto sluzhby a krest'yanskikh dvorov za mnoyu nyne net a kotorye byli i te spravleny za vyshepisannym synom moim Ivanom. . .*⁷⁴

[The retired reiter Grigori son of Foka Dolgorukov. . . I am eighty-five years old and decrepit, mangled and mutilated by robbers. I started my service in the rank of reiter in 1673 and was at the service of His Imperial Majesty. In what regiment of boyars and voivodes, in what year and in what cities I served was clearly written down in the military department. In the year of 701 I was discharged from service because of age. I was supposed to pay two roubles a year and paid in full. My son Ivan is forty years old and he was also mangled and mutilated by robbers. Ivan was a member of the Dragoon corps and was also offered to replace service with annual payment. There are no peasant homesteads that belonged to me now, and those peasant homesteads that used to belong to me before passed on to my son Ivan.]

On arrival in Moscow on May 5, 1724 for the inspection declared by a government decree, Ivan Grigorievich Dolgorukov told about himself that he was 43 years old and he had served since 1708. He testified that he had 3 peasant homesteads in Novgorod Uyezd in the village of Rastoropovo. Ivan Dolgorukov declared that following the order of landrichter of Novgorod Yakov Rimskii-Korsakov,⁷⁵ his service was replaced with a payment of six roubles per year in 1709, which he paid on time without debts.⁷⁶

The dramatic events mentioned by his father Grigorii Fokich in connection with the injuries and burns they both received “from the robbers” are described in even greater detail by Ivan Grigorevich himself. In his petition sent in March 1739, he reported that

Gosudarynya imperatritsa Anna Ioannovna... sluzhil ya Vashemu Imperatorskomu Velichestvu s 707 godu iz nedoroslei v Novo Pribornom polku dragunom i v 709 godu is togo polku dlya svoikh nuzhd otpushchen byl v dom svoi i v bytnost' moyu v dom moi prikhodya neodnokratno vory razboiniki menya i ottsa moego bili i muchili smertno i ognem zhgli i golovu klyapom zavertyvali otchego spinu i u

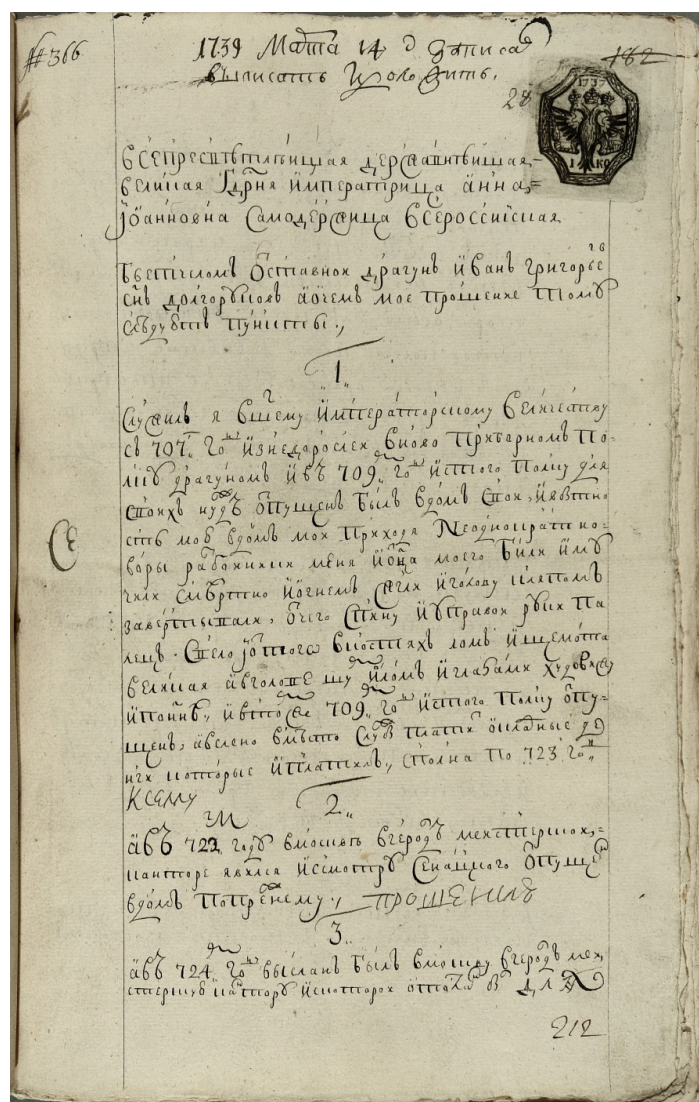
⁷⁴ “Skazka otstavnogo reitara Grigoriya Fokina syna Dolgorukova” [Record on the retired soldier Grigorii son of Foka Dolgorukov]. Skazki. 1722 [Records. 1722]. F. 286, op. 1, d. 13, l. 221. RGADA.

⁷⁵ Yakov Nikitich Rimskii-Korsakov, a commandant of Kopor and Landrichter of Ingria, Vice-Governor of St Petersburg in 1711. In 1715 he was exiled for various cases of misconduct (See F.A. Brockhaus and I.A. Efron, comps., *Encyclopedic Dictionary* [in Russian], vol. 26a, *Rezonans i rezonatory – Roza di-Tivoli* (St Petersburg: Tipografskoe aktsionernoe obshchestvo “Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz-Efron”, 1899), 724.

⁷⁶ “Zapiska priezdov dragunov, kotorye oblozheny v denezhnyi oklad” [Record of the arrivals of the taxed dragoons]. Kniga del. 1723–1727 [Register of cases. 1723–1727]. F. 286, op. 1, d. 60, l. 244. RGADA.

*pravoi ruki palets svelo i ot togo v kostyakh lom i shchemota velikaya i v golove shum i lom i glazami khudo vizhu...*⁷⁷

[Your Majesty Empress Anna Ioannovna. . . I started serving Your imperial majesty as a minor in the Novopribornyi Regiment in the rank of dragoon in the year 707. In the year 709 I was released from that regiment for my own needs. Thieves and robbers have come to my house many times. They beat me and my father and tortured us terribly. They burned us with fire and tied our heads with gags, which made my back and mys right hand cramped, which is why my bones ache and my head aches and my eyes do not see properly. . .]

Fragment of the petition of Ivan son of Grigorii Dolgorukov to Empress Anna Ioanovna.

March 1739.

Source: F. 286, op. 1, d. 223, l. 212. RGADA.

⁷⁷ "Chelobitnaya otstavnogo draguna Ivana Grigor'eva syna Dolgorukova" [Petition from the retired dragoon Ivan son of Grigorii Dolgorukov]. Kniga del. 1739 [Register of cases. 1739]. F. 286, op. 1, d. 223, ll. 212–13. RGADA.

The question about the essence of the events connected with the repeated attack of robbers on the house of landowners of the village of Rastoropovo Grigorii Fokich and his son Ivan Dolgorukov is beyond the scope of this article.

Speaking about the development of the landowning families in Ustyuzhna Uyezd in the 17th–19th centuries, it should also be noted that the Dolgorukovs were not mentioned in the cadastres of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd of 1685–86. At the same time, along with Sergei Fedorov and Ontsyfor son of Ivan Linev and Kuzma Kulibakin and Gerasim Kulibakin, children of Isai, mentioned earlier in this article, the cadaster mentioned landowners Fyodor son of Timofei Kulibakin and his father Timofei son of Safon (also mentioned as Safron) Kulibakin. Fyodor Kulibakin and Timofei Kulibakin were also close relatives of the previously mentioned Kolyubakins. From the genealogy of the Kolyubakin family, it is known that Timofei Sofronievich was a cousin of Kuzma Isaevich and Gerasim Isaevich.

According to the record of April 8, 193 (1685) in the registers of Ustyuzhnya Zhelezopolskaya made by local court clerk Ivashka Krivoshein, Fyodor son of Timofei Kulibakin owned a part of the estate of the village of Kvashnino.⁷⁸ According to another record of the year 184 (1675/1676) from the register of Ustyuzhnya Zhelezopolskaya, artilleryman Mishka Presnyakov also owned a plot in exactly the same village of Kvashnino. On July 30 194 (1686), this property was officially included into the Timofei's votchina.⁷⁹ The appearance of the mixed estate-votchina property of the Kolyubakins proves the strengthening of the positions of these landowners in Ustyuzhnya Zhelezopolskaya at the end of the 17th century.

The materials for the valuation of landed property in Ustyuzhna Uyezd of Novgorod Governorate published in 1897 do not list the family of Dolgorukov among landowners.⁸⁰ Apparently, by the early 20th century, the Ustyuzhna branch of the Dolgorukov family had almost vanished, or maybe most of its representatives had left Ustyuzhna Uyezd and the governorate. In any case, in the second part of the noble genealogical book of Novgorod Governorate, there is a record only about one landowner, Nikolai Alexandrovich Dolgorukov, his wife Elisaveta Ivanovna and their three children, Nikolai, Pyotr, and Vladimir. The record was made in compliance with the order of the noble assembly on June 5, 1836.⁸¹

The property status of the Linev family had been strengthening up until the middle of the 19th century. Staff Sergeant Login Linev, who retired on November 26,

⁷⁸ Pugach, "The cadastre of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in 1685–1686," 177–78.

⁷⁹ Pugach, "The cadastre of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in 1685–1686," 185–86.

⁸⁰ *Materials for the valuation of landed property in Novgorod Governorate. Ustyuzhna Uyezd* [in Russian] (Novgorod: Tipografiya A.S. Fedorova, 1897).

⁸¹ P.P. Golitsyn, comp., *The list of noble families of Novgorod Governorate from 1787 to January 1, 1910, with the attachment of the list of governorate and uyezd marshals of the nobility of 1767* (Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1910), VII, 76.

1841, inherited from his late father the family estate Dubrovo-Linevo consisting of eight villages and hamlets with 144 serfs, located in the Rastoropovskaya Volost of Ustyuzhna Uyezd. However, by the early 1870s, the estate had already gone bankrupt. Already in 1876, the Dubrovo-Linevo estate was sold to debts collectors.⁸² In 1897, the Linevs were mentioned in Ustyuzhna Uyezd only as former landowners.⁸³

By the end of the 19th century, the Kolyubakins had taken a very strong position in the region as landowners of Ustyuzhna Uyezd. In 1897, among those landowners were Nikolai Alexandrovich Kolyubakin (November 19, 1839 – February 20, 1911), a rather prominent figure in Ustyuzhna Uyezd at that time; Dmitrii Viktorovich Kolyubakin (1843 – October 19, 1913), an honorable citizen of Cherepovets, and his wife Yuliya Vasilievna; Anna Pavlovna Kolyubakina (died in 1903), wife of Nikolai Alexandrovich's brother; and the heirs of Nadezhda Antonovna Kolyubakina, widow of Counter Admiral Alexander Nikolaevich Kolyubakin.⁸⁴

Ustyuzhna landowners Nikolai Alexandrovich Kolyubakin (centre) and Dmitrii Viktorovich Kolyubakin (right) with Colonel Alexei Mikhailovich Kolyubakin (left), compiler of the Kolyubakin family album. Ustyuzhna, August 2, 1897.

Source: Collection of Yu.B. Shmarov, Kolyubakins' file, l. 54. Pushkin State Museum of Fine Arts.

⁸² Vorotyntseva, "The noble family of Linev," 129, 138.

⁸³ *Materials for the valuation of landed property in Novgorod Governorate. Ustyuzhna Uyezd*, 5, 10, 15 (pag. 2), 17, 26, 30, 31 (pag. 3).

⁸⁴ *Materials for the valuation of landed property in Novgorod Governorate. Ustyuzhna Uyezd*, 68 (pag. 2), 16 (pag. 5); Marov, *The Kolyubakins: Materials for the genealogy*, 127–28, 152–54, 192–95.

The village of Rastoropovo, which the Kolyubakin family inherited from the Dolgorukovs, was the family estate of the Kolyubakins for many years until the early 1910s. It passed from Kornil Mikhailovich Kolyubakin to his son Ivan, and later to his grandson Vasilii Ivanovich, who was married to Elizaveta Alexandrovna Epanchina (1765–1835).⁸⁵ After that the estate was inherited by the son of Vasilii Ivanovich, Staff Captain Alexander Vasilievich Kolyubakin (1796–1860) who served as the marshal of the nobility of Ustyuzhna Uyezd in 1842–44.⁸⁶

Anna Pavlovna Kolyubakina, née Unkovskaya, and her husband Mikhail Alexandrovich Kolyubakin (1840 – after 1915).

Source: Likharevy, dvoryane Zubtsovskogo uyezda [The Likharevs, noblemen of Zubtsov Uyezd]. F. 1063, op. 1, d. 277, l. 20. GATO.

Nikolai Alexandrovich Kolyubakin was the last owner of the estate. The list of his immovable property speaks about the high property status of this landowning family. In 1866–82 Nikolai Alexandrovich Kolyubakin owned the lands that included the Rastoropovo estate, a part of the hamlet of Posadnitsy and the hamlet of

⁸⁵ “Kolyubakiny-Kornilovich. Vasilii Ivanovich Kolyubakin i ego zhena Elizaveta Aleksandrovna rozhdenneya Epanchina” [The Kolyubakins-Korniloviches. Vasilii Ivanovich Kolyubakin and his wife Elizaveta Alexandrovna, nee Epanchina]. Dokumenty dvoryan Kolyubakinykh i ikh rodstvennikov [Documents of the nobles Kolyubakins and their relatives]. F. 1063, op. 1, d. 277, l. 48. GATO; A.A. Epanchin and A.Ya. Motorkin, comps., “Genealogy of the Epanchins” [in Russian], in *Local history collection: archival materials* (Murom: Rekom, 2005), 101–03.

⁸⁶ P.P. Golitsyn, comp., “Uyezd marshals of the nobility” [in Russian], in *The list of noble families of Novgorod Governorate from 1787 to January 1, 1910, with the attachment of the list of governorate and uyezd marshals of the nobility of 1767*, 38 (pag. 3).

Duplikhovo, and also i the abandoned villages of Pushnovo, Guzarevo, Shaglovo, Arzhanukhino, Lukyantsevo, Stepantsevo, Pavlishchevo, Anufrikha, Krivaya Gora, and Shaglichy, and the villages of Gora, Kresttsy, Kuzminskii Gorodok and Aleksino.⁸⁷ In 1897–1911, he owned two estates, Staroe Rastoropovo and Novoe Rastoropovo, parts of the hamlet of Rastoropovo with the village of Gorka, the hamlet of Posadnitsy, the hamlet of Yakovlevo, the village of Znamenskoe, and some abandoned villages in Rastoropovo Volost of Ustyuzhna Uyezd of Novgorod Governorate.⁸⁸ The last three generations of the Kolyubakins were buried not far away from Rastoropovo near the extant Transfiguration Spaso-Katskaya Church of Spaso-Slezkinskii pogost. The pogost itself was located in the southwest of Ustyuzhna Uyezd on the river Kat', next to the village of Kresttsy.⁸⁹

⁸⁷ “Zhurnal Novgorodskogo gubernskogo po krest'yanskim delam prisutstviya” [Journal of the Novgorod governorate office for peasant affairs]. Delo g-na Kolyubakina N.A. Novgorodskoi gubernii Ustyuzhnskogo uezda v selenii Gore. 1866 [The case of Mr. N.A. Kolyubakin from Novgorod Governorate, Ustyuzhna Uyezd, the settlement of Gora. 1866]. F. 577, op. 22, d. 3250, l. 1. RGIA; “Zhurnal Novgorodskogo gubernskogo po krest'yanskim delam prisutstviya” [Journal of the Novgorod governorate office for peasant affairs]. Delo g-na Kolyubakina N.A. Novgorodskoi gubernii Ustyuzhnskogo uezda v s. Aleksine. 1869 [The case of Mr. N.A. Kolyubakin from Novgorod Governorate, Ustyuzhna Uyezd, the village of Aleksino. 1869]. F. 577, op. 22, d. 3251, l. 2. RGIA; “Zhurnal Novgorodskogo gubernskogo po krest'yanskim delam prisutstviya” [Journal of the Novgorod governorate office for peasant affairs]. Delo g-na Kolyubakina N.A. Novgorodskoi gubernii Ustyuzhnskogo uezda seleniya Kuz'minska-Gorodka. 1871 [The case of Mr. N.A. Kolyubakin from Novgorod Governorate, Ustyuzhna Uyezd, the village of Kuzminsk-Gorodok. 1871]. F. 577, op. 22, d. 3252, l. 2. RGIA; “Zhurnal Novgorodskogo gubernskogo po krest'yanskim delam prisutstviya” [Journal of the Novgorod governorate office for peasant affairs]. Delo g. Kolyubakina N.A. seleniya Kresttsev Novgorodskoi gubernii Ustyuzhnskogo uezda. 1882 [The case of Mr. N.A. Kolyubakin from Novgorod Governorate, Ustyuzhna Uyezd, the village of Krestsy. 1882]. F. 577, op. 22, d. 3253, l. 2. RGIA.

⁸⁸ *Materials for the valuation of landed property in Novgorod Governorate. Ustyuzhskii uyezd*, 2, 5, 16–19 (pag. 3), 16 (pag. 5); *List of settlements of Novgorod Governorate. Ustyuzhnskii district* [in Russian], ed. S.R. Mintslov, issue VIII (Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1911), 82–83; “Arkhivnaya spravka” [Archive reference]. Ex. no. 133 as of November 7, 2007. Ustyuzhensk Museum of Local Lore.

⁸⁹ V.V. Sheremetevskii, *Russian provincial necropolis* [in Russian], vol. 1, *Governorates of Arkhangel'sk, Vladimir, Vologda, Kostroma, Moscow, Novgorod, Olonets, Pskov, St Petersburg, Tver, Yaroslavl, and Valaam and Konevskii monasteries of Vyborg Governorate* (Moscow: Tipolitografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1914), 419; *Church-Historical Atlas of Vologda Oblast* [in Russian], vol. 1, Lists of churches and monasteries, comp. N.M. Makedonskaya (Vologda: Drevnosti Severa, 2007), 94.

Nadezhda Antonovna Kolyubakina, née Ryleeva, with her daughters Ekaterina and Alexandra and her husband Counter Admiral Alexander Nikolaevich Kolyubakin (1793–1849).
Source: Collection of Yu.B. Shmarov, Kolyubakins' file, l. 90. Pushkin State Museum of Fine Arts.

Conclusion

The analysis of arrival of the landowning families of Kolyubakin, Linev and Dolgorukov in Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd, their interaction and marriage ties that led to redistribution of landed property as well as further development of family clans in the course of the 17th–19th centuries allowed us to illustrate by concrete examples and in sufficient detail a number of previously revealed patterns of formation of land ownership in the uyezd.

The results of the research can be formulated as follows:

1. It was revealed that the Kolyubakins and the Dolgorukovs moved to Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd at the beginning of the 17th century from Bezhet'sk Pyatina. The Linevs arrived from Vod'skaya Pyatina of Novgorod Land as a result of allocation to them of estates on the uyezd lands. It was noted that the Linevs, probably, also had estates in the uyezd before the beginning of the 17th century. Members of these clans also stayed in the territories of Novgorod pyatins, where, according to the census of 1678, there were 18 representatives of the Kulebakin family; four, of the Linev family; and eight, of the Dolgorukov family.⁹⁰

2. It was established that the reason for the emergence of family relations between the families under consideration was that the estates granted to them bordered each other or even represented shares of the same territorial formations (villages or abandoned villages). The ties between the families of Kolyubakin and Linev were traced back in the period between the first half of the 17th century and the middle of

⁹⁰ Vorob'ev and Degtyarev, *Russian feudal landownership*, 117–18.

the 19th century. The connection of both of these families with the Dolgorukov family was revealed to exist at the beginning of the 18th century.

3. It was shown that family ties led to redistribution of local property between families through its transfer as dowry, as was the case of the transfer of parts of the village of Rastoropovo from the Dolgorukovs to the Kolyubakins, or to nephews and grandnephews in the female line through inheritance by lateral branches, as was the case of the transfer of parts of the village of Kvashnino from the Kolyubakins to the Linevs and half of the village of Rastoropovo from the Dolgorukovs to the Linevs.

4. The Ustyuzhna family branch of the Dolgorukov family was reconstructed, including five generations of descendants and covering the period from the end of the 16th century to the second half of the 18th century.

A preliminary analysis of the sources from the fonds of Pomestnyi Prikaz at the Russian State Archive of Ancient Acts shows that similar connections and the resulting redistribution of the local property also took place between other landowning families of Ustyuzhna Uyezd, for instance, the Kolyubakins and the Ushakovs, the Laptevs, the Khodnevs, et al. The study of these ties could constitute a possible subject for further research in this direction. This research does not have to cover only Ustyuzhna Uyezd and can be expanded.

Список литературы

Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. II / составитель Д.Я. Самоквасов; Московский Архив Управления Юстиции. Москва: Университетская типография, 1909. XXIII, 141, 629 с.

Брумфилд У.К. Устюжна: западная жемчужина Вологодского края // Устюжна: фотоальбом. Москва: Три квадрата, 2010. С. 7–32.

Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ / ответственный редактор А.Л. Шапиро. Ленинград: ЛГУ, 1986. 199 с.

Воротынцева Е.А. Дворяне Линевы, храм Вознесения Господня и портрет Пушкина // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 6. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 121–158.

Голицын П.П. Список дворянских родов Новгородской губернии с 1787 по 1-е января 1910 г., с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года / составлено П.П. Голицыным. Новгород: Губернская типография, 1910. XXXIII, 360, XXXIX с.

Иванов П.И. Обзор писцовых книг по Нову-городу и Пскову. Москва: Типография Правительствующего сената, 1841. [4], 256, 99 с.

Камкин А.В. Петр Андреевич Колесников – историк Устюжны // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 3. Вологда: Русь, 1995. С. 411–420.

Колесников П.А. Дворянство Устюженского уезда XVII – начала XX века // Устюжна: историко-литературный альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 1–2. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда: Легия, 2007. С. 288–309.

Колесников П.А. Устюжна Железопольская по материалам описаний 1567 и 1597 гг. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н.В. Устюгова / под редакцией В.И. Шункова. Москва: Наука, 1966. С. 144–147.

Колесников П.А. Устюжно-Железопольский уезд в XVII в. // Проблемы исторической географии России: материалы Второй Всесоюзной конференции по исторической географии России, Москва, 25–26 ноября 1980 г. Вып. 1: Формирование государственной территории России / под общей редакцией Я.Е. Водарского. Москва: Институт истории СССР, 1982. С. 182–187.

Маров М.Н. Дело о не признании солдата Василия Колюбакина дворянином // Известия Русского генеалогического общества. 2021. Вып. 37. С. 211–223.

Маров М. Родословный альбом // Мир музея. 2020. № 11 (399). С. 10–14.

Маров М.Н. Род Колюбакиных: Материалы к родословию. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. 323 с.

Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Устюжнский уезд / под редакцией С.Р. Минцлова. Новгород: Типография А.С. Федорова, 1897. 957 с. разд. паг.

Морозов Б.Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линева, Ершовых, Сомовых, Окуновых с уникальными известиями XIV–XV вв. // Историческая генеалогия. 1993. Вып. 2. С. 42–43; 1994. Вып. 4. С. 14–19.

Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. Москва: Издательство АН СССР, 1957. 408 с.

Писцовая книга станов и волостей Устюжны Железопольской / публикация И.В. Пугача // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 1–2. Вологда: Легия, 2007. С. 91–116, 409–430. Вып. 3. Вологда: Русь, 1995. С. 294–345. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 163–238.

Пугач И.В. Писцовая книга Устюжно-Железопольского уезда 1685–1686 гг. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвузовский сборник научных трудов, посвященный П.А. Колесникову / под редакцией А.В. Камкина. Вологда: ВГПИ, 1992. С. 169–188.

Пугач И.В. Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство: дис. ... канд. ист. наук. Вологодский государственный педагогический университет, 1999. 298 с.

Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI – первой половине XVII века // Устюжна: краеведческий альманах / под редакцией М.А. Безнина. Вып. 4. Вологда: Легия, 2000. С. 58–83.

Родословие Епанчиных / составители А.А. Епанчин, А.Я. Моторкин // Краеведческий сборник: материалы архива. Муром: Реком, 2005. С. 81–122.

Рыбаков А.А. Устюжна. Череповец. Вытегра. Ленинград: Искусство, 1981. 213 с.

Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / составитель А. Барсуков. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. 626 с.

Список населенных мест Новгородской губернии / составитель и редактор С.Р. Минцлов. Вып. VIII. Устюжнский уезд. Новгород: Губернская типография, 1911. 129 с.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. История происхождения, значение и национальные черты наследственных родовых имен и псевдонимов / перевод Л.А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2021. 559 с.

Церковно-исторический атлас Вологодской области: в 2 т. Т. 1: Списки церквей и монастырей / автор-составитель Н.М. Македонская; Вологодское Православное Духовное училище. Вологда: Древности Севера, 2007. 256 с.

Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г.: с алфавитным указателем и приложениями / составлено М. Чернявским. Тверь: [Б. и.], 1869. XIII, 219 л.

Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь: Т. 1: Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгская губернии, монастыри Валаамский и Коневский. Москва: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1914. IX, 1008 с.

Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев: Типография университета святого Владимира, 1915. Вып. 4. VIII, 235 с. (Сборники Студенческого историко-этнографического кружка при Императорском Университете святого Владимира под руководством профессора М.В. Довнар-Запольского).

References

Arkhivnyi material: Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnykh uchrezhdenii Moskovskogo tsarstva [Archival material: Newly discovered documents of the local and patrimonial institutions of the Tsardom of Moscow]. Vol. 2, comp. D.Ya. Samokvasov, Moskovskii Arkhiv Upravleniya Yustitsii. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1909. (In Russian)

Barsukov, A. comp. *Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya po napechatannym pravitel'stvennym aktam* [Lists of town voivodes and other persons of voivode administration of the Russian State according to published government regulations], St Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1902. (In Russian)

Brumfield, W.C. “Ustyuzhna: zapadnaya zhemchuzhina Vologodskogo kraia” [Ustyuzhna: Vologda’s western treasure]. In *Ustyuzhna* (in Russian and English), 7–32. Moscow: Tri Kvadrata, 2010.

Chernyavskii, M.P., comp. *Genealogiya gospod dvoryan, vnesennykh v rodoslovnuyu knigu Tverskoi gubernii s 1787 po 1869 g.: s alfavitnym ukazatelem i prilozheniyami* [Genealogy of noblemen, listed in the genealogical book of Tver Governorate from 1787 to 1869: with an alphabetical index and appendices]. Tver: [n.p.], 1869. (In Russian)

Epanchin, A.A., and A.Ya. Motorkin, comps. “Rodoslovie Epanchinykh” [Genealogy of the Epanchins]. In *Kraevedcheskii sbornik: materialy arkhiva* [Local history collection: archival materials], 81–122. Murom: Rekom, 2005. (In Russian)

Golitsyn, P.P., comp. *Spisok dvoryanskikh rodov Novgorodskoi gubernii s 1787 po 1 e yanvarya 1910 g., s prilozheniem spiska gubernskikh i uездnykh predvoditelei dvoryanstva 1767 goda* [The list of noble families of Novgorod Governorate from 1787 to January 1, 1910, with the attachment of the list of governorate and uyezd marshals of the nobility of 1767]. Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1910. (In Russian)

Ivanov, P.I. *Obozrenie pistovykh knig po Novu-gorodu i Pskovu* [Review of the cadastres of Novgorod and Pskov]. Moscow: Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata, 1841. (In Russian)

Kamkin, A.V. “Petr Andreevich Kolesnikov – istorik Ustyuzhny” [Petr Andreevich Kolesnikov – a historian of Ustyuzhna]. In *Ustyuzhna: kraevedcheskii al'manakh* [Ustyuzhna: Local history almanac], edited by M.A. Beznin, is. 3, 411–20. Vologda: Rus', 1995. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. “Dvoryanstvo Ustyuzhenskogo uezda XVII – nachala XX veka” [Nobility of Ustyuzhna Uyezd of the 17th – early 20th century]. In *Ustyuzhna: istoriko-literaturnyi al'manakh* [Ustyuzhna: historical and literary almanac], edited by M.A. Beznin, is. 1–2, 2nd rev. ed., 288–309. Vologda: Legiya, 2007. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. “Ustyuzhna Zhelezopol'skaya po materialam opisani 1567 i 1597 gg.” [Ustyuzhna Zhelezopolskaya according to descriptions of 1567 and 1597]. In *Goroda feodal'noi Rossii: sbornik statei pamyati N.V. Ustyugova* [Cities of feudal Russia: a collection of articles in memory of N.V. Ustyugov], edited by V.I. Shunkov, 144–47. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian)

Kolesnikov, P.A. “Ustyuzhno-Zhelezopol'skii uезд v XVII v.” [Ustyuzhna-Zhelezopolskaya Uyezd in the 17th century]. In *Problemy istoricheskoi geografii Rossii: materialy Vtoroi Vsesoyuznoi konferentsii po istoricheskoi geografii Rossii, Moskva, 25–26 noyabrya 1980 g.* [Problems of historical geography of Russia: proceedings of the Second All-Union Conference on the historical geography of Russia, Moscow, November 25–26, 1980], issue 1, *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Rossii* [Formation of the state territory of Russia], edited by Ya.E. Vodarskii, 182–87. Moscow: Institut istorii SSSR, 1982. (In Russian)

Marov, M.N. “Delo o ne priznanii soldata Vasiliya Kolyubakina dvoryaninom” [The case of not recognizing soldier Vasilii Kolyubakin as a nobleman]. *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*, is. 37 (2021): 211–23. (In Russian)

Marov M.N. *Rod Kolyubakinykh: Materialy k rodosloviyu* [The Kolyubakins: Materials for the genealogy]. St Petersburg: SPbGU, 2008. (In Russian)

Marov M. “Rodoslovnyi al'bom” [Genealogical album]. *Mir muzeya*, no. 11 (399) (2020): 10–14. (In Russian)

Mintslov, S.R., comp. *Spisok naselennykh mest Novgorodskoi gubernii* [List of settlements of Novgorod Governorate]. Is. 8, *Ustyuzhnskii uезд* [Ustyuzhna Uyezd]. Novgorod: Gubernskaya tipografiya, 1911. (In Russian)

Mintslov, S.R., ed. *Materialy dlya otsenki zemel'nykh ugodii Novgorodskoi gubernii. Ustyuzhnskii uезд* [Materials for the valuation of landed property in Novgorod Governorate. Ustyuzhna Uyezd]. Novgorod: Tipografiya A.S. Fedorova, 1897. (In Russian)

Morozov, B.N. “Rodoslovnaya rospis' Chikhachevykh, Gorstkinykh, Linevykh, Ershovykh, Somovykh, Okunevykh s unikal'nymi izvestiyami XIV–XV vv.” [Genealogical table of the Chikhachevs, Gorstkings, Linevs, Ershovs, Somovs, and Okunevs with unique news from the 14th–15th centuries]. *Istoricheskaya genealogiya*, vol. 2 (1993): 42–43; vol. 4 (1994): 14–19. (In Russian)

Nosov, N.E. *Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoi poloviny XVI v.* [Essays on the history of local governance of the Russian State in the first half of the 16th century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. (In Russian)

“Pistsovaya kniga stanov i volostei Ustyuzhny Zhelezopol'skoi” [The cadastre of stans and volosts of Ustyuzhna Zhelezopolskaya], published by I.V. Pugach. In *Ustyuzhna: kraevedcheskii al'manakh* [Ustyuzhna: Local history almanac], ed. M.A. Beznin, is. 1–2, 91–116, 409–30. Vologda: Legiya, 2007; is. 3, 294–345. Vologda: Rus', 1995; is. 4, 163–238. Vologda: Legiya, 2000. (In Russian)

Pugach, I.V. “Pistsovaya kniga Ustyuzhno-Zhelezopol'skogo uezda 1685–1686 gg.” [The cadastre of Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd]. In *Problemy istoriografii i istochnikovedeniya istorii Evropeiskogo Severa: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi*

P.A. Kolesnikovu [Problems of historiography and source study of the history of the European North: interuniversity collection of scientific works devoted to P.A. Kolesnikov], edited by A.V. Kamkin, 169–88. Vologda: VGPI, 1992. (In Russian)

Pugach, I.V. “Ustyuzhno-Zhelezopol'skii uезд v XVI – pervoi polovine XVII veka” [Ustyuzhna Zhelezopolskaya Uyezd in the 16th – first half of 17th century]. In *Ustyuzhna: kraevedcheskii al'manakh* [Ustyuzhna: local history almanac], edited by M.A. Beznin, is. 4, 58–83. Vologda: Legiya, 2000. (In Russian)

Pugach, I.V. *Ustyuzhna Zhelezopol'skaya i uезд v XVI – pervoi polovine XVII v.: territoriya, naselenie, khozyaistvo* [Ustyuzhna Zhelezopolskaya and the uyezd in the 16th – first half of 17th century: territory, population, economy]. PhD diss. Vologda State Pedagogical University, 1999. (In Russian)

Rybakov, A.A. *Ustyuzhna. Cherepovets. Vytegra* [Ustyuzhna. Cherepovets. Vytegra]. Leningrad: Iskustvo, 1981. (In Russian)

Sheremetevskii, V.V. *Russkii provintsial'nyi nekropol'* [Russian provincial necropolis]. Vol. 1, *Gubernii: Arkhangel'skaya, Vladimirskaya, Vologodskaya, Kostromskaya, Moskovskaya, Novgorodskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, S.-Peterburgskaya, Tverskaya, Yaroslavskaya i Vyborgskaya gubernii, monastyri Valaamskii i Konevskii* [Governorates of Arkhangelsk, Vladimir, Vologda, Kostroma, Moscow, Novgorod, Olonets, Pskov, St Petersburg, Tver, Yaroslavl, and Valaam and Konevskii monasteries of Vyborg Governorate]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1914. (In Russian)

Tserkovno-istoricheskii atlas Vologodskoi oblasti [Church-Historical Atlas of Vologda Oblast]. 2 vols. Vol. 1, *Spiski tserkvei i monastyrei* [Lists of churches and monasteries]. Compiled by N.M. Makedonskaya. Vologda: Drevnosti Severa, 2007. (In Russian)

Unbegaun, B.O. *Russkie familii. Istoriya proiskhozhdeniya, znachenie i natsional'nye cherty nasledstvennykh rodovykh imen i psevdonomov* [Russian surnames. History of origin, meaning and national features of hereditary family names and pseudonyms]. Translated by L.A. Igorevskii. Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. (In Russian)

Vorob'ev, V.M. and A.Ya. Degtyarev. *Russkoe feodal'noe zemlevladienie ot “Smutnogo vremeni” do kanuna petrovskikh reform* [Russian feudal landownership from the Time of Troubles to the eve of Peter the Great's reforms]. Edited by A.L. Shapiro. Leningrad: LGU, 1986. (In Russian)

Vorotyntseva, E.A. “Dvoryane Linevy, khram Vozneseniya Gospodnya i portret Pushkina” [The noble family of Linev, the Church of the Ascension, and a portrait of Pushkin]. In *Ustyuzhna: kraevedcheskii al'manakh* [Ustyuzhna: Local history almanac], edited by M.A. Beznin, is. 6, 121–58. Vologda: VGPI, 2008. (In Russian)

Yanitskii, N.F. *Ekonomicheskii krizis v Novgorodskoi oblasti XVI veka* [Economic crisis in the Novgorod region in the 16th century]. *Sborniki Studencheskogo istoriko-etnograficheskogo krugha pri Imperatorskom Universitete svyatogo Vladimira pod rukovodstvom professora M.V. Dovernar-Zapol'skogo* [Collections of the Students' Historical and Ethnographic Circle at the Imperial University of St Vladimir under the guidance of Prof. M.V. Dovernar-Zapolsky], is. 4. Kiev: Tipografiya universiteta svyatogo Vladimira, 1915. (In Russian)

Информация об авторе

Михаил Николаевич Маров – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ведущий руководитель проектов, <https://orcid.org/0000-0002-7344-7941>, marmin953@gmail.com, Акционерное общество «РАМЭК-ВС» (194292 Россия, г. Санкт-Петербург, пер. 5-й Верхний, д. 1, к. 2 литера А)

Information about the author

Mikhail N. Marov – Candidate of Technical Sciences, Senior Research Officer, Lead Project Manager; <https://orcid.org/0000-0002-7344-7941>, marmin953@gmail.com, RAMEC-VS JSC (d. 1, k. 2 lit. A, Pyaty Verhnii per., St Petersburg, Russia, 194292)

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; одобрена после рецензирования 23.06.2021; принята к публикации 29.06.2021.

The article was submitted 20.05.2021; approved after reviewing 23.06.2021; accepted for publication 29.06.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 86–125
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 86–125

Научная статья

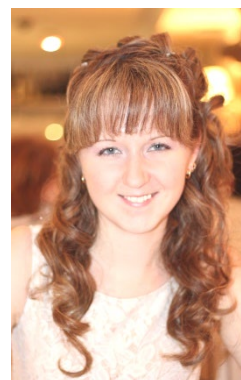
УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России)

Олеся Анатольевна Плех,
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия,
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Olesya A. Plekh,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
plekh@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3750-6270>

Аннотация. Статья посвящена проблемам кадрового обеспечения провинциальных пенитенциарных учреждений в первой половине XIX в. В основу исследования легли материалы законодательства, устанавливавшие порядок определения к должностям, и данные о состоянии пенитенциарных учреждений Европейского Севера России. Полученные результаты позволили прийти к выводу, что проблемы кадрового обеспечения решались по мере развития пенитенциарной системы и напрямую зависели от состояния мест заключения. В первой четверти XIX в., когда формирование сети карательно-исправительных учреждений представляло собой затратный и продолжительный процесс строительства зданий для них, тюремные смотрители появлялись на местах лишь в порядке исключения, арестанты формально состояли «на попечении» городничих, а реально находились лишь под присмотром караульных из внутренней стражи. В законодательстве второй четверти XIX в. впервые было уделено внимание правовому положению тюремных смотрителей и надзирателей, их полномочиям, обязанностям и условиям службы, постепенно разрабатывались требования к кандидатам на эти должности. Предпочтение отдавалось отставным военным: классным чиновникам – на вакансии смотрителей, нижним чинам из корпуса внутренней стражи, вышедшим в отставку «за ранами», – надзирателей. И хотя с конца 1830-х гг. должности смотрителей замещались на регулярной основе, далеко не в каждом тюремном замке имелся полный комплект служащих. На протяжении всего изучаемого периода тюремный персонал не входил в штатные расписания местных учреждений и регулировался частным порядком, по инициативе, исходившей снизу. В

© Плех О.А., 2022

© Plekh O., 2022

данных условиях губернская администрация в своих донесениях отталкивалась от потребностей и текущих задач, не стремясь раздувать штат тюрем и тем самым увеличивать налоговую нагрузку на население, поскольку издержки на содержание пенитенциарных учреждений, в том числе жалование служащим, относились на счет городских обществ, а в случае недостатка средств – на общие земские повинности. В 1840-е гг. вопросы кадрового обеспечения находились в тени более значительной проблемы: во многих городах старые деревянные остроги надлежало заменить новыми каменными зданиями, соответствующими «образцовым» проектам и требованиям содержания арестантов.

Ключевые слова: тюремный смотритель, государственная служба, пенитенциарная система, тюрьма, острог, полиция, провинция, Европейский Север России, Российская империя, первая половина XIX в.

Для цитирования: Плех О.А. Кадровое обеспечение провинциальных тюрем в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера России) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 86–125. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia)

Abstract. The article is devoted to the problems of staffing provincial penitentiary institutions in the first half of the 19th century. The study was based on the legislation that established the procedure for assigning to the positions and the data on the condition of penitentiary institutions in Northern European Russia. The results obtained led to the conclusion that the staffing problems were solved as the penitentiary system developed and were directly dependent on the condition of the places of detention. In the first quarter of the 19th century, when the formation of the network of penal and correctional institutions was a costly and lengthy process involving the construction of buildings for them, prison superintendents were appointed only as an exception; formally, the prisoners were under the custody of the mayors, but in reality they were under the supervision of the sentries from the internal guard. The legislation of the second quarter of the 19th century paid attention to the legal status of superintendents and warders, their powers, duties, and conditions of service for the first time, gradually elaborating the requirements for candidates for these positions. Preference was given to the retired military men: to the officials holding a rank, for the vacancies of superintendents; to lower ranks from the internal guard who had retired because of wounds, for the vacancies of warders. Although from the end of the 1830s the posts of superintendents were filled on a regular basis, not every prison castle had a full complement of employees. Throughout the period under study, prison employees were not included in the staffing tables of local institutions and were regulated individually on the initiative from below. In these conditions, in its reports, the governorate administration proceeded from the needs and current tasks, without seeking to inflate the prison staff and thereby increase the tax burden on the population, since the costs of maintaining penitentiary institutions, including salaries for employees, were covered by town communities and in the event of lack of funds, by general zemstvo dues. In the 1840s, staffing issues were overshadowed by a more significant problem: in many towns, the old wooden prisons had to be replaced with new stone buildings that would correspond to the “model” project designs and requirements for the maintenance of prisoners.

Keywords: prison superintendent, public service, penitentiary system, prison, police, governorate, Northern European Russia, Russian Empire, first half of the 19th century

For citation: Plekh, O.A. "Staffing provincial prisons in the first half of the 19th century (based on the materials of Northern European Russia)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 86–125, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-2>

Введение

Проблемы становления и развития пенитенциарной системы в Российской империи привлекают особое внимание современных исследователей. К этим вопросам ученые обращались и в XIX, и в XX в., однако дореволюционные публикации, главным образом, содержали теоретические разработки, направленные на совершенствование законодательного регулирования уголовно-исполнительной системы¹, а в работах советского периода на первый план выходили политические аспекты карательной политики государства². Пожалуй, на общем фоне выделяется исследование В.Н. Никитина, в котором была предпринята попытка отразить реальное положение тюрем, но источниковая база позволила охарактеризовать лишь состояние столичных мест заключения; кроме того, основное внимание автор сосредоточил на проектах преобразования пенитенциарной системы³. Ценные сведения содержит фундаментальная монография М.Н. Гернета, основывающаяся на значительном массиве архивных материалов, впервые введенных в научный оборот⁴. В современной науке изучением пенитенциарной системы в Российской империи занимаются правоведы и историки, благодаря чему удалось внести весомый вклад в разработку этой проблематики⁵. Ученые все больше обращаются к

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1889.

² Дворянов В.Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории политической каторги и ссылки, 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1985; Кодан С.В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: ИрГУ, 1980; Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. Москва: МГУ, 1980.

³ Никитин В.Н. Тюрма и ссылка: 1560–1880 г. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. Санкт-Петербург: Типография Г. Шпарварта, 1880.

⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1–3. Москва: Госюриздат, 1960–1961.

⁵ Алексеев В.И. Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень: ТюмГУ, 2008; Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. Москва: Интерправо, 1994; Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / перевод с английского П.И. Прудовского; научный редактор А.Б. Каменский. Москва: Новое литературное обозрение, 2016; Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. Москва:

обширным комплексам документальных материалов, сохранившимся в региональных архивах, которые позволяют отразить функционирование провинциальных тюрем. Между тем научные работы, базирующиеся на конкретно-исторической документальной основе, главным образом, представлены исследованиями, охватывающими период второй половины XIX – начала XX в.⁶ В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу

Лантерна: Вита, 1995; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015; *Павлушков А.Р.* Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014; *Печников А.П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. Москва: Щит-М, 2004; *Пирогов П.П.* Кадровое обеспечение тюремного ведомства Российской империи в XIX – начале XX вв. Мурманск: МГИ, 2004; *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004; *Ackeret M.* In der Welt der Katanga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007; *Badcock S.* A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016; *Behrisch L.* Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries // Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe / edited by H. Schilling, L. Behrisch. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999. S. 325–357; *Beer D.* The House of the Dead: Siberian exile under the tsars. London: Penguin Books, 2017; Crime history and History of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history / edited by C. Emsley, L. Knaffa. Westport; London: Greenwood Press, 1996; *Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia. New York: Palgrave Macmillan, 2008; *McReynolds L.* Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013; *Neuberger J.* Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914. Stanford: Stanford University Press, 1993; *Wood A.* Russian «Wild East»: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / edited by A. Wood. London: Routledge, 1991. P. 117–137; и др.

⁶ *Батчаева М.К.* Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополя и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2009; *Захаров М.В.* Российская пенитенциарная система в годы «Великих реформ» (1861–1881 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Московский педагогический государственный университет, 2007; *Коломенцев Д.В.* Тюремная система России в 50–80-е гг. XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный педагогический университет, 2004; *Коняев А.Е.* Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности: по материалам Ярославской и Владимирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 2010; *Локтионова Е.А.* Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2004; *Петренко Н.И.* Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за

повергаются особенности становления и развития пенитенциарной системы на местах в XVIII – первой половине XIX в., что, по всей видимости, связано с фрагментарностью источниковой базы⁷. По сей день практически неразработанными остаются вопросы, связанные с кадровым обеспечением карательно-исправительных учреждений первой половины XIX в.

В центре внимания настоящей статьи – корпус служащих провинциальных тюремных замков первой половины XIX в. На основе сопоставления материалов законодательства, устанавливавших порядок определения к должностям, и данных о состоянии пенитенциарных учреждений Европейского Севера России предпринимается попытка отразить особенности кадрового обеспечения.

Основная часть

Для развития пенитенциарной системы России первая половина XIX в. стала временем, когда центральное правительство впервые озаботилось созданием разветвленной сети карательно-исправительных учреждений, а тюремное заключение стало рассматриваться как гуманная альтернатива телесным наказаниям за самые разные правонарушения для всех слоев населения. Однако лишение свободы далеко не сразу получило широкое распространение в уголовно-исполнительной практике из-за крайне медленного строительства и обустройства мест заключения, что было связано, во-первых, с отсутствием продуманной пенитенциарной политики, во-вторых, с недофинансированием и ограниченностью материальных ресурсов.

Развитие сети тюремных учреждений на местах происходило в условиях «ситуационного» правового регулирования. Известно, что еще при Екатерине II появился проект «Положения о тюрьмах», содержавший прогрессивные, но не совместимые с российской действительностью нормы устройства карательно-исправительных учреждений. В частности, предполагалось, что тюремную администрацию в каждой губернии будет возглавлять надзиратель; штат губернской тюрьмы будет включать тюремщика, трех его помощников, трех старших и шесть младших сторожей, книгодержателя (т. е. бухгалтера) и копииста, кашевара и двух его помощников, портномы, четырех работниц, двух

общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД РФ, 1997; и др.

⁷ См., например: *Бортникова О.Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 1999; *Казаченок В.В.* Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казанский федеральный университет, 2014; *Кузнецова Ю.В.* Общеуголовные тюрьмы российском империи в XIX веке (на примере Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 165–169.

дровосеков, а также должности служащих тюремной больницы (доктора, смотрителя, лекаря, лекарских учеников, сторожей и т. д.)⁸. Принятие закона, посвященного вопросам тюремного устройства, и установление штатов, несомненно, привели бы к упорядочению управления местами заключения, но даже к середине XIX в. осуществить это так и не удалось. Создание и функционирование мест заключения регулировалось разрозненными нормативными правовыми актами довольно расплывчатого содержания и циркулярными предписаниями, имевшими частный характер.

Согласно законодательству, сеть провинциальных пенитенциарных учреждений гражданского ведомства включала «особенные помещения» для досудебного содержания и отбывания административного ареста при городских полициях и городнических правлениях, тюремные замки (губернский и уездные) для совершеннолетних вменяемых преступников, а также особые заведения при приказах общественного призрения: для лиц «непотребного и невоздержанного жития» – смирительные дома; для лиц, «обличенных в краже, грабеже и мошенничестве», – рабочие дома⁹. Надзор, а вместе с ним и ответственность за состояние мест заключения, на уровне губернии вверялся губернскому правлению во главе с губернатором, приказу общественного призрения, губернскому прокурору и губернским стряпчим, на уровне уезда – полицмейстерам, городничим и уездным стряпчим¹⁰. При этом собственно служащие при тюремных заведениях не обозначались в штатных расписаниях местных учреждений. Следовательно, центральное правительство, определяя ответственных лиц, не предоставляло им средств для обеспечения нормального функционирования мест заключения. Отсутствовало понимание, какие должности следует замещать, кого к ним определять, за счет каких средств и в каком объеме выплачивать жалованье. Губернской администрации приходилось искать пути решения, исходя из имевшихся ресурсов и учитывая потребности вверенной в управление территории.

К началу XIX в. полный комплект пенитенциарных учреждений существовал далеко не в каждой губернии. Преобразования Екатерины II предусматривали создание на местах внушительных полицейских команд. Во многих городах, получивших таковой статус в ходе губернской реформы, но, по

⁸ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. 1762–1825. Москва: Госюриздат, 1960. С. 77–78.

⁹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14: Уставы благочиния. Ч. 5: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. С. 1.

¹⁰ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14. С. 3.

сути, являвшихся сельскими поселениями с небольшим числом жителей, требовалось строительство зданий не только для размещения полиции и арестантов, но и других присутственных мест. Столь значительные издержки казна не смогла себе позволить, до конца XVIII в. осуществить задуманное в полном объеме так и не удалось. В частности, в Вологодской губернии губернская тюрьма размещалась в существовавшем до 1780 г. «деревянном ветхом остроге» и во «вновь построенном» каменном здании с тремя казармами для содержания мужчин, одной – для женщин и двумя – для «секретных» арестантов¹¹. Смирительный и рабочий дома не получили отдельных зданий и функционировали как одно учреждение в каменном строении бывшей Вологодской провинциальной канцелярии, переданном приказу общественного призрения в 1781–1782 гг. (на втором этаже находилась больница на 30 кроватей, на первом – рабочий и смирительный дома)¹². В уездных городах удалось построить только две «деревянные тюремные избы» (в Кадникове и Грязовце; к началу XIX в. они уже признавались «ветхими»)¹³. В остальных городах казенных тюремных зданий не имелось: арестанты находились в непригодных для этого помещениях при городнических правлениях. Не лучшим образом обстояла ситуация в Архангельской и Олонецкой губерниях.

В 1797 г. Павел I распорядился, чтобы

по городам, где учреждены доныне городские полиции, содержание их относится на счет городов тех губерний, предоставляя градским магистратам и думам под смотрением начальствующих губерниями расположить потребные на то суммы, по состоянию городов и в них обитателей...¹⁴

¹¹ О представлении ведомостей, учиненных Вологодской казенной палатой, о состоящих по Вологодской губернии казенных строениях, сколько и где потрачено // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 388. Оп. 8. Д. 94. Л. 5.

¹² Подробнее см.: Плех О.А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 29.

¹³ О представлении ведомостей, учиненных Вологодской казенной палатой, о состоящих по Вологодской губернии казенных строениях, сколько и где потрачено // ГАВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 94. Л. 5 об.–7 об.

¹⁴ Указ от 18 декабря 1797 г. «О сбирании с дворянских имений особых сумм на содержание по губерниям судебных мест; о содержании на счет городов городских полиций; о возвышении подушного оклада; о прибавке на купеческие капиталы по ¼ процента, а на мещан по 50 копеек...» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]: [в 45 т.] (далее – ПСЗ–1). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 24. № 18 278. С. 848.

Это означало, что верховная власть обязалась выделять средства лишь на жалованье по штатным должностям и небольшие суммы на канцелярию, а все прочие расходы на полицейское управление, в том числе на охрану и содержание арестантов, должны были покрывать городские общества. В начале XIX в. общая численность чиновников и канцелярских служителей полиции в 25 городах северных губерний составляла не более 90 человек¹⁵. При таком ограниченном личном составе, едва позволявшем справляться с текущими задачами, вменить охрану арестантов в обязанности «штатных» полицейских не представлялось возможным. В связи с этим и жалованье тюремного смотрителя, и содержание арестантов должны были взять на свой счет горожане. Для северных губерний содержание полиции стало тяжелой повинностью; расходы на полицейское управление (освещение, отопление, содержание пожарных инструментов, содержание тюремных острогов, наем низших служителей) почти повсеместно превышали доходы городов. Так, в 1810-е гг. на Петрозаводскую полицию тратилось не менее 5 000 руб. при доходах города, не превышавших 3 000 руб.¹⁶ В остальных городах Олонецкой губернии, более бедных, чем губернский центр, низшие служители при полиции определялись «по наряду с обывательских домов» (т.е. несли натуральную повинность)¹⁷.

Из-за ограниченных финансовых возможностей северных губерний строительство тюремных замков растянулось на весь период правления Александра I. В каменных зданиях, более-менее приспособленных для содержания арестантов, размещались только тюрьмы в губернских центрах и в Великом Устюге. В остальных городах остроги представляли собой небольшие одноэтажные крытые тесом деревянные здания с железными решетками на окнах, обнесенные деревянным тыном¹⁸.

¹⁵ Городские полиции, включавшие полицмейстера, частных приставов, квартальных надзирателей и канцелярских служителей, были учреждены в наиболее крупных городах – Архангельск, Вологда, Великий Устюг; в остальных – действовали городнические правления, включавшие городничего и 1–2 письмоводителей (См.: О полицейском управлении в городах // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 б. Л. 43; О сборе сведений о полицейском управлении и состоянии полиций в губернских и уездных городах России. Ч. 2 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 5, 49–49 об., 57–57 об.; Высочайше утвержденный штат Вологодской полиции от 25 июля 1807 г. // ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 22992. С. 99; Общий штат уездных присутственных мест // ПСЗ–1. Т. 44. Ч. 2. Отд. 4. К № 24985. С. 222).

¹⁶ О сборе сведений о полицейском управлении и состоянии полиций в губернских и уездных городах России. Ч. 2 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 31 об.

¹⁷ Там же. Л. 37 об.–43 об.

¹⁸ Подробнее см.: Плех О.А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии). С. 30.

В первое десятилетие XIX в. охрана заключенных, как правило, назначалась из нижних воинских чинов, состоявших в подчиненных губернской администрации гарнизонных ротах и уездных штатных командах. После «образования военной внутренней стражи» в 1811 г. ситуация изменилась. Среди обязанностей новых формирований, переданных в подчинение военного ведомства, сохранялось «отряжение нужных часовых к присутственным местам, тюрьмам и острогам», но при этом отмечалось, что нижние воинские чины «в отношении к губернскому начальству»

состоят единственно в действиях на исполнение закона и приговоров суда, и на охранение либо восстановление внутреннего порядка по требованиям губернского начальства¹⁹.

Следовательно, в вопросах охраны арестантов часовые напрямую не подчинялись полицейским чиновникам. Что же касается собственно тюремного персонала, то, как уже упоминалось, должность смотрителя не была предусмотрена штатными расписаниями. К тому же не существовало прямых и ясных предписаний о необходимости учреждения этих должностей. В связи с этим общий надзор за арестантами поручался полицмейстерам и городничим.

На практике такая система управления тюрьмами вызывала немало трудностей. Так, в январе 1819 г. архангельский военный губернатор А.Ф. Клокачев в докладной записке отмечал, что

полиция в Архангельске поставляется в совершенное затруднение, не имея людей в [нижние. – О. П.] полицейские служители... Прежде в губернских городах состояли у городничих губернские роты, военнослужители которых и содействовали полиции в исполнении ее обязанностей... С образованием внутренней стражи, а потом жандармских команд, полиция в губернском городе Архангельске не имеет у себя никакой воинской команды... В рассуждении уездных городов Архангельской губернии, смею присовокупить, что в оных состоит от 70-ти до 500 душ всё почти бедных мещан, домов обывательских от 60-ти до 240 в городе. Бедные обыватели не имеют ни торговли, ни прибыточных промыслов, но обязаны содержать думы или ратуши, а инде магистраты с сиротскими судами и для оных дома, также тюрьмы, иметь воинский постой инвалидов команд с их штаб- и обер-офицерами, при каковых тягостях на них лежащих и по неимению городских доходов нет ни малейшей возможности иметь в сих городах полиции на счет обывателей, между тем городничие обязаны содержать благочиние и

¹⁹ Положение для внутренней стражи от 3 июля 1811 г. // ПСЗ–1. Т. 31. № 24 704. С. 784–785.

спокойствие. Арестанты и тюрьмы им подведомственны, но не имея ни полицейского служителя, ни военнослужителей в своей команде не имеют и потребных средств к исполнению своих обязанностей. Арестанты, в тюрьмах содержаемые, прямо находятся во всех отношениях на попечении городничих, но караул при тюрьмах им не подчинен, и они не получают даже сведения и донесений от военного караула, все ли арестанты на лицо и нет ли бежавших. По сим уважениям полезным представляется, чтоб в уездных городах от инвалидных команд отряжаемо было нужное число военнослужителей к городничему в его зависимость по полицейской части²⁰.

И хотя на это донесение реакции со стороны центрального правительства не последовало (государь «высочайше» повелел «оставить до устройства по новому предположению полиций»), обратить внимание на проблемы кадрового обеспечения тюрем все же пришлось.

В августе 1820 г. появился указ Сената «Об определении смотрителей острогов из полицейских чиновников». Поводом к его принятию послужил случай, произошедший в Харьковском остроге, откуда сбежал арестант. Ответственность за побег была возложена на смотрителя тюрьмы, коллежского регистратора Братчикова, который,

как по делу видно, выбран был из числа арестантов, вместо того, что оный должен быть определяем из полицейских чиновников²¹.

Сенат предписал губернским правлениям впредь не допускать подобных «беспорядков» и назначать смотрителей только из числа полицейских чиновников, однако правовое положение этой должности не пояснялось. Кроме того, Указом Сената запрещалось иметь «внутренние посты» в тюрьмах «для сохранения нравственности солдат и особливо молодых, кои нередко развращаются, находясь вместе с преступниками», а надзор за соблюдением порядка в острогах возлагался на надзирателей «из инвалидов»²². Реакцией губернской администрации на эти постановления стали запросы в центр с просьбой разъяснить, «на каком основании должно производить им содержание», поскольку не только в северных, но и в других губерниях многие города оказались не в состоянии «принять издержку сию на свой счет». В

²⁰ Две записки архангельского военного губернатора Клокачева // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3751. Л. 1–4 об.

²¹ Указ от 10 августа 1820 г. «О определении смотрителей острогов из полицейских чиновников» // ПСЗ–1. Т. 37. № 28 375. С. 409.

²² Положение Комитета министров от 12 ноября 1821 г. «О назначении содержания тюремным содержателям на счет земских повинностей, в случаях недостатка городских доходов» // ПСЗ–1. Т. 37. № 28 807. С. 909.

ноябре 1821 г., по предложению министра внутренних дел, было принято положение, согласно которому, во-первых, в тюремные смотрители требовалось нанимать «инвалидов» из корпуса внутренней стражи; во-вторых, они поступали в «полное заведывание гражданского ведомства» с производством содержания, какое получали в корпусе внутренней стражи; в-третьих,

в случае недостатка по городам доходов, разлагать суммы, на содержание сих людей потребные, вообще на счет общих по губернии земских повинностей совместно с теми городами²³.

Следует отметить, что в тексте названных постановлений прямо не указывалось на необходимость иметь смотрителей при всех тюремных замках. Следовательно, инициатива в решении этого вопроса принадлежала губернской администрации, которая, по-видимому, не стремилась увеличивать налоговую нагрузку на население. Так, из отчетной ведомости о состоянии полиции в Вологодской губернии за 1826 г. видно, что служащие при тюрьмах имелись только в двух городах: в Вологде – смотритель и 4 нижних служителя, в Тотьме – караульные из инвалидной команды²⁴.

Иначе обстояла ситуация со служащими смирительных и рабочих домов. Как уже отмечалось, эти учреждения входили в число заведений, подведомственных приказу общественного призрения. До 1816 г. приказы были уполномочены самостоятельно нанимать смотрителей с выплатой жалованья из капиталов, находившихся в их распоряжении. После появления Александровского комитета о раненых, занимавшегося «вспомоществованием» офицерам, не способным к продолжению военной службы, порядок назначения «смотрителей при благотворительных заведениях» приказов общественного призрения изменился. Согласно указу от 5 мая 1816 г., Комитет получил право направлять на эти должности «изувеченных» офицеров с окладом от 120 до 600 руб. в год²⁵. Однако за приказами общественного призрения оставалось право определять нужное для их заведений число смотрителей. Так, в 1820 г. при Вологодском смирительном и рабочем домах находился тот же смотритель, что и при губернской больнице и доме умалишенных. По всей видимости,

²³ Положение Комитета министров от 12 ноября 1821 г. «О назначении содержания тюремным содержателям на счет земских повинностей, в случаях недостатка городских доходов». С. 910.

²⁴ Циркуляр Министерства внутренних дел Департаменту полиции о предоставлении сведений о состоянии дел в полиции // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 494. Л. 5–24 об.

²⁵ Записка о замещении вакантных мест по министерствам отставленными за ранами офицерами // РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1748. Л. 12.

необходимости в особом чиновнике не было, поскольку эти учреждения, так же как и в начале века, функционировали как одно и делили здание с больницей. Правда, для караула были командированы служащие из внутреннего батальона²⁶.

Во второй четверти XIX в. на положение тюремных замков и их смотрителей было обращено особое внимание. Уже в первые годы своего правления Николай I озаботился состоянием местных тюрем, которые почти повсеместно нуждались в новых зданиях²⁷, но решить эту проблему в кратчайшие сроки не представлялось возможным: ни центральное правительство, ни губернии не могли принять на себя столь значительные расходы. В связи с чем с 1826 г. в случае, если тюремный острог пришел в «совершенную ветхость» и в городе отсутствовало свободное казенное здание для размещения заключенных, разрешалось для этих целей нанимать «приличные» обывательские дома²⁸.

Знаковым событием для развития пенитенциарной системы стала разработка «Инструкции смотрителю тюремного замка». «В виде проекта» она была разослана на места при циркулярном предписании Министерства внутренних дел от 9 апреля 1831 г. Губернаторам предлагалось руководствоваться ее положениями «по части тюремного устройства», но, учитывая реальное положение, с оговоркой: «сколько местные обстоятельства и способы позволят»²⁹. Впервые должное внимание уделялось тюремному персоналу, в первую очередь смотрителю.

Смотритель есть полный хозяин тюремного замка, и блюститель в оном внутреннего порядка, за который строго ответствен... полицмейстеру,

²⁶ Отчет вологодского гражданского губернатора, представленный генерал-губернатору за 1820 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 413. Л. 14–14 об.

²⁷ В 1827 г. архангельский губернатор докладывал, что «остроги во всех... городах очень ветхи и тесны... впрочем от побега безопасны, но содержатся не в должной чистоте и исправности...» (См.: По обозрению губерний Нижегородской, Архангельской // РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 271. Л. 32).

²⁸ Предписание управляющего министерством внутренних дел гражданским губернаторам от 30 сентября 1826 г. «О удобнейшем помещении арестантов» // Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.]: [в 55 т.] (далее – ПСЗ–2). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. № 604. С. 1016–1017.

²⁹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14: Уставы благочиния. Ч. 5: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. С. 150.

губернскому прокурору и гражданскому губернатору, как своему начальству³⁰.

В Инструкции подробно прописывались полномочия и обязанности смотрителя, в том числе отмечалось, что с этим званием не могла быть «соединена никакая другая должность». Будучи ответственным за происходившее внутри тюрьмы, он должен был «иметь жительство» в замке и без ведома начальства не имел права его покидать. Ему в помощь разрешалось нанимать надзирателей, состоявших «в полном его ведении». Охрана прилегающей территории возлагалась на военный караул, у которого находился «главный ключ» от ворот тюрьмы.

Итак, к тюремному персоналу Инструкция относил смотрителей, надзирателей и караульных, и в целом очерчивала их правовое положение, при этом не содержала прямого предписания о необходимости иметь весь комплект должностных лиц при каждом остроге, что подтверждается и другими распоряжениями правительства. В частности, в сентябре 1835 г. рассматривались просьбы, поступившие от витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора и екатеринославского губернского начальства, об определении в ряде городов тюремных смотрителей. Одобрив эту инициативу, император распорядился и по прочим губерниям, если «может встретиться необходимость в определении особых чиновников в должность смотрителей тюремных замков» и поступит соответствующее представление от губернских начальников, назначать таковых с жалованьем для губернских тюрем 800 руб. и на канцелярские расходы 200 руб., для уездных – 500 и 150 соответственно³¹. Издержки эти относились на счет городских обществ, а в случае недостатка средств – на общие земские повинности³². В том же году смотрители тюрем были включены в «Расписание должностей гражданской службы по классам, от XIV до V включительно» и отнесены к XII классу³³. Следовательно, предполагалось, что назначаемые на должность лица будут иметь чин, равный губернскому секретарю. И хотя предусматривались

³⁰ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 14. С. 174.

³¹ Указ от 28 сентября 1835 г. «Об определении в должности смотрителей тюремных замков особых чиновников» // ПСЗ–2. 1836. Т. 10. Отд. 2. № 8 431. С. 988.

³² Следует отметить, что с 1833 г. все расходы на содержание тюрем в случае недостатка городских доходов включались в общие земские сборы (См.: Положение Комитета министров от 12 декабря 1833 г. «Об обращении расходов на содержание в городах тюремных острогов, в случае недостатка городских доходов, на общие земские сборы» // ПСЗ–2. 1834. Т. 8. Отд. 1. № 6 627. С. 762–763).

³³ Расписания должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно // ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 751. Л. 66 об.

исключения из этого правила (в случае крайней необходимости разрешалось назначать лиц, имевших чины одним классом выше или двумя ниже), факт включения смотрителей в «Расписание» означал, что эта должность относилась к разряду «классных». В 1852 г. в смотрители дозволялось определять отставных военных офицеров с сохранением военных чинов и мундиров без эполет с тем,

чтобы они пользовались сим правом только до переименования их, в случае желания, в гражданские чины, или до производства в высшие, по выслуге лет, на общем основании³⁴.

Значительное время потребовалось для того, чтобы разработать порядок назначения тюремных надзирателей. С 1831 г. разрешалось на эти должности определять нижние чины из внутренней стражи, имевшие «некоторые недостатки» («небольшое сведение рук или ног, выхождение заднепроходной кишки, недержание мочи»)³⁵. В сентябре 1833 г. по корпусу внутренней стражи было объявлено высочайшее повеление о замещении должностей «вольнонаемными людьми», т. е. изъявившими желание добровольцами, однако таковых отыскивалось меньше, чем требовалось³⁶. В январе 1841 г. последовало новое распоряжение: определять в тюремные надзиратели отставных нижних чинов, состоявших под покровительством Александровского комитета о раненых,

на том самом основании, как определяет Комитет к гражданским местам отставных раненых штаб- и обер-офицеров, и... сообщить начальникам губерний именные списки о таковых инвалидах, могущих по состоянию здоровья продолжать службу в должностях тюремных надзирателей, для зависящего распоряжения об определении тех из них, кои пожелают занять сие место и признаны будут к тому способными³⁷.

На будущее губернаторам вменялось в обязанность, ходатайствуя о пенсиях из инвалидного капитала нижним чинам, предоставлять в Комитет сведения,

³⁴ Указ от 24 ноября 1852 г. «О определении отставных военных офицеров в смотрители тюремных замков» // ПСЗ–2. 1853. Т. 27. Отд. 1. № 26 809. С. 739.

³⁵ Положение Комитета министров от 22 января 1831 г. «О дозволении определять из внутренней стражи в разные служительские должности нижних чинов с некоторыми недостатками, и о соображении с сим положением по Морскому ведомству» // ПСЗ–2. 1832. Т. 6. Отд. 1. № 4 282. С. 52.

³⁶ Указ от 22 января 1841 г. «О дозволении определять в тюремные надзиратели отставных военных чинов» // ПСЗ–2. 1842. Т. 16. Отд. 1. № 14 213. С. 67.

³⁷ Там же.

«кто из них пожелает занять место тюремного надзирателя и способны ли они к тому по их качествам». Комитету, в свою очередь, поручалось вести списки кандидатов и «по мере надобности» определять желающих к должностям. С 1842 г. в случае, если не находилось желающих отставных инвалидов, разрешалось заполнять вакансии уволенными от службы унтер-офицерами, отказавшимися от производства в офицеры³⁸. Как видно, главных кандидатов на должности надзирателей верховная власть видела в нижних чинах из корпуса внутренней стражи, в первую очередь, вышедших в отставку «за ранами», а также, в порядке исключения, допускала назначение «уволенных» унтер-офицеров³⁹. Следовательно, речь шла о лицах, не имевших чинов по Табели о рангах.

В «Инструкции смотрителю тюремного замка» оказался обойден вниманием вопрос, связанный с положением палачей («катов»), которые де-факто включались в персонал тюрьмы. Этот пробел был восполнен в 1834 г. В соответствии с циркулярным предписанием Министерства внутренних дел, при неимении желающих быть палачами из свободных людей, надлежало

избирать в сию должность... из осужденных решениями уголовных палат к ссылке в Сибирь и к наказанию плетью, освобождая с тем вместе таковых от присужденного им телесного наказания⁴⁰.

При этом подчеркивалось, что назначение преступников на данную должность являлось уже устоявшейся практикой. Палачи должны были всегда находиться в тюремных замках под надзором смотрителей; содержание их и их семей включалось в тюремные расходы. В каждой губернии полагалось иметь двух палачей.

Во второй четверти XIX в. на развитие пенитенциарной системы на местах оказывали влияние и изменения в уголовном законодательстве. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. тюремное заключение выступало как одно из основных наказаний и предусматривалось многими статьями, что, безусловно, следует рассматривать как прогрессивное явление,

³⁸ Указ от 5 сентября 1842 г. «О замещении вакансий тюремных надзирателей унтер-офицерами, отказавшимися от производства в офицеры» // ПСЗ–2. 1843. Т. 17. Отд. 1. № 16 018. С. 895–896.

³⁹ По всей видимости, учитывалась практика управления тюрьмами, накопившая достаточно много примеров, когда молодые и здоровые унтер-офицеры вступали в сговор с арестантами и предавались пьянству, тем самым способствуя побегам.

⁴⁰ По предписанию Министерства внутренних дел вологодскому гражданскому губернатору об определении на должность палачей из преступников // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 610. Л. 1.

но реализация его на практике требовала развитой сети мест заключения, способной разместить значительное число арестантов⁴¹. Между тем проектирование и строительство тюрем в соответствии с «образцовыми» проектами шло очень медленно. Так, в Вологодской губернии к середине 1840-х гг. функционировал губернский тюремный замок (каменное двухэтажное здание, вмещавшее 300 заключенных; при нем были учреждены больница и церковь)⁴². Каменные остроги также появились в Кадникове, Устюге, Тотьме и Сольвычегодске. В остальных уездных городах тюрьмы были деревянными, «весьма ветхими», требовавшими значительного ремонта (за исключением устьсысольской), причем в Вельске, Никольске и Яренске их еще удавалось поддерживать «каждогодными починками», а в Грязовце уже нет⁴³. Здание рабочего и смиренного домов в Вологде также признавалось ветхим, планировалось возведение нового⁴⁴. Во всех уездных тюрьмах не было отдельного содержания лиц, находившихся под следствием, и осужденных. Аналогичные проблемы испытывали многие губернии (не только северные), что заставило правительство пойти на экстраординарные меры: с 1842–1843 гг. вводились «особые сборы» с населения для покрытия издержек на устройство «помещений для присутственных мест и тюрем»⁴⁵. С 1844 по 1854 г. по Вологодской губернии дозволялось собирать на эти цели по 4 коп. серебром с каждой податной души и по 0,25 % с купеческих капиталов⁴⁶.

⁴¹ Уже в скором времени после введения в действие Уложения появился целый ряд указов, по которым «из-за чрезмерного накопления арестантов в рабочих домах и тюрьмах» тех, кто был приговорен к продолжительным срокам заключения, начали ссылать в Сибирь на поселение (См., например: Указ от 12 июня 1852 г. «О немедленной ссылке в Сибирь на поселение тех арестантов обоего пола, содержащихся в рабочих домах и тюрьмах, которым срок содержания должен еще продолжиться более трех лет» // ПСЗ–2. 1853. Т. 27. Отд. 1. № 26 367; Мнение Государственного совета от 23 ноября 1853 г. «О мерах к устранению накопления арестантов в местах заключения, и о распределении по местам ссылки преступников из жителей Сибири» // ПСЗ–2. 1854. Т. 28. Отд. 1. № 27 722).

⁴² Сметы на ремонт зданий тюрем губернии // ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4159. Л. 9.

⁴³ Отчет вологодского гражданского губернатора за 1843 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1030. Л. 7–7 об.; Отчет вологодского гражданского губернатора за 1844 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1093. Л. 5 об.–6; Отчет вологодского губернатора за 1845 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 8–8 об.

⁴⁴ Отчет вологодского губернатора за 1845 год // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1423. Л. 12 об.–13.

⁴⁵ Об устройстве помещений для присутственных мест и тюрем по Вологодской губернии // РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. 1842 г. Д. 607. Л. 22 об.

⁴⁶ Об установлении сбора с населения Вологодской губернии на постройку зданий присутственных мест и тюрем // РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 774. Л. 25–25 об.

Сложившаяся в 1840-е гг. ситуация отражалась и на кадровой политике: увеличивать тюремный персонал центральное правительство не стремилось. В частности, в 1848 г.

в видах сокращения расхода людей, назначаемых из инвалидных команд для караулов в зданиях, где содержатся арестанты и преступники, присужденные к тюремному заключению,

предписывалось эти помещения обустривать таким образом,

чтобы несколько отдельных комнат имели один вход и один коридор, дабы одного часового было достаточно для охранения нескольких таковых арестантских камор⁴⁷.

Между тем к положительным тенденциям следует отнести то, что с конца 1830-х гг. должности тюремных смотрителей стали замещаться на регулярной основе. Так, в 1844 г. в Олонецкой губернии смотрители имелись в 6 уездных тюрьмах⁴⁸, из них один чиновник 9 класса, два коллежских регистратора, прапорщик и два унтер-офицера⁴⁹. По сословной принадлежности пятеро относились к выходцам из податных состояний (четыре крестьянина и один мещанин). Все они являлись отставными военными (поступили на службу по рекрутским наборам) в возрасте от 49 до 58 лет. На должности смотрителей назначены на рубеже 1830–1840-х гг. На общем фоне выделялся чиновник 9 класса, происходивший из обер-офицерских детей и начавший службу в столичных учреждениях, где попал под суд и был удален от службы, а в 1844 г. прибыл в губернию и поступил на вакансию смотрителя Лодейнопольского острога (по всей видимости, ни на какое другое место «проштрафившийся» чиновник уже не мог претендовать). По Вологодской губернии удалось обнаружить сведения о чиновниках Министерства внутренних дел за 1850 г.⁵⁰: при должностях состояло 9 смотрителей⁵¹. Семеро из них были отставными военными: шестеро крестьян, призванных по рекрутским наборам, и один дворянин, получивший образование в 1-м кадетском корпусе. Двое других

⁴⁷ Указ от 1 сентября 1848 г. «О назначении часовых для караулов при арестантских каморах» // ПСЗ–2. 1849. Т. 23. Отд. 1. № 22 545. С. 564.

⁴⁸ В губернском остроге должность пребывала вакантной.

⁴⁹ Формулярные списки чиновников Олонецкой губернии // РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 514. Ч. 2. Л. 214 об.–217, 223 об.–229, 235 об.–237, 243 об.–246, 252 об.–255, 262 об.–264.

⁵⁰ Формулярные списки чиновников Министерства внутренних дел по Вологодской губернии // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7771. Л. 415 об.–420, 447 об.–454, 488 об.–495, 502 об.–505, 520 об.–523, 528 об.–529, 544 об.–547, 559 об.–566, 585 об.–588.

⁵¹ Место грязовецкого тюремного смотрителя было вакантным.

происходили из канцелярской среды (один – из детей обер-офицеров, второй – из приказных) и имели опыт гражданской службы. Чины 10-го класса имели трое служащих, 12-го – двое, 13-го – один, 14-го – трое. Возраст всех смотрителей превышал 50 лет. Свои должности они заняли также в конце 1830-х – начале 1840-х гг., за исключением никольского смотрителя, назначенного в 1830 г. Представленные данные позволяют увидеть, что кадровый состав в целом соответствовал ожиданиям правительства: смотрители тюремных замков, главным образом, рекрутировались из отставных военных. Правда, далеко не всегда из лиц, имевших соответствующий должности чин.

Заключение

В первой половине XIX в. организация работы пенитенциарных учреждений представляла собой непростую задачу для центрального правительства. После проведения губернской реформы 1775 г. предполагалось, что в губерниях появится соответствующая местному аппарату управления разветвленная сеть мест заключения. Однако их создание (в первую очередь материальная база) являлось дорогостоящим мероприятием, осуществить которое единовременно и за счет казны не удалось. Основную финансовую нагрузку на содержание пенитенциарных учреждений возложили на города, которые в северных губерниях в большинстве своем были малочисленными и бедными. В связи с этим строительство тюрем растянулось на всю первую четверть XIX в., причем для экономии средств начали с возведения небольших деревянных «изб», которые уже спустя несколько десятилетий требовали «каждогодных починок». Все это напрямую сказывалось и на кадровом обеспечении. Ответственность за состояние тюрем центральное правительство возлагало на губернскую администрацию и рассчитывало, что она обеспечит надлежащую охрану, при этом прямо не предписывалось иметь смотрителей и надзирателей при каждом остроге. В штатные расписания тюремный персонал не включался, а в отдельных указах подчеркивалось, что смотрителей нужно назначать из полицейских чиновников, хотя формально к их функциям относился только надзор за заключенными под стражу. Кроме того, более чем скромные штаты полиции северных губерний не позволяли совмещать полицейскую службу с охраной арестантов. В итоге в первые десятилетия XIX в. тюрьмы, в первую очередь располагавшиеся в уездных центрах, хотя и считались «на попечении» городничих, но, по сути, находились лишь под присмотром караульных из внутренней стражи, которые с 1811 г. перешли в подчинение военного ведомства и распоряжений гражданских чиновников уже не выполняли.

При Николае I развитию пенитенциарной системы стало уделяться больше внимания. В «Инструкции смотрителю тюремного замка» 1831 г. впервые прописывались полномочия, обязанности и условия службы смотрителей и

надзирателей, но отсутствовали требования к кандидатам на эти должности. Потребовалось более десятилетия для того, чтобы законодатель установил, кого к ним определять, за счет каких средств и в каком объеме выплачивать жалованье. Предпочтение отдавалось отставным военным. Смотрителям полагалось иметь чин XII класса. Кандидатов на должности надзирателей верховная власть видела в нижних чинах из корпуса внутренней стражи, в первую очередь вышедших в отставку «за ранами». Издержки на жалованье, как и на содержание тюрем вообще, относились на счет городских обществ (в случае недостатка доходов – на общие земские повинности). Если в первой четверти XIX в. тюремные смотрители появлялись на местах в порядке исключения, то с конца 1830-х гг. эти должности замещались на регулярной основе. Однако инициатива в назначении дополнительного персонала в той или иной тюрьме по-прежнему принадлежала губернской администрации, которая, в свою очередь, не стремилась увеличивать издержки, поскольку в 1840-е гг. вопросы кадрового обеспечения находились в тени более значительной проблемы: во многих городах старые деревянные остроги надлежало заменить новыми каменными зданиями, соответствовавшими «образцовым» проектам и требованиям содержания арестантов.

Таким образом, проблемы кадрового обеспечения решались по мере развития пенитенциарной системы и напрямую зависели от состояния мест заключения. Тюремный персонал не входил в штатные расписания местных учреждений и регулировался частным порядком, по инициативе, исходившей снизу, а губернская администрация в своих донесениях отталкивалась от потребностей и текущих задач, не стремясь раздувать штат сотрудников и тем самым увеличивать налоговую нагрузку на население губернии.

Introduction

The problems of the formation and development of the penitentiary system in the Russian Empire attract special attention of modern researchers. Scientists did address these issues in the 19th and in the 20th centuries, but pre-revolutionary publications mainly contained theoretical considerations aimed at improving the legislative

regulation of the penal system,¹ and the works of the Soviet period² brought to the fore the political aspects of the penal policy of the state. Perhaps, V. Nikitin's study stands out against the general background. V. Nikitin made an attempt to reveal the real situation of prisons, but the source base allowed him to consider only the metropolitan places of detention. Moreover, the author focused his attention on the proposals dealing with the transformation of the penitentiary system.³ Valuable information can be found in the fundamental monograph by M. Gernet, which was based on a significant array of archival materials introduced into scientific circulation for the first time.⁴ At present, legal scholars and historians are engaged in the study of the penitentiary system in the Russian Empire, thanks to which a significant contribution was made to the development of this range of problems.⁵ Scholars turn

¹ N.S. Tagantsev, *Russian criminal law: common part. Lectures* [in Russian], vol. 2 (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902); I.Ya. Foinitskii, *Theory of punishment in connection with prison studies* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1889).

² V.N. Dvoryanov, *In the Siberian far land... (Essays on the history of political penal servitude and exile, the 1760s – 1917)* [in Russian] (Minsk: Nauka i tekhnika, 1985); S.V. Kodan, *Political exile in the system of punitive measures of autocracy in the first half of the 19th century* [in Russian] (Irkutsk: IrGU, 1980); S.S. Ostroumov, *Crime and its causes in pre-revolutionary Russia* [in Russian] (Moscow: MGU, 1980).

³ V.N. Nikitin, *Prison and exile: 1560–1880. Historical, legislative, administrative, and household situation of prisoners, transit prisoners, their children, and those released from custody, from the time Russian prison appeared to the present day* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya G. Shparvarta, 1880).

⁴ M.N. Gernet, *History of tsarist prison* [in Russian], vol. 1–3 (Moscow: Gosyurizdat, 1960–1961).

⁵ V.I. Alekseev, *Penitentiary policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th century* [in Russian] (Tyumen: TyumGU, 2008); M.G. Detkov, *Punishment in tsarist Russia. The system of its execution* [in Russian] (Moscow: Interpravo, 1994); N.Sh. Kollmann, *Crime and punishment in early modern Russia* [in Russian], trans. P.I. Prudovskii, ed. A.B. Kamenskii (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016); A.D. Margolis, *Prison and exile in imperial Russia: research and archaeological finds* [in Russian] (Moscow: Lanterna: Vita, 1995); B.N. Mironov, *Russian empire: from tradition to modernity* [in Russian], vol. 3 (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015); A.R. Pavlushkov, *Penitentiary system of the Russian Orthodox Church during the imperial period* [in Russian] (Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014); A.P. Pechnikov, *Prison establishments of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle* [in Russian] (Moscow: Shchit-M, 2004); P.P. Pirogov, *Staffing the prison department of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries* [in Russian] (Murmansk: MGI, 2004); I.V. Uporov, *Penitentiary policy of Russia in the 18th – 20th centuries. Historical and legal analysis of development trends* [in Russian] (St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004); M. Ackeret, *In der Welt der Katonga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)* (München: Osteuropa-Institut München, 2007); S. Badcock, *A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism* (Oxford: Oxford University Press, 2016); L. Behrisch, "Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries," in *Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer*

their attention to the vast collections of documentary materials that are stored in the regional archives more often, which allows them to reflect the functioning of provincial prisons. Meanwhile, research works based on a concrete historical documentary basis are mainly represented by the studies that cover the second half of the 19th – early 20th centuries.⁶ The peculiarities of formation and development of the penitentiary system at the local level in the 18th – first half of the 19th centuries undergo retrospective analysis to a much lesser extent, which is apparently connected with the fragmentary source base.⁷ Questions related to the staffing of penal correctional institutions in the first half of the 19th century have been very little studied so far.

Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe, ed. H. Schilling and L. Behrisch (Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999), 325–57; D. Beer, *The house of the Dead: Siberian exile under the tsars* (London: Penguin Books, 2017); C. Emsley and L. Knaffa, eds., *Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history* (Westport; London: Greenwood Press, 1996); A. Gentes, *Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia* (New York: Palgrave Mcmillan, 2008); L. McReynolds, *Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia* (Ithaca; London: Cornell University Press, 2013); J. Neuberger, *Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914* (Stanford: Stanford University Press, 1993); A. Wood, “Russian ‘Wild East’: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century,” in *The history of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*, ed. A. Wood (London: Routledge, 1991), 117–37; et al.

⁶ M.K. Batchaeva, *The activities of the Russian Society of Trustees for Prisons in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on materials from the Stavropol and Kuban regions* [in Russian] (PhD diss., Stavropol State University, 2009); M.V. Zakharov, *Russian penitentiary system in the years of Great Reforms (1861–1881)* [in Russian] (PhD diss., Moscow State Pedagogical University, 2007); D.V. Kolomentsev, *Russian prison system in the 1850s–1880s and its reform* [in Russian] (PhD diss., Voronezh State Pedagogical University, 2004); A.E. Konyaev, *Prisons of European Russia in 1879–1917: socio-economic aspect of operation: based on the materials of Yaroslavl and Vladimir governorates* [in Russian] (PhD diss., Ivanovo State University, 2010); E.A. Loktionova, *Formation and development of the penitentiary system in Kursk Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries* [in Russian] (PhD diss., Kursk State University, 2004); N.I. Petrenko, *Organizational and legal foundations of the execution of punishment for ordinary crimes in places of detention in Russia in the post-reform period, 1864–1917* [in Russian] (PhD diss., Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997); et al.

⁷ See, e.g., O.N. Bortnikova, *Prison Siberia: penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917* [in Russian] (Tyumen: TYuI MVD RF, 1999); V.V. Kazachenok, *Penitentiary bodies and institutions of Kazan Governorate (1715–1917): historical and legal research* [in Russian] (PhD diss., Kazan Federal University, 2014); Yu.V. Kuznetsova, “General-criminal prisons of the Russian empire in the 19th century (on the example of the Orenburg province)” [in Russian], *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 8, no. 1 (26) (2019): 165–69.

This article focuses on the corps of employees of the provincial prison castles in the first half of the 19th century. Based on the comparison of the legislation that established the procedure for assigning to the positions and the data on the state of penitentiary institutions in Northern European Russia, the author of the article undertakes an attempt to reflect the peculiarities of staffing.

Main body

For the development of Russian penitentiary system, the first half of the 19th century was the time when the central government became concerned about the creation of an extensive network of penal and correctional institutions for the first time and imprisonment began to be seen as a humane alternative to corporal punishment for a wide variety of offenses for all segments of population. However, imprisonment did not immediately become widespread in the penal practice due to the extremely slow construction and equipment of places of detention, which was associated, firstly, with the lack of a well-thought-out penitentiary policy and, secondly, with underfunding and limited material resources.

The development of the network of local prisons took place under the conditions of “situational” legal regulation. It is known that the draft Regulations on Prisons appeared during the reign of Catherine the Great. It contained progressive but incompatible with Russian reality norms for the organization of penal and correctional institutions. In particular, it was assumed that prison administration of each governorate should be headed by a warder; the staff of a governorate prison should include a jailer, his three assistants, three senior and six junior guards, a book keeper (i.e., an accountant) and a copyist, a cook and two assistant cooks, a laundryman, four female workers, two woodcutters, as well as the positions in the prison hospital (a doctor, a caretaker, a paramedic, medical apprentices, watchmen, etc.).⁸ The adoption of a law on prison issues and the approval of staffing tables would undoubtedly have led to the improved prison management, but even by the middle of the 19th century it had not been done. The establishment and operation of places of detention was regulated by some uncoordinated legislative acts of rather vague contents and by individual circulars.

According to the legislation, the network of provincial penitentiary institutions of the civil department included “special premises” for pre-trial detention and serving administrative arrest under the town police and town councils, governorate and uyezdz prison castles for adult sane criminals, and also special institutions under the departments of public charity: reformatories for the persons of “indecent and intemperate life” and workhouses for the persons “convicted of theft, robbery and

⁸ M.N. Gernet, *History of tsarist prison* [in Russian], vol. 1, 1762–1825 (Moscow: Gosyurizdat, 1960), 77–78.

fraud.”⁹ At the governorate level, the supervision together with the responsibility for the state of places of detention was entrusted to the governorate government headed by the governor, the department of public charity, the governorate prosecutor, and the governorate solicitors; at the uyezd level, to the police chiefs, the mayor, and the uyezd solicitors.¹⁰ The actual employees of prison establishments were not indicated in the staffing tables of local institutions. Consequently, when appointing the responsible persons, the central government did not provide them with the means to ensure the normal functioning of the places of detention. There was no understanding which positions should be filled, who should be assigned to them, how much they should be paid, and where to get money for salaries. The governorate administration had to look for solutions, proceeding from the available resources and taking into account the needs of the territory entrusted to their management.

At the beginning of the 19th century, not every governorate possessed a complete set of penitentiary institutions. The reforms of Catherine the Great provided for the formation of impressive police squads at the local level. Many towns that received such status during the provincial reform but actually were rural settlements with a small number of residents were required to erect buildings to house the police and prisoners as well as other public institutions. The treasury could not afford such significant expenses. It was not possible to carry out the plan in full until the end of the 18th century. In particular, in Vologda Governorate, the governorate prison was located in the ramshackle wooden building of the prison that existed until 1780 and in a “newly constructed” stone building with three barracks for containing men, one for women, and two for “secret” prisoners.¹¹ The reformatory and the workhouse did not receive separate buildings and functioned as one institution in the stone building of the former Vologda governorate chancellery that had been given to the department of public charity in 1781–82 (there was a hospital with 30 beds on the first floor as well as a workhouse and a reformatory on the ground floor).¹² Only two “wooden prison

⁹ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, *Statutes of the deanery*, pt. 5, *Code of institutions and charters about those held in custody and about the exiles* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), 1.

¹⁰ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, 3.

¹¹ “O predstavlenii vedomostei, uchinennykh Vologodskoi kazennoi palatoi, o sostoyashchikh po Vologodskoi gubernii kazennykh stroeniyakh, skol'ko i gde potracheno” [On the submission of statements issued by the Vologda Treasury Chamber about the government buildings in Vologda Governorate, what for and how much money was spent]. F. 388, op. 8, d. 94, l. 5. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti [State Archives of Vologda Oblast] (GAVO), Vologda, Russia.

¹² For more, see O.A. Plekh, “The development of penitentiary institutions in the Russian province in the early 19th century (based on materials of the Vologda province)” [in Russian], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, no. 4 (2019): 29.

izbas” were built in the uyezd towns (in Kadnikov and in Gryazovets; at the beginning of the 19th century they were already listed as ramshackle).¹³ There were no state-owned prison buildings in other towns, and the prisoners were kept in the unsuitable premises that belonged to town administrations. The situation was no better in Arkhangelsk and Olonets governorates.

In 1797, Paul I ordered:

In the towns where the town police have been established, their maintenance is attributed to the towns, town magistrates, and councils under the supervision of the heads of the governorates should allocate the sums of money required for that according to the condition of the towns and their residents. . .¹⁴

This meant that the supreme power undertook to allocate funds only for salaries and small amounts for the office, and all other costs of the police department, including the protection and maintenance of prisoners, had to be covered by town communities. At the beginning of the 19th century, the total number of officials and clerical police officers in 25 towns of the northern governorates was no more than 90 people.¹⁵ With such a limited staff who were barely able to cope with current tasks it was not possible to assign the protection of prisoners to the “regular” police

¹³ “O predstavlenii vedomostei, uchinnennykh Vologodskoi kazennoi palatoi, o sostoyashchikh po Vologodskoi gubernii kazennykh stroeniyakh, skol’ko i gde potracheno” [On the submission of statements issued by the Vologda Treasury Chamber about the government buildings in Vologda Governorate, what for and how much money was spent]. F. 388, op. 8, d. 94, ll. 5 ob.–7 ob. GAVO.

¹⁴ Decree of December 18, 1797 “On collecting special sums from noble estates for the maintenance of court venues in the provinces; on the maintenance of the town police at the expense of the towns; on the rise of capitation tax; on the ¼ percent tax raise for merchant capital and 50 kopeck raise for petty bourgeoisie...” [in Russian], in *Complete collection of laws of the Russian Empire* [Collection 1: till December 12, 1825], 45 vols. (hereinafter – PSZ–1) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830), vol. 24, no. 18 278, 848.

¹⁵ Town police that included police chief, bailiffs, district warders, and clerical officers were established in the largest cities of Arkhangelsk, Vologda, and Veliky Ustyug; the rest of cities and towns had town administrations, which included the mayor and 1–2 clerks (See “O politseiskom upravlenii v gorodakh” [On police administration in the cities]. F. 1286, op. 1. 1803, d. 32 b, l. 43. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; “O sbore svedenii o politseiskom upravlenii i sostoyanii politzii v gubernskikh i uездnykh gorodakh Rossii. Ch. 2” [On the collection of information about police administration and state of the police in the principal cities of governorates and uyezds of Russia. Pt. 2.]. F. 1290, op. 1, d. 1 b, ll. 5, 49–49 ob., 57–57 ob. RGIA; “Vysochaishe utverzhdennyi shtat Vologodskoi politzii ot 25 iyulya 1807 g.” [The imperially approved staff of the Vologda police as of July 25, 1807], PSZ–1, vol. 44, pt. 2, sec. 4, col. 22992, 99; “Obshchii shtat uездnykh prisutstvennykh mest” [General staff of uyezd offices], PSZ–1, vol. 44, pt. 2, sec. 4, col. 249852, 222).

officers. In this regard, the expenses for the salary of the prison superintendent and the maintenance of prisoners had to be covered by the townspeople. For the northern governorates, maintenance of the police became a heavy burden: the costs for police management (lighting, heating, maintenance of fire tools, maintenance of prisons, and hiring lower personnel) exceeded the incomes of towns almost everywhere. For instance, in the 1810s, at least 5 000 roubles were spent on Petrozavodsk police, but the income of the city did not exceed 3 000 roubles.¹⁶ In the other towns of Olonets Governorate, which were poorer than the governorate center, the lower police employees were selected from “the residents’ houses” (i.e. it was a duty paid in kind).¹⁷

Due to the limited financial capacities of the northern governorates, the construction of prison castles stretched out for the entire period of the reign of Alexander I. Only prisons in the provincial centers and in Veliky Ustyug were located in stone buildings that were more or less adapted for keeping prisoners. In other towns, prisons were located in small one-story wooden buildings surrounded by a wooden fence, with planked roofs and iron bars on the windows.¹⁸

In the first decade of the 19th century, the guards were mostly appointed from the lower military ranks of the garrison companies and uyezd staff subordinate to the governorate administration. After the establishment of the internal military guard in 1811, the situation changed. Assignment of sentries to offices and prisons remained among the responsibilities of the new formations, which were transferred to the subordination of the military department, but it was noted that “in relation to the governorate authorities” the lower military ranks

were only to carry out actions for the execution of the law and court sentences and for the protection or restoration of internal order at the request of the governorate authorities.¹⁹

Consequently, in matters of guarding prisoners, the sentries were not directly subordinate to the police officials. As for the prison staff themselves, as it was mentioned above, the staffing tables did not include the position of a superintendent. In addition, there were no direct and clear instructions on the need to establish these

¹⁶ “O sbore svedenii o politseiskom upravlenii i sostoyanii politsii v gubernskikh i uezdnykh gorodakh Rossii. Ch. 2” [On the collection of information about police administration and state of the police in the principal cities of governorates and uyezds of Russia. Pt. 2.]. F. 1290, op. 1, d. 1b, l. 31 ob. RGIA.

¹⁷ Ibid., ll. 37 ob.–43 ob.

¹⁸ For more, see Plekh, “The development of the system of penitentiary institutions in the Russian province,” 30.

¹⁹ “Polozhenie dlya vnutrennei strazhi ot 3 iyulya 1811 g.” [Regulations for the internal guard as of July 3, 1811], PSZ–1, vol. 31, no. 24 704, 784–85.

posts. Because of that, general supervision of the prisoners was entrusted to the chiefs of police and mayors.

In practice, this system of prison management caused many difficulties. For instance, in January 1819, Arkhangelsk Military Governor A. Klokachev noted in his memorandum:

The police in Arkhangelsk have been in a difficult situation, with no people to hire as [lower – *O. P.*] police officers. . . Mayors of the provincial cities used to have governorate companies, whose servicemen assisted the police in fulfilling their duties. . . With the formation of the internal guard and the gendarme squads after that, the police in the governorate city of Arkhangelsk do not have any military squad. . . Considering the uyezd towns of Arkhangelsk Governorate, I dare add that they count from 70 to 500 residents, almost all of whom are poor, and there are from 60 to 240 households in the towns. Poor residents do not do any trade or profitable crafts, but they are obliged to maintain dumas or town halls, magistrates with orphan courts and buildings for them as well as prisons, and they are also to provide quarters for military invalids and their officers, which makes it impossible to have police in these towns at the expense of the townsfolk with the burdens lying on them and due to the lack of town income. Meanwhile the mayors are obliged to maintain wellbeing and peace. The prisoners and prisons are in their charge, but without having either a police officer or military personnel in their squads, they do not have the necessary means to fulfill their duties. The prisoners who are contained in prisons are directly in the mayors' charge in all respects, but the sentries in the prisons are not subordinate to the mayors, and they do not even receive information and reports from the military guard on whether all the prisoners are in or whether there have been escapees. According to all of the above, it seems useful that the necessary number of military personnel of the invalid squads in the uyezd towns should be assigned to the mayor in order to perform the police duties.²⁰

Although there was no response to this report from the central government (the sovereign “most highly” ordered “to leave the police until the new proposal was made”), it was necessary to pay attention to the problems of staffing prisons.

In August 1820, the Senate issued a decree “On the appointment of police officials as prison superintendents.” The reason why the decree was issued was an incident that occurred in the Kharkov prison (where a prisoner escaped). Responsibility for the escape was imposed on the prison superintendent, Collegiate Registrar Bratchikov, who,

²⁰ “Dve zapiski arkhangel'skogo voennogo gubernatora Klokacheva” [Two notes of Arkhangelsk Military Governor Klokachev]. F. 1409, op. 1, d. 3751, ll. 1–4 ob. RGIA.

as it can be seen from the case, was chosen from among the prisoners, although the position should be filled by someone from among the police officials.²¹

The Senate ordered the governorate councils to prevent such “riots” in the future and to appoint only police officials as superintendents, but the legal status of this position was not clarified. In addition, it was forbidden by the Senate Decree to have “internal posts” in prisons so as “to preserve the morality of the soldiers and especially of the young ones, who were often corrupted while being together with criminals.” The enforcement of order in prison was entrusted to the warders “from among the invalids.”²² The governorate administration responded to these decisions by asking the center to clarify “the basis on which they should be kept,” since a lot of towns in the northern governorates as well as elsewhere were unable to “bear the costs.” In November 1821, at the suggestion of the Minister of the Interior, a provision was adopted according to which, firstly, prison warders were to be hired from among the “invalids” of the internal guard corps; secondly, they entered the “full-time service of the civil department” with the same salary as they received in the internal guard corps; thirdly,

in case of a lack of income in the towns, the sums required for the allowance of these people were to be shared between the general zemstvo dues in the governorate and those towns.²³

It should be noted that the text of these resolutions did not directly indicate the need to have a superintendent at all prison castles. Therefore, the initiative in solving this issue belonged to the governorate administration, which apparently did not seek to increase the tax burden on the population. So, the report on the state of the police in Vologda Governorate for 1826 clearly shows that there were prison employees only in two settlements: a superintendent and 4 lower attendants in Vologda and sentries from the invalid squad in Totma.²⁴

²¹ “Ukaz ot 10 avgusta 1820 g. ‘O opredelenii smotritelei ostrogov iz politseiskikh chinovnikov’” [Decree of August 10, 1820 “On the appointment as prison superintendents those from among the police officials”], PSZ–1, vol. 37, no. 28 375, 409.

²² “Polozhenie Komiteta ministrov ot 12 noyabrya 1821 g. ‘O naznachenii soderzhaniya tyuremnym soderzhatelyam na schet zemskikh povinnostei, v sluchayakh nedostatka gorodskikh dokhodov’” [Regulation of the Committee of Ministers as of November 12, 1821 “On the allocation of allowance to prison keepers at the expense of zemstvo dues in cases of lack of town income”], PSZ–1, vol. 37, no. 28 807, 909.

²³ Ibid., 910.

²⁴ “Tsirkulyar Ministerstva vnutrennikh del Departamentu politsii o predostavlenii svedenii o sostoyanii del v politsii” [Circular of the Ministry of Internal Affairs to the Police Department on the provision of information about the state of affairs in the police]. F. 18, op. 1, d. 494, ll. 5–24 ob. GAVO.

The situation was different with the employees of reformatories and workhouses. As already noted, these establishments were among the institutions subordinate to the department of public charity. Until 1816, the departments were authorized to independently hire superintendents and pay them salaries from the capital at their disposal. After the appearance of the Alexander Committee for the Wounded whose objective was to aid the officers who were not capable of continuing military service, the procedure for appointing “superintendents at charitable institutions” under the department of public charity changed. According to the decree of May 5, 1816, the Committee received the right to send “crippled” officers to these positions with a salary of 120 to 600 roubles per year.²⁵ However, the departments of public charity reserved the right to determine the number of superintendents necessary for their institutions. For instance, in 1820, the superintendent at the governorate hospital and insane asylum was also in charge of the Vologda reformatory and workhouse. Apparently, there was no need for a special official because these institutions functioned as one and shared the building with the hospital just the same way as it was at the beginning of the century. However, members of the internal battalion were sent to keep guard.²⁶

In the second quarter of the 19th century, special attention was paid to the situation of prison castles and their superintendents. In the first years of his reign, Nicholas I became concerned about the condition of local prisons, almost all of which were in need of new buildings,²⁷ but it was not possible to solve this problem quickly: neither the central government nor the governorates could take on such significant expenses. In this respect, in 1826 it was allowed to rent “decent” residents’ houses for keeping prisoners if a prison building was “completely dilapidated” and there were no vacant public buildings in the town.²⁸

²⁵ “Zapiska o zameshchenii vakantnykh mest po ministerstvam otstavlennymi za ranami ofitserami” [Note on the filling of vacancies in the ministries by the offices who were dismissed because of wounds]. F. 1409, op. 1, d. 1748, l. 12. RGIA.

²⁶ “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora, predstavlenyi general-gubernatoru za 1820 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1820 submitted to the Governor-General]. F. 18, op. 1, d. 413, ll. 14–14 ob. GAVO.

²⁷ In 1827 the governor of Arkhangelsk reported that “the prisons in all. . . towns were very ramshackle and cramped. . . however, they were escape-proof but not kept in proper cleanliness and good order. . .” (See “Po obozreniyu gubernii Nizhegorodskoi, Arkhangel'skoi” [On the review of Nizhny Novgorod, Arkhangelsk governorates]. F. 1286, op. 4. 1827, d. 271, l. 32. RGIA).

²⁸ “Predpisanie upravlyayushchego ministerstvom vnutrennikh del grazhdanskim gubernatoram ot 30 sentyabrya 1826 g. ‘O udobneishem pomeshchenii arestantov’” [Direction of the head of the Ministry of Internal Affairs to civil governors as of September 30, 1826 “On the most convenient premises for prisoners”]. *Complete collection of laws of the Russian Empire* [Collection 2: from December 12, 1825 till February 28, 1881], 55 vols. (hereinafter – PSZ–2) (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), vol. 1, no. 604, 1016–17.

The appearance of the “Instructions to the Superintendent of a Prison Castle” became a milestone in the development of the penitentiary system. It was sent to the governorates “as a draft proposal” together with the circular order of the Ministry of Internal Affairs dated April 9, 1831. It was suggested that the governors should follow its provisions “on the prison structure,” but given the real situation, with the reservation “as much as local circumstances and means allow.” Due attention was paid to prison staff, primarily the superintendent, for the first time.²⁹

The superintendent is the complete owner of the prison castle and the guardian of the internal order therein, for which he is strictly responsible. . . to the police chief, the governorate prosecutor, and the civil governor as his superiors.³⁰

The instruction spelled out the powers and duties of the superintendent in detail, and it was also noted that “no other position could be combined with this rank.” Bearing full responsibility for what was happening inside, the superintendent was to reside in the prison castle and had no right to leave it without permission of his superiors. He was allowed to hire warders to assist him, the warders being “in his full charge.” The security of the adjacent territory was entrusted to the military guard who kept the “main key” to the prison gate.

As we can see, the instruction regarded superintendents, warders, and sentries as prison staff and generally outlined their legal status. However, it did not directly stipulate the necessity to hire a full set of officials for each prison, which is confirmed by other government orders. In particular, the requests to assign prison superintendents to a number of towns that were submitted by Vitebsk, Mogilev, and Smolensk governor-generals and by Yekaterinoslav governorate authorities were considered in September 1835. The emperor approved their initiative and also ordered that “should there be a need to appoint special officials as superintendents at prison castles” and the governorate authorities file “a corresponding request,” “superintendents must be appointed to governorate prisons with a salary of 800 roubles and 200 roubles for office expenses and to uyezds prisons, 500 and 150 roubles, respectively.”³¹ These costs were assigned to the town communities, and

²⁹ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich*, vol. 14, *Statutes of the deanery*, pt. 5, *Code of institutions and charters about those held in custody and about the exiles* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1832), 150.

³⁰ *The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nikolai Pavlovich*, vol. 14, 174.

³¹ “Ukaz ot 28 sentyabrya 1835 g. ‘Ob opredelenii v dolzhnosti smotritelei tyuremnykh zamkov osobykh chinovnikov’” [Decree of September 28, 1835 “On the appointment of special officials in the position of superintendents of prison castles”], PSZ–2, 1836, vol. 10, sec. 2, no. 8 431, 988.

if there was a lack of funds, to the general zemstvo dues.³² In the same year, prison superintendents were included in the twelfth rank of the “Table of Civil Service Positions by Class, from the Fourteenth to the Fifth Inclusively.”³³ Consequently, it was assumed that the persons appointed to the position would have a class rank equal to the governorate secretary (*gubernskii sekretar'*). Although there were exceptions to this rule (in case of extreme necessity, it was allowed to appoint persons whose rank was one class above or two classes below), the fact that the superintendents were included in the Table meant that this position belonged to the category of class ranks. In 1852 it was allowed to appoint retired military officers as superintendents with the preservation of military ranks and uniforms without epaulettes,

so that they could use this right only until they are transferred, if desired, into civil ranks, or before they are promoted to higher class ranks according to time in service on a general basis.³⁴

It took considerable time to develop the procedure for assigning prison warders. In 1831, it was allowed to assign to these positions the lower ranks of the internal guard who had “some defects” (“slightly cramped arms or legs, the prolapse of the rectum, urinary incontinence”).³⁵ In September 1833, the highest order was announced for the internal guard corps to fill positions with “free employers”, i.e. volunteers who expressed such a desire, but there were fewer of them than required.³⁶

³² It should be noted that from 1833 on, all expenses for the maintenance of prisons in the event of a shortage of city incomes were included in the general zemstvo taxes (See “Polozhenie Komiteta ministrov ot 12 dekabrya 1833 g. ‘Ob obrashchenii raskhodov na sodержanie v gorodakh tyuremnykh ostrogov, v sluchae nedostatka gorodskikh dokhodov, na obshchie zemskie sbory” [Regulation of the Committee of Ministers as of December 12, 1833 “On the transfer of expenses for the maintenance of prisons in cities to general zemstvo fees in the case of a shortage of city income”], PSZ–2, 1834, vol. 8, pt. 1, no. 6 627, 762–63.

³³ “Raspisaniya dolzhnostei grazhdanskoï sluzhby po klassam ot XIV do V vklyuchitel'no” [Table of Civil Service positions by class, from the 14th to the 5th inclusively]. F. 14, op. 1, d. 751, l. 66 ob. GAVO.

³⁴ “Ukaz ot 24 noyabrya 1852 g. ‘O opredelenii otstavnykh voennykh ofitserov v smotriteli tyuremnykh zamkov” [Decree of November 24, 1852 “On the appointment of retired military officers as superintendents of prison castles”]. PSZ–2, 1853, vol. 27, pt. 1, no. 26 809, 739.

³⁵ “Polozhenie Komiteta ministrov ot 22 yanvarya 1831 g. ‘O dozvolenii opredelyat' iz vnutrennei strazhi v raznye sluzhitel'skie dolzhnosti nizhnikh chinov s nekotorymi nedostatkami, i o soobrazhenii s sim polozheniem po Morskому ведомству” [Regulations of the Committee of Ministers as of January 22, 1831 “On permission to appoint officers of lower ranks from the internal guard with some defects to various civil positions, and on considerations with this regulation in the Naval Department”], PSZ–2, 1832, vol. 6, sec. 1, no. 4 282, 52.

³⁶ “Ukaz ot 22 yanvarya 1841 g. ‘O dozvolenii opredelyat' v tyuremnye nadzirатели otstavnykh voennykh chinov” [Decree of January 22, 1841 “On permission to appoint retired military ranks as prison warders”], PSZ–2, 1842, vol. 16, sec. 1, no. 14 213, 67.

In January 1841, a new order was issued, according to which it was allowed to appoint the retired officers of lower ranks who were under the patronage of the Alexander Committee for the Wounded as prison warders

on the same basis as the Committee assigns the retired wounded staff- and subaltern officers to the civilian positions, and. . . to inform the heads of governorates of the nominal lists of those invalids whose health allows them to continue service as prison warders for a dependent order to appoint those of them who wish to take this position and will be recognized as capable of doing it.³⁷

In the future, when the governors applied for pensions to be granted to lower ranks from the invalids' capital, they were obliged to provide the Committee with the information on "who of them would like to take the position of prison warder and whether their personality makes them capable to do the job." The Committee, in turn, was instructed to keep the lists of candidates and to assign those who wish to these positions "as needed." In 1842 it was allowed to fill the vacancies with non-commissioned officers who were dismissed from service and refused to be promoted to officers if there were no retired invalids.³⁸ As we can see, the supreme power saw the lower ranks of the internal guard corps, primarily those who had retired "because of wounds" as the main candidates for the positions of warders, and also allowed the appointment of "dismissed" non-commissioned officers as an exception.³⁹ Therefore, it concerned the persons who did not have ranks according to the Table of Ranks.

The "Instructions to the Superintendent of a Prison Castle" ignored the issue related to the situation of the executioners (*katy*), who were de facto included in the prison staff. This gap was filled in 1834. In accordance with the circular order of the Ministry of Internal Affairs, in the absence of free people wishing to work as executioners, it was necessary

to elect to this position. . . those who were convicted by the decisions of the criminal chambers to exile in Siberia and to punishment with whips, at the same time exempting them from corporal punishment.⁴⁰

³⁷ "Ukaz ot 22 yanvarya 1841 g. 'O dozvolenii opredelyat' v tyuremnye nadziratelyi otstavnykh voennykh chinov'" [Decree of January 22, 1841 "On permission to appoint retired military ranks as prison warders"], PSZ-2, 1842, vol. 16, sec. 1, no. 14 213, 67.

³⁸ "Ukaz ot 5 sentyabrya 1842 g. 'O zameshchenii vakansii tyuremnykh nadziratelei unter-ofitserami, otkazavshimisya ot proizvodstva v ofitsery'" [Decree of September 5, 1842 "On the filling of vacancies of prison guards by non-commissioned officers who refused to be promoted to officers"], PSZ-2, vol. 17, 1843, sec. 1, no. 16 018, 895–96.

³⁹ Apparently, the practice of managing prisons was taken into account, which had accumulated a lot of examples when young and healthy non-commissioned officers colluded with prisoners and indulged in drunkenness, thereby facilitating escape.

⁴⁰ "Po predpisaniyu Ministerstva vnutrennikh del vologodskomu grazhdanskomu gubernatoru ob opredelenii na dolzhnost' palachei iz prestupnikov" [In compliance with the order of the Ministry

It was emphasized that the appointment of criminals to this position had already been a common practice. The executioners were to stay in prison castles under the supervision of the superintendents. The allowance for maintaining them and their families was included in prison expenses. Each governorate was supposed to have two executioners.

In the second quarter of the 19th century, changes in criminal legislation also had an effect on the development of the local penitentiary system. In the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845, imprisonment was one of the main forms of punishment, specified in many articles. It certainly should be considered as a progressive phenomenon, but its implementation in practice required a developed network of places of detention, capable of accommodating a significant number of prisoners.⁴¹ Meanwhile, design and construction of prisons in accordance with the “model” proposals was very slow. For example, in the mid-1840s, there was a prison castle in Vologda Governorate (a two-story stone building that could accommodate 300 prisoners with a hospital and a church).⁴² Stone prisons also appeared in Kadnikov, Ustyug, Totma, and Solvychevodsk. In the rest of the uyezds towns, wooden prison buildings were “very ramshackle” and required significant repairs (except for Ust-Sysolsk). In Velsk, Nikolsk, and Yarensk, it was still possible to maintain the prison buildings “by annual repairs,” but it was no longer possible in Gryazovets.⁴³ The building of the workhouse and reformatory in Vologda was also

of Internal Affairs to Vologda Civil Governor on the appointment of criminals to the position of executioners]. F. 18, op. 1, d. 610, l. 1. GAVO.

⁴¹ Soon after the enactment of the Code, a number of decrees appeared, according to which “due to the excessive accumulation of prisoners in workhouses and prisons” those who were sentenced to long terms of imprisonment began to be exiled to Siberia for settlement (See, e.g., “Ukaz ot 12 iyunya 1852 g. ‘O nemedlennoi ssylke v Sibir’ na poselenie tekhn arestantov oboego pola, soderzhashchikhsya v rabochikh domakh i tyur’makh, kotorym srok soderzhaniya dolzhen eshche prodolzhit’sya bolee trekh let” [Decree of June 12, 1852 “On the immediate exile to Siberia for settlement of the prisoners of both sexes held in workhouses and prisons, whose term of imprisonment should continue for more than three years”], PSZ–2, 1853, vol. 27, sec. 1, no. 26 367; “Mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 23 noyabrya 1853 g. ‘O merakh k ustraneniyu nakopleniya arestantov v mestakh zaklyucheniya, i o raspredelenii po mestam ssylki prestupnikov iz zhitelei Sibiri” [Opinion of the State Council as of November 23, 1853 “On measures to eliminate the accumulation of prisoners in places of detention and on the distribution of criminals from among Siberian residents to places of exile”], PSZ–2, 1854, vol. 28, sec. 1, no. 27 722).

⁴² “Smety na remont zdaniy tyurem gubernii” [Estimates for the repair of prison buildings in the governorate]. F. 14, op. 1, d. 4159, l. 9. GAVO.

⁴³ “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora za 1843 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1843]. F. 18, op. 1, d. 1030, ll. 7–7 ob. GAVO; “Otchet vologodskogo grazhdanskogo gubernatora za 1844 god” [Report of the Vologda Civil Governor for 1844]. F. 18, op. 1, d. 1093, ll. 5 ob.–6. GAVO; “Otchet vologodskogo gubernatora za 1845 god” [Report of the Vologda Governor for 1845]. F. 18, op. 1, d. 1423, ll. 8–8 ob. GAVO.

recognized as dilapidated, and it was planned to build a new one.⁴⁴ There was no separation of persons under investigation and convicts in the uyezd prisons. Many governorates (and not only in the North) had similar problems, which is why the government was forced to take extraordinary measures: in 1842–43 “special taxes” were imposed on the population in order to cover the costs of arranging “premises for public offices and prisons.”⁴⁵ In Vologda Governorate, it was allowed to collect 4 kopecks of silver for these purposes from each taxable person and 0.25% from merchant capitals between 1844 and 1854.⁴⁶

The situation of the 1840s was reflected in the staffing policy: the central government did not strive to increase the prison staff. In particular, in 1848

in terms of reducing the expenses on people assigned from invalid squads to guard the buildings where prisoners and criminals sentenced to imprisonment are contained,

it was ordered to arrange these premises in such a way

that several separate rooms have one entrance and one corridor, so that one sentry could be enough to guard several prison cells.⁴⁷

Meanwhile, the fact that in the late 1830s the positions of prison superintendents began to be filled on a regular basis should be viewed as a positive trend. In 1844, there were superintendents in 6 uyezd prisons⁴⁸ in Olonets Governorate, among whom there was one official of the 9th class rank, two collegiate registrars, one warrant officer, and two non-commissioned officers.⁴⁹ In terms of estate, five of them belonged to taxable estates (four peasants and one urban resident). All of them were

⁴⁴ “Otchet vologodskogo gubernatora za 1845 god” [Report of the Vologda Governor for 1845]. F. 18, op. 1, d. 1423, ll. 12 ob.–13. GAVO.

⁴⁵ “Ob ustroistve pomeshchenii dlya prisutstvennykh mest i tyurem po Vologodskoi gubernii” [On the arrangement of premises for offices and prisons in Vologda Governorate]. F. 1286, op. 8. 1842, d. 607, l. 22 ob. RGIA.

⁴⁶ “Ob ustanovlenii sbora s naseleniya Vologodskoi gubernii na postroiku zdaniy prisutstvennykh mest i tyurem” [On levying duty on the population of Vologda Governorate for the construction of buildings for public offices and prisons in the governorate]. F. 218, op. 2, d. 774, ll. 25–25 ob. RGIA.

⁴⁷ “Ukaz ot 1 sentyabrya 1848 g. ‘O naznachenii chasovykh dlya karaulov pri arestantskikh kamorakh’” [Decree of September 1, 1848 “On the appointment of sentries to guard prison cells”], PSZ–2, 1849, vol. 23, sec. 1, no. 22 545, 564.

⁴⁸ In the governorate prison, the position was vacant.

⁴⁹ “Formulyarnye spiski chinovnikov Olonetskoii gubernii” [Service records of the officials of Olonets Governorate]. F. 1349, op. 4, 1844, d. 514, part 2, ll. 214 ob.–217, 223 ob.–229, 235 ob.–237, 243 ob.–246, 252 ob.–255, 262 ob.–264. RGIA.

retired military men (who had been recruited to the army) between 49 and 58 years of age. They took office as superintendents in the late 1830s – early 1840s. The official of the 9th class rank stood out against the general background. He came from a subaltern officer's family and began service in the capital but was sent to court for trial and was removed from service. In 1844 he arrived in the governorate and filled the vacancy of the superintendent of the Lodeynoye Pole prison (apparently, the official "at fault" could apply for no other positions). It was possible to find information about the officials of the Ministry of Internal Affairs who served in Vologda Governorate in 1850.⁵⁰ Nine persons served as superintendents.⁵¹ Seven of them were retired military men: six peasants who had been recruited to the army and one nobleman who had received education at the First Cadet Corps. The other two came from official environment (one was from a subaltern officer's family and another from a clerk's family) and had some experience of civilian service. Three employees held 10th class rank; two, 12th; one, 13th; three, 14th. All superintendents were over 50 years old. They took their positions in the late 1830s – early 1840s, except for the Nikolsk superintendent who was appointed in 1830. The data presented show that on the whole the staff corresponded to the expectations of the government: the superintendents of prison castles were mainly recruited from the retired military men. However, not all of them had the rank that met the requirements for the position.

Conclusion

In the first half of the 19th century, the organization of penitentiary institutions' work was a challenge for the central government. After the territorial reform of 1775, it was assumed that an extensive network of places of detention corresponding to the local administrative apparatus would appear in the governorates. However, their establishment (primarily the material resources) appeared to be costly, and it was not possible to fulfill the plan at once and at the expense of the treasury. Cities and towns, most of which in the North were small and poor, were to bear the financial burden of the maintenance of penitentiary institutions. That is why the construction of prisons was lengthy and took the entire first quarter of the 19th century. In order to save money, the first step was to construct small wooden izbas, which required annual repairs after several decades. All this told on staffing. The central government placed responsibility for the state of prisons on the provincial administration and hoped that the latter would provide adequate security, while it was not directly

⁵⁰ "Formulyarnye spiski chinovnikov Ministerstva vnutrennikh del po Vologodskoi gubernii" [Service records of the officials of the Ministry of Internal Affairs in Vologda Governorate]. F. 1349, op. 5, d. 7771, ll. 415 ob.–420, 447 ob.–454, 488 ob.–495, 502 ob.–505, 520 ob.–523, 528 ob.–529, 544 ob.–547, 559 ob.–566, 585 ob.–588. RGIA.

⁵¹ The position of the Gryazovets prison superintendent was vacant.

ordered to have superintendents and warders in every prison. Prison employees were not included in the staffing tables, and separate decrees emphasized that superintendents should be appointed from among police officials, although formally their duties included only supervision of persons taken into custody. In addition to that, more than modest number of police staff in the northern governorates made it impossible to combine police work with the protection of prisoners. As a result, in the first decades of the 19th century, despite the fact that prisons were considered to be under the charge of the mayor, in fact prisons (primarily those located in the uyezd towns) were under the supervision of sentries from the internal guard, who became subordinate to the military department in 1811 and did not execute the orders given by civilian officials.

During the reign of Nicholas I, more attention was paid to the development of the penitentiary system. The “Instructions to the Superintendent of a Prison Castle” of 1831 outlined the powers, duties, and conditions of service of the superintendents and warders for the first time, but there were no requirements for candidates for these positions. It took more than a decade for the legislation to establish who was to be appointed and from what funds and in what amount their salaries were to be paid. Preference was given to retired military men. The superintendents were supposed to have the twelfth class rank. The lower ranks of the internal guard corps who had retired because of wounds were considered by the supreme power as candidates for the positions of warders. The costs of salaries as well as maintenance of prisons in general were assigned to town communities (or to general zemstvo dues in the event of a lack of income). In the first quarter of the 19th century, prison superintendents were appointed by way of exception, but in the late 1830s, these positions were filled on a regular basis. However, the initiative in appointing additional personnel in a particular prison still belonged to the governorate administration, which, in its turn, did not seek to increase costs, since in the 1840s staffing issues were overshadowed by a more significant problem: in many towns, it was necessary to replace old wooden prison buildings with new stone buildings that would comply with the “model” project proposals and would meet the requirements for the maintenance of prisoners.

Thus, the staffing problems were solved in step with the development of the penitentiary system and were directly dependent on the condition of places of detention. Prison personnel were not included in the staffing tables of local institutions and in each particular instance were regulated on the initiative from below while the governorate administration proceeded from current needs and tasks in its reports, not seeking to inflate the staff and thereby increase the tax burden on the population of the governorate.

Список литературы

- Алексеев В.И.* Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень: ТюмГУ, 2008. 393 с.
- Батчаева М.К.* Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2009. 220 л.
- Бортникова О.Н.* Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 1999. 301 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. 1762–1825. Москва: Госюриздат, 1960. 384 с.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2. 1825–1870. Москва: Госюриздат, 1961. 582 с.
- Дворянов В.Н.* В сибирской дальней стороне... (Очерки истории политической каторги и ссылки, 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1985. 303 с.
- Детков М.Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения. Москва: Интерправо, 1994. 119 с.
- Захаров М.В.* Российская пенитенциарная система в годы «Великих реформ» (1861–1881 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Московский педагогический государственный университет, 2007. 208 л.
- Казаченок В.В.* Пенитенциарные органы и учреждения Казанской губернии (1715–1917 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Казанский федеральный университет, 2014. 233 л.
- Кодан С.В.* Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: ИрГУ, 1980. 95 с.
- Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / перевод с английского П.И. Прудовского; научный редактор А.Б. Каменский. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Коломенцев Д.В.* Тюремная система России в 50–80-е гг. XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный педагогический университет, 2004. 177 л.
- Коняев А.Е.* Тюремные учреждения Европейской России в 1879–1917 гг.: социально-экономический аспект деятельности: по материалам Ярославской и Владимирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ивановский государственный университет, 2010. 210 л.
- Кузнецова Ю.В.* Общеуголовные тюрьмы российском империи в XIX веке (на примере Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 165–169.
- Локтионова Е.А.* Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2004. 183 л.
- Марголис А.Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и археологические находки. Москва: Лантерна: Вита, 1995. 207 с.
- Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2015. 992 с.
- Никитин В.Н.* Тюрьма и ссылка: 1560–1880 г. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. Санкт-Петербург: Типография Г. Шпарварта, 1880. IV, 674 с.

Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. Москва: МГУ, 1980. 204 с.

Павлушков А.Р. Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 250 с.

Петренко Н.И. Организационно-правовые основы режима исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864–1917 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Академия МВД РФ, 1997. 213 л.

Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. Москва: Щит-М, 2004. 324 с.

Пирогов П.П. Кадровое обеспечение тюремного ведомства Российской империи в XIX – начале XX вв. Мурманск: МГИ, 2004. 171 с.

Плех О.А. Развитие системы пенитенциарных учреждений в провинции в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 4. С. 26–40.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. 656 с.

Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 608 с.

Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1889. VIII, 504 с.

Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007. 166 s.

Badcock S. A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. VIII, 195 p.

Beer D. The House of the Dead: Siberian exile under the tsars. London: Penguin Books, 2017. XX, 487 p.

Behrisch L. Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries // Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe / edited by H. Schilling, L. Behrisch. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999. S. 325–357.

Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history / edited by C. Emsley, L. Knaffa. Westport; London: Greenwood Press, 1996. 313 p.

Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.

McReynolds L. Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013. XI, 274 p.

Neuberger J. Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914. Stanford: Stanford University Press, 1993. XIV, 324 p.

Wood A. Russian «Wild East»: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution / edited by A. Wood. London: Routledge, 1991. P. 117–137.

References

Ackeret, M. *In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin)*. München: Osteuropa-Institut München, 2007.

Alekseev, V.I. *Penitentsiarnaya politika Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Penitentiary policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. Tyumen: TyumGU, 2008. (In Russian)

Badcock, S. *A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Batchaeva M.K. *Deyatel'nost' rossiiskogo 'Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: na materialakh Stavropol'ya i Kubani* [The activities of the Russian Society of Trustees for Prisons in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on materials from the Stavropol and Kuban regions]. PhD diss. Stavropol State University, 2009. (In Russian)

Beer, D. *The house of the Dead: Siberian exile under the tsars*. London: Penguin Books, 2017.

Behrisch, L. “Social discipline in early modern Russia, 17th–19th centuries.” In *Institutionen, Instrumente und Akteure sozialer Kontrolle und Disziplinierung im frühneuzeitlichen Europa = Institutions, instruments and agents of social control and discipline in early modern Europe*, edited by H. Schilling and L. Behrisch, 325–57. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1999.

Bortnikova, O.N. *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoi Sibiri v 1801–1917 gg.* [Prison Siberia: penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: TYuI MVD RF, 1999. (In Russian)

Detkov, M.G. *Nakazanie v tsarskoi Rossii. Sistema ego ispolneniya* [Punishment in tsarist Russia. The system of its execution]. Moscow: Interpravo, 1994. (In Russian)

Dvoryanov, V.N. *V sibirskoi dal'nei storone... (Ocherki istorii politicheskoi katorgi i ssylki, 60-e gg. XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far land... (Essays on the history of political penal servitude and exile, the 1760s–1917)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985. (In Russian)

Emsley, C., and L. Knaffa, eds. *Crime history and history of crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history*. Westport; London: Greenwood Press, 1996.

Foinitskii, I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Theory of punishment in connection with prison studies]. St Petersburg: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1889. (In Russian)

Gentes, A. *Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia*. New York: Palgrave Mcmillan, 2008.

Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of tsarist prison]. 5 vols. Vol. 1, 1762–1825. Moscow: Gosyurizdat, 1960. (In Russian)

Gernet, M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my* [History of tsarist prison]. 5 vols. Vol. 2, 1825–1870. Moscow: Gosyurizdat, 1961. (In Russian)

Kazachenok, V.V. *Penitentsiarnye organy i uchrezhdeniya Kazanskoi gubernii (1715–1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie* [Penitentiary bodies and institutions of Kazan Governorate (1715–1917): historical and legal research]. PhD diss. Kazan Federal University, 2014. (In Russian)

Kodan, S.V. *Politicheskaya ssylka v sisteme karatel'nykh mer samoderzhaviya pervoi poloviny XIX v.* [Political exile in the system of punitive measures of autocracy in the first half of the 19th century]. Irkutsk: IrGU, 1980. (In Russian)

Kollmann, N.Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia]. Translated by P.I. Prudovskii. Edited by A.B. Kamenskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian)

Kolomentsev, D.V. *Tyuremnaya sistema Rossii v 50–80-e gg. 19 veka i ee reformirovanie* [Russian prison system in the 1850s–1880s and its reform]. PhD diss. Voronezh State Pedagogical University, 2004. (In Russian)

Konyaev, A.E. *Tyuremnye uchrezhdeniya Evropeiskoi Rossii v 1879–1917 gg.: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt deyatel'nosti: po materialam Yaroslavskoi i Vladimirskoi gubernii* [Prisons of European Russia in 1879–1917: socio-economic aspect of operation: based on the materials of Yaroslavl and Vladimir governorates]. PhD diss. Ivanovo State University, 2010. (In Russian)

Kuznetsova, Yu.V. “Obshcheugolovnye tyur'my rossiiskom imperii v XIX veke (na primere Orenburgskoi gubernii)” [General-criminal prisons of the Russian empire in the 19th century (on the example of the Orenburg province)]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 8, no. 1 (26) (2019): 165–69. (In Russian)

Loktionova, E.A. *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoi sistemy v Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [Formation and development of the penitentiary system in Kursk Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhD diss. Kursk State University, 2004. (In Russian)

Margolis, A.D. *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkheologicheskie nakhodki* [Prison and exile in imperial Russia: research and archaeological finds]. Moscow: Lanterna: Vita, 1995. (In Russian)

McReynolds, L. *Murder most Russian: true crime and punishment in late imperial Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013.

Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian empire: from tradition to modernity]. 3 vols. Vol 3. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015. (In Russian)

Neuberger, J. *Hooliganism: crime, culture and power in St Petersburg, 1900–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1993.

Nikitin, V.N. *Tyur'ma i ssylka: 1560–1880 g. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administrativnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz pod strazhi, so vremeni vozniknoveniya russkoi tyur'my, do nashikh dnei* [Prison and exile: 1560–1880. Historical, legislative, administrative, and household situation of prisoners, transit prisoners, their children, and those released from custody, from the time Russian prison appeared to the present day]. St Petersburg: Tipografiya G. Shparvarta, 1880. (In Russian)

Ostroumov, S.S. *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoi Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: MGU, 1980. (In Russian)

Pavlushkov, A.R. *Karatel'no-ispravitel'naya sistema russkoi pravoslavnoi tserkvi v imperskii period* [Penitentiary system of the Russian Orthodox Church during the imperial period]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2014. (In Russian)

Pechnikov, A.P. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 – oktyabr' 1917 gg.): Istoricheskaya khronika* [Prison establishments of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle]. Moscow: Shchit-M, 2004. (In Russian)

Petrenko, N.I. *Organizatsionno-pravovye osnovy rezhima ispolneniya nakazaniya za obshcheugolovnye prestupleniya v mestakh zaklyucheniya Rossii v poreformennyi period, 1864–1917 gg.* [Organizational and legal foundations of the execution of punishment for ordinary crimes in places of detention in Russia in the post-reform period, 1864–1917]. PhD diss. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. (In Russian)

Pirogov, P.P. *Kadrovoe obespechenie tyuremnogo vedomstva Rossiiskoi imperii v XIX – nachale XX vv.* [Staffing the prison department of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. Murmansk: MGI, 2004. (In Russian)

Plekh O.A. “Razvitie sistemy penitentsiarnykh uchrezhdenii v provintsii v pervoi polovine XIX v. (na materialakh Vologodskoi gubernii)” [The development of penitentiary institutions in the Russian province in the early 19th century (based on materials of the Vologda province)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*, no. 4 (2019): 26–40. (In Russian)

Tagantsev, N.S. *Russkoe ugovnoe pravo: Chast' obshchaya. Lektsii* [Russian criminal law: common part. Lectures]. 2 vols. Vol. 2. St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1902. (In Russian)

Uporov, I.V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoi analiz tendentsii razvitiya* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries. Historical and legal analysis of development trends]. St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. (In Russian)

Wood, A. “Russian ‘Wild East’: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX century” In *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*, edited by A. Wood, 117–37. London: Routledge, 1991.

Zakharov, M.V. *Rossiiskaya penitentsiarnaya sistema v gody “Velikikh reform” (1861–1881 gg.)* [Russian penitentiary system in the years of Great Reforms (1861–1881)]. PhD diss. Moscow State Pedagogical University, 2007. (In Russian)

Информация об авторах

Олеся Анатольевна Плевх – кандидат исторических наук, научный сотрудник, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Институт российской истории РАН (117292 Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19)

Information about the authors

Olesya A. Plekh – Candidate of Historical Sciences, Researcher, <http://orcid.org/0000-0002-3750-6270>, plekh@mail.ru, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (d. 19, ul. Dm. Ul'yanova, Moscow, Russia, 117292)

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; одобрена после рецензирования 18.10.2021; принята к публикации 25.10.2021.

The article was submitted 09.08.2021; approved after reviewing 18.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 126–163
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 126–63

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний

Юлия Александровна Сафронова,

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия,

jsafronova@eu.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Yuliya A. Safronova,

European University at St Petersburg,

St Petersburg, Russia,

jsafronova@eu.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Аннотация. Статья посвящена правительственной политике в отношении политического протеста в царствование Александра II. На материалах межведомственных совещаний первой половины 1870-х гг. показано, что решения, сыгравшие ключевую роль в эскалации революционного насилия и возникновении политического терроризма, не были результатом «страха» перед лицом революционной угрозы. Напротив, они возникли в результате непонимания природы новой фазы молодежного протеста, отчасти связанного с инерцией восприятия начавшегося «хождения в народ» по аналогии с европейским революционным движением, с одной стороны, и более ранними организациями, в первую очередь «Народной расправой», с другой.

Вместе с тем участники межведомственных совещаний должны были принимать решения в условиях заведомо неполной информации как об идеологии политического протеста, так и о конкретных его проявлениях. В такой ситуации они были вынуждены доверять экспертам из III Отделения и Министерства юстиции, готовившим аналитические записки о противозаконных сообществах, ориентируясь на интересы собственных ведомств. Анализ материалов, предоставленных для обсуждения, в первую очередь текстов, атрибутированных полицией как сочинения братьев Кропоткиных, позволяет сделать заключение о том, что российская бюрократическая элита, воспринимавшая социализм как «дикие теории», отказывалась рассматривать молодежный протест в качестве серьезной угрозы, отдавая решение проблемы на откуп соответствующим ведомствам. Такое отношение определялось противоречиями внутри правительства, в котором борьба за формирование дальнейшего политического курса препятствовала выработке согласованной политики по поводу революционного движения.

© Сафронова Ю.А., 2022

© Safronova Yu.A., 2022

Ключевые слова: политический протест, Александр II, революционное народничество, бюрократия, практики чтения

Для цитирования: Сафронова Ю.А. Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6, № 1. С. 126–163, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 17-78-10122 «Вовлечение в политическое: сети коммуникации и пространство политического протеста Российской империи 1870 – начала 1880-х гг.»

How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings

Abstract. The article is devoted to the governmental policy in relation to political protest during the reign of Alexander II of Russia. Based on the materials of interdepartmental meetings of the first half of the 1870s, it shows that the decisions that played a key role in the escalation of revolutionary violence and the emergence of political terrorism did not result from “fear” of revolutionary threat. On the contrary, they arose as a result of misunderstanding the nature of the new phase of youth protest, partly associated with the inertia of the perception of the incipient “going to the people” (*khozhdenie v narod*) by analogy with the European revolutionary movement, on the one hand, and earlier organizations, primarily the People’s Retribution (*Narodnaya rasprava*), on the other.

At the same time, participants in interdepartmental meetings had to make decisions in conditions of knowingly incomplete information about the ideology of political protest and its specific manifestations. Under those circumstances they had to trust experts from the Third Section and the Ministry of Justice who prepared analytical notes on illegal communities, focusing on the interests of their own departments. Analysis of the materials provided for discussion, primarily texts attributed by the police as the writings of Kropotkin brothers, allows us to conclude that the Russian bureaucratic elite, who perceived socialism as “wild theories,” refused to consider youth protest as a serious threat and gave complete control over the solution to the problem to the relevant departments. This attitude was determined by contradictions within the government, where the struggle to form a further political course prevented the development of a coordinated policy regarding revolutionary movement.

Keywords: political protest, Alexander II, revolutionary populism, Narodnik movement, bureaucracy, reading practices

For citation: Yu.A. Safronova, “How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 126–63, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Acknowledgments: The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation 17-78-10122 “Involvement in the Political: Communication Networks and the Space of Political Protest in the Russian Empire of the 1870s – early 1880s.”

Введение

Обширную историографию народнического движения при значительном интересе к мельчайшим эпизодам деятельности революционеров отличает крайняя схематичность объяснений политики правительства, с ними боровшегося. Парадоксальным образом это верно и для исследований эпохи Великих реформ. Политическая история, внимательная к всевозможным проектам преобразований, государственному аппарату, процессу принятия решений и т.п., удивительным образом оказалась слепа по отношению к политическому протесту. В историографии деятельность революционных сообществ выступала только фоном, фактором, затруднявшим поступательное движение страны к процветанию и прогрессу. Она рассматривалась в качестве причины сворачивания реформ, смены кадров, нарастания «охранительных тенденций» и т.д. При этом сама по себе политика в сфере охраны «общественного порядка» специально не анализировалась, за исключением деятельности политической полиции.

Такая ситуация выглядит тем более удивительной, что наиболее распространенным объяснением радикализации движения 1870-х гг., перехода от мирного «хождения в народ» к террору, закончившемуся цареубийством 1 марта 1881 г., является именно правительственная политика. Сама власть, чрезмерно жестко отреагировав на первую фазу движения, породила вторую. Годы тюрьмы, гибель товарищей и прочие страдания «ожесточили» «мирных» народников, и они перешли к практике революционного насилия. В такой логике была выполнена одна из первых работ, посвященных революционному движению 1870-х гг. Ее автор, В.Я. Богучарский, писал:

Вера в социальную революцию и полнейший аполитизм были характернейшими чертами этого чисто интеллигентского, действительно абсолютно оторванного от жизни страны движения. В высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое, оно в своем революционизме непременно сошло бы на нет, если бы не привычка русских правящих сфер пугаться проявления в стране буквально всякого шороха¹.

Нетрудно заметить, что В.Я. Богучарский в этом случае воспроизводил аргументы самих революционеров, объяснявших террор в нелегальных изданиях и со скамьи подсудимых. Народолюбец А.А. Квятковский во время Процесса 16-ти в 1880 г. озвучил простую схему:

Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будет стремиться к свободе, как листья растений повертываются к солнцу. Но отношение правительства к ней связывает ее по рукам и ногам в ее человеческих

¹ Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. Москва: Русская мысль, 1912. С. 2.

стремлениях. <...> Так лучше смерть в борьбе, чем нравственное или физическое самоубийство!²

Советская историография, разумеется, не могла объяснять возникновение протестного движения исключительно действиями правительства. Логика формационного подхода требовала признать возникновение революционных сил неизбежным явлением исторического развития, поскольку сам по себе революционный процесс «диктуется объективными потребностями». В то же время в объяснении эволюции народничества она следовала все той же схеме: в начале 1870-х гг. «царизм» жестоко подавил молодежное движение, но был так им «напуган», что в течение десятилетия бесплодно метался «от комбинированных способов подавления к прямолинейному палаческому способу»³.

Хотя дискуссии внутри бюрократического аппарата о природе политического протеста и методах борьбы с ним становились предметом изучения, их анализ следовал той же схеме. Так, обсуждение «хождения в народ» Комитетом министров в 1875 г. наиболее подробно рассмотрено в вышедшей в 1921 г. статье Н. Ашешова. Комментируя журнал заседаний Комитета, автор объяснял принятые решения неспособностью самодержавия понять объективные социальные процессы:

импотентная в государственном отношении мысль бюрократов отходит немедленно назад при первом признаке свободы⁴.

В 1978 г. Н.А. Троицкий в монографии, посвященной «карательной политике царизма», привел перечень всех межведомственных совещаний 1870-х гг., но анализу логики бюрократических решений он предпочел сатирическое описание участников. Результатом стало заключение, что «...о природе революционного движения царские каратели судили с узкополицейской точки зрения»⁵.

Если политика правительства по отношению к революционному террору после выстрела В.И. Засулич и особенно в период «диктатуры сердца», рассматривалась в целом ряде исследований⁶, то совещания первой половины

² Процесс 16 // Народная воля. 1880. № 4. <http://narovol.narod.ru/document/nv5.htm> (дата обращения: 22.09.2021)

³ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва: Мысль, 1978. С. 69.

⁴ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году // Былое. 1921. № 17. С. 56.

⁵ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. С. 52.

⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография [Б.С. Итенберг, А.М. Анфимов, А.М. Соловьева и др.]. Москва: Наука, 1983.

1870-х гг., когда был принят ряд принципиально важных решений, как изменивших инфраструктуру следствия по политическим делам, так и расширивших спектр возможных интерпретаций протеста, только в последние несколько лет стали предметом специального изучения. Новаторской можно назвать статью А.А. Рубцова о расследовании массовых политических преступлений 1870-х гг., ход которых автор анализирует как конфликт правовых культур представителей разных ведомств, отвечавших за обеспечение общественной безопасности⁷. В своей интерпретации исследователь идет за обсуждаемой в историографии проблемой «единства действий администрации», оказывавшей влияние на принятие всех ключевых решений этого периода⁸.

Не ставя под сомнение репрессивный характер правительственной политики в отношении молодежного протеста 1870-х гг., я хочу проанализировать, что лежало в основе принятых решений. На основании каких материалов вносились изменения в законодательство о политических преступлениях, каким видели социализм вообще и российское революционное движение в частности участники межведомственных совещаний? В центре моего внимания находится опыт обращения высшей бюрократии Российской империи с сочинениями российских социалистов.

Комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах, 1872 г.

Обсуждение революционного движения происходило в течение 1870-х гг. на особых совещаниях, состав которых каждый раз утверждался Высочайшим приказом заново. Основной чертой всех этих собраний была межведомственность. К обсуждению привлекались представители «профильных» ведомств (Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство народного просвещения, III Отделение), либо вообще все высшие бюрократы империи.

Первым по времени межведомственным обсуждением проблемы стали заседания «Комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах», работавшей в мае 1872 г. Ее появление было вызвано к жизни практическими соображениями: арестованных участников

⁷ Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических преступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 114–138.

⁸ Rieber A.J. Bureaucratic politics in imperial Russia // Social Science History. 1978. Vol. 2, no. 4. P. 399–413; Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность / под редакцией Р.Н. Байгзина. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 177–219; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: РОССПЭН, 2010.

кружков самообразования невозможно было предать суду⁹. Хотя закон 19 мая 1871 г. предоставил министру юстиции право по соглашению с шефом жандармов разрешать политические дела «административным порядком», власти явно испытывали потребность в более твердых юридических основаниях для преследования участников многочисленных молодежных кружков.

Комиссия была образована при Министерстве юстиции, т.к. ее целью был пересмотр законодательства. Кроме 6 сотрудников этого министерства (в том числе председателя – тайного советника Э.В. Фриша) в нее были включены по одному представителю от Министерства внутренних дел, II и III Отделений Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Последнее представлял юрисконсульт политической полиции, статский советник М.Н. Баженов. Важно отметить, что хотя для Комиссии были специально отобраны и напечатаны материалы, состояли они из извлечений из российских и европейских законов о противозаконных сообществах и о преступлениях против государства и его главы¹⁰. Комиссия использовала опыт Франции и Италии при решении некоторых частных вопросов, но обсуждение велось в основном вокруг формулировок собственно российского законодательства. При этом материалов дознаний, вызвавших образование Комиссии, ее членам предоставлено не было.

Дискуссия, которая велась членами Комиссии, позволяет утверждать, что пересмотр законодательства был направлен именно на пресечение деятельности приверженцев социалистических идей. В ходе дискуссии неоднократно было отмечено, что изменение формулировки, сделанное в 1868 г. в ст. 318 Уложения о наказаниях («порядок управления» был заменен на «порядок государственного устройства») было направлено на то, «чтобы под эту статью подвести сообщества с исключительно коммунистическими и социалистическими целями»¹¹. Эта новая формулировка была бесполезна в тех случаях, когда изменение порядка государственного устройства было отдаленной целью сообщества, занимавшегося самообразованием или распространением книг радикального содержания.

Недостатки ст. 318 были обусловлены изменением в характере самого протестного движения, за которым законодательство не поспевало. После убийства в 1869 г. студента Иванова и судебного процесса нечаевцев 1871 года. новое поколение, пришедшее на смену шестидесятникам, было принципиально аполитичным, а потому прямо на государственный строй не покушалось. Члены Комиссии этой трансформации не фиксировали, полагая, что противозаконные сообщества редко преследуют «одну какую-либо

⁹ Отношение Шефа жандармов Министру юстиции, 5 мая 1872 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 2 об. (По вопросу о противозаконных сообществах).

¹⁰ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах // РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 18.

¹¹ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 19 об.–20, 26.

антисоциальную цель без всякого отношения к целям политическим»¹². В их обсуждении «организации» явно видна отсылка к нечаевской «Народной расправе»: состоит из кружков, подчиненных общему начальнику или комитету, члены «дают обет безусловно повиноваться какому-либо», «не знают всех других участников сообщества или начальства последнего»¹³. В 1872 г. такое представление уже стало анахронизмом, но на протяжении 1870-х гг. еще сохранялось в умах многих представителей власти и определяло характер мер, применяемых для борьбы с протестным движением.

«Особое мнение» было подано только юрисконсультom III Отделения М.Н. Баженовым. Его описание противозаконного сообщества было далеко от воображавшейся остальными «Народной расправы» и, по-видимому, основывалось на знании реального состояния дел. С точки зрения Баженова, правительство имело дело не с централизованной и законспирированной организацией, а с аморфными объединениями: «несколько испорченных людей» расширяют свой круг

...беседами в духе взаимного саморазвития, потом совместным чтением книг и брошюр одностороннего и исключительно радикального содержания <...> объявляется цель или задача сообщества, состоящая все чаще в стремлении улучшить быт народа¹⁴.

Записка М.Н. Баженова заставила членов комиссии высказаться собственно о кружках саморазвития, которые раньше были вне сферы их внимания. В отличие от представителя III Отделения, участники совещания не посчитали необходимым специально зафиксировать аполитичные объединения в законе:

Пока подобный кружок не превратился еще в сообщество, пока лица, составляющие его, не связаны общею всем им целью, до тех пор против их будет достаточно принятие одних полицейских мер¹⁵.

В этом случае очевидно расхождение в понимании ситуации политической полицией, по запросу которой было созвано совещание, и представителями других ведомств. В результате победило мнение большинства: даже если члены кружков самообразования представляют «вредный элемент для общественного порядка», нет необходимости специально их преследовать, если они не включены в централизованную организацию.

По большому счету, именно это взаимное непонимание предопределило особенности дознания о пропаганде в империи и Процесса 193-х. Политическая полиция и прокуратура могли смотреть на молодежный протест только через призму «противозаконного сообщества» и централизованной организации,

¹² Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 48 об.

¹³ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 35.

¹⁴ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 40.

¹⁵ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 42.

данную им законодательно по результатам совещаний 1872 г. Более аморфные формы политического протеста, молодежные собрания и ученические кружки были им недоступны юридически. На практике это приводило к тому, что протестное движение 1870-х гг. в глазах представителей власти выглядело единым, хорошо скоординированным, протянувшим свои сети по всему пространству империи, что мало соответствовало реальной картине¹⁶. Неудивительно, что обвинения против участников молодежного протестного движения легко рассыпались во время судебных процессов. Доказательства существования единого центра агитации, выполнявшего общую «программу», были эфемерны.

Решение по результатам деятельности Комиссии было принято общим собранием Государственного совета только два года спустя, 6 апреля 1874 г., и утверждено Александром II в июне. Взамен ст. 318 Уложения были введены четыре новых пункта, дававшие возможность преследовать сообщества, покушающиеся на «основы общественной жизни». В окончательной версии было сохранено мнение большинства о решающем значении централизованной организации и безусловном подчинении некому руководителю как об отягчающем обстоятельстве. Мнение представителя III Отделения, смотревшего на дело, исходя из прагматики и знаний политических реалий, во внимание принято не было.

Комитет министров, 1875 г.

На трех заседаниях Комитета министров 18, 26 марта и 1 апреля 1875 г. проблема революционной пропаганды была поднята вновь на более высоком уровне. Как и в предыдущем случае, инициатором совещания был начальник III Отделения, а предметом занятий министров должна была стать проблема распространения в обществе «разрушительных учений». При этом Александр II специально распорядился, чтобы Комитет не просто высказался о том, что все ведомства должны противодействовать «разрушительным теориям», но обсудил

не представляется ли вообще необходимым и полезным принять какие-либо другие меры с целью уменьшить влияние обнаружившейся деятельной пропаганды пагубных лжеучений¹⁷.

Такое указание возникло потому, что еще в январе 1875 г. министр юстиции разослал письмо к председателям и прокурорам судебных палат с указанием противодействовать злу не только служебной деятельностью, но и в частной жизни.

¹⁶ Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2. С. 75–84.

¹⁷ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 1.

Весенние заседания 1875 г. стали первым обсуждением проблемы всеми руководителями министерств и ведомств (в декабре 1874 г. собиралось совещание семи министров по поводу студенческих волнений в Петербурге). В Комитет министров также были приглашены бывший глава III Отделения П.А. Шувалов и сменивший его на этом посту А.Л. Потапов. Важно отметить, что именно к обсуждению 1875 г. впервые специально были подготовлены материалы: записка министра юстиции К.И. Палена о развитии в России революционной пропаганды (по-видимому, написанная прокурором С.С. Жихаревым) и доклад А.Л. Потапова на основе материалов III Отделения о количестве арестованных и привлеченных по производившимся политическим дознаниям. Кроме того, министрам для ознакомления были предоставлены два текста, атрибутированных полицией как сочинения А.А. и П.А. Кропоткиных.

Следует обратить внимание на признание министрами своей неосведомленности о предмете обсуждения. В журнале Комитета она была описана как

...всеобщая до сего времени неизвестность <...> обнаруженных произведенным в последнее время дознанием фактов, а равно и существа развиваемых агитаторами теорий и предлагаемых ими мер к осуществлению их пагубных замыслов¹⁸.

Н. Ашешов расценил это высказывание как укол в адрес политической полиции вообще и ее бывшего руководителя П.А. Шувалова в особенности. Влияние последнего в течение предшествующих восьми лет основывалось почти исключительно на «запугивании» императора угрозой революции¹⁹.

В этих обстоятельствах особенно важно, как именно Комитету министров было представлено развитие революционного движения тремя «экспертами» – П.А. Шуваловым, А.Л. Потаповым и К.И. Паленом, а также на основании каких текстов министры должны были составить мнение о «существовании теорий».

В записке министра юстиции развитие новой фазы молодежного движения было представлено как попадание разрозненных кружков впечатлительной молодежи («их деятельность не переходила за пределы чисто теоретических, литературных споров и юношеских увлечений»²⁰) под контроль прибывавших из-за границы адептов Бакунина и других «ультра-демократов и социалистов», связанных с Интернационалом. В результате к 1874 г. империя оказалась покрыта сетью тайных противозаконных сообществ, участники которых имели целью «ниспровержение государственного устройства, всего существующего порядка и водворение полнейшей анархии», для достижения которой они шли

¹⁸ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875. Л. 3.

¹⁹ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году. С. 54.

²⁰ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // Былое. 1907. № 9. С. 269.

«по строго последовательно выполняемому плану»²¹. Легко заметить, что это описание отличалось крайней непоследовательностью. С одной стороны, в записке было перечислено множество различных кружков, подчеркнута деятельность отдельных людей и описаны разрозненные эпизоды революционной борьбы. С другой стороны, по тексту были рассыпаны намеки на некое общее руководство, однако прямо лидеры или революционные центры названы не были.

Докладная записка А.Л. Потапова указывала на процесс Нечаева как на момент, с которого можно начать «новое направление» революционного движения в России, когда вместо политической программы в центре протеста оказались экономические вопросы. Он также характеризовал движение как сплоченное и хорошо организованное («по одной и той же программе, одними общими средствами»), и при этом охватывающее «не отдельные кружки, но – можно сказать – почти целую генерацию»²². Общим для обоих аналитических текстов было указание на новизну явления и тесную связь с «теориями» – социалистическими и коммунистическими.

Интерпретация бывшего шефа жандармов П.А. Шувалова отличалась от версий К.И. Палена и А.Л. Потапова, но именно она оказалась зафиксированной в журнале Комитета. Движение виделось Шувалову непрерывным процессом, начавшимся в 1866 г. и неуклонно расширявшимся в течение девяти лет с 4 губерний до 30 как «следствие совокупной деятельности дисциплинированной партии приверженцев лжеучений»²³. По-видимому, Комитет принимал решения под влиянием именно этой последней версии.

«Разрушительные теории» глазами имперской бюрократии

Народническое движение 1870-х гг. в идейном отношении было исключительно разрозненным явлением. Необходимость смотреть на происходящее как на «сообщество» заставляла чиновников искать «программу», разделяемую всеми участниками движения и выраженную в одном или нескольких текстах. В записке К.И. Палена неоднократно было подчеркнуто влияние рукописей и печатных изданий на развитие молодежного протеста. В ней были упомянуты произведения М.А. Бакунина, журнал П.Л. Лаврова «Вперед», легальные («Дедушка Егор», «Митюха», «Степные очерки», «Очерки фабричной жизни», «Сила солому ломить») и нелегальные («О Стеньке Разине», «История французского крестьянина», «Сказка о четырех братьях», «Сборник новых стихов и песен», «Хитрая механика», «Чтой-то

²¹ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.). С. 276.

²² *Потапов А.Л.* О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1–1 об. (Докладная записка Начальника III Отделения ЕИВК А.Л. Потапова «О революционном движении в России»).

²³ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 2 об.

братцы») издания, распространявшиеся «в народе». Этот список был далеко не полон и не составлял всего спектра «социалистической» литературы, которую читали в революционных кружках. Ни одно из перечисленных произведений Комитету министров предоставлено не было, хотя были даны краткие характеристики некоторым из них. В частности, о брошюре «Стенька Разин» было сказано: «восхваляются и воспеваются его действия и казнь, как подвиги великого гражданского мужества на защиту угнетенного народа». Ряд легальных сочинений о крестьянской жизни был охарактеризован следующим образом:

пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплуатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов²⁴.

В Записке А.Л. Потапова о них же было сказано

...распространяются даже книги, нередко разрешенные цензурой, которая затрудняется сквозь условную фразеологию, понять истинный смысл и назначение, по-видимому, невинного произведения²⁵.

Важнее всей этой массы литературы для народа, издаваемой чайковцами и их последователями, для министерства юстиции были сочинения Бакунина. В записке именно «бакунинские рукописи» представлены как идеологическая основа всех остальных сочинений, а цитата из «Государственности и анархии» иллюстрирует конечную цель всего движения:

разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, – организация разнузданной народной черни всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира²⁶.

Очевидно, что выбор сочинений Бакунина и определение цели всех вообще кружков как «полное водворение анархии» были намеренными. Министерство юстиции создавало картину идейно сплоченного движения, приписывая взгляды его крайнего крыла вообще всем участникам протестных сообществ. В то же время цитата из Бакунина должна была демонстрировать министрам абсурдность исповедуемых теорий («Как ни дико подобное учение...»).

Если министерство юстиции предлагало смотреть на молодежное движение в основном через призму анархизма в версии М.А. Бакунина, то политическая

²⁴ Записка министра юстиции графа Палена. С. 274.

²⁵ Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1 об.

²⁶ Записка министра юстиции графа Палена. С. 270.

полиция в лице А.Л. Потапова представила Комитету министров другие «очки» – анархизм в изводе раннего П.А. Кропоткина. Сочинение Петра Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» было написано в 1873 г. как фиксация программы кружка чайковцев²⁷. Хотя оно упомянуто в воспоминаниях участников «хождения в народ» как важный программный документ, его текст с купюрами впервые был напечатан в журнале «Былое» только в 1921 г. Сам П.А. Кропоткин в «Записках революционера» утверждал, что из всех членов организации его взгляды на цель движения и средства ее достижения поддерживали только четыре человека²⁸. Кроме того, едва ли не каждый вновь возникавший кружок считал своим долгом оформить свою программу, так что параллельно существовало множество конкурирующих с запиской Кропоткина текстов.

Комитету министров и позднее суду это сочинение было представлено как «программа пропаганды», а ее автор как «один из передовых деятелей агитации»²⁹. При этом записка была предоставлена министрам со значительными сокращениями: из первой части, посвященной «идеалу будущего строя», была исключена примерно половина текста. Оставлена была более абстрактная часть, содержащая как отсылки к идеям «социалистов» вообще, «писателям прежнего времени», «мыслителям», «экономистам», так и конкретные имена – Оуэн, Дарвин, Уоллес, Прудон. Там же положительно упоминался опыт Западной Европы, США, Швейцарии, Франции и Германии³⁰. Сокращены были рассуждения Кропоткина о бесполезности государства, а также все предложения по реализации социалистического идеала после революции. Исключенная часть была наиболее самостоятельной, конкретной и, кроме того, содержала упоминания российских реалий. Например, в ней говорилось о неравенстве затрат труда хлебопашцев Тамбовской и Вятской губерний³¹. Очевидно, целью сокращений было создание иллюзии вторичности текста, зависимости идей автора от западноевропейской социалистической мысли, неприложимости их к российским реалиям.

Анализируя содержание записки в докладе, подготовленном до заседания Комитета и датированном 4 марта 1875 г., А.Л. Потапов свел ее к двум аспектам: что подлежит «уничтожению» (личная собственность, правительство, высшие учебные заведения) и какими средствами оно должно осуществляться.

²⁷ См.: Щенникова О.Н. Значение записки П.А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» для развития народнической идеологии // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 87–90.

²⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. С. 274.

²⁹ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 3 об.

³⁰ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870–1875 / под редакцией С.Н. Валка. Москва: Наука, 1964. С. 55–71.

³¹ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? С. 71–84.

Нетрудно заметить, что второе волновало шефа жандармов больше, поскольку эта часть была развернута им подробнее.

Осуществление этого идеала должно совершаться путем социальной революции, которая потребует много частных, даже общих взрывов. Ускорение, вызов этих взрывов всеми путями – такова задача революционной партии. При этом все средства признаются позволительными и даже необходимыми в отношении к представителям капитала и власти, с которыми она вступает в борьбу,

– так представлена «программа пропаганды» в анализе А.Л. Потапова³².

В журнале Комитета зафиксирована несколько иная интерпретация текста А.Л. Потаповым. «Идеал будущего строя» представлен так же коротко («...общезитие, вне всякого Государства, при отрицании всякой собственности и власти и воображаемом существовании одних лишь общин»³³). «Практической» части, напротив, уделено больше внимания. Вместо общих слов о необходимости революции А.Л. Потапов представил пересказ аргументов П.А. Кропоткина в пользу пропаганды «в народе» и бессмысленности распространения данных учений в среде учащейся молодежи. Последняя была описана как «непроизводительная затрата времени» из-за недостаточной восприимчивости юношества к «крайним воззрениям» и его неспособности «отрешиться от науки»³⁴. Из обсуждения Комитетом становится более ясным, почему фокус был смещен. На основании представленных материалов и их анализа министры пришли к заключению, что революционный идеал не может возбуждать сочувствие «даже в натурах неразвитых и склонных к экзальтации». По мнению представителей Комитета, пропагандисты действовали обманом, скрывая свои настоящие цели не только от общества, но и от своей основной аудитории – молодежи и народа³⁵.

Если сочинение П.А. Кропоткина неоднократно обсуждалось в историографии, то второй документ, найденный в бумагах его брата Александра Кропоткина³⁶, как правило, исключают из корпуса текстов, важных для народнического движения. Сочинение, названное Потаповым «Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным», было опубликовано в журнале «Былое» в 1921 г. как предисловие к записке «Должны

³² Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1.

³³ Копия журнала Комитета министров // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 129. Л. 12. (Препроводительное письмо Коханова Д.М. Сольскому с приложением выписки из журнала комитета министров о революционной пропаганде в России).

³⁴ Копия журнала Комитета министров. Л. 13 об.–16.

³⁵ Копия журнала Комитета министров. Л. 12 об.–13.

³⁶ А.А. Кропоткин известен как автор ряда трудов по математике. В 1876 г. был заподозрен в организации побега младшего брата, административно сослан в Томск, где покончил с собой в 1886 г.

ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и атрибутировано как текст П.А. Кропоткина. Никаких комментариев по поводу того, что III Отделение считало автором сочинения А.А. Кропоткина, Н. Ашешов не дал. В 1964 г., публикуя полный текст «Должны ли мы...», Б.С. Итенберг назвал атрибуцию Ашешова «грубой ошибкой». Среди его аргументов – несовпадение дат: записка была написана в июле 1874 г., когда Петр Кропоткин уже находился в крепости. Кроме того, Александр Кропоткин вел переписку с П.Л. Лавровым о публикации этого сочинения в журнале «Вперед!»³⁷. Эта атрибуция была оспорена В.Г. Базановым, а затем Н.А. Троицким. По их версии, А.А. Кропоткин не мог быть составителем записки, поскольку не участвовал ни в каких революционных организациях. Несовпадение дат, с их точки зрения, можно объяснить тем, что Петр Кропоткин, как свидетельствуют мемуаристы, во время свиданий в тюрьме передавал брату зашифрованные записки, которые могли содержать текст программы³⁸.

Для рассматриваемого мною вопроса авторство «Программы революционной пропаганды» не столь важно, как внимание, уделенное Комитетом министров этому более практическому и, что немаловажно, более короткому тексту. В отличие от абстрактного сочинения об «идеале будущего строя», «Программа» не содержала никаких теоретических положений. Провозгласив в первом абзаце неизбежное поступательное движение от заговоров к вооруженному мятежу (без указания движущих сил «мятежа»), ее автор перешел к ряду практических советов, как необходимо «ходить в народ». Он утверждал, что одного желания стать революционером мало, нужна подготовка: чтение, изучение ремесла и личное знакомство с жизнью народа. При этом на этапе знакомства пропагандистам следует молчать, чтобы «не попасться понапрасну». Советы, по-видимому, были фиксацией ошибок первой волны «хождения», поэтому лежали в практической плоскости. В некоторых случаях они имели скорее анекдотический характер. Например, пропагандистам не следовало носить красные рубахи, т.к. те «режут глаза крестьян, они так одеваются только по праздникам»³⁹.

Нет никаких данных о том, была ли «Программа» известна в народнических кружках и выражала ли она хоть сколько-нибудь консолидированное мнение. Комитет министров с подачи чинов III Отделения и Министерства юстиции обсуждал ее не как пример, но именно как общую программу всего движения. Возможно, поэтому ее содержание было передано А.Л. Потаповым с помощью формулировок Уложения о наказаниях: программа затрагивает основы «нравственности» и «общественного порядка», а также возбуждает ненависть

³⁷ Итенберг Б.С. Предисловие // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 11.

³⁸ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. С. 7–8.

³⁹ Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 4 об.

«не только к существующему государственному устройству, но и ко всему нынешнему экономическому и семейному строю народной жизни»⁴⁰.

В действительности цель движения была сформулирована в тексте исключительно абстрактно. Например, «Программа» содержала совет не использовать в пропаганде «общечеловеческих идей о социализме, равенстве и солидарности», поскольку они непонятны народу. Также в ней рекомендовалось ни в коем случае не задевать религиозных убеждений (революционерам следует ходить в церковь, соблюдать посты и т.д.) и веры в царя (иногда даже полезно его «косвенно восхвалять»), агитировать же только против «правительства и господ»⁴¹. Для того, чтобы увидеть в этом тексте нарушение закона, очевидно, надо было приложить некоторые усилия и воображение. Неудивительно, что А.Л. Потапов сетовал на «неуловимость» революционеров: «система пропаганды представляет так мало юридических улик и вообще внешних проявлений»⁴².

Члены Комитета министров, основываясь на предоставленных им сочинениях, пришли именно к тому выводу, к которому их подталкивали «эксперты»: пропаганда развивается потому, что действует обманом («постоянно указывают на необходимость для успеха дела скрывать его конечные цели, <...> в сношениях с народом подделываться к его понятиям, не касаясь ни веры, ни Царя»). Провозглашенный революционерами «идеал» не может находить к себе сочувствия не только в обществе, но даже у восприимчивой молодежи, поскольку представляет собой «бред фанатического воображения». Пропагандисты «отвергают всякие меры, направленные к поднятию уровня народного благосостояния», предлагая вместо этого «ручьи, реки, наводнения крови»⁴³.

Отношение к социалистическим идеям как к «бреду», с помощью обмана насаждаемому на благодатную почву юных умов, которым именно в силу молодости свойственно искание справедливости и добра, привело Комитет министров к вполне закономерным решениям. Главным способом борьбы с революционной пропагандой была объявлена «гласность». На открытом судебном процессе должна была быть «разоблачена вся тлетворность изъясненных учений и степень угрожающей от их осуществления опасности». Пока суд готовился, предполагалось эту же информацию распространять через печать⁴⁴.

⁴⁰ Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1.

⁴¹ Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 5.

⁴² Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1 об.

⁴³ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 3 об.

⁴⁴ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875. Л. 4. Вне контекста эта цитата кажется призывом к кровавой резне помещиков, между тем

В прениях несколько членов Комитета министров (министр финансов А.С. Грейг, министр государственных имуществ П.А. Валуев, министр путей сообщения К.Н. Посьет, а также П.А. Шувалов, А.Л. Потапов и великий князь Константин Николаевич) высказались за необходимость более глубокого изучения причин развития революционного движения и «более обдуманной системы правительственных мероприятий». Из них только П.А. Валуев был готов обозначить проблему более конкретно: школа и духовенство в том виде, в каком они существуют, не способны противодействовать лжеучениям и «служить надежнейшими опорами здравых государственных начал». Большинство членов Комитета посчитали задачу определения причин пропаганды слишком «многосложной» и даже «превышающей силу нескольких лиц», а потому отказались обсуждать любые меры противодействия «анархическим стремлениям», возложив ответственность за них на «подлежащих министрам»⁴⁵. В интерпретации Н. Ашешова, Комитет министров в принципе близко подошел к «правильным» заключениям («соприкасался с вопросами свободы печати, пропаганды и общественного мнения, и анкеты о причинах революционного движения и его связи с благосостоянием народных масс и народной школы»), но не смог преодолеть «самодержавную старозаветность»⁴⁶.

Совершенно иное объяснение дано в дневнике П.А. Валуева, в котором представлено единственное свидетельство о мартовских заседаниях, помимо журнала Комитета министров. По его версии, вопрос действительно не обсуждался «по существу», но исключительно из-за конфликта между министрами, подогретого приглашением к участию в заседаниях вел. кн. Константина Николаевича. Сам Валуев, предлагая исследовать школу и церковь, вовсе не имел в виду их демократизацию, как интерпретировал сведения журнала Комитета Н. Ашешов. Напротив, его предложения были восприняты «либеральной» частью Комитета (великим князем, Д.А. Милютиным и А.А. Абазой) как покушение на Положения 19 февраля или сомнение в верности русского народа Царю и Отечеству. В дневнике также зафиксировано не вошедшее в журнал высказывание А.М. Горчакова, что пропагандисты являются «лучшими союзниками правительства». Именно старые несогласия в вопросах внутренней политики, по мнению П.А. Валуева, привели к тому, что члены комитета не вникали в суть предложенного им на обсуждение вопроса и предпочли «...отделаться фразами. Заговорили об оглашении социальных программ как о лучшем средстве призвать на выручку

П.А. Кропоткин писал о подавленных народных восстаниях: «зверства» и «реки крови» должны подрывать веру народа в царя. (П.А. Кропоткин. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? С. 38.)

⁴⁵ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 4 об.

⁴⁶ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году. С. 57.

здравый ум мужика и т.п.»⁴⁷ Примечательно, что в дневнике Д.А. Милютин, другого участника этих совещаний, записи за февраль–март 1875 г. отсутствуют, а события двух пропущенных месяцев резюмированы следующим образом: «не произошло ничего <...> Затрудняюсь теперь и припомнить что-нибудь особенное, заслуживающее занесение в дневник задним числом»⁴⁸.

По большому счету, единственным решением Комитета было требование скорейшей публикации «известий о раскрытых производящимся следствием фактах и намерениях революционных агитаторов». Форма такой публикации должна была определяться министром внутренних дел по соглашению с министром юстиции и шефом жандармов⁴⁹.

Заключение

Накануне самого масштабного судебного процесса народников, определившего характер движения второй половины 1870-х гг., наиболее представительное обсуждение проблемы политического протеста бюрократической элитой не имело никакого существенного результата, несмотря на прямой запрос императора. Комитет министров, многие члены которого, по их собственному признанию, обсуждали проблему преступной пропаганды и сущность «лжеучений» впервые, вполне закономерно пришел к тем выводам, к которым подталкивали его «эксперты». Социализм виделся им фанатическим «бредом», не имевшим отношения к российской действительности, а его распространение связывалось с прямым обманом пропагандистами своей доверчивой аудитории, состоявшей из незрелой молодежи и еще более незрелого «народа». Такое мнение во многом сформировалось на основании содержания предложенных для чтения текстов, изъятых у братьев Кропоткиных и представленных как программные документы всего движения, а не частные мнения отдельных людей или одного конкретного кружка.

В соединении с принятыми годом ранее поправками в Уложение о наказаниях, решения Комитета министров производили странный эффект. «Разрушительные теории» казались вроде бы не опасными, не имеющими никаких шансов на усвоение целевой аудиторией, коль скоро сущность этих идей будет объяснена через печать и гласный судебный процесс. За их распространение, однако, полагалось очень серьезное наказание, поскольку они покушались на «общественный порядок и спокойствие». При этом для того, чтобы уловить эти «разрушительные теории» в революционных сочинениях,

⁴⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / под редакцией, введение, биографический очерк и комментарий П.А. Зайончковского. Т. 2. 1865–1876. Москва: АН СССР, 1961. С. 317.

⁴⁸ Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. Москва: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, отдел рукописей, 1947. С. 182.

⁴⁹ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 5.

бывших зачастую единственными уликами против участников «хождения в народ», порой нужно было приложить немало усилий. По большому счету, Комитет министров отдал решение проблемы на откуп «подлежащим ведомствам», каждое из которых, очевидно, преследовало свои цели. III Отделению необходимо было пресечь любые формы протеста, а Министерству юстиции в лице прокуроров – дать ему для этого законные основания, определенные в Уложении о наказании на основе представлений Комиссии 1872 г., имевших мало отношения к действительности. Если говорить не о тактических решениях, принятых политической полицией и прокурорским надзором, а об общей политике государства, можно прийти к заключению, что основу ее составлял отнюдь не «страх» перед революционным движением. Напротив, мы имеем дело с недооценкой серьезности проблемы в первой половине 1870-х гг. Члены Комитета министров демонстрировали явную незаинтересованность в серьезном обсуждении вопроса, предпочтя согласиться с позиций «экспертов». Такое отношение определялось противоречиями, сложившимися задолго до мартовских заседаний и отнюдь не в связи с революционным движением.

Провал в понимании происходящего был ясно осознан только к 1877 г., когда 16 марта на заседании Совета министров под председательством Александра II было принято решение создать специальную комиссию для исследования «причин быстрого распространения разрушительных учений в среде молодого поколения»⁵⁰. Проект программы работы Комиссии по поручению императора и под руководством П.А. Валуева составляли министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и шеф жандармов. Комитет министров, обсуждавший проект 10 и 17 мая, высказался примерно в том же духе, что и за два года до этого. Предложенные комитету вопросы казались сложными и многосторонними, могли вызвать «неудобные обсуждения» многих предметов⁵¹. Одновременно участники заседания констатировали патриотический подъем в связи с балканскими событиями и сочли обсуждение проблемы революционного движения, которое наверняка стало бы гласным и привело к ненужным толкам, несвоевременным. На журнале Комитета министров Александр II оставил помету «Отложить впредь до более благоприятного времени», тем самым предопределив дальнейшее углубление непонимания происходящего высшей администрацией, что привело к катастрофическим последствиям.

⁵⁰ Особый журнал Комитета Министров 10 и 17 мая 1877 // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3903. Л. 1 об. (Журнал комитета министров по составлению программы занятий по исследованию причин распространения в России пропаганды)

⁵¹ Особый журнал Комитета Министров 10 и 17 мая 1877. Л. 10–10 об.

Introduction

While showing a significant interest in the smallest episodes of the activities of the revolutionaries, the extensive historiography of the Narodnik movement is distinguished by the extremely schematic explanations of the policy of the government that fought against them. Paradoxically, this is also true for research into the era of the Great Reforms. Political history, attentive to all kinds of reform projects, the state apparatus, the decision-making process, etc., turned out to be surprisingly blind in relation to political protest. In historiography, the activities of revolutionary communities were only a background, a factor that hindered the country's forward movement towards prosperity and progress. It was seen as a reason for rolling back reforms, personnel change, the growth of "protective tendencies," etc. At the same time, the policy in the field of enforcement of public order has not been specifically analyzed, with the exception of the activities of the political police.

This situation looks even more surprising since it is the governmental policy that is the most common explanation for the radicalization of the 1870s movement and transition from peaceful "going to the people" to terror, which ended with the regicide on March 1, 1881. Having overreacted to the first phase of the movement, the authorities themselves gave rise to its second phase. Years of imprisonment, death of comrades and other sufferings "hardened" the "peaceful" narodniks and they turned to the practice of revolutionary violence. One of the first works devoted to the revolutionary movement of the 1870s was written in compliance with this logic. Its author V. Bogucharsky wrote:

Belief in a social revolution and total indifference to politics were the most characteristic features of this movement, which comprised only intelligentsia and was absolutely out of touch with life in the country. Highly harmless and dreamy, romantic and utopian, it would certainly have come to naught in its revolutionary character but for the habit of the Russian ruling spheres to be frightened of a manifestation of any rustle in the country.¹

It is easy to see that in this case Bogucharsky reproduced the arguments of the revolutionaries themselves, who gave explanations to the terror in illegal publications

¹ V.Ya. Bogucharskii, *From the history of political struggle in the 1870s and 1880s. The Narodnaya Volya party, its origin, fate and death* [in Russian] (Moscow: Russkaya mysl', 1912), 2.

and from the dock. During the Trial of the Sixteen in 1880, Alexander Kvyatkovsky, a member of Narodnaya Volya, communicated a simple scheme:

Any young people, especially Russian ones, have always strived and will strive for freedom in the same way as leaves of plants turn to the sun. But the attitude of the government towards them binds them hand and foot in their human aspirations. . . . So, death in struggle is better than moral or physical suicide!²

Soviet historiography, of course, could not explain the emergence of the protest movement solely by the actions of the government. The logic of the formational approach demanded the emergence of revolutionary forces to be recognized as an inevitable phenomenon of historical development, since the revolutionary process itself “was dictated by objective needs.” At the same time, in explaining the evolution of populism, it followed the same pattern: in the early 1870s, the tsarist government suppressed the youth movement brutally but was so “frightened” that for a decade it was fruitlessly rushing “from combined methods of suppression to a straightforward executioner’s method.”³

Although discussions within the bureaucratic apparatus about the nature of political protest and methods of struggle with it became the subject of study, their analysis followed the same pattern. The discussion of “going to the people” by the Committee of Ministers in 1875 was given most detailed consideration in the article by N. Asheshov written in 1921. In his commentary to the journal of the Committee’s meetings, the author explained the decisions taken by the inability of the autocracy to understand objective social processes:

the impotent thought of the bureaucrats regarding the state withdraws immediately at the first sign of freedom.⁴

In 1978, N. Troitskii gave a list of all interdepartmental meetings of the 1870s in his monograph devoted to the punitive policy of tsarism, but he preferred to satirically describe the participants rather than analyze the logic of bureaucratic decisions. As a result, he concluded that “. . . the tsarist persecutors considered the nature of the revolutionary movement from a narrow point of view of the police.”⁵

² “Trial of the Sixteen” [in Russian], *Narodnaya volya*, no. 4, 1880, accessed September 22, 2021, <http://narovol.narod.ru/document/nv5.htm>

³ N.A. Troitskii, *The daring of the valiant. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1978), 69.

⁴ N.P. Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875” [in Russian], *Byloe*, no. 17 (1921): 56.

⁵ Troitskii, *The daring of the valiant*, 52.

The governmental policy in relation to revolutionary terror after the shot fired by Vera Zasulich and especially during the period of the “dictatorship of the heart” was considered in a number of studies.⁶ However, the meetings of the first half of the 1870s, when a number of fundamentally important decisions were made to change the infrastructure of the political investigation and to expanded the range of possible interpretations of the protest, have become the subject of special study only in recent years. The article by A. Rubtsov on the investigation of mass political crimes of the 1870s can be referred to as an innovative one. The author analyzed their course as a conflict of legal cultures of the representatives of different departments responsible for ensuring public security.⁷ In his interpretation, the researcher followed the problem of “the unity of administrative actions,” widely discussed in historiography, which influenced all key decisions taken during that period.⁸

Without questioning the repressive nature of the governmental policy towards the youth protest of the 1870s, I would like to analyze what underlay the decisions taken. Which materials constituted the basis for the changes made to the legislation on political crimes? How did the participants of interdepartmental meetings perceive socialism in general and Russian revolutionary movement in particular? My attention is focused on the experience of handling the writings of Russian socialists by the supreme bureaucracy of the Russian Empire.

Commission for the Revision of Current Laws on Illegal Communities, 1872

The discussion of the revolutionary movement took place during the 1870s at special meetings, the composition of which was approved by the Supreme order anew each time. Interdepartmental nature was the main feature of all those meetings. The discussion involved representatives of the “specialized” departments (Ministry of Internal Affairs, Ministry of Justice, Ministry of Public Education, and Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery) or all the supreme bureaucrats of the Empire in general.

⁶ P.A. Zaionchkovskii, *The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964); B.S. Itenberg, A.M. Anfimov, A.M. Solov'eva et al., *Russia in a revolutionary situation at the turn of the 1870s–1880s: a multi-authored monograph* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1983).

⁷ A.A. Rubtsov, “From unrest to demonstrations: the policy of the Russian authorities regarding mass political actions of the radical youth of the 1870s” [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 114–38.

⁸ A.J. Rieber, “Bureaucratic politics in imperial Russia,” *Social Science History*, vol. 2, no. 4 (1978): 399–413; I.A. Khristoforov, “In search of unity: administrative transformations in the context of the Great Reforms (1850s–1870s)” [in Russian], in *Administrative reforms in Russia: history and modernity*, ed. by R.N. Baigzin (Moscow: ROSSPEN, 2006), 177–219; A.V. Remnev, *Autocratic government: Committee of Ministers in the system of supreme government of the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th century* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010).

The first interdepartmental discussion of the problem took place at the meetings of the Commission for the Review of the Current Laws on Illegal Communities, which convened in May 1872. Its emergence was prompted by practical considerations: the members of self-education circles who were under arrest could not be brought to trial.⁹ Although the law of May 19, 1871 granted the Minister of Justice the right to resolve political affairs “by administrative order” by agreement with the Chief of the Gendarmes, the authorities clearly felt the need for a firmer legal basis to prosecute members of numerous youth circles.

The commission was formed under the Ministry of Justice because its purpose was to revise legislation. In addition to 6 employees of the Ministry (including the chairman, Privy Councilor E. Frisch), it included one representative from the Ministry of Internal Affairs, one from the Second Section, and one from the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery. The latter was represented by the political police legal adviser and Councilor of State M. Bazhenov. It is important to note that although the materials for the Commission to consider were specially selected and printed, they consisted of extracts from Russian and European laws on illegal communities and crimes against the state and its head.¹⁰ The Commission used the experience of France and Italy in solving some particular issues but the discussion was held mainly around the wording of the Russian legislation. At the same time, the materials of the inquiries that caused the formation of the Commission were not provided to its members.

The discussion held by the members of the Commission makes it possible to assume that the revision of legislation was aimed at suppressing the activities of adherents of socialist ideas. During the discussion, it was repeatedly noted that the change in wording made in 1868 in Article 318 of the Code of Punishments (“the order of government” was replaced by “the order of state system”) was aimed at “bringing under this article the communities with exclusively communist and socialist goals.”¹¹ This new wording was useless in the cases when changing the order of state system was a distant goal of a community engaged in self-education or distribution of books of radical content.

⁹ “Otnoshenie Shefa zhandarmov Ministru yustitsii, 5 maya 1872” [Memorandum from the Chief of Gendarmes to the Minister of Justice, May 5, 1872]. Po voprosu o protivozakonnykh soobshchestvakh [On the issue of illegal communities]. F. 1405, op. 72, d. 7073, l. 2 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁰ “Zhurnal komissii o peresmotre nyne deistvuyushchikh zakonov o protivozakonnykh soobshchestvakh” [Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities]. F. 1405, op. 72, d. 7073, l. 18. RGIA.

¹¹ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” ll. 19 ob.–20, 26.

Disadvantages of Article 318 were caused by the changes in the nature of the protest movement itself, which the legislation did not keep up with. After the murder of student Ivanov in 1869 and the trial of the Nechaevtsy in 1871, the new generation that replaced the generation of the sixties was essentially indifferent to politics and therefore did not encroach on the state system directly. Believing that illegal communities rarely pursue “an anti-social goal without any relation to political goals,”¹² the members of the Commission did not record this transformation. In their discussion of “organization,” one can clearly see a reference to Nechaev’s *Narodnaya rasprava* (People’s Retribution): it consisted of circles subordinate to the general chief or committee, the members “vowed to unconditionally obey someone” and “did not know all of the other members of the community or the administration of the latter.”¹³ In 1872, such a view had already become an anachronism, but in the 1870s it still remained in the minds of many representatives of the authorities and determined the nature of the measures taken in order to struggle against the protest movement.

The dissenting opinion was given only by the legal adviser of the Third Section M. Bazhenov. His description of an illegal community was far from *Narodnaya rasprava* imagined by the rest and, apparently, was based on the knowledge of reality. From Bazhenov’s point of view, the government was dealing not with a centralized and conspiratorial organization but with amorphous associations: “a few spoiled people” were expanding their circle with

... conversations in the spirit of mutual self-development, then joint reading of books and brochures of one-sided and extremely radical contents ... the goal or task of the community was proclaimed, which was more and more often the desire to improve the life of the people.¹⁴

A note by M. Bazhenov forced the members of the Commission to share their opinions on self-development circles, which previously had been outside the scope of their attention. Unlike the representative of the Third Section, the participants in the meeting did not consider it necessary to specifically record politically indifferent associations in the law:

¹² “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 48 ob.

¹³ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 35.

¹⁴ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 40.

Until such a circle has turned into a community, until the persons involved in it have been bound by a goal common for all of them, it will be enough to take police measures against them.¹⁵

In this case, it is obvious that there is a discrepancy in interpreting the situation by the political police, at whose request the meeting was convened, and by the representatives of other departments. As a result, the opinion of the majority won: even if members of self-education circles represented “an element harmful for public order,” there was no need to specifically persecute them if they were not included in a centralized organization.

By and large, this mutual misunderstanding predetermined the peculiarities of the legal inquiry into the propaganda in the Empire and the Trial of the 193. The political police and prosecutors could view youth protest only through the prism of an “illegal community” and “centralized organization” given to them by the law as a result of the 1872 meetings. More amorphous forms of political protest, youth meetings and student circles were legally inaccessible to them. In practice, this led to the fact that the representatives of the authorities considered the protest movement of the 1870s to be united and well-coordinated and to have stretched its network throughout the entire space of the Empire, which had little correspondence with reality.¹⁶ Unsurprisingly, accusations against youth protestors easily disintegrated during the trials. Evidence for the existence of a unified agitation center carrying out a common program was ephemeral.

The decision on the results of the Commission’s work was taken by the general meeting of the State Council only two years later, on April 6, 1874, and was approved by Alexander II in June. Instead of Article 318 of the Code, four new clauses were introduced, which made it possible to prosecute communities that encroached on the “foundations of public life.” The final version retained the opinion of the majority that the presence of a centralized organization and unconditional subordination to a certain leader were of crucial significance as an aggravating circumstance. The opinion of the representative of the Third Section who viewed the situation from the perspective of pragmatism and knowledge of political realities was not taken into account.

Committee of Ministers, 1875

The problem of revolutionary propaganda was raised again at a higher level during three meetings of the Committee of Ministers on March 18, March 26 and April 1, 1875. As in the previous instance, the meeting was initiated by the head of

¹⁵ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” 1. 42.

¹⁶ A.A. Rubtsov, “Social networks of Russian revolutionary populism of the 1870s in investigative materials” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2018): 75–84.

the Third Section and the subject for the ministers to consider was the problem of spreading “destructive doctrines” in society. At the same time, Alexander II gave a special order that the Committee should deliver an opinion that all departments must oppose “destructive theories” and also it should discuss

whether it was generally necessary and useful to take any other measures in order to reduce the influence of the active propaganda of harmful false doctrines that had been discovered.¹⁷

This order emerged because as early as in January of 1875 the Minister of Justice sent a letter to the chairmen and prosecutors of the court chambers with instructions to counteract evil not only through official activities but also in private life.

The meetings in the spring of 1875 became the first discussion of the problem by all the heads of ministries and departments (in December 1874, a meeting of seven ministers was convened on the subject of student unrest in St Petersburg). The Committee of Ministers also invited the former head of the Third Section P. Shuvalov and A. Potapov who replaced him. It is important to note that the following materials were specially prepared for the discussion of 1875 for the first time: the note by Minister of Justice K. Palen on the development of revolutionary propaganda in Russia (apparently written by prosecutor S. Zhikharev) and the report by A. Potapov based on the materials of the Third Section on the number of persons who had been arrested and involved in political legal inquiries. In addition, the ministers were provided with two texts attributed by the police as the writings of Alexander and Peter Kropotkin.

Attention should be paid to the fact that the ministers confirmed their little awareness of the subject of discussion. In the journal of the Committee, it was described as

general obscurity until then. . . of the facts that had been discovered in the recent legal inquiry as well as the essence of the theories elaborated by the agitators and the measures they proposed for the implementation of their pernicious plans.¹⁸

¹⁷ “Vypiska iz zhurnalov Komiteta ministrov 18 i 26 marta i 1 aprelya 1875” [Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875]. Vypiska iz zhurnala zasedaniya Komiteta ministrov po povodu zapiski ministra yustitsii o rasprostraneni revolyutsionnoi propagandy [Extract from the journal of the meeting of the Committee of Ministers on the note of the Minister of Justice on the dissemination of revolutionary propaganda]. F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 1. RGIA.

¹⁸ “Vypiska iz zhurnalov Komiteta ministrov 18 i 26 marta i 1 aprelya 1875” [Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875], l. 3.

N. Asheshov regarded this statement as a stinging remark addressed to the political police in general and its former head P. Shuvalov in particular. For 8 years, the influence of the latter was based almost exclusively on frightening the Emperor with the threat of revolution.¹⁹

In these circumstances, it is especially important in what way the development of the revolutionary movement was presented to the Committee of Ministers by three “experts” (Shuvalov, Potapov and Palen) and on the basis of which texts the ministers were supposed to form an opinion about the “essence of the theories.”

In a note by the Minister of Justice, the development of a new phase of the youth movement was presented as scattered circles of impressionable youth (“their activities did not go beyond purely theoretical literary disputes and youthful hobbies”²⁰) falling under control of adherents of Bakunin and other “ultra-democrats and socialists” who had arrived from abroad and were associated with the International. As a result, by 1874 the Empire had been covered by a network of secret illegal communities, whose members had the goal of “overthrowing the state system and the entire existing order and establishing complete anarchy,” which they were going to achieve by adhering to “a plan under strictly consistent implementation.”²¹ It is easy to see that this description was extremely inconsistent. On the one hand, the note listed many different circles, highlighted the activities of individuals, and described scattered episodes of the revolutionary struggle. On the other hand, hints of some kind of general leadership were scattered throughout the text but the leaders or revolutionary centers were not indicated directly.

The note by A. Potapov pointed to the Nechaev’s trial as the moment when a “new direction” of the revolutionary movement in Russia could begin, when instead of a political program, economic issues turned out to be at the center of the protest. He also characterized the movement as united and well-organized (“according to the same program, by the same common means”) and at the same time embracing “not individual circles, but, as one might say, almost an entire generation.”²² Indication of the novelty of the phenomenon and close connection with socialist and communist “theories” were common to both analytical texts.

¹⁹ Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875,” 54.

²⁰ “Note by Minister of Justice Count Palen. The progress of revolutionary propaganda in Russia (1875)” [in Russian], *Byloe*, no. 9 (1907): 269.

²¹ “Note by Minister of Justice Count Palen,” 276.

²² A.L. Potapov, “O revolyutsionnom dvizhenii v Rossii” [On the revolutionary movement in Russia]. *Dokladnaya zapiska Nachal'nika III Otdeleniya EIVK A.L. Potapova “O revolyutsionnom dvizhenii v Rossi”* [Memorandum of Head of the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery Alexander Potapov “On the revolutionary movement in Russian]. F. 694, op. 2, d. 131, ll. 1–1 ob. RGIA.

The interpretation offered by the former Chief of Gendarmes P. Shuvalov differed from the versions of K. Palen and A. Potapov, but it was Shuvalov's interpretation that was recorded in the journal of the Committee. Shuvalov viewed the movement as a continuous process that began in 1866 and steadily expanded over the course of nine years from 4 to 30 provinces as "a consequence of the aggregate activity of the disciplined party of adherents of false doctrines."²³ Apparently, the decisions taken by the Committee were influenced by that latter version.

"Destructive theories" as viewed by the imperial bureaucracy

From the ideological point of view, the Narodnik movement of the 1870s was an extremely fragmented phenomenon. The necessity to consider the events that were taking place at the time as a "community" forced the officials to look for a "program" that was shared by all participants in the movement and expressed in one or several texts. In his note, K. Palen repeatedly emphasized the influence of manuscripts and printed publications on the development of youth protest. The note mentioned the works by Mikhail Bakunin, P. Lavrov's journal *Vpered* [Forward], legal ("Dedushka Egor" [Grandfather Yegor], "Mityukha," "Stepnye ocherki" [Steppe Essays], "Ocherki fabrichnoi zhizni" [Essays on Factory Life], "Sila solomu lomit" [The Power to Break Straw]) and illegal publications ("O Sten'ke Razine" [About Stenka Razin], "Istoriya frantsuzskogo krest'yanina" [The Story of a French Peasant], "Skazka o chetyrekh brat'yakh" [Tale of Four Brothers], "Sbornik novykh stikhov i pesen" [Collection of New Poems and Songs], "Khitraya mekhanika" [Tricky Mechanics], "Chto-to brat'sy" [Well, Brothers]) that were disseminated "among the people." This list was far from complete and did not represent the entire spectrum of socialist literature read in revolutionary circles. None of the works in the list was provided to the Committee of Ministers. However, brief descriptions of some of them were given. In particular, the following was said about the brochure "Stenka Razin": "His actions and execution are praised and glorified as feats of great civil courage to defend the oppressed people." A number of legal writings on peasant life were characterized as follows:

The idea of a desperate situation for the working class, its exploitation by capital, and the disastrous consequences for the kulaks are promoted, and finally, sharp examples of successful protest of the oppressed peasantry and the lower classes in general are put forward.²⁴

The note by A. Potapov said the following about them:

²³ "Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875," F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 2 ob.

²⁴ "Note by Minister of Justice Count Palen," 274.

Even books are distributed, often authorized by the censorship, which finds it difficult to understand the true meaning and purpose of a seemingly innocent work hidden behind conventional phraseology.²⁵

The works of Bakunin were of more importance for the Ministry of Justice than the whole amount of literature for the people that was published by the Circle of Tchaikovsky and their followers. It is Bakunin's manuscripts that the note presents as the ideological basis for all other works, and the quote from *Statism and Anarchy* illustrates the ultimate goal of the movement:

The destruction of all states, demolition of bourgeois civilization, free organization from the bottom up by means of free unions – the organization of the unbridled people of lower classes of all liberated humanity, creation of a new universal human world.²⁶

Obviously, the choice of Bakunin's writings and the definition of the goal of all circles in general as "the complete establishment of anarchy" were deliberate. The Ministry of Justice created a picture of an ideologically united movement and attributed the views of its extreme wing to all participants in the protest communities in general. At the same time, the quote from Bakunin was supposed to demonstrate to the ministers the absurdity of the theories professed ("No matter how wild such a doctrine is. . .").

While the Ministry of Justice suggested that the youth movement should be viewed mainly through the prism of anarchism in Bakunin's version, the political police represented by A. Potapov offered the Committee of Ministers other "glasses": anarchism in the version of the early writings by Peter Kropotkin. The work by P. Kropotkin "Must We Occupy Ourselves with an Examination of the Ideal of a Future System?" was written in 1873 to record the program of the Circle of Tchaikovsky.²⁷ Although it is mentioned in the memoirs of the participants in "going to the people" as an important program document, its censored text was first published in the *Byloe* journal only in 1921. In *Notes of a Revolutionary*, P. Kropotkin himself argued that of all members of the organization, his views on the goal of the movement and the means of achieving it were supported by four persons

²⁵ Potapov, "On the revolutionary movement in Russia," F. 694, op. 2, d. 131, l. 1 ob.

²⁶ "Note by Minister of Justice Count Palen," 270.

²⁷ See O.N. Shchennikova, "The importance of the note 'Should we consider the ideal of the future political organization of the state' by P.A. Kropotkin for the development of the Narodnik ideology" [in Russian], *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2006): 87–90.

only.²⁸ In addition, almost every newly emerging circle considered it its duty to formalize its program, which is why there were many texts that could compete with Kropotkin's note.

This work was presented to the Committee of Ministers and later to the court as a "propaganda program," its author being "one of the leading agitators."²⁹ At the same time, the note was provided to the ministers with significant omissions: about half of the text was excluded from the first part devoted to the "ideal of a future system." The more abstract part was untouched. It contained references to the ideas of the socialists in general, "writers of the past," "thinkers," and "economists" as well as specific names, such as Owen, Darwin, Wallace, and Proudhon. The experience of Western Europe, USA, Switzerland, France, and Germany was also mentioned there in a positive context.³⁰ Kropotkin's arguments about the uselessness of the state were shortened as well as all proposals for the implementation of the socialist ideal after the revolution. The omitted part was most independent and specific. Moreover, it contained references to Russian realities. For example, it mentioned the inequality of labor costs of the grain farmers in Tambov and Vyatka governorates.³¹ Obviously, the purpose of the omissions was to create an illusion of the secondary nature of the text, the dependence of the author's ideas on Western European socialist thought, and their inapplicability to Russian realities.

Analyzing the content of the note in the report dated March 4, 1875 he prepared for the meeting of the Committee, A. Potapov reduced it to two aspects: what was to be "destroyed" (personal property, government, institutions of higher education) and by what means it was to be carried out. It is easy to see that the latter worried the Chief of the Gendarmes more as the corresponding part was considered by him in more detail.

Realization of this ideal must be accomplished through a social revolution, which will require many local and even general explosions. Accelerating and setting off these explosions in all ways – such is the task of the revolutionary party. At the same time, all means are recognized as permissible and even necessary in relation to the representatives of capital and authorities with whom it enters into struggle.

²⁸ P.A. Kropotkin, *Notes of a revolutionary* [in Russian] (Moscow: Moskovskii rabochii, 1988), 274.

²⁹ "Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875," F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 3 ob.

³⁰ P.A. Kropotkin, "Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?" [in Russian], in S.N. Valk, ed., *Revolutionary populism of the 1870s*, vol. 1, 1870–1875 (Moscow: Nauka, 1964), 55–71.

³¹ Kropotkin, "Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?" 71–84.

This is how the “propaganda program” was presented in the analysis by A. Potapov.³²

A slightly different interpretation of the text by A. Potapov is recorded in the journal of the Committee. The “ideal of a future system” is presented just as briefly (“communal living outside any State with the denial of all property and authorities and imaginary existence of communes only”).³³ On the contrary, more attention was paid to the “practical” part. Instead of general words about the necessity of revolution, Potapov retold Kropotkin’s arguments in favor of propaganda “among the people” and the senselessness of disseminating these doctrines among students. The latter was described as “a waste of time” due to the lack of sensitivity of youth to “extreme views” and its inability to “renounce science.”³⁴ From the discussion by the Committee, it becomes clearer why the focus shifted. On the basis of the materials presented and their analysis, the ministers came to the conclusion that the revolutionary ideal could arouse no sympathy “even in undeveloped and exalted characters.” According to the representatives of the Committee, the propagandists acted by deception and hid their true goals not only from society but also from their main audience (youth and public).³⁵

The work by P. Kropotkin has been repeatedly discussed in historiography whereas another document, which was found in the papers of his brother Alexander Kropotkin,³⁶ is usually excluded from the corpus of the texts that are important for the Narodnik movement. The writing, which Potapov gave the title “The Program of Revolutionary Propaganda Compiled by Prince A. Kropotkin,” was published in the *Byloe* journal in 1921 as a foreword to “Must We Occupy Ourselves with an Examination of the Ideal of a Future System?” and was attributed to P. Kropotkin. N. Asheshov gave no comments on the fact that the Third Section considered Alexander Kropotkin to be the author of the text. In 1964, when publishing the full text of “Must We Occupy Ourselves,” B. Itenberg called Asheshov’s attribution “a bad mistake.” His arguments included the discrepancy between the dates: the note was written in July 1874, when Peter Kropotkin was already in the fortress. In addition, Alexander Kropotkin corresponded with P. Lavrov about the publication of

³² Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1.

³³ “Kopiya zhurnala Komiteta ministrov” [Copy of the journal of the Committee of Ministers]. Preprovoditel'noe pis'mo Kokhanova D.M. Sol'skomu s prilozheniem vypiski iz zhurnala komiteta ministrov o revolyutsionnoi propagande v Rossii [Cover letter by Kokhanov's to D.M. Solsky with an appended extract from the journal of the Committee of Ministers on revolutionary propaganda in Russia]. F. 694, op. 2, d. 129, l. 12. RGIA.

³⁴ “Copy of the journal of the Committee of Ministers,” ll. 13 ob.–16.

³⁵ “Copy of the journal of the Committee of Ministers,” ll. 12 ob.–13.

³⁶ Alexander Kropotkin is known as the author of a number of works in mathematics. In 1876 he was suspected of organizing the escape of his younger brother, administratively exiled to Tomsk, where he committed suicide in 1886.

this writing in the *Vpered!* journal.³⁷ This attribution was disputed by V. Bazanov and then by N. Troitskii. According to them, Alexander Kropotkin could not be the author of the note because he did not participate in any revolutionary organizations. From their point of view, the discrepancy between the dates can be explained by the fact that, as the memoirists testify, during prison visits Peter Kropotkin gave his brother encrypted notes that possibly contained the text of the program.³⁸

For the issue under consideration in this article, the authorship of the “Program of Revolutionary Propaganda” is not as important as the attention paid by the Committee of Ministers to this text, which is more practical and, what is equally important, more concise. In contrast to the abstract writing about “the ideal of a future system,” the Program did not contain any theoretical provisions. Proclaiming the inevitable progressive movement from conspiracies to armed rebellion in the first paragraph (without specifying the driving forces of the “rebellion”), its author moved on to a number of practical pieces of advice on how to “go to the people.” He argued that the desire to become a revolutionary was not enough; preparation was needed: reading, learning a craft, and personal acquaintance with the life of the people. At the stage of acquaintance, propagandists should be silent so as “not to get caught in vain.” The pieces of advice, apparently, were a record of the mistakes of the first wave of “going to the people” and therefore they were practical. In some instances, they were rather anecdotal in nature. For example, propagandists should not have worn red shirts because since those “offend the eye of the peasants who dress like that during holidays only.”³⁹

There is no information whether the Program was known in the narodnik circles and whether the opinion it expressed was consolidated even in the slightest degree. At the suggestion of the officials of the Third Section and the Ministry of Justice, the Committee of Ministers discussed it as the general program of the entire movement rather than as an example. Perhaps, that is why its contents were rendered by A. Potapov with the help of the wording of the Code of Punishments: the Program touched upon the foundations of “morality” and “public order” and also incited to hatred “not only to the existing state structure but also to the entire current economic and family structure of people’s life.”⁴⁰

In fact, the goal of the movement was worded in the text in an abstract way. For example, the Program contained advice not to use “universal human ideas about

³⁷ B.S. Itenberg, “Foreword” [in Russian], in *Revolutionary populism of the 1870s*, vol. 1, 11.

³⁸ N.A. Troitskii, *The first in the brilliant pleiad. The Grand Propaganda Society of 1871–1874* [in Russian] (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991), 7–8.

³⁹ “Programma revolyutsionnoi propagandy, sostavlennaya knyazem A. Kropotkinym” [The program of revolutionary propaganda compiled by Prince A. Kropotkin]. F. 694, op. 2, d. 131, l. 4 ob. RGIA.

⁴⁰ Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1.

socialism, equality and solidarity” in the propaganda since they were incomprehensible to the people. It also recommended never to offend religious convictions (revolutionaries should go to church, keep the fast, etc.) and faith in the Tsar (sometimes it is even useful to “praise him indirectly”) but to agitate only against “the government and the masters.”⁴¹ Obviously, it took some effort and imagination to see a violation of the law in this text. It is not surprising that A. Potapov complained about the “elusiveness” of the revolutionaries: “The propaganda system provides so little legal evidence and so few external manifestations in general.”⁴²

Based on the writings provided to them, the members of the Committee of Ministers came to that very conclusion the “experts” pushed them to: propaganda developed because it acted by deception (“they constantly point out the necessity to hide the ultimate goals for the success of the cause. . . in interaction with the people, to adapt to their beliefs without touching either the faith or the Tsar”). The “ideal” proclaimed by the revolutionaries could not find sympathy for itself neither in society nor among receptive young people since it was the “nonsense of fanatical imagination.” The propagandists “rejected all measures aimed at raising the level of the people’s well-being,” suggesting “streams, rivers, and floods of blood” instead.⁴³

The attitude to socialist ideas as nonsense, by deception implanted on the fertile soil of young minds whose young age inspired their search for justice and goodness, led the Committee of Ministers to quite logical decisions. Publicity was declared as the main method of struggling against revolutionary propaganda. “The entire perniciousness of the expounded doctrines and the degree of danger threatening from their implementation were to be exposed” during an open trial. While the trial was prepared, it was supposed to disseminate the same information in the press.⁴⁴

In the debate, several members of the Committee of Ministers (Minister of Finance S. Greig, Minister of State Property P. Valuev, Minister of Railways K. Posyet as well as P. Shuvalov, A. Potapov and Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia) spoke in favor of the need for a deeper study of the causes of the revolutionary movement development and “a more deliberate system of governmental measures.” Of them, only P. Valuev was ready to define the problem

⁴¹ “The program of revolutionary propaganda compiled by Prince A. Kropotkin,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 5.

⁴² Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1 ob.

⁴³ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 3 ob.

⁴⁴ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” l. 4. Out of context, this quote seems to be a call for a bloody massacre of landowners. However, P. Kropotkin wrote about the people’s uprisings that had been suppressed: “atrocities” and “rivers of blood” should undermine the people’s faith in the Tsar (Kropotkin, “Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?”, 38).

more specifically: the school and the clergy in their existing form were able neither to counteract false doctrines nor “to serve as the most reliable supports of sound state principles.” The majority of the Committee members considered the task of determining the causes of propaganda “too complicated” and even “exceeding the force of several persons” and therefore refused to discuss any measures to counteract the “anarchist aspirations,” making the “liable ministers” responsible for them.⁴⁵ In Asheshov’s interpretation, basically, the Committee of Ministers came close to the correct conclusions (“touched upon the issues of freedom of the press, propaganda, and public opinion, and the questionnaire on the causes of the revolutionary movement and its connection with the welfare of the masses and the public school”) but could not overcome the “antiquated nature of the autocracy.”⁴⁶

A completely different explanation is given in the diary of P. Valuev, which contains the only evidence of the March meetings other than the journal of the Committee of Ministers. According to his version, the issue really was not discussed “to the point,” but solely because of the conflict between the ministers, which was fueled by the invitation of Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia to participate in the meetings. When proposing to study the school and the church, Valuev himself did not mean their democratization, as N. Asheshov interpreted the information from the journal of the Committee. On the contrary, his proposals were perceived by the “liberal” part of the Committee (Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia, Dmitrii Milyutin, and Alexander Abaza) as an attempt on the Regulations of February 19, 1861 or a doubt about the loyalty of the Russian people to the Tsar and the Fatherland. The diary also contains a statement by Alexander Gorchakov which was not included in the Journal that the propagandists were “the government’s best allies.” According to P. Valuev, the old disagreements on domestic policy issues led to the fact that the members of the Committee did not take a close look at the essence of the issue proposed to them for discussion and preferred “. . . to get off with phrases. They started talking about the announcement of social programs as the best way to call a peasant’s sound mind for the rescue, etc.”⁴⁷ It is noteworthy that in the diary of D. Milyutin, another participant in these meetings, there are no entries for February–March 1875, and the events of the two missing months are summarized as follows: “Nothing happened. . . . Now I can hardly remember anything special worthy of being entered into my diary in retrospect.”⁴⁸

⁴⁵ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 4 ob.

⁴⁶ Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875,” 57.

⁴⁷ P.A. Zaionchkovskii, ed., *The diary of Pyotr Valuev, Minister of Internal Affairs* [in Russian], vol. 2, 1865–1876 (Moscow: AN SSSR, 1961), 317.

⁴⁸ D.A. Milyutin, *Diary* [in Russian], vol. 1, 1873–1875 (Moscow: Gosudarstennaya ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, otdel rukopisei, 1947), 182.

By and large, the only decision of the Committee was the demand for the prompt publication of “news of the facts and intentions of revolutionary agitators disclosed by the investigation in progress.” The form of such a publication was to be determined by the Minister of Internal Affairs in agreement with the Minister of Justice and the Chief of the Gendarmes.⁴⁹

Conclusion

On the eve of the largest trial of the narodniks, which determined the nature of the movement in the second half of the 1870s, the most representative discussion of the problem of political protest by the bureaucratic elite did not have any significant result despite the direct request of the Emperor. The Committee of Ministers, many members of which, by their own admission, discussed the problem of criminal propaganda and the essence of “false doctrines” for the first time, quite naturally came to the conclusions which the “experts” pushed them to. They perceived socialism as fanatical “nonsense” that had nothing to do with Russian reality, and its spread was associated with propagandists deceiving their credulous audience, which included immature youth and an even more immature “people.” This opinion was in many ways formed on the basis of the texts offered for reading that had been confiscated from Kropotkin brothers and were presented as program documents of the entire movement rather than private opinions of individuals or one particular circle.

In conjunction with the amendments to the Code of Punishments adopted a year earlier, the decisions of the Committee of Ministers produced a strange effect. “Destructive theories” did not seem to be dangerous and to have any chance of being assimilated by the target audience as long as the essence of these theories was to be explained by means of the press and public trial. However, a very serious punishment was imposed for their dissemination since they encroached on “public order and peace.” At the same time, in order to grasp these “destructive theories” in revolutionary writings, which were often the only evidence against the participants in “going to the people,” sometimes it was necessary to make a lot of efforts. By and large, the Committee of Ministers made the corresponding departments responsible for the solution to the problem, and each of the departments in question obviously pursued its own goals. The Third Section had to suppress any forms of protest and the prosecutors as the representatives of the Ministry of Justice had to supply it with some legal grounds that were determined in the Code of Punishments on the basis of the Commission’s propositions of 1872, which had little to do with reality. If we talk about the general policy of the state rather than tactical decisions taken by the

⁴⁹ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 5.

political police and the prosecutor's supervision, we can conclude that the former was not based on "fear" of the revolutionary movement. On the contrary, we are dealing with an underestimation of the seriousness of the problem in the first half of the 1870s. The members of the Committee of Ministers showed clear disinterest in a serious discussion of the issue and preferred to agree with the "experts." This attitude was determined by the contradictions that had developed long before the March meetings and not in connection with the revolutionary movement.

The failure to understand what was happening was clearly realized only in 1877, when at a meeting of the Council of Ministers chaired by Alexander II on March 16, it was decided to create a special commission to study "the causes of the rapid spread of destructive doctrines among the younger generation."⁵⁰ The draft program of the Commission's work was drawn up at the Emperor's request by the Minister of Internal Affairs, Minister of Justice, Minister of Public Education, and the Chief of Gendarmes under the leadership of P. Valuev. The Committee of Ministers, which discussed the draft on May 10 and 17, expressed itself along the lines similar to those of two years earlier. The issues submitted for the Committee's consideration seemed complex and multifaceted and could cause "uncomfortable discussions" on many subjects.⁵¹ At the same time, the participants in the meeting noted a patriotic upsurge in connection with the Balkan events and considered it untimely to discuss the problem of the revolutionary movement, which would certainly become public and lead to unnecessary talk. On the journal of the Committee of Ministers, Alexander II left the mark "Postpone until a more favorable time" and thereby predetermined further deeper misunderstanding of what was happening by the supreme administration, which led to catastrophic consequences.

Список литературы

Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году // *Былое*. 1921. № 17. С. 48–54.

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. Москва: Русская мысль, 1912. 483 с.

Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / под редакцией П.А. Зайончковского. Т. 2. 1865–1876. Москва: АН СССР, 1961. 592 с.

⁵⁰ "Osobyi zhurnal Komiteta Ministrov 10 i 17 maya 1877" [Special journal of the Committee of Ministers as of May 10 and 17, 1877]. Zhurnal komiteta ministrov po sostavleniyu programmy zanyatii po issledovaniyu prichin rasprostraneniya v Rossii propagandy [Journal of the Committee of Ministers on the preparation of a program to research the causes of the spread of propaganda in Russia]. F. 1263, op. 1, d. 3903, l. 1 ob. RGIA.

⁵¹ "Special journal of the Committee of Ministers as of May 10 and 17, 1877," ll. 10–10 ob.

- Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964. 513 с.
- Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // Былое. 1907. № 9. С. 268–276.
- Кропоткин П.А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. 544 с.
- Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. Москва: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, отдел рукописей, 1947. 256 с.
- Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. / под редакцией С.Н. Валка. Т. 1. 1870–1875. Москва: Наука, 1964. 530 с.
- Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: РОССПЭН, 2010. 511 с.
- Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография / [Б.С. Итенберг, А.М. Анфимов, А.М. Соловьева и др.]; ответственный редактор Б.С. Итенберг. Москва: Наука, 1983. 560 с.
- Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических преступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 114–138.
- Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2. С. 75–84.
- Троцкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва: Мысль, 1978. 323 с.
- Троцкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 314 с.
- Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность / ответственный редактор Р.Н. Байгзин. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 177–219.
- Щенникова О.Н. Значение записки П.А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» для развития народнической идеологии // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 87–90.
- Rieber A.J. Bureaucratic politics in imperial Russia // Social Science History. 1978. Vol. 2, № 4. P. 399–413.

References

- Asheshov, N.P. “P.A. Kropotkin i russkoe pravitel'stvo v 1875 godu” [Peter Kropotkin and the Russian government in 1875]. *Byloe*, no. 17 (1921): 48–54. (In Russian)
- Bogucharskii, V.Ya. *Iz istorii politicheskoi bor'by v 70-kh i 80-kh gg. XIX veka. Partiya “Narodnaya volya”, ee proiskhozhdenie, sud'ba i gibel'* [From the history of political struggle in the 1870s and 1880s. The Narodnaya Volya party, its origin, fate and death]. Moscow: Russkaya mysl', 1912. (In Russian)
- Itenberg, B.S., A.M. Anfimov, A.M. Solov'eva, et al. *Rossiya v revolyutsionnoi situatsii na rubezhe 1870–1880-kh godov: kollektivnaya monografiya* [Russia in a revolutionary situation at the turn of the 1870s–1880s: a multi-authored monograph]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
- Khristoforov, I.A. “V poiskakh edinstva: administrativnye preobrazovaniya v kontekste Velikikh reform (1850–1870-e gg.)” [In search of unity: administrative transformations in the

context of the Great Reforms (1850s–1870s)]. In *Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative reforms in Russia: history and modernity], edited by R.N. Baigzin, 177–219. Moscow: ROSSPEN, 2006. (In Russian)

Kropotkin, P.A. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988. (In Russian)

Milyutin, D.A. *Dnevnik* [Diary]. Vol. 1, 1873–1875. Moscow: Gosudarstennaya ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, otдел rukopisei, 1947. (In Russian)

Remnev, A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Autocratic government: Committee of Ministers in the system of supreme government of the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Rieber, A.J. “Bureaucratic politics in imperial Russia.” *Social Science History*, vol. 2, no. 4 (1978): 399–413.

Rubtsov, A.A. “Ot besporyadkov k demonstratsiyam: interpretatsiya massovykh politicheskikh prestuplenii 1870-kh gg. rossiiskimi vlastyami” [From unrest to demonstrations: the policy of the Russian authorities regarding mass political actions of the radical youth of the 1870s]. *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 114–38. (In Russian)

Rubtsov, A.A. “Sotsial'nye seti revolyutsionnogo narodnichestva 1870-kh godov v materialakh sledstvennykh del” [Social networks of Russian revolutionary populism of the 1870s in investigative materials]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2018): 75–84. (In Russian)

Shchennikova, O.N. “Znachenie zapiski P.A. Kropotkina ‘Dolzhen li my zanyat'sya rassmotreniem ideala budushchego stroya?’ dlya razvitiya narodnicheskoi ideologii” [The importance of the note “Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?” by P.A. Kropotkin for the development of the Narodnik ideology]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2006): 87–90. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [The daring of the valiant. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882]. Moscow: Mysl', 1978. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady. Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 godov* [The first in the brilliant pleiad. The Grand Propaganda Society of 1871–1874]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. (In Russian)

Valk, S.N., ed. *Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [Revolutionary populism of the 1870s]. Vol. 1, 1870–1875. Moscow: Nauka, 1964. (In Russian)

Zaionchkovskii, P.A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964. (In Russian)

Zaionchkovskii, P.A., ed. *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del.* [The diary of Pyotr Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 2, 1865–1876. Moscow: AN SSSR, 1961. (In Russian)

“Zapiska ministra yustitsii grafa Palena. Uspekhi revolyutsionnoi propagandy v Rossii (1875 g.)” [Note by Minister of Justice Count Palen. The progress of revolutionary propaganda in Russia (1875)]. *Byloe*, no. 9 (1907): 268–76. (In Russian)

Информация об авторе

Юлия Александровна Сафронова – кандидат исторических наук, доцент; jsafronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187 Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, А)

Information about the author

Yuliya A. Safronova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; jsafronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, European University at St Petersburg (6/1A, ul. Gagarinskaya, St Petersburg, Russia, 191187)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 164–210
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 164–210

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов

Ирина Владимировна Синова,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет,
Санкт-Петербург, Россия,
s-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Irina V. Sinova,
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russia,
s-irina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>

Аннотация. В статье рассмотрены нарративы как исторический источник и уникальная форма информации не только о личности автора, но и об особом индивидуальном взгляде на события, факты, людей и их поступки. Проведенное исследование демонстрирует, что герои жизнеописаний превращают себя и все, что их окружает, не столько в объект собственно повествования, сколько анализа, оценивая и проверяя происходящее на соответствие собственным идеалам. При этом самоидентификация авторов женских эго-документов является специфической формой отношения личности к самой себе, что находит отражение в приводимых оценках бытия и характеристиках социальной реальности. Мемуары являются репрезентативными источниками, с помощью которых можно воспроизвести самоидентификацию авторов, т.е. установить тождество личности человека с какой-либо социальной общностью по совокупности признаков путем их сравнительного исследования. На конкретных примерах показано, что самоидентификация личности в нарративах в значительной степени отображает особенности развития общества в целом и его проблемы. Сравнительный анализ воспоминаний М.П. Бок, М.Ф. Кшесинской, М.И. Ключевой, А.П. Остроумовой-Лебедевой, М.К. Тенишевой – позволил рассмотреть вопросы самоидентификации по гендерному признаку, социальному положению, уровню материального достатка, по профессиональной и общественной деятельности, отношению к социальной реальности, в том числе к русско-японской войне 1904–1905 гг., российской

революции 1905–1907 гг. Проанализированные мемуары свидетельствуют о том, что выявленные приоритеты в повествовании о событиях из собственной жизни являются в значительной степени отражением гендерной принадлежности авторов, а также демонстрируют постепенное расширение сферы деятельности женщин и восприятие этой тенденции обществом. Авторы воспоминаний предстают как самостоятельные, состоявшиеся личности, самоидентификация которых имеет как общие, так и особенные черты, зависящие в том числе от менталитета, жизненных приоритетов и определяющие способ достижения целей.

Ключевые слова: самоидентификация, самооценка, женские эго-документы, гендер, мемуары, нарративные источники, социальная реальность, профессиональная и общественная деятельность

Для цитирования: Синова И.В. Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 164–210, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents

Abstract. The article examines narratives as a historical source and a unique form of information not only about the personality of the author but also about their special individual view on events, facts, people, and their actions. The study demonstrates that by means of assessing and evaluating the events described for compliance with their own ideals, the heroes of biographies transform themselves and their surroundings not so much into an object of narrative proper as into an object of analysis. At the same time, self-identification of the authors of women's ego-documents is a specific form of attitude towards self, which is reflected in the assessments of everyday life and the characteristics of social reality. Memoirs are a representative source, with the help of which it is possible to retrace self-identification of the authors, i.e. to establish the identity of a person with any social community according to a set of features by means of their comparative study. On the basis of concrete examples, it is shown that self-identification of an individual in narratives largely reflects the features of the development of society as a whole and its problems. Comparative analysis of the memoirs of M. Bock, M. Kschessinska, M. Klyucheva, A. Ostroumova-Lebedeva, and M. Tenisheva, made it possible to consider the issues of self-identification based on gender, social status, level of material wealth, professional and social activities, and the attitude to social reality, including the Russo-Japanese War of 1904–05 and the Russian Revolution of 1905–07. The memoirs under analysis indicate that the priorities identified in the narration of the events of the memoirists' lives are largely a reflection of their gender identity and also demonstrate a gradual expansion of the scope of women's activities and the perception of this trend by society. The memoirists appear as independent, mature personalities, whose self-identification has common and specific features. The latter, among other things, being dependent on mentality and life priorities, determine the means to achieve the goals.

Keywords: self-identification, self-esteem, women's ego documents, gender, memoirs, narrative sources, social reality, professional and social activities

For citation: Sinova, I.V. "Self-identification of women in the late 19th – early 20th centuries: an analysis of ego-documents". *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 164–210, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-4>

Введение

В мемуарах как в историческом источнике и форме литературного творчества самоидентификация проявляется как специфическая форма отношения личности к себе, включающая также оценочные и сравнительные характеристики бытия и социальной реальности. Авторы мемуаров превращают себя и свою жизнь не столько в объект повествования, сколько анализа, оценки и соответствия собственному идеалу. Французский философ Ж. Гюсдорф считает, что «автобиография появляется там и тогда, где и когда возникает самосознание личности, ощущение ею ценности собственной индивидуальности и личного опыта»¹.

Гендерные стереотипы в процессе самоидентификации, нашедшие свое отражение в женских эго-документах, являются объектом исследования представителей разных областей знания – историков, филологов, философов, психологов, социологов и др.² Историк Н.Л. Пушкарева, сопоставив теоретические результаты российских и зарубежных исследований автобиографий, показала их практическую ценность для гендерных исследований³, придя к выводу, что

женские автобиографии – путь к созданию “банка данных”, “архива женской истории”, обогащению знаний о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи⁴.

Ученые-филологи, исследуя тексты мемуаров через призму гендера, акцентируют свое внимание не столько на документальных фактах, сколько на его литературных особенностях⁵. Ряд специалистов сосредоточили свое

¹ *Gusdorf G. Conditions and limits of autobiography // Autobiography: essays theoretical and critical / ed. by J. Olney. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 29.*

² *Гасанова И.М. О самоидентификации личности и некоторых языковых способах ее изображения // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской научной конференции (28–29 апреля). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 25–26; Железнева Р.Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 93–97; и др.*

³ *Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70; Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 214–245.*

⁴ *Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога. С. 226.*

⁵ *Минец Д.В. Гендерная концептосфера как объект дискурсивного исследования (на материале женских автодокументов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1, № 3 (31). С. 52–55; Руднева И.С. Гендерный аспект портретной*

внимание на вопросах поиска личностью собственной идентичности в женской мемуарной прозе⁶.

Для целостного понимания теоретических и практических основ исследования эго-документов, в том числе с позиций гендера, крайне важными являются фундаментальные труды зарубежных ученых⁷. Р. Миллер, М. Росс, Д. Холмберг, Т. Трабассо посвятили свои работы анализу отражения социального контекста событий через призму процессов самопознания и социализации⁸.

Самоидентификация личности в эго-документах в значительной степени является зеркальным отражением особенностей развития общества в целом, а также его проблем. Как бы ни была женщина аполитична, асоциальна, как бы она не пыталась сосредоточиться на своих личных проблемах, на своем внутреннем «эго», уделяя в своих воспоминаниях основное внимание частной жизни, совсем от социальной реальности уйти не удастся, и порой непроизвольно ее оценка все же проявляется в тексте. В нарративах женщин конца XIX – начала XX в. авторы идентифицируют себя, свою жизнь и своих близких через призму индивидуальных приоритетов, ценностей, эмоций, вкусов и увлечений. Это позволяет составить психологический портрет женщины-автора, основанный на ее оценках окружающей действительности,

характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227–236; и др.

⁶ Бурмистрова С.В. Специфика репрезентации авторского Я в женской мемуарной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 119–123; Самофалова Е.А. Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 94–99; Татаркина С.В. (Бурмистрова С.В.) Специфика саморепрезентации автора в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. № 8 (71). С. 23–28; и др.

⁷ Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // Remembering reconsidered / ed. by U. Neisser and E. Winograd. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243; Gusdorf G. Conditions and Limits of Autobiography. P. 28–48; и др.

⁸ Miller P. Narrative practices: their role in socialization and self-construction // The remembering self: construction and accuracy in the life narrative / ed. by U. Neisser and R. Fivush. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994. P. 158–179; Ross M., Holmberg D. Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // Self-inference processes: The Ontario Symposium / ed. J.M. Olsen and M.P. Zanna. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990. Vol. 6. P. 135–152; Trabasso T. Whose memory is it? The Social context of remembering // Memory for everyday and emotional events / ed. by N.L. Stein. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 429–445; и др.

людей и их поступков, ее интересах, общественной и профессиональной деятельности, ментальности и гендерных особенностях.

Основная часть

Российская действительность конца XIX – начала XX в. нашла отражение в многочисленных женских эго-документах. Их содержание во многом зависит от рода занятий, сословной принадлежности, общественной позиции авторов. Преимущественно они повествуют о выдающихся членах своей семьи – отцах, мужьях, других родственниках. Это относится к мемуарам М.А. Бекетовой, М.П. Бок, А.Г. Достоевской, В.П. Калицкой, Т.Л. Сухотиной-Толстой и др.⁹ В этих случаях авторы идентифицировали себя с личностями, играющими второстепенную роль по отношению к своим известным, незаурядным родственникам. При этом женщины-авторы порой даже не стремились показать собственную индивидуальность. Их повествование посвящалось человеку, которого они любили, уважали, которым они гордились и потому стремились запечатлеть все сюжеты, связанные с его жизнью, нередко идеализируя его поступки и давая субъективную оценку его действиям. При подобном подходе можно говорить скорее об отсутствии самоидентификации авторов эго-документов, либо об их в целом заниженной самооценке.

В конце XIX в. только немногие женщины получили профессиональное образование, были независимы как в материальном отношении, так и в своих действиях и поступках, предпринимали попытки для самовыражения, являлись самостоятельными и самодостаточными личностями, поэтому они довольно редко уделяли внимание описанию собственной жизни, чувствам, индивидуальному мнению, считая, вероятно, это не столь важным и интересным. Вместе с тем есть целый ряд успешных женщин, получивших признание в профессиональной и общественной деятельности, которые оставили воспоминания о своей жизни. Среди них М.Ф. Кшесинская, А.П. Остроумова-Лебедева, М.К. Тенишева и др.¹⁰ Их мемуары позволяют

⁹ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / составители В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский. Москва: Правда, 1990; Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Москва: Современник, 1992; Достоевская А.Г. Воспоминания / Вступительная статья, подготовка текста, примечания С.В. Белова и В.А. Тунимановой. Москва: Правда, 1987; Калицкая В.П. Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма / составители Л. Варламова, Н. Ялова, Д. Лосев. Феодосия; Москва: Коктебель, 2010; Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания / составитель, вступительная статья, примечания А.И. Шифмана. Москва: Художественная литература, 1980; и др.

¹⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания / перевод с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998; Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки / составитель Н.Л. Приймак. Москва: Изобразительное искусство, 1974; Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991; и др.

рассмотреть и сравнить самоидентификацию авторов, учитывая не только их гендерную принадлежность, но и место, которое они занимали в обществе с точки зрения социальной стратификации и, как следствие, их отношение к социальной реальности и событиям в стране.

Изменения в общественно-политической жизни российского государства в конце XIX в. повлияли и на трансформацию социального локуса женщин, и, как следствие, на их самоидентификацию. Все чаще они стали проявлять свою гражданскую активность, в результате чего в женских жизнеописаниях с нарастающей частотой стала появляться самостоятельная, а порой и независимая личность. Нарративы стали все чаще демонстрировать вовлеченность женщин в профессию и общественную деятельность, отражать индивидуальный взгляд на социум и самоидентификацию женщин-авторов, исходящую не только из демографических характеристик, но и из степени их участия в общественно-политической жизни.

И.Е. Репин. Портрет М.К. Тенишевой. 1896 г.

Балерина М.Ф. Кшесинская, художница А.П. Остроумова-Лебедева, просветительница и меценат М.К. Тенишева являются самодостаточными

женщинами, состоявшимися в профессиональной или общественной деятельности, поэтому их самоидентификация в качестве авторов воспоминаний носит социальный характер, несмотря на то, что их жизнь не была связана с радикальными революционными и политическими действиями. Основываясь именно на подобных мемуарах, пусть и созданных позднее, мы попытались выделить общие и особенные черты самоидентификации женщин конца XIX – начала XX в.

Матильда Феликсовна Кшесинская (1872–1971) записывала свои воспоминания уже в эмиграции, начав рассказ с семейных преданий, уходящих корнями в XVIII в., и закончив его событиями 1959 года, будучи к окончанию работы над мемуарами уже в возрасте около восьмидесяти лет. Ее воспоминания впервые были опубликованы на французском языке в Париже в 1960 г., на русский язык они были переведены только в 1992 г.

Другой автор – Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955) излагает в «Записках» не только основные факты из своей биографии с раннего возраста, но и дает панораму художественной жизни страны на рубеже XIX–XX вв. Она начала свой труд в 1930 г. и завершила последний, третий том в 1951 г.

Мария Клавдиевна Тенишева (1863–1928) посвятила свое повествование разным периодам жизни, начав с детских лет и завершив 1916 годом. Ее мемуары сохранила подруга Е.К. Святополк-Четвертинская, а опубликовало их в 1933 г. Русское историко-генеалогическое общество во Франции. В России они впервые были изданы в 1991 г.

Мария Ивановна Ключева (1868–1869(?)–1959(?)), будучи представительницей сословия, которое принято называть низшим, училась, а потом работала в швейной мастерской, преподавала на курсах кройки и шитья, и ее самоидентификация безусловно связана с трудовой деятельностью как с условием своего материального обеспечения¹¹. Ее мемуары были найдены и опубликованы в 1997 г., спустя почти сорок лет после смерти автора. Социальное положение Ключевой нашло отражение в проведении досуга, развлечениях, быте, питании, при этом ее эмоции и оценки окружающей действительности контрастируют с теми, которые приводятся в воспоминаниях Кшесинской, Тенишевой, Остроумовой-Лебедевой.

Пожалуй, несколько особняком в этом ряду стоят мемуары Марии Петровны Бок (1885–1985), старшей дочери П.А. Столыпина. Воспоминания посвящены отцу, и автор идентифицирует себя с ним, а также со своей семьей,

¹¹ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник / составители В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. 3. С. 64–232.

ее интересами, даже не пытаясь представить собственную индивидуальность, независимое мнение и оценки. Мемуары были написаны уже в эмиграции, хронологически начинаются с детских лирических историй Марии и заканчиваются смертью отца в 1911 г. Впервые они были опубликованы в Нью-Йорке в 1953 г. на русском языке, а в России изданы только в 1992 г.

Самоидентификацию по гендерному признаку можно рассматривать как базовую для эго-документов женщин конца XIX – начало XX в., которая во многом влияла на другие критерии, связанные с сословной принадлежностью, уровнем материального достатка, профессиональной и общественной деятельностью, политической социализацией.

Художница А.П. Остроумова была одним из самобытных членов группы «Мир искусства», но при этом испытывала определенное стеснение среди окружавших ее талантливых коллег-мужчин, которые покровительствовали ей. Согласно «Автобиографическим запискам» ее самооценка и самоидентификация были связаны с

чрезвычайной застенчивостью, происходившей вероятно, от большого самолюбия и от сознания своей необразованности в сравнении со всеми членами «Мира искусства», я чувствовала себя среди них стесненной, и, несмотря на то, что была приблизительно их возраста, мне казалось, что я перед ними ничтожная, маленькая девочка¹².

И это не критическое отношение к себе, а скорее нивелирование собственного профессионального таланта и трудолюбия своей, в первую очередь, гендерной идентичностью.

¹² Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 219.

А.П. Остроумова-Лебедева. 1897 г.

Источник: Отдел рукописей – Российская национальная библиотека.
Ф. 1015. Д. 1180. Л. 10.

Мемуары Матильды Кшесинской – это пример жизнеописания, где автор позиционирует себя, прежде всего, как успешную, счастливую, любящую и любимую женщину, несмотря на все интриги, с которыми была сопряжена ее жизнь, что не стало причиной ее озлобления или поводом для снижения самооценки. Все описанные сюжеты, связанные с ее профессиональной деятельностью в разные периоды ее карьеры, свидетельствуют о том, что она считала себя талантливой балериной:

я выступала в Москве в обычных спектаклях и пользовалась огромным успехом. Мне дарили много букетов, а как-то раз даже принесли серебряную корзину с цветами¹³; бенефис прошел великолепно, и публика устроила мне бурную овацию¹⁴; исполняла при этом множество пируэтов и пользовалась огромным успехом¹⁵; в театре я имела все, что хотела. Мне по-прежнему сопутствовал успех, а зрители на моих выступлениях устраивали овацию¹⁶; мне хотелось быть полностью свободной и танцевать только то, что мне нравится¹⁷; мне сопутствовал огромный успех и даже пришлось дважды повторить свой номер на “бис”, что считалось здесь выдающимся событием...¹⁸; адажио в сцене с лебедями было великолепным и вызвало овацию, а сольная партия под аккомпанемент принесла мне настоящий триумф, о котором я мечтала и на который рассчитывала, желая покорить лондонскую публику и укрепить свою репутацию. Зал неистово рукоплескал, и я была счастлива¹⁹

и т.д. В этих и подобных фразах нет ни слова не только об ошибках и неудачах, которые неминуемы в любом деле, но даже упоминания о сомнениях в том, что она может что-то сделать, не вызвав всеобщего восторга. И в этом отличие мемуаров Кшесинской от воспоминаний и Остроумовой-Лебедевой, и Тенишевой, которые, будучи так же творческими натурами, тем не менее сомневались в своих поступках и не идентифицировали себя с бесконечным успехом всегда и во всем.

¹³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 82.

¹⁴ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 109.

¹⁵ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 126.

¹⁶ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 139.

¹⁷ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 145.

¹⁸ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 168.

¹⁹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 203.

М. Кшесинская в своем особняке. 1916 г. Фотограф К. Булла

Чувства собственной значимости и успешности Кшесинской опирались не только на исполнительский талант балерины, сильный характер и установку на «успех», но и подкреплялись поддержкой со стороны членов императорской семьи, в том числе самого Николая II. Она не упускала возможности обращаться к своим высоким покровителям в случае любого, даже кажущегося, ущемления со стороны руководства театра. Балерина приводит многочисленные факты того, что для нее ни в чем не было преград в достижении поставленных целей. Например, она упоминает о конфликте с С.П. Дягилевым, который предложил ей

второстепенную роль в балете “Павильон Армиды”, в котором я не могла продемонстрировать всех своих возможностей и рассчитывать на признание парижской публики²⁰.

В результате конфликта она вообще отказалась выступать. В другой раз, во Франции Кшесинская

²⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 166.

решила любой ценой вставить в балет “Корриган”, в котором снова должна была выступать, свою сольную партию, чтобы добиться желаемого успеха и навсегда закрепить свою репутацию на парижской сцене²¹.

М. Кшесинская была высокого мнения не только о своем профессионализме. Вот как она оценивала свои ораторские способности:

По возвращении в Петербург меня ожидал торжественный обед, который устраивали в мою честь поклонники. Я приготовила речь и очень нервничала, так как не имела звучного голоса, необходимого для публичных выступлений. Кроме того, я провела бессонную ночь. Однако речь удалась, и я осталась довольна собой²².

Подобная идентификация, связанная с высокой самооценкой в профессии, успехом и восхищением окружающих, касалась не только творческой и профессиональной деятельности Кшесинской, но и ее повседневной жизни. Не без гордости балерина пишет о том, что она « всю свою жизнь любила строить »²³ и в превосходной степени каждый раз рассказывает про свой дом: « Больше всего я гордилась той частью, которую отвели для прислуги »²⁴; « предметом моей особой гордости стала шикарно обставленная кухня »²⁵; « у меня, конечно, был погреб с прекрасными винами »²⁶; « во двореке за домом находилась прачечная, сарай для экипажа и гараж для автомобиля, а также хлев для коровы, которую перевезли с дачи в город, чтобы сын всегда мог пить свежее молоко »²⁷. Не без гордости Кшесинская пишет, как одна коллега перенимала ее опыт повседневной жизни: « присматривалась, как я живу, как принимаю, все запоминала и всему научилась у меня в доме »²⁸.

²¹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 167.

²² Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 143.

²³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 170.

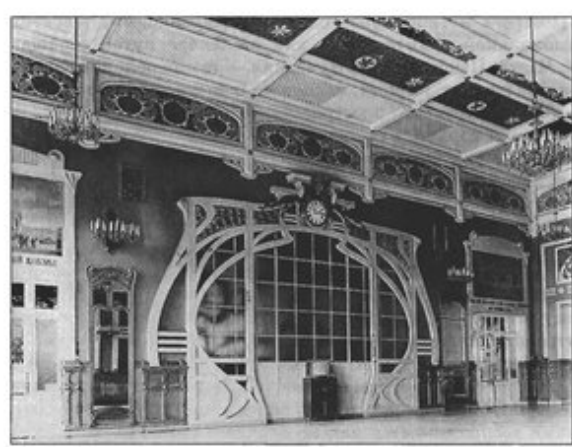
²⁴ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 153.

²⁵ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 153.

²⁶ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 155.

²⁷ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 155.

²⁸ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 175.

Интерьеры дворца М. Кшесинской. Арх. А.И. Гоген. 1904–1906 гг.

Гостиная во дворце М. Кшесинской, вдалеке – зимний сад. 1912 г.

Ученики, учителя и служащие школы в Талашкино,
созданной на деньги М.К. Тенишевой.

Источник: *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991.*

Некоторые авторы высказывают в мемуарах свое отношение к материальному достатку, и в этом вопросе для них характерны скорее различия. Так, например, М.К. Тенишева писала:

Я хотела бы быть очень богатой, для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. Мне кажется, я дала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала бы что-нибудь полезное, прочное...²⁹.

Таким образом, она идентифицирует свои материальные желания с интересами общества.

У Кшесинской никогда не было недостатка в деньгах, поэтому она упоминает о них лишь в контексте скорее обиды за то, что ее усилия, направленные на повышение жалования балерин, не были оценены коллегами по достоинству:

мне удалось добиться повышения жалования балерин с 5000 рублей до 8000 рублей в год, что по тем временам было значительной суммой. Для меня

²⁹ *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 52*

жалование не имело большого значения, и я заботилась о коллегах, для которых такое повышение было серьезным подспорьем. Однако ни одна из них мне не сказала даже “спасибо”³⁰.

Балерина идентифицировала себя только с богатством, восторгами и благодарностью, которые, по ее мнению, должны были вызывать все ее поступки.

Для Кшесинской редкие поездки за покупкой продуктов являлись скорее неким развлечением, чем необходимостью, при этом вопрос цены вообще не стоял:

мы отправились в мясную лавку. В мясе мы совершенно не разбирались, но, в конце концов, нашли-таки самый красивый, по нашему мнению, кусок и поехали домой³¹.

В это же время для другого автора воспоминаний, М.И. Ключевой, труд в мастерской являлся не одной из возможностей для самореализации, а обеспечивал «хлебом насущным». Поэтому для нее характерна прежде всего самоидентификация по профессиональному признаку и уровню материального благосостояния. В ее мемуарах приводятся сюжеты, связанные с описанием продуктов питания и отношения к ним, напрямую зависящие от уровня ее достатка. Например, автор приводит одно из воспоминаний детства: «навстречу попался нам, с большой корзиной за плечами, булочник со свежими булками – приятный запах булок мне вскружил голову...»³². Более позднее воспоминание, которое по времени связано уже с работой в мастерской, описывает продукты питания следующим образом:

доехав до Сенной площади, я почувствовала аромат кислой капусты, соленой трески, селедок и острый запах лошадиного навоза... На Сенную хозяйки ходили с охотой, там в торговых рядах, во-первых, все есть и всегда на копейку – на две все дешевле³³.

Другой сюжет связан с тем, как

хозяйка покупала на Сенной сразу по пять мешков картофеля по 50 копеек за трехпудовый мешок, это нам хватало на два месяца. Картофель мы брали от

³⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 140.

³¹ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 150.

³² Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 169.

³³ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 203.

немецких колонистов из-под Колпино, их картофель был белый, рассыпчатый и вкусный³⁴.

Даже описывая новый вид транспорта – омнибус, Ключева, идентифицируя себя с представителями населения с невысоким уровнем доходов, указывает стоимость поездки, т.к. материальная сторона играла немаловажную роль для нее как для человека, который вынужден экономить и рассчитывать свой бюджет.

Политические проблемы и сюжеты, связанные с ними, не являются доминирующими ни в одном из рассматриваемых мемуаров, однако в разной степени они все-таки отразились в текстах, в силу того, что ряд событий, свидетелями которых стали авторы воспоминаний, не позволили им оставаться равнодушными. Прежде всего мемуаристки пишут о русско-японской войне 1904–1905 гг. и первой русской революции 1905–1907 гг.

М.К. Тенишеву взволновали события войны, и в воспоминаниях она признавалась:

занимаясь искусством, я всегда была страшно далека от политики, но за эти годы газеты поглотили все наше внимание и сделались первенствующим интересом в нашем доме. Мы жили от почты и до почты. Все живущие в Талашкине до слепоты зачитывались ими, тяжело переживая все наши неудачи и потери. Особенно поразило нас известие о гибели Макарова. Мы просто отказывались верить этому ужасу и оплакивали каждого из наших героев как близкого человека. В день, когда я узнала о сдаче Порт-Артура, что бы я ни делала, что бы ни говорила, слезы невольно текли из глаз, ничто не могло меня развлечь... Точно черная пелена затянула все кругом, и казалось, этому кошмару никогда не рассеяться³⁵.

Следствием этих переживаний и желания помочь стало устройство Тенишевой во время войны лазарета, где она «часто навещала раненых, играла с ними в дурачки, расспрашивала о войне, о семейных делах», а всем возвращающимся из лазарета в родные места княгиня давала денежную помощь³⁶. Мужчины, как правило, свой гражданский долг видели либо в непосредственном участии в военных действиях, либо в оказании финансовой помощи армии, а женщины старались проявить свою личную сопричастность прежде всего по отношению к раненым.

³⁴ Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 203.

³⁵ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 209.

³⁶ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 212.

Дом С.В. Малютина в Талашкино. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. в нем при участии М.К. Тенишевой был устроен лазарет для выздоравливающих воинов.

Источник: *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Москва: Искусство, 1991.

Совсем другие эмоции и впечатления вызвало начало военных действий у М. Кшесинской:

В конце января, перед самым моим бенефисом, началась война с Японией. Однако в первые дни ситуация еще была неясной, и подавленности пока не ощущалось. Четвертого февраля, как и было намечено, состоялся мой прощальный бенефис. Публика оказала мне самый сердечный прием³⁷.

Балерина упоминает начало русско-японской войны не с тревогой о судьбе страны и людях, а исключительно в контексте собственного бенефиса.

М.П. Бок, дочь П.А. Столыпина, хоть и воспитывалась в семье государственного деятеля, была далека от политики. Гораздо ближе ей были

³⁷ *Романова-Красинская М.* Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 142.

семейные ценности, повседневные заботы и чисто женские интересы и переживания. Идеализируя своего отца, она даже не пыталась осмыслить его действия, связанные с событиями в стране, а по большей части давала им сугубо эмоциональные оценки. Например, Мария Петровна так вспоминает обед-проводы отряда Красного Креста, отправляющегося на фронт: «собралось всё саратовское общество, мой отец встал и сказал речь. Что это была за речь!»³⁸ Здесь присутствует женская доминанта, акцент делается не на отряде, который отправляется на войну, и не на том, какая судьба его может ждать, а на речи ее отца, саратовского губернатора, которая произвела сильное впечатление:

Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах. И чем дальше, чем вдохновеннее и страстнее становятся слова моего отца, тем больше разгораются лица и глаза слушателей, тем горячее льются слезы... Многие уже громко рыдают³⁹.

И главное, в соответствии с эмоциональной оценкой автора – это реакция публики на произнесенную речь:

Никогда еще мне не приходилось слышать такое единодушие, такое продолжительное ура, как то, которое покрыло речь отца и редко видишь столько людей, разных убеждений и характеров, соединенных таким общим, могучим подъемом⁴⁰.

Подобное впечатление от речи высказала и жена Столыпина: «Когда мы вечером возвращались домой, мамá в карете сказала моему отцу: – Как ты великолепно говорил!»⁴¹ В этом сюжете автор позиционирует себя прежде всего в качестве члена семьи своего известного отца.

³⁸ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 129.

³⁹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 129.

⁴⁰ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 130.

⁴¹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 130.

Старшая дочь П.А. Столыпина – Мария

Совсем другие оценки и реакцию высказывает на социальную реальность Ключева. 9 января 1905 г. она с подругой стали свидетелями шествия рабочих и даже влились в толпу и запели молитву, но после выстрелов были так напуганы увиденным, что их ноги подкашивались⁴². Если бы мужчина рассказывал о подобном событии, то, вероятнее всего, отразил бы свою роль в этом шествии, но ни в коем случае не испуг, даже если бы он и имел место. Все приводимые факты политических акций Ключева пересказывает как некие новости, которые вносят разнообразие в ее жизнь, не давая оценки, не показывая своего отношения к ним и не идентифицируя себя с их участниками. Только расправа с мирной демонстрацией 9 января вызвала у нее испуг и непонимание применения столь жестких мер. Вероятно, такая отдаленность от политики связана не только с отсутствием интереса и понимания сущности событий, но и с тем, что у Ключевой не было необходимости отстаивать свои социально-экономические и политические права, поскольку условия ее работы в швейной мастерской были достаточно комфортными, а отношение к работникам –

⁴² Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910. С. 226.

гуманным. Видимо, поэтому она не понимала сущности и не осознавала необходимости политической борьбы и социальных действий в защиту своих прав.

Кшесинская не идентифицировала себя с гражданами страны, которые проявляли патриотические чувства в период русско-японской войны, такую же позицию она заняла и в отношении начавшейся революции:

Девятого января 1905 года произошло выступление Гапона. В этот день был чей-то бенефис, и я была с родителями в ложе. Настроение было очень тревожное, и до окончания спектакля я поспешила отвезти моих родителей домой. В этот вечер Вера Трефилова устраивала у себя большой ужин, на который я была приглашена. Надо представить себе, как она была бы расстроена, если бы в последнюю минуту никто не приехал к ней. На улицах было беспокойно, повсюду ходили военные патрули, и ездить ночью было жутко, но я на ужин поехала и благополучно вернулась домой⁴³.

В этом воспоминании нет ни слова о жертвах расстрела, а речь идет лишь о том, что происходящее не помешало планам Кшесинской. И в этом проявилось не столько ее женское восприятие действительности, сколько идентификация себя скорее с обывателями, чем с участниками событий или с властью.

Остроумова-Лебедева о революции 1905–07 гг. писала: «почти каждый день приносил какой-нибудь ужас – то казни, то еврейские погромы»⁴⁴. И это отражалось на ее творчестве:

трудно было в эти годы работать и делать свое любимое дело, требовавшее равновесия, душевного спокойствия и ясности. Временами казалось, что моя работа, мое дело никому не нужны, не ко времени, не отвечают запросам сегодняшнего дня⁴⁵.

Но, идентифицируя себя с прогрессивной интеллигенцией, она не оставалась в стороне от происходящих событий и поддерживала демократические силы, участвуя в издании журналов «Жупел» и «Адская почта». Ее гравюра «Саркофаг» стала заставкой к стихотворению Гусева-Оренбургского «9 января». Нельзя не учитывать, что для нее живопись и графика были не только возможностью реализовать себя в творчестве и выразить свою гражданскую позицию, но и способом заработать на жизнь, а в

⁴³ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 146.

⁴⁴ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 323.

⁴⁵ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 323.

условиях революции и обострения социально-экономических проблем делать это было не просто.

А.П. Остроумова-Лебедева. Фотография 1897 г.
Источник: ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 1180. Л. 8.

Для Тенишевой революция стала настоящим потрясением:

Неудачная война вызвала грозу над нашей страной. Принадлежа всецело искусству, никогда не занимаясь политикой, я всегда была далека от всех этих вопросов и не предвидела, что Россия вдруг очутилась на пороге крупных переворотов и страшной стихийной бури. Когда вспыхнула революция, я была застигнута врасплох и совершенно не подготовлена к этому тяжелому испытанию. Из окружающих меня одни были так же далеки от действительности, как и я, другие втайне, может быть, сочувствовали наступающим событиям и даже участвовали в революционном движении⁴⁶.

Марию Клавдиевну взволновала забастовка учеников школы в Талашкино, поэтому она заняла непримиримую и принципиальную позицию в связи с

⁴⁶ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. С. 220

распространением некоторыми учителями прокламаций и политической пропаганды в ученической среде.

Уважаю свободу личного мнения, но считаю преступным и недопустимым, чтобы учитель, перешагнув порог школы, занимался с учениками политикой, а не наукой...⁴⁷

Она отстаивала мнение, что «трогать умы детей, в особенности крестьянских детей, едва вышедших из состояния дикаря, это преступление из преступлений»⁴⁸. Идентифицируя себя с гражданами, заинтересованными судьбами своей страны и народа, Тенишева в период революционного брожения видела свой гражданский долг в возвращении детей в школу и ограничении политического влияния на них, руководствуясь при этом прежде всего интересами самих учеников.

М.К. Тенишева (сидит третья слева) с учителями и служащими школы в Талашкино.
1898–1899 гг.

Источник: *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. Москва: Искусство, 1991.

М.П. Бок рассказывает о событиях, связанных с началом русской революции, без доли сочувствия к убитым:

...собралась перед Зимним дворцом толпа рабочих, во главе с священником Гапоном, предъявившая ряд крайних требований. Для разгона толпы войска

⁴⁷ *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. С. 222.

⁴⁸ *Тенишева М.К. Впечатления моей жизни*. С. 222.

пустили в ход огнестрельное оружие. А через несколько недель в Москве был убит Московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович. Начиналась новая эра – эра открытой борьбы против императорской фамилии. Наступило тяжелое время, когда мы узнали, что значит беспокоиться день и ночь о жизни папá⁴⁹.

Такая реакция автора, проявленная в период социальных потрясений, вновь свидетельствует о ее идентификации, связанной, прежде всего, с семейным кругом, а не с гражданским обществом.

О покушении на П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. Кшесинская написала в мемуарах через призму жалости не к премьер-министру, а к Николаю II, размышляя о

фатальном невезении, преследовавшем моего бедного Ники. Удары обрушивались на него один за другим. Он рано потерял отца, а его свадьба состоялась в дни траура. Коронация была омрачена трагедией на Ходынском поле... И вот теперь он потерял лучшего из министров, который подавил революцию 1905 года⁵⁰.

Как и во всех воспоминаниях Кшесинской, в описании этого трагического события доминируют личные чувства и переживания автора.

Выводы

В проанализированных женских эго-документах прослеживается самоидентификация авторов, выразившаяся в установлении тождества их личности по совокупности признаков путем сравнительного исследования по различным критериям. Мемуары Кшесинской, Ключевой, Остроумовой-Лебедевой, Тенишевой свидетельствуют о том, что приоритеты в повествовании о событиях из собственной жизни являются не только отражением гендерной принадлежности авторов, но и демонстрируют постепенное расширение сферы деятельности женщин как в профессиональной, так и в общественной областях. Это проявляется в их самоидентификации в качестве самостоятельных и состоявшихся личностей, способных принимать независимые решения и совершать конструктивные действия и поступки. При этом каждая из женщин-авторов, исходя из собственных жизненных приоритетов, убеждений и уровня материального благосостояния, занимает индивидуальную позицию, выразившуюся в конкретных действиях в отношении социальной реальности. В противоположность другим авторам,

⁴⁹ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. С. 142.

⁵⁰ Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания. С. 195–196.

самоидентификацию М.П. Бок можно охарактеризовать как пассивную, подчиненную авторитету отца, П.А. Столыпина.

Стратификационные критерии в виде гендерной принадлежности, профессиональной и общественной сферы деятельности, уровня материального достатка и политических взглядов, примененные к рассмотренным нарративам, позволяют определить самоидентификацию женщины-автора путем анализа ее разностороннего портрета, включающего взгляды, убеждения, увлечения и формы повседневной жизни.

Introduction

In memoirs as a historical source and a form of literary creativity, self-identification manifests itself as a specific form of a person's attitude to themselves, which also includes evaluative and comparative characteristics of life and social reality. Memoirists turn themselves and their lives into an object of analysis and evaluation for compliance with their own ideals rather than narration proper. French philosopher G. Gusdorf believed that autobiography appears there and then where there is self-awareness of the individual and a sense of the value of their own individuality and personal experience.¹

Gender stereotypes in the process of self-identification, which are reflected in women's ego-documents, are the object of research by the representatives of different fields of knowledge – historians, philologists, philosophers, psychologists, sociologists, etc.² Comparing theoretical results of Russian and foreign studies of autobiographies, historian N. Pushkareva showed their practical value for gender studies³ and came to the conclusion that

¹ G. Gusdorf, "Conditions and limits of autobiography," in *Autobiography: essays theoretical and critical*, ed. J. Olney (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980), 29.

² I.M. Gasanova, "On self-identification of a person and some linguistic methods of its representation" [in Russian], in *Herzen Readings. Foreign languages: Materials of the interuniversity scientific conference (April 28–29, 2010)* (St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2010), 25–26; R.G. Zhelezneva, "Influence of gender stereotypes on the process of self-identification of a modern woman" [in Russian], *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 1 (2009): 93–97; et al.

³ N.L. Pushkareva, "At the origins of women's autobiography in Russia" [in Russian], *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2000): 62–70; N.L. Pushkareva, "The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign

women's autobiographies are a way to create a "databank," an "archive of women's history," and to enrich the knowledge about the socio-historical context of women's lives in different historical epochs.⁴

While examining the texts of memoirs through the prism of gender, philologists focus their attention on their literary features rather than documentary facts.⁵ A number of researchers focus their attention on the issues of an individual's search for their own identity in women's memoir prose.⁶

Fundamental works of foreign scholars⁷ are extremely important for a holistic understanding of the theoretical and practical foundations of the study of ego-documents, including gender perspective. R. Miller, M. Ross, D. Holmberg, and T. Trabasso devoted their works to the analysis of the reflection of the social context of events through the prism of the processes of self-discovery and socialization.⁸

studies" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 214–45.

⁴ Pushkareva, "The heuristic value of autobiographies for gender studies," 226.

⁵ D.V. Minets, "Conceptual framework of gender as an object of discourse research (based on women's ego-documents)" [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 3 (31) (2011): 52–55; I.S. Rudneva, "The gender aspect of the portrait characteristic in the Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries" [in Russian], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2013): 227–36; et al.

⁶ S.V. Burmistrova, "Specific representation of female authors' "I" in memoir prose" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (113) (2011): 119–23; E.A. Samofalova, "Self-identification of a woman's personality in the memoirs of Sophia Andreevna Tolstaya" [in Russian], *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (30) (2014): 94–99; S.V. Tatarkina (S.V. Burmistrova), "The model of self-representation in 'The Memoirs' by A.O. Smirnova-Rosset" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*, no. 8 (71) (2007): 23–28; et al.

⁷ L.W. Barsalou, "The content and organization of autobiographical memories," in *Remembering reconsidered*, ed. U. Neisser and E. Winograd (New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988), 193–243; Gusdorf, "Conditions and limits of autobiography," 28–48; et al.

⁸ P.J. Miller, "Narrative practices: their role in socialization and self-construction," in *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative*, ed. U. Neisser and R. Fivush (New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994), 158–79; M. Ross and D. Holmberg, "Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship," in *Self-inference processes: The Ontario Symposium*, vol. 6, ed. J.M. Olsen and M.P. Zanna (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990), 135–52; T. Trabasso, "Whose memory is it? The social context of remembering," in *Memory for everyday and emotional events*, ed. N.L. Stein (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997), 429–45; et al.

To a large extent, self-identification of a person in ego-documents is a mirror reflection of the peculiarities of the development of society as a whole as well as its particular problems. No matter how apolitical and asocial a woman was, no matter how much she tried to focus on her personal problems, on her inner “ego”, paying most attention to her private life in her memories, it was impossible to avoid social reality completely, and sometimes its evaluation involuntarily revealed itself in the text. In the women’s narratives of the late 19th – early 20th centuries, the authors identify themselves, their lives, and their family and friends through the prism of individual priorities, values, emotions, tastes, and hobbies. This enables us to compile a psychological portrait of a female author, based on her assessment of the surrounding reality, people and their actions, her interests, social and professional activities, and her mentality and gender characteristics.

Main body

Russian reality of the late 19th – early 20th century was reflected in numerous women’s ego documents. Their contents largely depend on the occupation, estate status, and social position of the authors. Mostly, they tell about outstanding members of the family – fathers, husbands, or other relatives. This refers to the memoirs of M. Beketova, M. Bock, A. Dostoevskaya, V. Kalitskaya, T. Sukhotina-Tolstaya, and others.⁹ Their authors identified themselves as individuals who played a secondary role in relation to the famous outstanding members of their families. In doing so, female authors sometimes did not even try to show their own individuality. Their narrative was dedicated to a person they loved, respected, and were proud of, and therefore they sought to capture all the stories associated with his life, often idealizing his deeds and giving a subjective assessment of his actions. With such an approach, we can talk about the lack of self-identification of the authors of ego-documents or about their generally low self-esteem.

In the late 19th century, very few women received professional education, were independent financially and in their actions, made attempts of self-expression, and were independent, self-sufficient persons. Therefore they rarely paid attention to describing their own life, feelings, or individual opinions, probably, considering all that not very important or interesting. At the same time, there were a number of successful women, recognized in professional and social activities, who left

⁹ M.A. Beketova, *Reminiscences of Aleksandr Blok* [in Russian], comp. V.P. Enisherlov and S.S. Lesnevskii (Moscow: Pravda, 1990); M.P. Bock, *Reminiscences of my father Peter A. Stolypin* [in Russian] (Moscow: Sovremennik, 1992); A.G. Dostoevskaya, *Memoirs* [in Russian], introduction and notes by S.V. Belov and V.A. Tunimanova (Moscow: Pravda, 1987); V.P. Kalitskaya, *My life with Alexander Grin: memoirs, letters* [in Russian], comp. L. Varlamova, N. Yalova, and D. Losev (Feodosia; Moscow: Koktebel', 2010); T.L. Sukhotina-Tolstaya, *Memoirs* [in Russian], comp. A.I. Shifman (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980); et al.

reminiscences of their lives. Among them were M. Kschessinska, A. Ostroumova-Lebedeva, M. Tenisheva, and some others.¹⁰ Their memoirs allow us to consider and to compare the authors' self-identification, taking into account not only their gender but also the place they occupied in society in terms of social stratification and, as a consequence, their attitude to social reality and events in the country.

Changes in the social and political life of the Russian state at the end of the 19th century influenced the transformation of the social locus of women and, as a result, their self-identification. Women began to engage into civic activity more often. As a result, women's life stories revealed self-sufficient and sometimes even independent personalities with increasing frequency. More and more often, narratives began to demonstrate the involvement of women in profession and social activities and to reflect the individual view on society and self-identification of female authors, stemming not only from their demographic characteristics but also from the degree of their involvement in socio-political life.

I.E. Repin. Portrait of M.K. Tenisheva. 1896

¹⁰ M. Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs* [in Russian], trans. L. Papilina (Smolensk: Rusich, 1998); A.P. Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches* [in Russian], comp. N.L. Priimak (Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974); M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* [in Russian] (Leningrad: Iskusstvo, 1991); et al.

Ballerina M. Kschessinska, artist A. Ostroumova-Lebedeva, educator and philanthropist M. Tenisheva were self-sufficient women who established themselves in professional or social activities. That is why their self-identification as authors of memoirs is of social nature despite the fact that their lives were not associated with radical revolutionary or political actions. It is the memoirs of such type (although created some time later) that were the basis for our attempts to highlight general and specific features of women's self-identification in the late 19th – early 20th centuries.

Mathilde F. Kschessinska (1872–1971) wrote down her memoirs in emigration. She began her story from family legends dating back to the 18th century and ended it with the events of 1959, being about eighty years old when she finished the work on her memoirs. Her memoirs were first published in French in Paris in 1960 and were translated into Russian only in 1992.

Another author, Anna P. Ostroumova-Lebedeva (1871–1955), not only presented the main facts from her biography beginning with her early age in her *Autobiographical Sketches*, but she also gave a panorama of the country's artistic life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. She started writing her memoirs in 1930 and completed the last, third, volume in 1951.

Maria K. Tenisheva (1863–1928) devoted her narrative to different periods of her life, starting with her childhood and ending with 1916. Her friend E. Svyatopolk-Chetvertinskaya preserved the memoirs, which were published in 1933 by the Russian Historical and Genealogical Society in France. They were first published in Russia in 1991.

Being a representative of the estate that is usually referred to as the lower class, Mariya I. Klyucheva (1868–1869(?) – 1959 (?)) studied and then worked in a sewing workshop and taught at dressmaking courses. Her self-identification was certainly connected with her working activity as a condition of her material security.¹¹ Her memoirs were found and published in 1997, nearly forty years after the death of their author. Social status of Klyucheva was reflected in her leisure activities, entertainment, life, and food, while her emotions and assessments of the surrounding reality contrast with those in the memoirs of Kschessinska, Tenisheva, and Ostroumova-Lebedeva.

Perhaps, the memoirs of Maria P. Bock (1885–1985), P.A. Stolypin's eldest daughter, stand apart in this group. The memories are dedicated to her father, and the author identified herself with him as well as with her family and their interests, without even trying to present her own individuality, independent opinion, and

¹¹ M.I. Klyucheva, "Pages from the life of St. Petersburg, 1880–1910" [in Russian], in *Nevsky archive: collection of history and local lore*, comp. V.V. Antonov and A.V. Kobak, is. 3 (St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997), 64–232.

assessments. The memoirs were written in emigration. Chronologically they begin with Maria's childhood lyrical stories and end with the death of her father in 1911. They were first published in New York in 1953 in Russian, and in Russia they were published only in 1992.

Gender self-identification can be considered as the basis for women's ego-documents of the second half of the late 19th – early 20th centuries. It greatly influenced other criteria related to class estate affiliation, level of material wealth, professional and social activities, and political socialization.

Artist A. Ostroumova was one of the distinctive members of the World of Art (Mir Iskusstva) group, but at the same time she experienced a certain embarrassment among the talented male colleagues who patronized her. According to her *Autobiographical Sketches*, her self-esteem and self-identification were associated with

extreme shyness, which probably stemmed from great pride and from the awareness of my ignorance in comparison with all the members of the World of Art; among them, I felt embarrassed and despite the fact that I was about their age, it seemed to me that in front of them I was an insignificant little girl.¹²

And it was not a critical attitude towards herself but the leveling of her own professional talent and industriousness with her (first of all) gender identification.

¹² Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 219.

A.P. Ostroumova-Lebedeva, 1897.

Source: F. 1015, d. 1180, l. 10. Otdel rukopisei [Manuscripts Department]. Rossiiskaya natsional'naya biblioteka [The National Library of Russia] (OR RNB). St Petersburg, Russia.

The memoirs of Mathilde Kschessinska make an example of a biography in which the author identified herself with a successful, happy, loving and loved woman in the first place, despite all the intrigues her life was associated with, which neither made her bitter nor became a reason for lowering her self-esteem. All the episodes she described that are connected with her professional activities at different periods of her career indicate that she believed herself to be a talented ballerina:

I performed in Moscow in ordinary performances and enjoyed great success. I was given many bouquets, and once they even brought a silver basket with flowers;¹³ the benefit performance was excellent, and the audience gave me a standing ovation;¹⁴ at the same time I performed many pirouettes and enjoyed great success;¹⁵ I had everything I wanted in the theatre. I was still successful, and the audience gave me standing ovations when I performed;¹⁶ I wanted to be completely free and to dance only what I liked;¹⁷ I was a huge success and even had to repeat my number twice as an encore, which was considered an outstanding event here. . . ;¹⁸ the adagio in the scene with the swans was magnificent and caused a standing ovation, and the solo part to the accompaniment brought me a real triumph, which I dreamed of and hoped for, wishing to conquer the London audience and strengthen my reputation. The audience applauded furiously and I was happy.¹⁹

And so on. The above and similar phrases do not contain a single word about mistakes and failures that are inevitable in any occupation. Moreover, there is no mention of doubts that she could do something without arousing general delight. And this is the difference between the memoirs of Kschessinska and the memories of Ostroumova-Lebedeva and Tenisheva, who doubted their actions and did not identify themselves with infinite success in everything at all times.

¹³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 82.

¹⁴ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 109.

¹⁵ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 126.

¹⁶ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 139.

¹⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 145.

¹⁸ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 168.

¹⁹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 203.

M. Kschessinska in her mansion. 1916. Photograph by K. Bulla

Not only were the feelings of Kschessinska's own importance and success based on the ballerina's performing talent, strong character, and aim at success, but they were also reinforced by the support of the imperial family, including Nicholas II himself. She hardly missed a single opportunity to appeal to her high patrons if there was a slightest, even seeming, infringement on her on the part of the theatre's administration. The ballerina cited numerous facts showing that there were no obstacles for her in achieving her goals. For example, she mentioned a conflict with S. Diaghilev, who offered her

a secondary role in the ballet *Le Pavillon d'Armide*, in which I could not demonstrate all my abilities and claim the recognition of the Parisian public.²⁰

As a result of the conflict, she refused to perform at all. Another time, in France, Kschessinska

decided at any cost to insert my solo part into the ballet *Korrigan*, in which I had to perform again, in order to achieve the desired success and to consolidate my reputation on the Parisian stage forever.²¹

²⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 166.

Her own professionalism was not the only thing of which M. Kschessinska had a high opinion. Here's how she assessed her speaking skills:

Upon my return to St Petersburg, a gala dinner awaited me, which was organized in my honor by my admirers. I prepared my speech and was very nervous because I did not have a sonorous voice needed for public speaking. Besides, I had had a sleepless night. However, the speech was successful, and I was pleased with myself.²²

Such identification, associated with high self-esteem in the profession, success, and admiration of others, concerned not only the creative and professional activities of Kschessinska but also her everyday life. Not without pride, the ballerina wrote that she “loved building all her life”²³ and described her house in the superlatives: “Most of all I was proud of the part that was allotted to the servants”;²⁴ “the luxuriously furnished kitchen became the subject of my special pride”;²⁵ “I certainly had a cellar with excellent wines”;²⁶ “in the courtyard behind the house there was a laundry room, a shed for the carriage, and a garage for a car as well as a shed for the cow that had been transported from the dacha to the city so that my son could always drink fresh milk.”²⁷ Not without pride, Kschessinska wrote how one colleague adopted her experience of everyday life: “She looked closely at how I live, how I entertain, remembered everything, and learned about everything in my house.”²⁸

Some authors expressed their attitude to material wealth in their memoirs, and in this matter they are quite different. For example, Maria K. Tennisheva wrote:

I would like to be very rich in order to create something for the benefit of humanity. It seems to me that I would give my funds for a major business of educating the people; I would create something useful, durable. . .²⁹

Thus, she identified her material desires with the interests of society.

²¹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 167.

²² Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 143.

²³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 170.

²⁴ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 153.

²⁵ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 153.

²⁶ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 155.

²⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 155.

²⁸ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 175.

²⁹ Tennisheva, *Impressions of my life*, 52.

The interiors of M. Kschessinska's palace. Architect A. von Hohen. 1904–1906.

Drawing room in M. Kschessinska's palace with conservatory in the background. 1912.

Students, teachers, and employees of the school in Talashkino, funded by M. Tenisheva
Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

Kschessinska never had a shortage of money, so she mentioned it only in the context of resentment at the fact that her efforts aimed at raising ballerinas' salaries were not appreciated by her colleagues:

I managed to achieve an increase in the salaries of ballerinas from 5 000 roubles to 8 000 roubles a year, which at that time was a significant amount. For me, salary did not matter much, and I took care of my colleagues, for whom such a raise was a great help. However, none of them even said "Thank you" to me.³⁰

The ballerina identified herself only with wealth, admiration, and gratitude, which, in her opinion, all her actions should inspire.

For Kschessinska, rare trips to buy food were rather a kind of entertainment than a necessity, and the question of price was not raised at all:

We went to the butcher's shop. We did not know much about meat, but in the end we found the most beautiful, in our opinion, piece and went home.³¹

At the same time, for another memoirist, M. Klyucheva, her work at the workshop provided "daily bread" rather than an opportunity for self-realization.

³⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 140.

³¹ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 150.

Therefore, self-identification based on professional characteristics and level of material well-being is typical for her in the first place. Her memoirs contain stories related to the description of food products and attitudes towards them, which directly depended on the level of her wealth. For example, the author cited one of her childhood memories: “We met a baker with a large basket of fresh buns on his shoulders – the pleasant smell of buns made my head spin. . .”³² A later recollection, which is chronologically already connected with the work in the workshop, described the food as follows:

When I reached Sennaya Square, I smelled the aroma of sauerkraut, salted cod, herring, and the pungent smell of horse dung. . . . Housewives went to Sennaya gladly; one can find everything in the marketplace, and it is always a kopeck or two cheaper.³³

Another episode describes how

In Sennaya, the housekeeper used to buy five sacks of potatoes at once, 50 kopecks for a three-pood sack, which was enough for us for two months. We took potatoes from German colonists from Kolpino as their potatoes were white, crumbly, and tasty³⁴.

Even describing the omnibus, a new means of transport, Klyucheva mentioned the fare, since the material side was important for her as a person who was forced to save and calculate her budget, identifying herself with low-income representatives of the population.

Political problems and the stories associated with them are not dominant in any of the memoirs under consideration. However, they are still reflected in the texts to varying degrees due to the fact that a number of events the memoirists witnessed did not allow them to remain indifferent. In particular, they wrote about the Russo-Japanese War of 1904–05 and the First Russian Revolution of 1905–07.

M. Tenisheva was worried about the events of the war, and in her memoirs she confessed:

Being into art, I have always been terribly far from politics, but over the years the newspapers have absorbed all our attention and become the primary interest in our home. We lived from mail to mail. All Talashkino residents read the newspapers to blindness, getting very upset by all our failures and losses. We were especially

³² Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 169.

³³ Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 203.

³⁴ Klyucheva, “Pages from the life of St Petersburg,” 203.

struck by the news of Makarov's death. We simply refused to believe this horror and mourned each of our heroes as a close friend. On the day when I found out about the surrender of Port Arthur, no matter what I did, no matter what I said, tears involuntarily flowed from my eyes, nothing could entertain me. . . As if a black veil covered everything and it seemed that this nightmare would never dissipate.³⁵

As a result of these experiences and the desire to help, during the war years Tenisheva established a convalescent home, where she "often visited the wounded, played cards with them, asked about the war and their family affairs," and gave monetary assistance to all those leaving for their homeland.³⁶ Men usually saw their civic duty either in direct participation in hostilities or in providing financial assistance to the army while women tried to show their personal involvement by taking care of the wounded.

House of S. Malyutin in Talashkino. During the Russo-Japanese War of 1904–05, a convalescent home for recovering soldiers was organized there with the assistance of M. Tenisheva.

Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

³⁵ Tenisheva, *Impressions of my life*, 209.

³⁶ Tenisheva, *Impressions of my life*, 212.

The beginning of hostilities evoked completely different emotions and impressions in M. Kschessinska:

At the end of January, just before my benefit performance, the war with Japan began. However, during the first days of the war the situation was still unclear, and depression was not yet felt. On February 4, as scheduled, my farewell benefit performance took place. The audience gave me most cordial welcome.³⁷

The ballerina expressed no concern about the fate of the country and the people but mentioned the beginning of the Russo-Japanese War exclusively in the context of her own benefit performance.

Although M. Bock (P. Stolypin's daughter) was raised in the family of a statesman, she was far from politics. Family values, everyday concerns, and purely female interests and experiences were much closer to her. Idealizing her father, she did not try to comprehend his actions related to the events in the country but made purely emotional assessment of them. For example, she recalled the farewell dinner of the Red Cross detachment leaving for the front as follows: "The whole Saratov society gathered. My father got up and made a speech. What a speech it was!"³⁸ There is a female dominant here, and the emphasis is not on the detachment that was going to the front and on the fate awaiting them but on the speech of her father, which made a strong impression:

I suddenly felt that something was dripping onto my hand, and only then did I notice that I was crying. I looked around me – everyone had tears in their eyes. And further, the more inspired and passionate the words of my father became, the more the faces and eyes of the listeners flared up, the hotter the tears flew... Many were weeping out loud.³⁹

And most importantly, in accordance with the emotional assessment of the author, it was the response of the public to the speech delivered:

Never have I heard such unanimity, such prolonged cheers, as the one that covered my father's speech, and rare can you see so many people of different beliefs and characters, united by such a common, mighty uplift.⁴⁰

³⁷ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 142.

³⁸ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 129.

³⁹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 129.

⁴⁰ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 130.

Stolypin's wife expressed a similar impression of the speech: "When we were returning home in the evening, *maman* said to my father in the carriage, "How beautifully you spoke!"⁴¹ In this storyline, the author identified herself primarily as a family member of her famous father.

P. Stolypin's eldest daughter Maria

Klyucheva expressed completely different assessments and reactions to the social reality. On January 9, 1905, she and her friend witnessed the procession of workers and even joined the crowd and sang a prayer, but after the shots they were so frightened by what they had seen that they became weak in the knees.⁴² If a man had been talking about such an event, he would have been most likely to describe his role in the procession rather than fright, even if he had felt frightened. Klyucheva retold all facts of political actions as some kind of news that added variety to her life, without giving any assessment or showing her attitude towards them, and did not identify herself with their participants. Only the reprisal against the peaceful

⁴¹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 130.

⁴² Klyucheva, "Pages from the life of St Petersburg," 226.

demonstration on January 9 made her feel frightened; she could not understand why such harsh measures were taken. Probably, such remoteness from politics was connected not only with a lack of interest and understanding of the essence of events but also with the fact that Klyucheva did not need to defend her socio-economic and political rights, since the conditions of her work in the sewing workshop were quite comfortable and the attitude to workers was humane. Probably, because of this, she did not understand the essence and did not realize the need for political struggle and social action for her rights.

Kschessinska did not identify herself with the citizens of the country who showed patriotic feelings during the Russo-Japanese War, and she adopted the same stance on the revolution that had begun as well:

On January 9, 1905, Gapon's march took place. That day there was someone's benefit, and I was in the loge with my parents. The mood was very anxious, and before the end of the performance I hurried to take my parents home. That evening Vera Trefilova hosted a big dinner, to which I was invited. One could imagine how upset she would be if no one came to her at the last minute. The streets were restless, there were military patrols everywhere, and it was scary to travel at night, but I went to the dinner and returned home safely.⁴³

This recollection does not contain a single word about the victims of Bloody Sunday; its focus is the fact that what was happening did not interfere with Kschessinska's plans. And this revealed not so much her female perception of reality as the fact that she identified herself with the average people rather than with the participants in the events or the authorities.

Ostroumova-Lebedeva wrote about the Revolution of 1905–07 that "almost every day brought some horror – either executions, or Jewish pogroms."⁴⁴ And this was reflected in her work:

During these years, it was difficult to work and do my favorite thing that required balance, peace of mind, and clarity. At times it seemed that my work, my cause, was wanted by no one, was out of time, and did not meet the needs of the day.⁴⁵

But identifying herself with the progressive intelligentsia, she did not stay away from the events and supported the democratic forces by participation in the publication of the magazines *Zhupel* [Bugbear] and *Adskaya pochta* [Hell's Mail]. Her engraving *Sarcophagus* became the headpiece for the poem "January 9" by

⁴³ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 146.

⁴⁴ Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 323.

⁴⁵ Ostroumova-Lebedeva, *Autobiographical sketches*, 323.

S. Gusev-Orenburgsky. It should be taken into account that for her, painting and graphics were not just an opportunity to express herself in her creative works and express her civic position but also a way to earn a living, and it was not easy in the conditions of the revolution and the aggravation of socio-economic problems.

A.P. Ostroumova-Lebedeva. Photo taken in 1897
Source: F. 1015, d. 1180, l. 8. OR RNB.

For Tennisheva, the revolution was a real shock:

The unsuccessful war caused a thunderstorm over our country. Belonging to art entirely and never engaging in politics, I have always been far from all these issues and have not foreseen that Russia would suddenly find itself on the verge of major upheavals and a terrible disastrous tempest. When the revolution broke out, I was caught unawares and was completely unprepared for this ordeal. Among the people around me, some were as far from reality as I was while others, probably, secretly sympathized with the upcoming events and even participated in the revolutionary movement.⁴⁶

⁴⁶ Tennisheva, *Impressions of my life*, 220.

Tenisheva was agitated by the strike of students of Talashkino school, so she took an irreconcilable and principled stance on the distribution of proclamations and political propaganda among the students by some teachers.

I respect freedom of personal opinion, but I consider it criminal and unacceptable that having crossed the threshold of a school, a teacher should engage students in politics rather than science...⁴⁷

She defended the opinion that “to trouble the minds of children, especially peasant children who had barely left the state of a savage, was the worst crime of all.”⁴⁸ Identifying herself with the citizens who were not indifferent to the fate of the country and its people, Tenisheva saw her civic duty during the period of the revolutionary turmoil in returning children to school and limiting political influence on them, being guided primarily by the interests of the students.

M.K. Tenisheva (sitting third from the left) with teachers and employees of Talashkino school.
1898–99

Source: M.K. Tenisheva, *Impressions of my life* (Moscow: Iskusstvo, 1991).

M. Bock described the events associated with the beginning of the Russian Revolution without any sympathy for those who were killed:

⁴⁷ Tenisheva, *Impressions of my life*, 222.

⁴⁸ Tenisheva, *Impressions of my life*, 222.

... a crowd of workers led by priest Gapon gathered in front of the Winter Palace; they were making a number of extreme demands. To disperse the crowd, the troops used firearms. A few weeks later, Moscow Governor-General Grand Duke Sergei Aleksandrovich was assassinated in Moscow. A new era began – the era of open struggle against the imperial family. It was a difficult time when we learned what it meant to worry about papa's life day and night.⁴⁹

This reaction of the author to the period of social upheavals once again testifies to her self-identification connected with the family circle rather than civil society.

In her memoirs, Kschessinska wrote about the assassination of P. Stolypin in September 1911 through the prism of pity for Nicholas II rather than the prime minister:

Fatal bad luck befell my poor Nicky. The blows fell on him one by one. He lost his father early, and his wedding took place during the days of mourning. The coronation was overshadowed by the Khodynka Tragedy... And now he has lost the best of his ministers who suppressed the 1905 Revolution.⁵⁰

In the same way as in all Kschessinska's memoirs, the author's personal feelings and experiences dominate in the description of this tragic event.

Conclusion

The women's ego-documents considered in the articles reveal the authors' self-identification that is expressed in establishing the identity of their personality according to a set of characteristics by comparative research on various criteria. The memoirs of Kschessinska, Klyucheva, Ostroumova-Lebedeva, and Tenisheva testify that the priorities in the narration of events from their own lives not only reflect the authors' gender identity but also demonstrate a gradual expansion of the scope of women's activities in professional and public spheres. It is manifested in their self-identification as independent and mature personalities, capable of making independent decisions and performing constructive actions and deeds. At the same time, based on their own life priorities, beliefs and level of material well-being, each of the female authors takes an individual position that is expressed in concrete actions in relation to social reality. In contrast to other authors, the self-identification of M. Bock can be described as passive, subordinate to the authority of her father P. Stolypin.

Stratification criteria in the form of gender, professional and social sphere of activity, level of material wealth, and political views, applied to the considered

⁴⁹ Bock, *Reminiscences of my father P.A. Stolypin*, 142.

⁵⁰ Romanova-Krasinskaya, *Mathilde Kschessinska: memoirs*, 195–96.

narratives, make it possible to determine self-identification of a female author by analyzing her versatile portrait, including views, beliefs, hobbies, and forms of everyday life.

Список литературы

Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / составители В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский. Москва: Правда, 1990. 672 с.

Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Москва: Современник, 1992. 347 с.

Бурмистрова С.В. Специфика репрезентации авторского Я в женской мемуарной прозе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11 (113). С. 119–123.

Гасанова И.М. О самоидентификации личности и некоторых языковых способах ее изображения // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы межвузовской научной конференции (28–29 апреля 2010 г.). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 25–26.

Достоевская А.Г. Воспоминания / вступительная статья, подготовка текста, примечания С.В. Белова и В.А. Тунимановой. Москва: Правда, 1987. 544 с.

Железнева Р.Г. Влияние гендерных стереотипов на процесс самоидентификации современной женщины // Социология и жизнь. 2009. № 1. С. 93–97.

Калицкая В.П. Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма / составители Л. Варламова, Н. Ялова, Д. Лосев. Феодосия; Москва: Коктебель, 2010. 256 с.

Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: историко-краеведческий сборник / составители В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Atheneum-Феникс, 1997. Вып. 3. С. 64–232.

Минец Д.В. Гендерная концептосфера как объект дискурсивного исследования (на материале женских автодокументов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1, № 3 (31), С. 52–55.

Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки / составитель Н.Л. Приймак. Москва: Изобразительное искусство, 1974. 631 с.

Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62–70.

Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 214–245.

Романова-Красинская М. Матильда Кшесинская: воспоминания / перевод с французского Л. Папилиной. Смоленск: Русич, 1998. 416 с.

Руднева И.С. Гендерный аспект портретной характеристики в русской мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 227–236.

Самофалова Е.А. Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 94–99.

Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания / составитель А.И. Шифман. Москва: Художественная литература, 1980. 525 с.

Татаркина С.В. (Бурмистрова С.В.) Специфика саморепрезентации автора в «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. № 8 (71). С. 23–28.

Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. Ленинград: Искусство, 1991. 288 с.

Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // *Remembering reconsidered* / edited by U. Neisser and E. Winograd. New York; Cambridge MA: Cambridge University Press, 1988. P. 193–243.

Gusdorf G. Conditions and limits of autobiography // *Autobiography: essays theoretical and critical* / edited by J. Olney. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. P. 28–48.

Miller P.J. Narrative practices: their role in socialization and self-construction // *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative* / edited by U. Neisser and R. Fivush. New York; Cambridge MA: Cambridge University Press, 1994. P. 158–179.

Ross M., Holmberg D. Recounting the past: Gender differences in the recall of events in the history of a close relationship // *Self-inference processes: The Ontario Symposium* / edited by J.M. Olson, M.P. Zanna. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990. Vol. 6. P. 135–152.

Trabasso T. Whose memory is it? The social context of remembering // *Memory for everyday and emotional events* / edited by N.L. Stein. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 429–445.

References

Barsalou, L.W. “The content and organization of autobiographical memories.” In *Remembering reconsidered*, edited by U. Neisser and E. Winograd, 193–243. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1988.

Beketova, M.A. *Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Reminiscences of Aleksandr Blok]. Compiled by V.P. Enisherlov and S.S. Lesnevskii. Moscow: Pravda, 1990. (In Russian)

Bock, M.P. *Vospominaniya o moem ottse P.A. Stolypine* [Reminiscences of my father P.A. Stolypin]. Moscow: Sovremennik, 1992. (In Russian)

Burmistrova, S.V. “Spetsifika reprezentatsii avtorskogo Ya v zhenskoi memuarnoi proze” [Specific representation of female authors’ “I” in memoir prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (113) (2011): 119–23. (In Russian)

Dostoevskaya, A.G. *Vospominaniya* [Memoirs]. Introduction and notes by S.V. Belov and V.A. Tunimanova. Moscow: Pravda, 1987. (In Russian)

Gasanova, I.M. “O samoidentifikatsii lichnosti i nekotorykh yazykovykh sposobakh ee izobrazheniya” [On self-identification of a person and some linguistic methods of its representation]. In *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii (28–29 aprelya 2010 g.)* [Herzen Readings. Foreign languages: Materials of the interuniversity scientific conference (April 28–29, 2010)], 25–26. St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2010. (In Russian)

Gusdorf, G. “Conditions and limits of autobiography.” In *Autobiography: essays theoretical and critical*, edited by J. Olney, 28–48. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.

Kalitskaya, V.P. *Moya zhizn' s Aleksandrom Grinom: vospominaniya, pis'ma* [My life with Alexander Grin: memoirs, letters]. Compiled by L. Varlamova, N. Yalova, and D. Losev. Feodosia; Moscow: Koktebel', 2010. (In Russian)

Klyucheva, M.I. "Stranitsy iz zhizni Sankt-Peterburga 1880–1910" [Pages from the life of St Petersburg, 1880–1910]. In *Nevskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Nevsky archive: collection of history and local lore], compiled by V.V. Antonov and A.V. Kobak, is. 3, 64–232. St Petersburg: Atheneum-Feniks, 1997. (In Russian)

Miller, P.J. "Narrative practices: their role in socialization and self-construction." In *The remembering self: construction and accuracy in the life narrative*, edited by U. Neisser and R. Fivush, 158–79. New York; Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1994.

Minets, D.V. "Gendernaya kontseptosfera kak ob"ekt diskursivnogo issledovaniya (na materiale zhenskikh avtodokumentov)" [Conceptual framework of gender as an object of discourse research (based on women's ego-documents)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 3 (2011): 52–55. (In Russian)

Ostroumova-Lebedeva, A.P. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical sketches]. Compiled by N.L. Priimak. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1974. (In Russian)

Pushkareva, N.L. "Evristicheskaya tsennost' avtobiografii dlya genderologa: sopostavlyaya teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovaniy" [The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, vol. 18, no. 2 (2019): 214–45. (In Russian)

Pushkareva, N.L. "U istokov zhenskoi avtobiografii v Rossii" [At the origins of women's autobiography in Russia]. *Filologicheskie nauki*, no. 3 (2000): 62–70. (In Russian)

Romanova-Krasinskaya, M. *Matil'da Kshesinskaya: vospominaniya* [Mathilde Kschessinska: memoirs]. Translated from French by L. Papilina. Smolensk: Rusich, 1998. (In Russian)

Ross, M., and D. Holmberg. "Recounting the past: gender differences in the recall of events in the history of a close relationship." In *Self-inference processes: The Ontario Symposium*, vol. 6, edited by J.M. Olsen and M.P. Zanna, 135–52. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1990.

Rudneva, I.S. "Gendernyi aspekt portretnoi kharakteristiki v russkoi memuarno-avtobiograficheskoi literature vtoroi poloviny XVIII – pervoi treti XIX vv." [The gender aspect of the portrait characteristic in the Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2013): 227–36. (In Russian)

Samofalova, E.A. "Samoidentifikatsiya lichnosti zhenshchiny v vospominaniyakh Sof'i Andreevny Tolstoi" [Self-identification of a woman's personality in the memoirs of Sophia Andreevna Tolstaya]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (30) (2014): 94–99. (In Russian)

Sukhotina-Tolstaya, T.L. *Vospominaniya* [Memoirs]. Compiled by A.I. Shifman. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980. (In Russian)

Tatarkina, S.V. (Burmistrova S.V.) "Spetsifika samoreprezentatsii avtora v 'Vospominaniyakh' A.O. Smirnovoi-Rosset" [The model of self-representation in 'The Memoirs' by A.O. Smirnova-Rosset]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*, no. 8 (71) (2007): 23–28. (In Russian)

Tenisheva, M.K. *Vpechatleniya moei zhizni* [Impressions of my life]. Leningrad: Iskusstvo, 1991. (In Russian)

Trabasso, T. “Whose memory is it? The social context of remembering.” In *Memory for everyday and emotional events*, edited by N.L. Stein, 429–45. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.

Zhelezneva, R.G. “Vliyanie gendernykh stereotipov na protsess samoidentifikatsii sovremennoi zhenshchiny” [Influence of gender stereotypes on the process of self-identification of a modern woman]. *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 1 (2009): 93–97. (In Russian)

Информация об авторе

Ирина Владимировна Синова – доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>, vs-irina@yandex.ru, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023 Россия, Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, д. 30–32)

Information about the author

Irina V. Sinova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-9109-2980>, s-irina@yandex.ru, Saint Petersburg State University of Economics (30–32, Griboyedov channel embankment, St Petersburg, Russia, 191023)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 211–239
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 211–39

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

Евгений Алфеевич Марков,
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия,
marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>

Evgenii A. Markov,
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia,
marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>

Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.)

Аннотация. В предлагаемой статье автор, используя сравнительный метод, анализирует итоги выборов, состоявшихся в России в 2021 году, проводя параллели с итогами предыдущих избирательных кампаний на основе полученных партиями и отдельными кандидатами результатов. Цель подготовки предлагаемой статьи – оценка уровня политической активности избирателей разных регионов России и выявление изменений, которые произошли в настроениях различных общественных групп. В статье проанализированы особенности проведения избирательной кампании разными политическими силами, а также ход подготовки и проведения самих выборов, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В заключение автором сделан вывод, что партии «Единая Россия», вновь получившей в обновленном составе Государственной Думы конституционное большинство, придется учесть реалии, которые высветила избирательная кампания. Но, самое главное, именно этой партии необходимо будет взять на себя ответственность за принятие таких законов, которые бы обеспечили социально-экономическое развитие страны как условие роста благосостояния населения.

Ключевые слова: выборы–21, выборы–16, Государственная Дума, «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия–За правду», «Новые люди»

Для цитирования: Марков Е.А. Трансформации в политических предпочтениях избирателей (сравнительный анализ избирательных кампаний 2016 и 2021 гг.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 211–239, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

**Transformations in political preferences of voters
(Comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns)**

Abstract. In the article offered to the readers, the author analyses the results of the 2021 Russian legislative elections, using a comparative method. The parallels with the results of previous election campaigns on the basis of the results obtained by both political parties and individual candidates are drawn. The purpose of the article is to evaluate the level of political activity of voters in different regions of Russia and to identify changes that have taken place in the moods of various social groups. The article analyses the peculiarities of the election campaigns organized by different political forces as well as the course of preparation and conduct of the elections themselves, both at the federal and regional levels. Finally, the author concludes that the United Russia political party (*Edinaya Rossiya*), which received a constitutional majority in the renewed State Duma again, will have to consider the realities highlighted by the election campaign. But most importantly, it is this party that will have to take responsibility for passing the laws that would ensure socio-economic development of the country as a condition of increasing the welfare of the population.

Keywords: 2021 election, 2016 election, State Duma, United Russia, CPRF, LDPR, A Just Russia – For Truth, New People

For citation: Markov, E.A. “Transformations in political preferences of voters (Comparative analysis of the 2016 and 2021 election campaigns).” *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 211–39, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-5>

Введение

Изучение поведения избирателей занимает важную часть массива политических исследований. Ученые из многих стран, изучая предпочтения граждан, принявших участие в ходе избирательных кампаний, пытаются выявить закономерности в их поведении, смену симпатий и приоритетов, которые, в конечном итоге, влияют на результаты выборов. Ведь, по большому счету, результаты, полученные разными политическими силами в ходе выборов, высвечивают те процессы, которые происходят в общественном сознании и, безусловно, оказывают свое воздействие на общественное развитие. Можно сослаться на мнение американского ученого Фреда Пальмера, еще в 1948 году заявившего, что «функция социологов – исследователей общественного мнения заключается в том, чтобы изучать, измерять, анализировать и взвешивать общественное мнение»¹. Конечно, если в ходе выборов отмечается высокий уровень активности избирателей, то этот факт говорит о том, что население поддерживает деятельность органов власти и

¹ Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер. 2000. URL: <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html> (дата обращения: 28.09.2021.). См.: Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948 // Public Opinion Quarterly. 1948. Vol. 12, № 4 (Winter 1948–1949). P. 788–840.

вновь продлевает им мандат доверия, если же избиратели демонстрируют низкий уровень активности, то это указывает на то, что население недовольно итогами деятельности и власть не оправдала доверия избирателей. Низкая явка на выборах может служить сигналом для власти, указывающим на то, что у населения накапливаются негативные настроения, что, в конечном итоге, может привести к возникновению социальных протестов. Низкий уровень поддержки населением усилий органов власти демонстрирует, что между обществом и властью нет взаимопонимания, власть не реагирует на общественные настроения, не занимается формированием общественного мнения. Власти нужно учитывать, что низкая электоральная активность граждан будет распространяться и на другие сферы общественной деятельности, и, в конечном итоге, может стать тормозом для социально-экономического развития региона или страны в целом.

Вот почему зарубежные и отечественные авторы предложили уже немало теорий, объясняющих поведение избирателей, относящихся к различным социальным группам, а, значит, имеющих разные интересы.

Краткий обзор теорий электорального поведения

Одним из первых исследователей, изучавших поведение избирателей еще на выборах президента США в 1948 году, был социолог П. Лазарсфельд, предложивший в итоге теорию экспрессивного поведения избирателей, которые, принадлежа к разным социальным группам, голосуют с учетом той системы ценностей, которая сложилась в данной группе. Полученные ученым результаты стали основой появления целого ряда исследовательских работ в русле так называемого «социологического подхода»². Социологи С.М. Липсет и С. Роккан предложили «генетическую» модель формирования политических систем в западных странах³. По мнению этих исследователей, существует четыре типа конфликтов, оказывающих свое воздействие на формирование политических предпочтений избирателей: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, буржуазией и наемными работниками. Эти конфликты определяют поддержку избирателями отдельных партий и кандидатов. На наш взгляд, данная теория может быть применена и к российским реалиям, поскольку «в российском обществе существуют расколы: между богатыми и бедными, представителями старшего поколения, сформировавшего свои взгляды в советское время, и последующего поколения,

² Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: Chicago University Press, 1954.

³ Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments // Party systems and voter alignments: cross-national perspectives / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

ориентирующегося на западные и рыночные ценности, между западниками и евразийцами, патриотами и либералами и т.д. В конце концов, общество может быть разделено также по религиозному и этническому признаку, что также актуально для многонациональной России»⁴.

Теории, разрабатывавшиеся на основе «социологического подхода», не позволяли с высокой точностью прогнозировать итоги выборов. И тогда на смену ему пришел так называемый «социально-психологический подход», который предложила группа американских ученых под руководством Э. Кэмпбелла. Исследователи пришли к выводу, что электоральное поведение формируется у отдельных избирателей на основе их партийных предпочтений. Эти предпочтения могут появляться уже в процессе ранней социализации, и тогда дети голосуют так же, как и их родители.

И все же «социально-психологический подход» не мог объяснить изменения в предпочтениях избирателей. И тогда ему на смену пришла так называемая «рационально-инструментальная концепция», предложенная американским ученым Э. Даунсом. Кратко суть этой теории состоит в следующем: «индивид выбирает ту партию, которая, как он полагает, предоставит ему больше выгод, чем другая партия»⁵. Однако выводы ученого не были доказаны эмпирическими исследованиями. Положения теории Э. Даунса частично использовал еще один американский исследователь М. Фиорина⁶, который считал, что существует прямая связь между положением в экономике страны и результатами выборов⁷.

Идеи Мориса Фиорины частично нашли свое подтверждение в ходе проведения избирательных кампаний, но они так же не могли в полной мере объяснить поведение избирателей, выбор которых определяется сложным набором мотивов: к примеру, ожиданием будущих успехов в социально-экономическом развитии страны и надеждами на рост благосостояния граждан.

Нельзя не отметить в нашей статье и другие теории, посвященные проблематике электорального поведения. К примеру, авторы, придерживающиеся так называемого «коммуникационного подхода» (М. Макклуюэн, Э. Фромм, М. Паренти и др.), считают, что большую роль в формировании предпочтений избирателей играют СМИ. Можно назвать также работы зарубежных ученых, которые используют количественные методы в

⁴ Марков Е.А. Динамические процессы в электоральном поведении избирателей г. Череповца на выборах 2011–2018 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 21.

⁵ Downs A. An economic theory of democracy. New York: Harper and Brothers, 1957. P. 36.

⁶ Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981.

⁷ Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. P. 5.

исследовании поведения электората (О. Дэвис, К. Куинн, С. Мэррилл, М. Хинич).

Отечественные ученые подключились к проведению исследований электорального поведения в начале 90-х гг. XX века, когда в нашей стране стали проводиться выборы на конкурентной демократической основе. Одним из первых обратился к данной проблематике Г.В. Голосов, предпринявший попытку анализа поведения избирателей в России и оценивший возможность использования в своем анализе положений западных теорий⁸. Исследователи В.В. Лапкин и В.И. Пантин отметили ценностное размежевание и социально-политическую дифференциацию в российском обществе, что согласуется с социологической теорией⁹.

Значительный вклад в разработку теоретических подходов к изучению электорального поведения граждан в нашей стране внесли такие исследователи, как К.Ф. Завершинский¹⁰, Г.В. Пушкарева¹¹, А.И. Соловьев¹². В числе авторов, исследовавших механизмы формирования и изменения общественного мнения, необходимо выделить Л.Г. Бызова, Д.П. Гавру, М.К. Горшкова, М.Н. Руткевича, Д.А. Потайпеко, Р.А. Сафарова¹³.

Ряд российских ученых посвятили свои работы оценке роли СМИ/СМК во время проведения выборов: в их числе Н.В. Анохина, Н.Н. Богомолова, М.Э. Брандэс, Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова¹⁴.

⁸ Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44–56.

⁹ Лапкин В.В., Пантин В.И. Ценностные размежевания и социально-политическая дифференциация в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 4. С. 54–63.

¹⁰ Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>

¹¹ Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. 2003. № 3. С. 120–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>

¹² Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

¹³ Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. Санкт-Петербург: ИСЭП, 1995; Горшков М.К. Общественное мнение. Москва: Политиздат, 1988; Руткевич М.Н. Социология, власть, общественное мнение // Социально-политический журнал. 1993. № 7. С. 5–16; Потайпеко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. Киев: Наукова думка, 1970; Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. Москва: Юридическая литература, 1975.

¹⁴ Анохина Н.В., Брандэс М.Э. Роль СМК в избирательном процессе // Политическая наука. 2000. № 3: Выборы в посткоммунистических обществах: проблемно-тематический сборник. С. 137–151; Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация и общение. Москва: Знание, 1988; Засурский Я.Н. и др. Система средств массовой информации России / под редакцией

В последние годы внимание целого ряда исследователей сфокусировано на проблематике влияния новых информационных технологий на общественные отношения. К примеру, немецкий ученый Уве Крюгер считает, что деятельность масс-медиа переживает структурные изменения и из массового потребления уходит в сферу потребления индивидуального¹⁵. Американская исследовательница Дж. Дин ввела в научный оборот понятие «коммуникативный капитализм», под которым она подразумевает формирующуюся в настоящее время такую экономико-политическую формацию, в которой происходит соединение демократии и капитализма с новыми сетевыми технологиями¹⁶.

Необходимо учитывать, что положения обозначенных нами теорий электорального поведения можно использовать лишь в качестве основы для анализа и подготовки прогнозных оценок во время проходящих выборов. Для анализа поведения российских избирателей, на наш взгляд, допустимо использовать положения социологического (расколы в обществе), социально-психологического (традиции поддержки определенных партий), инструментально-рационального (оценка избирателями собственного экономического положения и надежд на будущие успехи в экономике, заявляемые партиями) подходов. Однако при этом нужно учитывать особенности политического и социально-экономического развития России, которые пока еще не в полной мере осмыслены и разъяснены отечественными исследователями.

Основная часть

В течение трех дней, 17, 18 и 19 сентября 2021 г. в России проходили выборы депутатов Государственной Думы VIII созыва. В целом ряде субъектов РФ в этот день граждане также избирали депутатов региональных парламентов, глав субъектов, формировали местные представительные органы власти.

Главная новость выборов 2021 в Государственную Думу – появление в новом составе нижней палаты парламента Российской Федерации еще одной, пятой фракции, которую сформирует партия «Новые люди». Данный факт можно считать большим успехом для партии, которая была основана всего год назад по инициативе крупного бизнесмена, владельца компании Faberlic,

Я.Н. Засурского. Москва: Аспект Пресс: Издательство Московского университета, 2001; Средства массовой информации постсоветской России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект пресс, 2002.

¹⁵ Krüger U. Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013.

¹⁶ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85–116.

Алексея Нечаева. Еще три политических партии будут представлены в ГД депутатами, выигравшими выборы в одномандатных округах. Таким образом, в Государственной Думе VIII созыва в общей сложности будут представлены 8 партий.

Коротко об итогах состоявшихся выборов в Государственную Думу: 1) самая крупная партия РФ – «Единая Россия». Она подтвердила свои устойчивые позиции, получив 49,83 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании, что дало ей в общей сложности 324 мандата (126 – по партийным спискам и 198 – от победителей в одномандатных округах). Это несколько меньше, чем в 2016 году (тогда у партии было 343 мандата: 140 мест в нижней палате парламента по партийным спискам и 203 – в одномандатных округах). Но руководство партии довольно этим результатом, ведь потери – незначительные и ЕР сохраняет в нижней палате парламента конституционное большинство; 2) в ходе этих выборов избиратели проявили более высокую активность, к урнам для голосования пришло 56,5 млн граждан, что составило 51,72 % от списочного состава избирателей. В 2016 году участие в выборах приняли 47,9 % избирателей (52,7 млн чел.); 3) значительно улучшила свой предыдущий результат партия КПРФ, набрав 18,94 % голосов избирателей, что на 5 с лишним процентов лучше, чем на выборах 2016 года. С учетом 9 мандатов, полученных в одномандатных округах, КПРФ займет в новом составе ГД 57 мест в сравнении с 42 по итогам выборов 2016 г.; 4) незначительно улучшила свой результат партия «Справедливая Россия – За правду» (СРЗП) (7,41 %), на прошлых выборах у нее было 6,22 %. Одержав победу в 8 одномандатных округах, партия СРЗП займет 27 кресел в зале для заседаний (в прошлом составе ГД у этой партии было 23 мандата); 5) значительно ослабила свои позиции партия ЛДПР, набрав 7,48 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании (2016 г. – 13,14 %). Всего лишь два представителя этой партии одержали победы в одномандатных округах. Общее количество мест у ЛДПР – 21 в сравнении с 39 на прошлых выборах; 6) новичок на выборах – партия «Новые люди» с 5,33 % голосов получает 13 мест в парламенте; а партии «Гражданская платформа», «Партия роста» и «Родина» получают 3 места. Еще 5 мест в Думе займут самовыдвиженцы; 7) в новом составе Думы будет вновь доминировать партия «Единая Россия», получившая конституционное большинство, что позволит ей принимать законы и даже вносить некоторые изменения в Конституцию РФ, используя лишь голоса своей партии и не считаясь с мнениями других фракций; 8) по словам председателя ЦИК РФ Эллы Памфиловой, ход подготовки и проведения голосования контролировали почти 500 тысяч наблюдателей и членов комиссий с правом совещательного голоса (это почти в 2 раза больше, чем на выборах 2016 г.). Кроме того, на избирательных участках работало 2 144 журналиста, в

том числе те, кто имеет статус иностранных агентов. По мнению Э. Памфиловой, эти данные подтверждают беспрецедентную открытость прошедших выборов¹⁷.

И все же нельзя не отметить, что состоявшиеся выборы высветили некоторые изменения в политических предпочтениях общества, на что мы и хотим обратить внимание. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть избирателей страны категорически не хотела голосовать за представителей «Единой России», помня хотя бы такое крайне непопулярное решение органов власти, как увеличение возраста выхода на пенсию. Безусловно, такие настроения в общественном сознании сказались на результатах.

Во-первых, партия «Единая Россия» все же потеряла 19 мест в ГД в сравнении с прошлым составом. Это может служить для руководства партии сигналом о том, что общество, несмотря на массированную рекламу партией в СМИ своих достижений и поддержку высшего руководства страны, отчасти разочаровано отсутствием реальных достижений во внутренней политике, главным из которых должен был стать рост благосостояния граждан. (Собственно говоря, единороссы сохранили свои позиции благодаря тому, что, во-первых, выборы проходили в течение 3 дней и это позволило мобилизовать симпатизирующий партии электорат; во-вторых, на результат голосования повлияла возможность для избирателей ряда регионов с наиболее многочисленным населением проголосовать в режиме онлайн. Судя по всему, избиратели, использовавшие электронный способ голосования, – вполне благополучные городские жители, обладающие относительно высоким уровнем образования и вполне приемлемыми доходами, которые вряд ли пошли бы на избирательные участки, экономя свое время).

Во-вторых, успех «Единой России» определен тем, что представители этой партии не сидели в кабинетах, а вышли в народ и сфокусировали свои обещания на решении местных проблем. (Обрести симпатии избирателей единороссам существенно помогла поддержка со стороны Президента РФ и Правительства, выступивших с инициативами, направленными на повышение уровня благосостояния различных групп населения (разовые выплаты всем пенсионерам, военнослужащим и другим представителям силовых структур, выплаты семьям на детей-школьников, решение о бесплатном подведении газовых сетей к приусадебным участкам граждан и т.д.). Данная тактика сработала, в результате избирателям страны понравился мотив стабильного

¹⁷ Элла Памфилова объявила предварительные результаты выборов депутатов Государственной Думы // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (дата обращения: 22.09.2021).

развития. Таким образом, единороссы «сделали ставку на регионы и сфокусировались на местных проблемах. Одним словом, россияне голосовали «за стабильность и текущее положение вещей»¹⁸.

В-третьих, нельзя также не отметить и некоторые эффективные PR-находки, реализованные партией в ходе проведения кампании. К примеру, удачно подобранный состав первой пятерки из федерального партийного списка: Анна Кузнецова – многодетная мать и защитница прав детей в стране, Сергей Шойгу – олицетворение вооруженных сил, обеспечивающих обороноспособность государства, Сергей Лавров – популярный министр иностранных дел, отстаивающий позиции России в противостоянии со странами-противниками, Денис Проценко – врач, образ которого символизирует успешную борьбу российской медицины с пандемией коронавируса, и Елена Шмелева – олицетворяющая собою новые возможности для молодежи в России.

В стране существует целый ряд регионов, в которых избиратели привычно поддерживают партию власти: Чечня (96,13 %), Ингушетия (85,18 %), Дагестан (81,18 %), Татарстан (79,01 %) – республики с населением, исповедующим в большей части ислам, а также Тува (85,34 %), традиционно разделяющая идеи буддизма. Будучи приверженцами этих религий, население указанных республик традиционно демонстрирует высокий уровень законопослушания и неизменно оказывает поддержку единороссам. Вместе с тем, есть регионы, в которых ЕР уже на протяжении нескольких избирательных кампаний показывает низкие результаты: это Хабаровский край (24,5 %), Ненецкий АО (29,06 %), Республика Коми (29,44 %), Кировская область (29,5 %), Ярославская область (29,7 %).

Власти нельзя не обратить особое внимание на регионы с наиболее низкой явкой избирателей (которая, как упоминалось выше, свидетельствует о недовольстве населения итогами деятельности власти и накоплении негативных настроений): Санкт-Петербург (37,4 %), Хакасию (37,5 %), Иркутскую (36,6 %), Новосибирскую (37,74 %), Владимирскую (37,89 %) области. В этих регионах, к тому же, не было онлайн голосования, и такой результат еще раз подтверждает наш вывод о том, что электронное голосование позволяет не только увеличить активность избирателей, но даже изменить в ходе такого голосования соотношение политических сил.

Но «Единая Россия» одержала победу не во всех регионах страны. Население пяти регионов отдали предпочтение КПРФ. В Хабаровском крае ЕР (24,28 %) уступила коммунистам, показавшим результат 26,61 %. Население

¹⁸ Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 22.09.2021).

края уже несколько лет демонстрирует свою оппозиционность, которая усилилась после ареста бывшего губернатора (члена ЛДПР) Сергея Фургала. В качестве замены руководить краем был направлен еще один представитель ЛДПР, депутат ГД Михаил Дегтярев, которому удалось за год снизить накал протестов и завоевать авторитет у хабаровчан, что подтвердила его победа на выборах на должность губернатора, в которых он получил голоса 57 % избирателей при явке в 44 %.

«Единая Россия» проиграла также в Ненецком автономном округе (у КПРФ – 31,98 %, у ЕР – 29,06 %), Якутии (набрав 33,82 % голосов и уступив КПРФ, получившей 35,43 %), Республике Коми (у КПРФ – 29,95 %, а у ЕР – 28,43 %) и в Ульяновской области (КПРФ – 36,42 %, ЕР – 32,32 %). Но, надо сказать, что в этих регионах выборы для «Единой России» всегда были непростыми, а потому их результаты оказались вполне предсказуемы.

Как уже отмечалось, партия КПРФ улучшила свои позиции (18,94 %) в сравнении с результатами выборов 2016 года (13,34 %), а также – ее представители сумели одержать победу и в 9 одномандатных округах, что позволит КПРФ получить 57 мест в обновленном составе ГД. Коммунистам отдали свои голоса представители их традиционного электората, а также те избиратели, которые оппозиционно настроены по отношению к власти. КПРФ уловила этот тренд и активно использовала в своей агитационной кампании возможность критиковать деятельность органов власти и руководства страны. Избирателей не могло не привлечь обещание коммунистов отменить пенсионную реформу. В итоге – улучшение показателей и численное увеличение фракции.

Партия ЛДПР значительно ухудшила свои позиции в представительном органе власти, набрав почти в 2 раза меньше голосов (7,48 %), чем в 2016 году (13,14 %). Это можно объяснить тем, что политтехнологи партии не стали придумывать и использовать новые избирательные методики, остановившись на старой, проверенной временем – активном продвижении образа эпатажного лидера партии Владимира Жириновского, олицетворяющего, собственно, саму партию. При этом председатель ЛДПР не заикливается на признании ошибок и считает, что его время как руководителя фракции еще не закончилось. Вот его слова:

А как вы думаете, кто? (может возглавить фракцию. – *Е. М.*) Кто восемь раз привел партию сюда (в парламент. – *Е. М.*)? Мы же не можем поручить это человеку, который ни разу этого не делал¹⁹.

¹⁹ Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 22.09.2021).

Судя по всему, часть электората партии ЛДПР отобрала недавно созданная партия «Новые люди», сумевшая за короткое время завоевать симпатии определенной части российского электората и получившая на выборах 5,32 % активных избирателей, что позволило ей преодолеть необходимый барьер для попадания в Думу нового созыва. Данная партия, к удивлению экспертов, обошла по количеству голосов избирателей в г. Москве партии ЛДПР и «Справедливая Россия–За Правду», заняв в столице третье место. Успешно провела свою агитационную кампанию эта партия и в других регионах, став пятой по популярности при формировании региональных парламентов. Новая партия активно использовала свое присутствие в социальных сетях, а ее лидеры довольно успешно выступали и в ходе проводившихся дебатов в СМИ. По мнению аналитиков, успеху партии помогло удачное название – «Новые люди», которое совпало с существующим у части населения запросом на обновление политической элиты. Как отмечал в своих предвыборных выступлениях Алексей Нечаев, трибуна Думы позволит новой партии транслировать новые идеи и предлагать для обсуждения новые законодательные проекты.

В новом составе Государственной Думы будут теперь заседать представители пяти партийных фракций, а три партии, принимавшие участие в выборах, но не преодолевшие проходной барьер в 5 %, будут представлены в Думе только тремя одномандатниками. Это выдвиженцы от партий «Родина», «Партия Роста» и «Гражданская платформа». И, наконец, пять кресел в зале заседаний ГД займут самовыдвиженцы.

Ситуация в регионах. Наряду с выборами в Государственную Думу в 39 субъектах РФ проходили выборы в региональные представительные органы. Надо отметить, что несмотря на одержанные победы на выборах и этого уровня, «Единая Россия» ухудшила свои результаты в сравнении с региональными выборами 2016 года. Партия потеряла определенную часть мест в региональных парламентах в 30 регионах, расположенных в Приволжском федеральном округе, на Дальнем Востоке. Часть мандатов утрачена партией и в парламентах Северо-Западного федерального округа. Но при этом ЕР удалось повысить результат в таких регионах, как Еврейская АО, Адыгея, Астраханская область, Алтайский край, Подмосковье, в республиках Северного Кавказа.

На региональных выборах–2021 у ЛДПР ситуация сложилась значительно хуже: партия потеряла депутатские места в 35 из 39 региональных законодательных органов. Утраченные партиями ЕР и ЛДПР мандаты

достались в основном КПРФ, частично – «Справедливой России – За Правду» и «Новым людям»²⁰.

И все же состоявшиеся выборы не обошлись без обвинений представителей разных политических сил в попытках оказания политического давления на избирателей и подтасовке полученных результатов в отдельных округах и избирательных участках.

Многие кандидаты после завершения процедуры голосования «...обвинили власти в фальсификациях через онлайн-голосование, а по всей стране набралось всего несколько регионов, где победила не «Единая Россия». <...> Лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил, что произошедшее на выборах «недопустимо» и отметил, что до подсчёта голосов в электронном голосовании в Москве (в одномандатных округах. – Е. М.) лидировало шесть кандидатов-коммунистов, которые в итоге проиграли.

По данным Центризбиркома, на выборах в Государственную Думу по различным причинам были признаны недействительными 40 605 бюллетеней на 157 участках в 43 регионах. Аннулированы результаты голосования на 13 участках – в Крыму, Калмыкии и Санкт-Петербурге. Но, по мнению руководителя ЦИК Эллы Памфиловой, это ничтожный результат, который не может сказаться на обеспечении качества самих выборов и волеизъявления граждан. Элла Памфилова отметила также 12 фактов вброса бюллетеней в восьми регионах. Это произошло в Адыгее, Брянской, Ивановской, Кемеровской, Московской и Саратовской областях. Руководителей участковых избирательных комиссий (УИК) в Адыгее, Брянской и Кемеровской областях, где были выявлены случаи вброса, немедленно уволили, а в Ставропольском крае после допущенного нарушения на избирательном участке в Пятигорске освободили от должности главу территориальной избирательной комиссии (ТИК).

В Санкт-Петербурге за несколько дней до дня голосования разразился скандал по поводу появления «двойников» Бориса Вишневого – кандидата-одномандатника, представлявшего партию «Яблоко». В списке кандидатов округа появились еще двое кандидатов с фамилией Вишневский, похожих на представителя «Яблока» даже внешне. Скандал дошел до Центризбиркома и председатель комиссии Элла Памфилова предложила кандидатам –

²⁰ В каких регионах «Единая Россия» и ЛДПР уступили мандаты коммунистам? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6> (дата обращения: 22.09.2021).

«двойникам» «собрать остатки совести и сняться с выборов»²¹. И, тем не менее, жалоба самого Вишневого на «политическое мошенничество» избиркомом была отклонена.

Кроме того, глава ЦИК Элла Памфилова пожаловалась на «беспрецедентные» кибератаки, фиксировавшиеся во время проведения голосования²², источники которых находились в США, Германии, Северной Корее, России, Китае, Украине. Но все эти попытки были успешно отражены и на ход и результаты голосования они не повлияли.

В комментарии МВД РФ по поводу состоявшихся выборов было заявлено, что нарушений, которые могли бы повлиять на результаты голосования, не выявлено²³.

Заключение

Прошедшие выборы позволяют сделать вывод о том, что политическая система Российской Федерации показывает стабильность и устойчивость. Результаты выборов в основном подтвердили существующий расклад политических сил в стране, несмотря на появление в нижней палате парламента фракции новой партии.

В Государственной Думе VIII созыва конституционное большинство вновь имеется у партии «Единая Россия», которая сохранила свои позиции в качестве партии доминирующего типа. Это означает, что в парламенте вновь не будет реальной оппозиции, а, следовательно, деятельность нижней палаты парламента будет вполне предсказуемой: она будет принимать все законы, которые будут направляться в ГД Президентом и правительством, даже не обсуждая их во время проведения пленарных заседаний. Но ведь рассмотрение проектов законодательных актов с возможностью их обсуждения – это все же один из способов поиска консенсуса между политическими партиями, представленными в ГД, и пренебрежение данной возможностью, принимая во внимание результаты выборов–2021, может отрицательно сказаться на репутации доминирующей партии.

Состоявшиеся выборы высветили некоторые изменения в общей палитре политических настроений в обществе. Во-первых, партия «Единая Россия», сохранив конституционное большинство, все же потеряла 19 мест в парламенте в сравнении с результатами выборов 2016 года. Но итоги голосования для

²¹ Если есть остатки совести: Памфилова предложила кандидатам-двойникам Вишневого сняться с выборов // Росбалт. 2021. 06 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (дата обращения 22.09.2021)

²² Результаты выборов 2021. Главные цифры // Коммерсант. 2021. 20 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 22.09.2021)

²³ Там же.

данной партии могли быть еще хуже, если бы ЕР не провела очень эффективную избирательную кампанию, задействовав все свои ресурсы и используя новые избирательные технологии. Тревожным сигналом для партии власти должна стать частичная потеря мест в региональных парламентах, проигрыш другим партиям в пяти регионах страны. Ей придется учитывать и позиции КПРФ, усиленные голосами протестного электората.

Выборы закончились. Теперь все партии, получившие представительство в ГД, должны начать выполнять обещания, данные в ходе избирательной кампании. На партию «Единая Россия» в этом смысле ложится главная ответственность: за принятие таких законов, которые бы обеспечили социально-экономическое развитие страны и, соответственно, рост благосостояния населения.

Introduction

The study of voting behavior is one of the most important directions of political research. Studying the preferences of citizens who took part in election campaigns, researchers from many countries are trying to identify certain patterns in their behavior and changes in sympathies and priorities that ultimately affect the results of elections. After all, the results obtained by different political forces during elections highlight the processes that take place in the public consciousness and, of course, have their impact on social development. One can refer to the opinion of Fred Palmer, an American scholar, who stated back in 1948 that the function of sociologists, public opinion researchers, “involves measurement and analysis of opinion.”¹ Of course, if a high level of voter engagement and voter turnout is observed during the elections, this fact indicates that the population supports the activities of the authorities and renews their mandate of trust. At the same time, if voters show a low level of engagement, it indicates that the population is not satisfied with the results of most activities and the authorities have not justified the trust of

¹ V.G. Korol'ko, *Basics of public relations* [in Russian] (Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2000), accessed September 28, 2021, <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html>. See “Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948,” *Public Opinion Quarterly*, vol. 12, no. 4 (Winter 1948–49): 788–840.

their electorate. Low turnout at elections can serve as a signal to the authorities, indicating that the population accumulates negative moods, which may further eventually lead to social protests. Thus, a low level of public support for the efforts of the authorities demonstrates that there is no mutual understanding between the public and the authorities and that the authorities neither respond to public sentiments nor engage in the formation of public opinion. In this case the authorities need to take into account that low voter engagement of citizens will eventually spread to other spheres of public activity, and in the end it can become a brake on the socio-economic development of the region or the country as a whole.

That is why both foreign and Russian researchers have already proposed many theories explaining the behavior of voters belonging to different social groups and, therefore, having different interests.

Brief review of voting behavior theories

Sociologist Paul Lazarsfeld was one of the first researchers to study voting behavior as early as after the 1948 United States presidential election. Lazarsfeld eventually proposed the theory of expressive behavior of voters who belong to different social groups and vote considering the system of values which was formed in the given group. The results obtained by the scholar became the basis for a number of scientific publications in the framework of the so-called sociological approach.² The sociologists Seymour Martin Lipset and Stein Rokkan, in their turn, proposed a genetic model of formation of political systems in Western countries.³ According to these researchers, there are four different types of conflicts that have an impact on the formation of political preferences of voters. Those are the conflicts between (1) center and periphery, (2) state and church, (3) city and village, and (4) bourgeoisie and wage workers. These conflicts determine voters' support for individual political parties and candidates. In our view, this theory can also be applied to political realities in Russia, since "in Russian society there are also certain splits: between the rich and the poor; between representatives of the older generation who formed their views in the Soviet era and the following generations oriented towards Western and market values; between Westerners and Eurasians; between patriots and liberals, etc.

² B. Berelson, P. Lazarsfeld, and W. McPhee, *Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign* (Chicago: Chicago University Press, 1954).

³ S.M. Lipset and S. Rokkan, "Cleavage structures, party systems and voter alignments," in *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, ed. S.M. Lipset and S. Rokkan (New York: Free Press, 1967), 1–64.

After all, society may also be divided along religious and ethnic lines, which is also relevant for multinational Russia.”⁴

However, the theories developed on the basis of the sociological approach did not allow the outcome of elections to be predicted with high enough accuracy. Therefore, this approach was replaced by another one. The so-called socio-psychological approach was proposed by a group of American scholars headed by E. Campbell. They came to the conclusion that electoral behavior is formed by individual voters on the basis of their party preferences. These preferences may emerge during early socialization, and then children later vote in the same way as their parents did.

Yet the socio-psychological approach could not explain changes in voters' preferences. It was then replaced by the so-called rational-instrumental concept, or rational choice theory, proposed by the American scientist Anthony Downs. In a few words, the principle of this theory is that an individual chooses the party that he believes will provide him with more benefits than the other party.⁵ However, the scientist's conclusions were not proven by any empirical research. Another American researcher, Morris Fiorina, used certain aspects of Anthony Downs' theory to some extent.⁶ He believed that there was a direct link between the current economic situation and election results.⁷

Morris Fiorina's ideas were partly confirmed in the electoral campaigns, but they also could not fully explain the behavior of voters, whose choices were determined by a complex set of motives. Among such motives are expectations of future successes in the socio-economic development of the country and hopes for the growth of the citizens' welfare.

It would be unreasonable not to mention in our article other theories devoted to the problems of electoral behavior. For example, the authors supporting the so-called communicative approach (M. McLuhan, E. Fromm, M. Parenti, et al.) considered the media to play an important role in shaping the voters' preferences. One can also name the works of foreign scientists who apply quantitative methods in the study of electorate behavior (O. Davies, K. Quinn, S. Merrill, M. Hinich).

Russian scholars turned their attention to the studies of electoral behavior in the 1990s when our country started to hold elections on a competitive democratic basis. G. Golosov was one of the first political scientists to address this issue. He tried to analyze the behavior of voters in Russia and assessed the possibility of using the

⁴ E.A. Markov, “Dynamic processes in the electoral behavior of Cherepovets's voters in the elections in 2011–2018” [in Russian], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 11 (76) (2019): 21.

⁵ A. Downs, *An economic theory of democracy* (New York: Harper and Brothers, 1957), 36.

⁶ M. Fiorina, *Retrospective voting in American national elections* (New Haven: Yale University Press, 1981).

⁷ Fiorina, *Retrospective voting in American national elections*, 5.

principles of Western theories in his analysis.⁸ Researchers V. Lapkin and V. Pantin noted certain value disparities and socio-political differentiation in Russian society, which is consistent with sociological theory.⁹

Such researchers as K. Zavershinskii,¹⁰ G. Pushkareva,¹¹ and A. Solov'ev¹² made a significant contribution to the development of theoretical approaches to the study of electoral behavior of the Russian citizens. Among the authors who studied mechanisms of formation and change of public opinion, it is necessary to point out L. Byzov, D. Gavra, M. Gorshkov, M. Rutkevich, D. Potaipeko, and R. Safarov.¹³

A number of Russian scientists devoted their work to assessing the role of mass media/mass communication during elections. Among them are N. Anokhina, N. Bogomolova, M. Brandes, Y. Zasurskii, and E. Vartanova.¹⁴

In recent years, a number of researchers focused their attention on the impact of new information technologies on social relations. For example, Uwe Krüger, a scientist from Germany, believes that mass media activities are undergoing a structural change and are moving away from mass consumption into the sphere of individual consumption.¹⁵ The US researcher Jodi Dean introduced the concept of communicative capitalism, by which she means the currently emerging economic and

⁸ G.V. Golosov, "Voting behavior in Russia: theoretical perspectives and results of regional elections" [in Russian], *Polis*, no. 4 (1997): 44–56.

⁹ V.V. Lapkin and V.I. Pantin, "Value disparities and socio-political differentiation in contemporary Russia" [in Russian], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2000), 54–63.

¹⁰ K.F. Zavershinskii, "Cognitive foundations of political culture: an experience of methodological reflection" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2002): 19–30, <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>.

¹¹ G.V. Pushkareva, "Study of electoral behavior: the contours of the cognitive model" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2003): 120–30, <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>.

¹² A.I. Solov'ev, "Political communication: on the problem of theoretical identification" [in Russian], *Polis*, no. 3 (2002): 5–18, <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>.

¹³ D.P. Gavra, *Public opinion as a sociological category and social institute* [in Russian] (St Petersburg: ISEP, 1995); M.K. Gorshkov, *Public opinion* [in Russian] (Moscow: Politizdat, 1988); M.N. Rutkevich, "Sociology, power, public opinion" [in Russian], *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, no. 7 (1993): 5–16; D.A. Potaipeko, *Legal consciousness as a special public phenomenon* [in Russian] (Kiev: Naukova dumka, 1970); R.A. Safarov, *Public opinion and public administration* [in Russian] (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975).

¹⁴ N.V. Anokhina and M.E. Brandes, "The role of mass media in the electoral process" [in Russian], *Politicheskaya nauka*, no. 3 *Elections in post-communist societies: a thematic collection* (2000): 137–51; N.N. Bogomolova, *Mass communication and interaction* [in Russian] (Moscow: Znanie, 1988); Ya.N. Zasurskii, ed., *The system of Russia's mass media* [in Russian] (Moscow: Aspect Press: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 2001); *Mass Media of Post-Soviet Russia* [in Russian], ed. Y.N. Zasurskii (Moscow: Aspect Press, 2002).

¹⁵ U. Krüger, *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse* (Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013).

political formation in which democracy and capitalism are combined with new network technologies.¹⁶

It should also be taken into account that the principles of the theories of electoral behavior outlined by us in this article can be used only as a certain basis for analysis and preparation of forecast assessments during the ongoing elections. In our opinion, in order to analyze the behavior of Russian voters, it is acceptable to use the principles of sociological approach (certain splits in society), socio-psychological approach (traditions of support for certain parties), and rational-instrumental approach (voters' assessment of their own economic situation and hopes for future economic development promised by political parties). However, the specifics of Russia's political and socio-economic development, which have not yet been fully comprehended and explained by any of Russian researchers, should be taken into account.

Main Body

Over three days, between 17 and 19 September 2021, elections to the 8th State Duma were held in Russia. In a number of Russian regions, citizens also elected members of regional parliaments, heads of their regions, and formed local representative authorities on that day.

The revelation of the 2021 election to the State Duma was the emergence of the fifth faction in the new lower house of the Russian parliament, which was to be formed by the New People party (*Novye lyudi*). This fact may be seen as a big success for the party, which was founded just a year ago on the initiative of Aleksei Nechaev, a successful businessman and owner of the Faberlic company. Three other political parties will be represented in the State Duma by the deputies who won elections in single-mandate constituencies. Thus, a total of eight parties will be represented in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation.

Here is a brief summary of the results of the elections to the State Duma. (1) The largest party is the United Russia party. It confirmed its stable position, winning 49.83% of the total votes, which gave it a total of 324 mandates (126 from party lists and 198 from winners in single-mandate constituencies). This is slightly less than in 2016 (the party had 343 mandates then: 140 seats in the lower house of parliament from party lists and 203 from single-mandate constituencies). However, the party leadership is happy with this result because the losses are insignificant and the United Russia party still retains a constitutional majority in the lower house of parliament. (2) Voters were more active in these elections, with 56.5 million citizens who decided

¹⁶ J. Dean, "Communism or Neo-Feudalism?" [in Russian], *Logos*, vol. 29, no. 6 (2019): 85–116.

to cast their vote, representing 51.72% of the electorate. In 2016, 47.9% of voters (52.7 million people) took part in the legislative elections. (3) The Communist Party of the Russian Federation (hereinafter the CPRF) significantly improved its previous result, gaining 18.94% of the total votes, which is more than 5% better than in the 2016 election. With nine seats in single-mandate constituencies, the Communist Party will have 57 seats in the new Duma, compared with only 42 seats received in the 2016 election. (4) A Just Russia – For Truth party improved slightly (7.41%) compared to 6.22% in the previous election. By winning in eight single-mandate constituencies, this party will occupy 27 seats in the State Duma (the party had 23 mandates in the State Duma of previous convocation). (5) The Liberal Democratic Party of Russia (hereinafter the LDPR) significantly weakened its position, winning 7.48% of the total votes (with 13.14% in 2016). Only two representatives of this party won in single-mandate constituencies. The LDPR received a total of 21 seats, compared with 39 in the last election. (6) The New People party got 13 seats in the Duma with 5.33% of the total votes; and, finally, the Civic Platform party (*Grazdanskaya platforma*), the Party of Growth (*Partiya Rosta*) and the Rodina party got three seats. Another five seats in the State Duma were received by non-partisan candidates. (7) The new Duma will again be dominated by the United Russia party, which will have a constitutional majority, allowing it to adopt laws and even make some amendments to the Constitution of the Russian Federation, using only its party's votes and not taking into account the opinions of other factions. (7) According to Ella Pamfilova, the Chairperson of the Central Election Commission of the Russian Federation, both preparation and conduct of the 2021 election were controlled by almost 500 thousand observers and commission members with an advisory vote (almost twice more than during the 2016 election). In addition, 2 144 journalists, including those with the status of foreign agents, worked at the polling stations. According to Pamfilova, this data confirms the unprecedented openness of the 2021 election.¹⁷

However, it should also be noted that the 2016 election highlighted some changes in the political preferences of society. This is what we want to specially indicate. It is noteworthy that remembering such an extremely unpopular decision of the authorities as an increase in the minimum retirement age, a significant proportion of the voters were categorically unwilling to vote for the representatives of the United Russia party. Such sentiments in the public mind undoubtedly had an impact on the election results.

¹⁷ “Ella Pamfilova announced the preliminary results of the elections to the State Duma” [in Russian], Central Election Commission of the Russian Federation, accessed September 22, 2021, <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563>

Firstly, the United Russia party did lose 19 seats in the new State Duma compared to its previous convocation. This may serve as a signal to the party leadership that the public is partly disappointed by the lack of real achievements in domestic policy. This is despite the massive advertising of the party's achievements in the media and the ongoing support of the country's top leadership. Undoubtedly the main achievement should have been the growth of the well-being of Russian citizens. (As a matter of fact, the United Russia party retained its position because, firstly, the elections were held over three days, which made it possible to mobilize the party's sympathetic electorate; secondly, the voting results were influenced by the possibility for voters in some of the regions with the largest populations to vote online. It appears that all voters who used the electronic voting method, also called e-voting, were well-to-do urban residents with relatively high level of education and quite reasonable incomes who would be unlikely to physically go to any polling stations in order to avoid waste of their time).

Secondly, the success of the United Russia party is determined by the fact that its representatives did not sit in their offices but went out to the people and focused their promises on solving local problems. (The electorate's sympathy for the United Russia party was greatly facilitated by the support of the Russian President and the government who came up with initiatives aimed at improving the well-being of various groups of the population (one-time payments to all pensioners, military personnel, and other representatives of the power structures; payments to families having schoolchildren; the decision to bring gas networks to household plots of citizens free of charge, etc.). This tactic worked; as a result, Russian voters liked the idea of stable development. Thus, the United Russia party "focused on the regions and on local problems. In short, Russians voted for stability and the status quo."¹⁸

Thirdly, it is also worth mentioning some of the remarkable PR initiatives of the party during the election campaign. For instance, the well-chosen composition of the top five candidates from the federal party lists. The lists included Anna Kuznetsova, a mother of many children and an advocate of children's rights in Russia; Sergei Shoigu, a personification of the armed forces that ensure the state's defense capacity; Sergei Lavrov, a popular foreign minister who defends Russia's position in confrontation with opposing countries; Denis Protsenko, a doctor whose image symbolizes the successful fight of Russian medicine against the coronavirus pandemic; Elena Shmeleva, a personification of new opportunities for Russian youth.

The country includes a number of regions where voters are used to supporting the ruling party. These regions are Chechnya (96.13%), Ingushetia (85.18%), Dagestan

¹⁸ "Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions" [in Russian], *RIA Novosti*, accessed September 22, 2021, <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html>

(81.18%), and Tatarstan (79.01%), the republics with predominantly Muslim population, and also Tuva (85.34%), traditionally a Buddhist region. As adherents of these religions, the populations of these republics have traditionally shown a high level of law-abiding behavior and have always supported the United Russia party. At the same time, there are regions where the United Russia party has been showing rather poor results in several election campaigns: Khabarovsk Krai (24.5%), Nenets Autonomous Okrug (29.06%), Komi Republic (29.44%), Kirov Oblast (29.5%), and Yaroslavl Oblast (29.7%).

The authorities cannot but pay special attention to the regions with the lowest voter turnout (which, as mentioned above, indicates dissatisfaction with the achievements of the authorities and the accumulation of negative moods). These regions are St. Petersburg (37.4%), Khakassia (37.5%), Irkutsk Oblast (36.6%), Novosibirsk Oblast (37.74%), and Vladimir Oblast (37.89%). Moreover, there was no online voting in these regions, which only confirms our conclusion that electronic voting not only increases voter participation, but even changes the balance of political power.

The United Russia party did not win in every region of the country. People in five regions favored the CPRF. In Khabarovsk Krai, the United Russia party (24.28%) lost to the Communists (26.61%). The population of Khabarovsk Krai has been demonstrating its oppositionist moods for several years. The situation escalated even more after the arrest of Sergei Furgal, the krai's former governor (a member of the LDPR). Another LDPR representative, Mikhail Degtyarev, a State Duma deputy, was appointed as a replacement to lead the region. Within a year he managed to reduce the intensity of protests in the region and gained credibility with Khabarovsk residents, as confirmed by his victory in the gubernatorial elections, in which he received 57% of the total votes with a voter turnout of 44%.

The United Russia party also lost in Nenets Autonomous Okrug (the United Russia party, 29.06%; the CPRF, 31.98%); in Yakutia (the United Russia party, 33.82%; the CPRF, 35.43%); in the Komi Republic (the United Russia party, 28.43%; the CPRF, 29.95%); in Ulyanovsk Oblast (the United Russia party, 32.32%; the CPRF, 36.42%). It must be said, however, that election in these regions has always been difficult for the United Russia party, and therefore these results were quite predictable.

As already noted, the Communist Party of the Russian Federation improved its position (18.94%) compared with the results of the 2016 election (13.34%). Its representatives also managed to win in nine single-mandate constituencies, which allowed the CPRF to win 57 seats in the renewed State Duma of the 8th convocation. The Communists received the votes of their traditional electorate and of those voters who were simply in opposition to the government. The CPRF caught this trend and actively used the opportunity to criticize the activities of the authorities and the

country's leadership in its election campaign. Voters could not help being attracted by the Communists' promise to abolish the recent pension reform. The result was the improved final figures after the 2021 election and more people in the faction.

The Liberal Democratic Party of Russia significantly worsened its position in the representative body of state power, gaining almost half as many votes (7.48%) as in 2016 (13.14%). This can be explained by the fact that the party's political technologists did not invent and use any new electoral methods, sticking to the old, time-tested tools. The LDPR continued its active promotion of the image of the party's flamboyant leader Vladimir Zhirinovsky, who is the embodiment of the party itself. At the same time, the LDPR leader does not get preoccupied with admitting any of his past mistakes and believes that his time as leader of the faction is not over yet. Here are his words:

And who do you think [may lead the faction. – E. M.]? Who has brought the party here? [To the parliament. – E. M.] Who has done it eight times? We cannot entrust this to a person who has never done this.¹⁹

Apparently, part of the LDPR electorate was taken away by the newly created New People party, which managed to win the sympathy of a certain part of the Russian electorate in a short time and received 5.32% in the election. This result enabled it to overcome the necessary threshold to get into the new State Duma. The party surprisingly overtook the LDPR and A Just Russia – For Truth party in the number of votes in Moscow and came in third place in the capital. The party also successfully campaigned in other regions, becoming the fifth most popular party during the formation of regional parliaments. The new party made active use of its social media presence, and its leaders were also quite successful in media debates. According to analysts, the party's success was helped by its well-chosen name, "New People," which coincided with the demand from some of the Russian citizens for a renewal of the political elite. As Alexei Nechaev noted in his election speeches, the Duma tribune would allow the *new* party to broadcast *new* ideas and propose *new* legislative projects for discussion.

The newly formed State Duma is to have representatives of five party factions. Another three parties that took part in the elections but failed to pass the 5% threshold will be represented in the government by only three single-mandate candidates. These are the Civic Platform, the Party of Growth, and Rodina. Finally, five seats in the State Duma will be occupied by non-partisan candidates.

¹⁹ "Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions" [in Russian], *RIA Novosti*, accessed September 22, 2021, <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html>

The situation in the regions. In addition to the State Duma elections, 39 federal constituent entities of the Russian Federation held elections to regional representative bodies. It should be noted that despite its victories at this level, the United Russia party worsened its performance compared to the 2016 regional elections. The party lost some seats in regional parliaments in 30 regions in the Volga Federal District and in the Far East. The party also lost some seats in the regional parliaments of the Northwestern Federal District. But at the same time, the United Russia party managed to achieve better results in such regions as Jewish Autonomous Oblast, Adygea, Astrakhan Region, Altai Krai, Moscow Oblast, and the republics of the North Caucasus.

In the 2021 regional elections, the Liberal Democratic Party of Russia showed worse results. The party lost seats in 35 of 39 regional legislatures. The mandates lost by the United Russia party and the LDPR went mainly to the Communist Party of the Russian Federation, and partially to A Just Russia – Patriots and to the New People parties.²⁰

Still, the 2021 elections were not without accusations of attempts to exert political pressure on voters and to manipulate the results in certain districts and on polling stations by various political forces.

After the end of the voting procedure, many candidates "...accused the authorities of fraud through online voting, and there were only a few regions across the country where the United Russia party did not win." The CPRF leader Gennady Zyuganov said that what had happened in the elections was "unacceptable" and noted that before the counting of votes of the e-voting in Moscow [in single-mandate constituencies. – E. M.], six Communist candidates were leading but they lost to the United Russia candidates in the end.

According to the Central Election Commission (CEC), during the 2021 State Duma elections, 40 605 ballots from 157 polling stations in 43 regions were invalidated for various reasons. Voting results were annulled in 13 polling stations, namely in Crimea, Kalmykia, and St Petersburg. However, according to the CEC head Ella Pamfilova, it was an insignificant result that could not affect the quality of the election itself and did not influence the expression of the will of the Russian citizens. Pamfilova also pointed out 12 cases of ballot-box stuffing in eight regions. It happened in Adygea, Bryansk Oblast, Ivanovo Oblast, Kemerovo Oblast, Moscow Oblast, and Saratov Oblast. The heads of Precinct Election Commissions (PECs) in Adygea, Bryansk and Kemerovo oblasts, where ballot-box stuffing was detected, were immediately dismissed. In Stavropol Krai, the head of the Territorial Election

²⁰ "In what regions have United Russia and the LDPR ceded mandates to the Communists?" [in Russian], *RBK*, accessed September 22, 2021, <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6>

Commission (TEC) was dismissed following a violation at a polling station in Pyatigorsk.

A public scandal broke in St Petersburg a few days before the election day over the appearance of “look-alikes” of Boris Vishnevskii, a single-mandate candidate representing the Yabloko party. Two more candidates, also with the surname Vishnevskii and resembling the Yabloko representative even in appearance, appeared on the district’s candidate list. The scandal reached the Central Election Commission, and the Commission Chairperson Ella Pamfilova suggested that the “look-alike” candidates “pulled their conscience together and withdrew from the election.”²¹ Nevertheless, Boris Vishnevskii’s own complaint of “political fraud” was rejected by the Central Election Commission.

In addition, the CEC head Ella Pamfilova complained of “unprecedented” cyber-attacks registered during the voting process.²² They happened to be organized in the US, Germany, North Korea, Russia, China, and Ukraine. However, all these attempts were successfully prevented, and the voting process and results were not affected.

In the commentary of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the 2021 State Duma elections, it was stated that no violations that could affect the voting results were identified.²³

Conclusion

The 2021 State Duma elections let us suggest that the political system in the Russian Federation shows stability and sustainability. The election results largely confirmed the existing political balance of power in the country despite the emergence of a new party faction in the lower house of parliament.

The United Russia party kept its constitutional majority in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the 8th convocation. As a result of the 2021 election, it retained its position as the dominant type of party. This means that once again there will be no real opposition in the parliament and, consequently, the activity of the lower house of parliament will be quite predictable. It will continue to pass all the laws that will be sent to the Duma by the President and the government, without even discussing them during plenary sessions. However, one should not forget that the consideration of draft legislation with an opportunity to discuss it before enactment is still one of the ways to seek consensus among the political parties

²¹ “If there are any shreds of conscience: Pamfilova suggested that Vishnevskii’s doppelganger candidates withdraw from the elections” [in Russian], *Rosbalt*, September 06, 2021, accessed September 22, 2021, <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html>

²² “2021 election results. Main figures” [in Russian], *Kommersant*, September 20, 2021, accessed September 22, 2021, <https://www.kommersant.ru/doc/4996303>

²³ Ibid.

represented in the State Duma, and neglecting this opportunity, given the results of the 2021 election, could have a negative impact on the reputation of the dominant party.

The 2021 Russian legislative elections highlighted some changes in the overall political mood in Russian society. First, the United Russia party, while retaining its constitutional majority, still lost 19 seats in the parliament compared to the results of the 2016 election. But the voting outcome for this party could have been even worse if it had not conducted a very effective election campaign, using all its resources and new electoral technologies. The partial loss of seats in regional parliaments as a result of losing to other parties in five regions of the country should be considered by the ruling party as an alarming signal. It will also have to take into account the position of the Communist Party of the Russian Federation, reinforced by the votes of the electorate sympathetic to the opposition.

Now the 2021 Duma election is over. All parties that have received representation in the State Duma must begin to fulfill their promises made during the election campaigns. In this sense, the United Russia party bears the main responsibility, the responsibility for the adoption of such laws that would ensure the socio-economic development of the country and, accordingly, the growth of the welfare of the population.

Список литературы

Анохина Н.В., Брандэс М.Э. Роль СМК в избирательном процессе // Политическая наука. 2000. № 3: Выборы в посткоммунистических обществах: проблемно-тематический сборник. С. 137–151.

Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация и общение. Москва: Знание, 1988. 78 с.

В каких регионах «Единая Россия» и ЛДПР уступили мандаты коммунистам? // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6/> (дата обращения: 23.09.2021).

Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. Санкт-Петербург: ИСЭП, 1995. 235 с.

Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 4. С. 44–56.

Горшков М.К. Общественное мнение. Москва: Политиздат, 1988. 382 с.

Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85–114.

Единое большинство. Чем удивили результаты выборов в регионах // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html/> (дата обращения: 21.09.2021).

Если есть остатки совести: Памфилова предложила кандидатам-двойникам Вишневого сняться с выборов // Росбалт. 2021. 06 сентября. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (дата обращения: 22.09.2021)

Заверишинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. № 3. С. 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03>

Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер. 2000. URL: <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rilejshnz.24.html> (дата обращения: 28.09.2021.).

Кузнецова Е. Итоги выборов-2021: кандидаты «Умного голосования» проиграли, «дистанционка» всё поменяла, «ЕР» выиграла не везде // TJ. URL: <https://tjournal.ru/analysis/441843-itogi-vyborov-2021> (дата обращения: 22.09.2021).

Марков Е.А. Динамические процессы в электоральном поведении избирателей г. Череповца на выборах 2011–2018 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 19–27.

Потайнеко Д.А. Правосознание как особое общественное явление. Киев: Наукова думка, 1970. 111 с.

Пушкарева Г.В. Изучение электорального поведения: контуры когнитивной модели // Полис. 2003. № 3. С. 120–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12>

Результаты выборов 2021. Главные цифры // Коммерсант. 20 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (дата обращения: 23.09.2021).

Руткевич М.Н. Социология, власть, общественное мнение // Социально-политический журнал. 1993. № 7. С. 5–16.

Сафаров Р.А. Общественное мнение и государственное управление. Москва: Юридическая литература, 1975. 255 с.

Засурский Я.Н. и др. Система средств массовой информации России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект Пресс: Издательство Московского университета, 2001. 259 с.

Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3. С. 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02>

Средства массовой информации постсоветской России / под редакцией Я.Н. Засурского. Москва: Аспект пресс, 2002. 301 с.

Элла Памфилова объявила предварительные результаты выборов депутатов Государственной Думы // ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (дата обращения: 24.09.2021).

Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago: Chicago University Press, 1954. 395 p.

Downs A. An economic theory of democracy. New York : Harper and Brothers, 1957. 551 p.

Fiorina M. Retrospective voting in American national elections. New Haven: Yale University Press, 1981, 249 p.

Krüger U. Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse. Köln : Herbert von Halem Verlag, 2013. 375 s.

Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments // party systems and voter alignments: cross-national perspectives / edited by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948 // Public Opinion Quarterly. 1948. Vol. 12, № 4 (Winter 1948–49). P. 788–840.

References

- Anokhina, N.V., and M.E. Brandes. “Rol' SMK v izbiratel'nom protsesse” [The role of mass media in the electoral process]. *Politicheskaya nauka*, no. 3 *Vybory v postkommunisticheskikh obshchestvakh: problemno-tematicheskii sbornik* [Elections in post-communist societies: a thematic collection] (2000): 137–51. (In Russian)
- Berelson B., P. Lazarsfeld, and W. McPhee. *Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign*. Chicago: Chicago University Press, 1954.
- Bogomolova, N.N. *Massovaya kommunikatsiya i obshchenie* [Mass communication and interaction]. Moscow: Znanie, 1988. (In Russian)
- Dean, J. Kommunizm ili neofeodalizm [Communism or Neo-Feudalism?]. *Logos*, vol. 29, no. 6 (2019): 85–114. (In Russian)
- Downs, A. *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Brothers, 1957.
- “Ella Pamfilova ob'yavila predvaritel'nye rezul'taty vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy” [Ella Pamfilova announced the preliminary results of the elections to the State Duma]. Central Election Commission of the Russian Federation. Accessed September 22, 2021. <http://www.cikrf.ru/news/cec/50563/> (In Russian)
- “Esli est' ostatki sovesti: Pamfilova predlozila kandidatam-dvoinikam Vishnevskogo snyat'sya s vyborov” [If there are any shreds of conscience: Pamfilova suggested that Vishnevskii's doppelganger candidates withdraw from the elections]. *Rosbalt*. September 06, 2021. Accessed September 22, 2021. <https://www.rosbalt.ru/piter/2021/09/06/1919833.html> (In Russian)
- “Edinoe bol'shinstvo. Chem udivili rezul'taty vyborov v regionakh” [Unanimous majority. What was surprising about the results of the elections in the regions]. *RIA Novosti*. Accessed September 22, 2021. <https://ria.ru/20210921/regions-1751167832.html> (In Russian)
- Fiorina, M. *Retrospective voting in American national elections*. New Haven: Yale University Press, 1981.
- Gavra, D.P. *Obshchestvennoe mnenie kak sotsiologicheskaya kategoriya i sotsial'nyi institut* [Public opinion as a sociological category and social institute]. St Petersburg: ISEP, 1995. (In Russian)
- Golosov, G.V. “Povedenie izbiratelei v Rossii: teoreticheskie perspektivy i rezul'taty regional'nykh vyborov” [Voting behavior in Russia: theoretical perspectives and results of regional elections]. *Polis*, no. 4 (1997): 44–56. (In Russian)
- Gorshkov, M.K. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow: Politizdat, 1988. (In Russian)
- Korol'ko, V.G. *Osnovy pablik rileishnz* [Basics of public relations]. Moscow: Repl-buk; Kiev: Vakler, 2000. Accessed September 28, 2021. <https://bzbook.ru/Osnovy-pablik-rileishnz.24.html>. (In Russian)
- Krüger, U. *Meinungsmacht. Der Einfluss von Eliten auf Leitmedien und Alpha-Journalisten – eine kritische Netzwerkanalyse*. Köln: Herbert von Halem Verlag, 2013.
- Kuznetsova, E. “Itogi vyborov–2021: kandidaty ‘Umnogo golosovaniya’ proigrali, ‘distantionka’ vse pomenyala, ‘ER’ vyigrala ne vezde” [Results of 2021 elections: ‘smart voting’ candidates lost; the ‘remote voting’ changed everything; United Russia did not win everywhere]. *TJ*. Accessed September 22, 2021. <https://tjournal.ru/analysis/441843-itogi-vyborov-2021> (In Russian)

Lipset, S.M., and S. Rokkan. "Cleavage structures, party systems and voter alignments." In *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, edited by S.M. Lipset and S. Rokkan, 1–64. New York: Free Press, 1967.

Markov, E.A. "Dinamicheskie protsessy v elektoral'nom povedenii izbiratelei g. Cherepovtsa na vyborakh 2011–2018 gg." [Dynamic processes in the electoral behavior of Cherepovets's voters in the elections in 2011–2018]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 11 (76) (2019): 19–27. (In Russian)

Potaipenko, D.A. *Pravosoznanie kak osoboe obshchestvennoe yavlenie* [Legal consciousness as a special public phenomenon]. Kiev: Naukova dumka, 1970. (In Russian)

Pushkareva, G.V. "Izuchenie elektoral'nogo povedeniya: kontury kognitivnoi modeli" [Study of electoral behavior: the contours of the cognitive model]. *Polis*, no. 3 (2003): 120–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.03.12> (In Russian)

"Proceedings of the American Association for Public Opinion Research at the Third International Conference on Public Opinion Research, Eagles Mere, Pennsylvania, September 12–15, 1948." *Public Opinion Quarterly*, vol. 12, no. 4 (Winter 1948–49): 788–840.

"Rezultaty vyborov 2021. Glavnye tsifry" [2021 election results. Main figures]. *Kommersant*, September 20, 2021. Accessed September 22, 2021. <https://www.kommersant.ru/doc/4996303> (In Russian)

Rutkevich, M.N. "Sotsiologiya, vlast', obshchestvennoe mnenie" [Sociology, power, public opinion]. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, no. 7 (1993): 5–16. (In Russian)

Safarov, R.A. *Obshchestvennoe mnenie i gosudarstvennoe upravlenie* [Public opinion and public administration]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. (In Russian)

Solov'ev, A.I. "Politicheskaya kommunikatsiya: k probleme teoreticheskoi identifikatsii" [Political communication: on the problem of theoretical identification]. *Polis*, no. 3 (2002): 5–18. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.02> (In Russian)

"V kakikh regionakh 'Edinaya Rossiya' i LDPR ustupili mandaty kommunistam?" [In what regions have United Russia and the LDPR ceded mandates to the Communists?]. *RBC*. Accessed September 22, 2021. <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a08a09a79471597c9feb6> (In Russian)

Zasurskii, Ya.N., ed. *Sistema sredstv massovoi informatsii Rossii* [The system of Russia's mass media]. Moscow: Aspekt Press: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. (In Russian)

Zasurskii, Ya.N., ed. *Sredstva massovoi informatsii postsovetskoi Rossii* [Mass media of post-Soviet Russia]. Moscow: Aspekt press, 2002. (In Russian)

Zavershinskii, K.F. "Kognitivnye osnovaniya politicheskoi kul'tury: opyt metodologicheskoi refleksii" [Cognitive foundations of political culture: an experience of methodological reflection]. *Polis*, no. 3 (2002): 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.03.03> (In Russian)

Евгений Алфеевич Марков – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа; <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, marevgeny@inbox.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

Evgenii A. Markov – Doctor of Political Science, Associate Professor; marevgeny@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3315-5477>, Professor of the Department of Social Communications and Media, School of Humanities, Cherepovets State University (d. 5, Pr-t Lunacharskogo, g. Cherepovets, Vologodskaya obl., Russia, 162600)

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

2022 · Vol. 6 · № 1

Рецензия

УДК 930

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

Царство Польское или Привислинский край?

Рецензия на книгу: Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой / перевод с немецкого К. Левинсона. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. ISBN 978-5-4448-1199-3

Лариса Михайловна Аржакова,

Институт славяноведения РАН,

Москва, Россия,

larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>

Larisa M. Arzhakova,

The Institute of Slavic Studies RAS,

Moscow, Russia,

larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>

Аннотация. В рецензируемой монографии немецкого историка Мальте Рольфа, изданной на русском языке, предложена детальная характеристика административного аппарата имперской власти, сформированного после поражения Январского восстания 1863 г. и просуществовавшего до конца российского господства в польских землях (1915). Особого внимания заслуживает созданный автором монографии коллективный портрет варшавских генерал-губернаторов, учитывая, что имперские элиты Привислинского края ранее не становились предметом специального исследования. Немаловажное значение имеет то, что наблюдения за сложным процессом превращения Царства Польского в Привислинский край позволяют автору всесторонне рассмотреть, по его выражению, «контактные зоны и конфликтные узлы», наиболее явственно выступающие на фоне действующих административных структур.

Ключевые слова: Царство Польское, Привислинский край, имперская власть, российское господство, административные структуры, управленческие стратегии, русская Варшава, Варшава как мегаполис

Для цитирования: Аржакова Л.М. Царство Польское или Привислинский край? *Рецензия на книгу:* Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с. ISBN 978-5-4448-

1199-3 // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 241–273, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?

Review of Rolf, M. *Pol'skie ziemie pod władzą Petersburga. Od Wiedeńskiego kongresu do Pierwszej wojny światowej* [Polish Lands under the rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War], translated from German into Russian by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. ISBN 978-5-4448-1199-3

Abstract. The monograph under review written by German historian Malte Rolf, published in Russian, offers a detailed description of the imperial administrative apparatus that was formed after the defeat of the January Uprising of 1863 and existed until the end of Russian rule in the Polish lands (1915). The collective portrait of Warsaw governors general, which was created by the author of the monograph, deserves special attention, given that the imperial elites of the Vistula Land have not previously been the subject of special research. Of no small importance is the fact that the observation over the complex process of transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land allows the author to comprehensively consider, as he puts it, the “contact zones and conflict nodes” that stood out most clearly against the background of the existing administrative structures.

Keywords: Kingdom of Poland, Vistula Land, imperial power, Russian domination, administrative structures, management strategies, Russian Warsaw, Warsaw as a megalopolis

For citation: Arzhakova, L.M. “The Congress Kingdom of Poland or the Vistula Land?” *Review of* Rolf, M. *Pol'skie ziemie pod władzą Petersburga. Od Wiedeńskiego kongresu do Pierwszej wojny światowej* [Polish Lands under the Rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War], translated from German into Russian by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, ISBN 978-5-4448-1199-3. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 241–73, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-6>

В 2020 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Окраины Российской империи» вышла монография немецкого историка, профессора Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого Мальте Рольфа, уже хорошо знакомого российским читателям и коллегам по цеху.

Когда около десяти лет назад, в 2008 г., на монографию М. Рольфа «Советский массовый праздник» (*Rolf M. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006*) появился отклик в одном из сибирских исторических журналов, автор рецензии позволил себе любопытную оговорку: «Хотя книга опубликована на немецком языке, она настолько оригинальна и интересна, что, на мой взгляд, вполне заслуживает рецензии в российской исторической

периодике»¹. Вообще-то ценность этой книги состояла как раз в том, что, написанная немецким историком, она предлагала читателям особый (почти по определению) взгляд на советские массовые праздники и уже по этой причине способна была привлечь читателей, мотивируя их открыть книгу для себя, воспользовавшись информацией рецензента. В таком своем мнении о книге М. Рольфа рецензент В.И. Исаев оказался не одинок, потому не приходится удивляться тому, что вскоре был предпринят перевод этой книги на русский язык².

Что касается книги 2020 г., то она представляет собой выполненный стараниями Кирилла Алексеевича Левинсона перевод на русский язык монографии М. Рольфа 2015 г. «Имперское господство в Привислинском крае. Королевство Польское в Российской империи (1864–1915)» (*Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015). Сразу вызвав оживленные отклики рецензентов³, в ходе позднейших авторских дополнений немецкой версии книга превратилась в расширенную русскую версию. Трудно не заметить, что даже названия немецкой и русской версий отличаются хронологическими рамками и заданной тональностью. Если в первом случае автором акцентировано Российское имперское господство от Январского восстания до 1915 г. (года Великого отступления русской армии и потери Польши), то во втором – предложена эмоционально нейтральная (по крайней мере, внешне) картина пребывания «польских земель под властью Петербурга» в течение целого столетия, «от Венского конгресса до Первой мировой».

¹ Исаев В.И. Рецензия на книгу: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburger Edition. Hamburg, 2006. 454 S. Мальте Рольф. Советский массовый праздник. Гамбург. 2006 (На немецком языке) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2008. Т. 7, № 1: История. С. 260.

² Рольф М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН, 2009.

³ См., например: *Golczewski F.* Review of Rolf Malte. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915 // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699> (дата обращения: 25.11.2021); *Schiller-Walicka J.* Recenzja: Malte Rolf (2015): Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915) // Polish-Studies. Interdisciplinary Scholarly information and international communication. URL: <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699> (дата обращения: 25.11.2021)

Важно, что авторизованный перевод этой монографии М. Рольфа стал доступен более широкому кругу читателей, тем самым дважды пополнив богатую разноречивую историографию вопроса⁴.

Безусловный интерес читающей публики к этой монографии обеспечен, во-первых, обращением автора к дискуссионной теме (включая по-разному толкуемый польский вопрос), не теряющей своей научной и общественной актуальности, и, во-вторых, справедливыми ожиданиями особого подхода М. Рольфа – как в случае с советскими массовыми праздниками – к заявленной проблеме. Не может не обратить на себя внимания и то, что немецкий историк, до определенного времени тяготевший к истории XX в., с некоторых пор движется – явно не без риска – буквально вспять, что, правда, способно лишь усилить читательский интерес. Избранное М. Рольфом движение во времени заметно отличает его от большинства собратьев по перу, которые предпочитают развивать свое хронологическое продвижение, как правило, в ином направлении.

Монография М. Рольфа охватывает огромный по хронологии и крайне многосложный по содержанию период польской истории, болезненно переплетенной (гораздо в большей степени, чем раньше) с русской историей. Подразделена монография на семь глав, каждая из которых имеет внутреннее дробление, причем, первая глава выступает, и в то же время называется, введением (с. 13–38), где автором выделены шесть тематических полей (с. 18–19, 22, 24–25), а последняя – «Царство Польское и Российская империя: заключение» (с. 490–537), являет собой завершающую часть монографии. Для понимания ключевой идеи книги важно признание самого автора, что «первое и важнейшее» из шести выделенных им тематических полей –

административный аппарат, который царские власти создали после восстания 1863 года, чтобы вернуть себе контроль над взбунтовавшейся провинцией⁵.

Отметив, что «вторую главную тему» для М. Рольфа

образуют структурные признаки имперского административного аппарата в Царстве Польском⁶,

⁴ См., например, сравнительно недавние статьи на аналогичную тему: *Урушадзе А., Гром О., Дмитриева Н.* Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 3. С. 835–853; *Kamusella T.* The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish Kresy; objectivity and historiography // *Global Intellectual History*. 2018. Vol. 4. P. 347–368.

⁵ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. С. 18.

⁶ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга. С. 19.

тем самым расширяя границы «первого и важнейшего тематического поля», можно определить приоритеты автора. Говоря о «третьем тематическом поле», где на примере Привислинского края автор показывает «имперскую власть как формирующий фактор»⁷, убеждаемся, что его внимание, прежде всего, занимают не столько сами польские земли – пусть под властью Петербурга, сколько деятельность властных структур в польских землях. В «четвертой главной теме книги», которую формируют «представления административных элит о самих себе»⁸, как и в «очерке социального и культурного мира этой имперской публики», представляющем собой «пятую тему книги»⁹, акценты остаются неизменными. Лишь в «шестом тематическом блоке книги» предметом рассмотрения М. Рольфа становится «взаимосвязанность польских земель с другими окраинными территориями России и Петербургом»¹⁰, впервые (в контексте тематических полей) высвечивая собственно польские земли. Иначе говоря, главная роль в книге отведена власти (носителям власти, механизмам власти), что же касается польских земель, где эта власть себя проявляет, то, если ориентироваться на шесть заявленных тематических полей, им в основном достаются роли второго плана.

В своем исследовании М. Рольф демонстрирует решимость поставить «фундаментальный вопрос о формах, структурах и акторах господства над территориями, подвластными многонациональной Российской империи на позднем этапе ее истории», подчеркивая, что «в книге будет *описана* полная противоречий и конфликтов коммуникация между сановниками и подданными»¹¹. Попутно отметим весьма неожиданный, слабо вяжущийся со специфической терминологией, но неоднократно встречающийся термин, являющийся производным от слова «описание». Так, Рольф в своем исследовании рассчитывает «выявить путем плотного *описания* ... комплекса взаимодействий» то, что он понимает под особенностями имперского контекста, получить «возможность *описать* хаотичное нагромождение структур и акторов»¹², у него «целая глава ... посвящена подробному *описанию*»¹³, «в *описываемых* событиях проявляется»¹⁴ и т.д.

Предложенный автором подход к проблеме и продиктованная этим подходом структура монографии по-своему логичны. Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы убедиться в соответствии сформулированного во

⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 22.

⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 22.

⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 24.

¹⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 25.

¹¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 15.

¹² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 17.

¹³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 18.

¹⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 21.

введении книги тезиса (пусть вопреки названию) – «в центре внимания все же будет Польша после Январского восстания»¹⁵, тому, что центр тяжести исследования лежит именно в третьей главе, наименование которой передает идею тезиса из введения: «Структуры, акторы и сферы российского владычества в Царстве Польском после 1863 года» (с. 125–268). Как раз здесь автор всецело сосредоточен на многогранном процессе трансформации Царства Польского в Привислинский край, но произошла ли трансформация – другой вопрос. Что касается последующих глав, то в них подвергается всестороннему разбору, по существу, тот же процесс: в четвертой главе М. Рольф предлагает ближе посмотреть на «Империю и мегаполис: пример Варшавы» (с. 269–361), в пятой – взглянуть на «Формы имперского общества» (с. 362–403), а в шестой – зафиксировать «Империю в кризисе: Царство Польское в 1900–1914 годах» (с. 404–489). Подходя к седьмой и последней, уже названной главе, обнаруживаем, что внутриимперский процесс трансформации так и остался незавершенным.

Содержание третьей главы, помимо прочего, выдает то, что этот многотрудный процесс (т.е. трансформация данного конкретного образца) недостаточно четко прописан автором в понятийном плане. Выражается это в следующем. Развивая идею/тему превращения Царства Польского в Привислинский край, Рольф почти одновременно сообщает сначала о «реорганизации административной и правовой системы в Царстве Польском после 1864 года», а затем – о реорганизации Привислинского края, которая «представляла собой проявление нового политического интереса»¹⁶. Другими словами, размывая любые границы на понятийном уровне и, похоже, игнорируя этапы решения этой и без того сложной, даже невнятной проблемы, автор заметно ослабляет собственные позиции там, где, казалось бы, его конструктивная задача как исследователя должна была состоять во внесении ясности в давнюю запутанную ситуацию, вызванную разночтением источников. Вместо этого, перенося разночтение из источников в историографию, автор наделяет его всей полнотой прав, тем самым оставляя нерешенной саму проблему. Не менее показателен и другой (увы, не единственный) пример того, когда по воле М. Рольфа Царство Польское и Привислинский край в понятийном плане отождествляются. Так, читаем: «Монарх, таким образом, поставил во главе администрации Привислинского края человека, энергично укрепляющего “русский элемент” в Царстве Польском»¹⁷. Всё это, вместе взятое, способно окончательно поставить в тупик внимательного читателя, который, скорее всего, хорошо помнит, что в главе обещано превращение

¹⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 15.

¹⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 149.

¹⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 159.

Царства Польского в Привислинский край. Однако от первой до последней страницы книги М. Рольф использует термины «Царство Польское» и «Привислинский край» практически как равнозначные, хоть и вспоминает в самом конце об «образовании Привислинского края» после Январского восстания¹⁸.

Впрочем, допущенному М. Рольфом понятийному балансированию нетрудно найти объяснение, имеющее достаточно глубокие корни. Приходится признать, что незавершенность полного преобразования Царства Польского в Привислинский край, не в последнюю очередь, имеет причины ментального порядка, находившие отражение, в том числе, в генетически различном государственно-политическом опыте польского и русского народов, отчасти не готовых, а отчасти не способных к преодолению на практике этой разности своего опыта. Не удивительно поэтому, что автономное образование, возникшее по решению Венского конгресса, для польской историографии всегда остается Королевством Польским («Конгресувкой»¹⁹), и дело здесь вряд ли только в свободе выбора того или иного варианта словоупотребления. Во многом это свидетельство приверженности польских историков традиции, подспудное указание на высокий статус Королевства Польского как государственного образования, именуемого так же, как и в былые времена, Королевством, причем, вне зависимости от особенностей его положения в чуждой по духу и глубинным традициям Российской империи.

Сложившийся, пусть поневоле, в «длинном XIX веке» опыт польско-русского общежития, безусловно, должен подталкивать к значительному расширению проблемного поля исследований, и монография Мальте Рольфа в определенной степени демонстрирует продиктованное недостаточной степенью разработанности вопроса требуемое расширение исследовательского поля. В этом смысле можно считать плодотворной, в частности, попытку автора создать коллективный портрет варшавских генерал-губернаторов, который, наверное, было бы небезынтересно сравнить с серией политических и служебных биографий польских сановников, сделавших карьеру при императоре Николае I и его приемнике²⁰.

В своем намерении персонифицировать сложный процесс превращения Царства Польского в Привислинский край автор по-своему справедливо исходит из того, что

¹⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 149.

¹⁹ Kongresówka (пол.) – краткое обозначение Королевства Польского, возникшего после Венского конгресса.

²⁰ Об этом подробнее см.: Андреева Т.В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 722–723.

такой портрет представителей императоров в Царстве Польском – девяти генерал-губернаторов и одного наместника – позволит не только дать сжатый обзор истории петербургского правления в Польше, но и выявить некоторые основные черты, общие для этих “imperial men” при всех разногласиях между ними²¹.

Наблюдения над текстом убеждают, что, опираясь на твердую почву архивных материалов, Рольф чувствует себя вполне уверенно, когда детально характеризует деятельность варшавских генерал-губернаторов и десяти губернаторов в Царстве Польском (с. 163–166, 172–215). Попутно отметим, что сюжеты, связанные с реконструкцией биографий представителей правящей элиты Царства Польского, строивших свою карьеру вдали от имперского центра, получили высокую оценку рецензентов немецкой версии монографии М. Рольфа²².

Утверждение автора, что всех представителей правящей элиты Царства Польского объединяло осознание собственной роли и

сословная солидарность государевых слуг, и родственность образа мыслей, формировавшаяся в пространствах опыта, заданных очень похожими карьерами²³,

выглядит вполне убедительно. Предпринятый М. Рольфом анализ деятельности высшей имперской администрации и других имперских чиновников в Царстве Польском достаточно органично сочетается в этой главе как с характеристикой различных сфер внутренней жизни польского общества (включая подпольную деятельность и трансграничную коммуникацию), так и с характеристикой управленческой структуры Царства Польского (от царской цензуры до религиозной политики).

Очередная глава монографии, где «рассматривается роль, которую царские чиновники сыграли в трансформации Варшавы на рубеже XIX–XX веков»²⁴, также, что называется, работает на усиление исходной авторской идеи – имперского владычества в польских землях, хоть прямо и не заявленного в русской версии титула книги, но пронизывающего все ее содержание. Именно в данной главе автор тщательно фиксирует «взаимодействие имперской элиты с теми частями варшавского общества, которые участвовали в модернизации

²¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 193.

²² Seegel St. Review of Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915). München: De Gruyter, 2015 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. Vol. 65 (2016), no. 2. S. 290–291.

²³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 198.

²⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 270.

города», последовательно приводя примеры, «когда коммуникация внутри этого конфликтного сообщества была особенно плотной»²⁵. Тогда возникает осторожный вопрос: если, по словам автора, на рубеже столетий «сравниться с Варшавой по уровню развития могли только процветающая Рига и – с оговорками – шикарная Одесса»²⁶, не стала ли произошедшая тогда модернизация Варшавы, позволившая городу именовать себя Восточным Парижем²⁷, результатом деятельности «репрессивного режима»²⁸?

На страницах монографии М. Рольфа перед читателями разворачивается картина оживленной городской жизни Варшавы. Констатируя

тесное переплетение интересов и действий чиновников городского управления и представителей варшавского делового мира²⁹,

автор приходит к выводу, что «стигматизация царской власти как тормоза модернизации безосновательна»³⁰, поскольку

имперские чиновники уже давно сами стали частью того города, господство над которым было их должностной обязанностью³¹.

Впрочем, надо учитывать, что совсем небольшой частью. Перепись населения 1897 г., как известно, выявила в Варшаве всего немногим более 7 % русскоязычных жителей, численность которых после 1900 г. даже сократилась, едва достигая 5 % от общей численности населения польской столицы. Этими данными М. Рольф, правда, не ограничивается, ссылаясь на такого знатока варшавской жизни как А.А. Сидоров, утверждавшего, что «с 1864 г. доля русских в городском населении выросла более чем на 30 %», что сделало Варшаву, где численность поляков сократилась почти наполовину, городом «менее “типично польским”»³². Остается гадать, как приведенные сообщения А.А. Сидорова сопрягаются со строгими цифрами переписи населения 1897 г. и другими показателями, которые автор монографии, оставивший без комментария явные численные нестыковки, приводит на одной и той же странице. Излишне говорить, что все это вместе взятое заметно искажает

²⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 271.

²⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 277.

²⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 270.

²⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 528.

²⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 343.

³⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 357.

³¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 360.

³² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 373.

воображаемую М. Рольфом картину жизни русской общины в Варшаве (с. 372, 374–376).

Особый интерес в контексте русско-польского ментального диалога, в большей или меньшей мере передаваемый М. Рольфом, вызывает следующая часть его монографии, где охарактеризовано «имперское общество» как гетерогенное образование, «в которое входил широкий спектр профессиональных, сословных и статусных групп»³³. Как звенья одной цепи, данную главу правомерно рассматривать как логическое/смысловое продолжение предыдущей, посвященной Варшаве, с той лишь разницей, что в данном случае акцент сделан на особенностях культурной жизни «русской Варшавы», протекавшей в условиях «полной и повсеместной гегемонии поляков» в культурной сфере³⁴. Естественно, что сюжеты польско-русской и русско-польской коммуникации возникают в монографии перманентно. Больше того, Рольф почти настаивает, что контакты русских с «польской социальной средой» были отнюдь не единичны. В качестве одного из доказательств тому он приводит дневниковые записи Аполлона Бенкевича, свидетельствующие, что их автор «воспринимал “поляков” как “других”, с которыми, однако, в повседневной жизни часто и, как правило, бесконфликтно имел дело»³⁵. Вместе с тем, поскольку, по словам автора,

русские варшавяне считали себя носителями имперской – понимаемой как преимущественно русская – культуры, чье превосходство нужно было продемонстрировать и населению Варшавы <...> они занимались конструированием культурных иерархий, рассчитанных прежде всего на польское население³⁶.

Подойдя к изложению столь важного с точки зрения имперских замыслов, но локального по своему объему в книге сюжета об Императорском Варшавском университете, М. Рольф снабжает свой предельно сжатый очерк истории Варшавского университета и обитания в его пределах русской профессуры солидной историографией вопроса (пусть, что нормально, не исчерпывающей). Таким образом, «русский университетский проект» оказывается удачно вписан в стратегию «передовой линии войны за выживание, в которой главная задача заключалась в том, чтобы отражать постоянную опасность полонизации»³⁷. Трудно не заметить, что декларируемая

³³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 362.

³⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 378.

³⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 379–380.

³⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 393.

³⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 402.

Рольфом «опасность полонизации» контрастирует с приведенной им ранее этнической структурой населения Варшавы: автор, похоже, не заметил, что преобладание польского населения в Варшаве, о котором он писал, опираясь на данные переписи населения 1897 г., не подкреплялось сообщениями А.А. Сидорова. Даже если не вдаваться в детали того, что сам М. Рольф понимает под «опасностью полонизации», можно предположить, что опасность полонизации для русского населения со стороны польской Варшавы означала не только вполне понятное численное превосходство польского элемента над русским, но именно моральное превосходство влиятельного коренного населения. Тем большее недоумение вызывает используемое автором словосочетание – «население бывшей польской столицы»³⁸, явно принижающее статус Варшавы, которая была и оставалась столицей Королевства (Царства) Польского, лишь номинально получившего наименование Привислинский край. С любой точки зрения уязвимым кажется и другое выражение – «дела бывшего Царства Польского»³⁹, поскольку сам автор так и не смог продемонстрировать обещанное им читателям «превращение Царства Польского в Привислинский край».

Завершающие монографию М. Рольфа две главы в определенной степени можно воспринимать как единое целое, особенно памятуя о том, что последняя из них включает в себя заключение книги. Пожертвовав первыми пятью годами столетия, будто не имеющими особого отношения к тому, что вскоре потрясет империю, автор преимущественное внимание здесь сконцентрировал на революции 1905–1907 гг. в Царстве Польском, а точнее на том, как итоги революции отразились на положении польских земель под властью Петербурга. Как отмечено автором, в условиях партийно-политических разногласий внутри польского общества и усиления противоборства польских социалистов с имперским центром, варшавский генерал-губернатор

был заинтересован в том, чтобы вступить в контакт с частями польского общества, которые поддерживали по крайней мере отход от вооруженной борьбы против имперского господства⁴⁰.

Впрочем, спешит напомнить Рольф, нельзя оспаривать того факта, что

и после Октябрьского манифеста между представителями петербургского режима и польскими национал-демократами сохранялась заметная дистанция⁴¹.

³⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 272.

³⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 153.

⁴⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 444.

⁴¹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 443.

Наряду с этим он считает нужным подчеркнуть не только «терпимость имперских властей – они почти не препятствовали деятельности эндеции»⁴², но и то, что

царские власти допускали удивительно открытые дебаты о реформах, необходимых для того, чтобы справиться с проблемами, стоящими перед краем⁴³.

Переключаясь с политических баталий на мирные дела, автор разворачивает перед читателями панораму происходивших в Царстве Польском преобразований, от послабления «в области печати и издательского дела» до выдачи «разрешений на создание клубов и обществ, которые не ставили себе открыто политических целей»⁴⁴. На этом основании М. Рольф с полным на то правом утверждает, что «активизация общественности больше не рассматривалась царскими властями как основная угроза существующему порядку»⁴⁵. Так произошло ли, в который раз приходится задавать вопрос, превращение Царства Польского в Привислинский край?

Анализируя положение польских земель под властью Петербурга, М. Рольф достаточно обоснованно констатирует, что

политическая культура, существовавшая в Царстве Польском после 1906 года, никоим образом не способствовала интеграции края в общеимперское целое. <...> Империя как общий контекст почти не становилась предметом рефлексии в польскоязычной прессе последних довоенных лет⁴⁶.

Принимая во внимание приведенные в монографии свидетельства, следует признать, что

у царских чиновников в предвоенные годы крепло понимание того, что, хотя Привислинский край и замирен в военном отношении, все же дальнейшее его объединение или тем более органическое слияние с российскими землями едва ли возможно⁴⁷.

Оценка М. Рольфом манифеста великого князя Николая Николаевича от 1 августа 1914 г., документа по-своему любопытного, но свидетельствующего

⁴² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 448.

⁴³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 450.

⁴⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 451.

⁴⁵ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 453.

⁴⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 485.

⁴⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 485–486.

разве что о противоречивости ситуации, сложившейся вокруг попыток решения польского вопроса в условиях военного времени⁴⁸, вряд ли способна вызвать возражения.

Рассматривая ситуацию с точки зрения имперского чиновника, М. Рольф, оставляя в стороне отдельные эпизоды контактов в конфликтном сообществе, вынужден признать, что

Привислинский край и западные губернии представляли собой пространства, характеризующиеся национальным антагонизмом, где тоpos “мятежного поляка” превратился в реальность, подкрепляемую повседневным опытом службы⁴⁹.

Подводя итоги своего исследования и рассматривая монархию Романовых сквозь призму *новой имперской истории*, автор – без лишних слов – предпочитает подчеркивать то, что в равной мере «применительно к отношениям между центром и периферией в колониальных и великих державах»⁵⁰.

Безусловно, предпринятое М. Рольфом исследование во многом обнаруживает органичное содержательное единство, но это отнюдь не означает, что оно свободно от хаотичности и эклектичности изложения (лишенной привлекательности, какая свойственна, например, эклектике в архитектуре). Очевидные слабости и просчеты главным образом сконцентрированы во второй главе, предшествующей основному содержанию книги: «Установление российского владычества над восточной частью разделенной Польши (1772–1863)» (с. 39–124). Особое внимание приковывают к себе, в частности, хронологические рамки, сдвинутые автором вниз не только по сравнению с исходной немецкой версией книги (1864–1915), но даже по сравнению с прописанным на титуле наименованием расширенной русской версии, а именно – «от Венского конгресса до Первой мировой». Конечно, достаточно смелый ход, избранный автором монографии, налагает на него повышенную ответственность, ведь пребывая, насколько можно судить, в пределах не самого близкого ему по духу XVIII в., он касается сложнейшей эпохи, расшифровкой замысловатого кода которой занималось не одно поколение польских (и не только) историков. Будучи прекрасной и трагической одновременно, эта эпоха, поэтически именуемая «Станиславовской», насыщенная энергичными исканиями и немалыми успехами деятелей польского Просвещения во главе с королем Станиславом Августом, тем не менее, вобрала в себя один за другим

⁴⁸ Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 году (по «Запискам...» Г.Н. Михайловского) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2012. Вып. 4. С. 68.

⁴⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 522.

⁵⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 529.

разделы Речи Посполитой, обусловившие восприятие ее в польской исторической памяти как травмы⁵¹.

Есть ли основания говорить, что ожидания читателя оправдались и немецкому автору удалось высветить новые, значимые черты этой внутренне противоречивой, с трудом поддающейся четким характеристикам, эпохи польской истории? Определенно, нет. Уже первая часть этой главы, занимающая менее двадцати страниц из почти шестисот страниц текста монографии: «Период разделов, Варшавское Герцогство и Венский конгресс (1772–1815)» (с. 40–58), – вызывает не просто вопросы, а протест. Как знать, что подразумевал (и чего ожидал) А.И. Миллер, когда неосторожно предложил своему немецкому коллеге «включить в книгу и разделы о более ранних этапах российского господства на территории прежней Польско-Литовской шляхетской республики»⁵²? Да и с какого времени следует вести отсчет российского господства в польско-литовских землях?⁵³ Так или иначе, в результате столь широкого хронологического и тематического охвата М. Рольфу не удалось, как он предполагал, «представить гораздо более полную картину истории разделенной Польши под управлением Петербурга»⁵⁴. Не имея под собой твердой источниковой базы и широкой историографической основы, данная глава носит исключительно вторичный характер. По всему видно, что эксперимент, окончившийся для автора неудачей, во многом ставит под сомнение справедливость наблюдения И.В. Нарского: формат второй главы монографии не позволяет согласиться с тем, что,

отказываясь от традиционного для старых национальных историй линейного, иллюзорно целостного и последовательного изложения, М. Рольф избирает “ситуативный подход”⁵⁵.

⁵¹ Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «падение Польши» в польской историографии XIX века // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2010. С. 813–843; Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 215–248; Васильев А.Г. «Истоки» и «разделы»: событие и память в польском историческом гранд-нарративе эпохи разделов // *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века* / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2018. С. 385–418.

⁵² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵³ См., например: Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. Москва: Индрик, 2004.

⁵⁴ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵⁵ Нарский И.В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2020. Вып. 4 (51). С. 157.

Больше того, судя по изначальному тяготению М. Рольфа охватить «”всю” историю Царства Польского под властью России»⁵⁶, он совсем не склонен так уж безоговорочно отказываться от «иллюзорно целостного и последовательного изложения» в пользу ситуативного подхода, – напротив. И дело не только в том, что компактная (максимально избранная) историография, на которую автор опирается в этой главе, содержит немало лакун и не спасает положения. Казалось бы, исходная обращенность Рольфа к иным сюжетам и временам, полностью освобождала его от погружения в другие проблемы, не связанные напрямую с теми, что заявлены в монографии, но он не избежал соблазна «иллюзорно целостного и последовательного изложения». Заинтересованный читатель был вправе ожидать от новой монографии, готовой занять свое место в огромной историографии истории Польши и истории России XIX – начала XX вв., нового, сугубо авторского взгляда, авторских наблюдений, авторских размышлений, и эти ожидания, пожалуй, во многом были вознаграждены. Но вряд ли он ожидал, что здесь же, в солидной монографии, ему напомнят годы разделов Речи Посполитой, а затем скороговоркой скажут о каждом из них. Едва коснутся Семилетней войны, коварных планов союза «трех черных орлов», в двух словах поведают об обстоятельствах восшествия на престол Станислава Августа, удачах и неудачах последнего польского короля, о первом Великом польском восстании во главе с Костюшкой, о принципе *liberum veto*, которому Владислав Конопчинский в свое время посвятил монографию (Краков, 1918). И все это – на 8 страницах (с. 40–48)...

Помимо прочего, немалый протест вызывают такие небесспорные по смысловой нагрузке тезисы, как: «предварительная стадия раздела Польши»⁵⁷, «инициатива проведения совместной стратегии, направленной на раздел Польши, ... исходила в первую очередь от Пруссии»⁵⁸, «способ поддерживать Польшу в состоянии агонии»⁵⁹, «оккупация и интеграция польских территорий»⁶⁰. В подобном ключе автор излагает и дальнейшее развитие событий – когда после разделов Речи Посполитой пунктирно упоминает Варшавское Герцогство вместе с Наполеоном (с. 50–58), сразу переходя к Венскому конгрессу и его решениям (с. 58–84). Только приближение середины века вселяет уверенность в автора, как видно, с облегчением готового отвернуться от бурных событий XVIII в. и его трагических для поляков последствий.

Надо ли было раздвигать хронологические границы, не наполняя образовавшееся пространство оригинальным содержанием? Скорее всего, нет.

⁵⁶ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 7.

⁵⁷ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 41.

⁵⁸ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 43.

⁵⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 44.

⁶⁰ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 49.

Тем более, что это не добавляет оснований говорить об авторе рецензируемой монографии, что тот принадлежит «к тому все реже встречающемуся типу ученых, которые свободно чувствуют себя более чем в одной области знаний»⁶¹, как в свое время отозвался о Томаше Камуселле Н.Б. Вахтин. Достаточно того, чтобы автор был безупречен в своей области. И, разумеется, проявляя уважение к читателю и коллегам, был бы безупречен при оформлении библиографии, которая требует к себе более внимательного отношения, поскольку в ней встречается (дублируя неточности сносок) дезориентирующая читателей информация. Так, отметим, что автором монографии о Фаддее Булгарине является П. Глушковский и Л.Е. Горизонтов его соавтором не был, как это указано в библиографическом списке⁶², в то время как М. Кулик является не автором «Польши и России в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830»⁶³, а лишь рецензентом этого капитального коллективного труда; и, что досадно, в представленной библиографии не найти знаковой отечественной монографии, посвященной разделам Польши⁶⁴...

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что упущения в историографии в нашем глобальном мире почти неизбежны. Как иронично написал К. Шарль, откликнувшись на сборник «Глобальная интеллектуальная история» (2013):

Глобальная история, интеллектуальная или нет, будет существовать только в том случае, если цитируемые научные труды не будут сводиться к тем, которые есть на английском языке, и лишь к трудам, которые имеются в американских библиотеках, какими бы богатыми они ни были⁶⁵.

Впрочем, отрадно, что Мальте Рольф в целом успешно преодолел сопротивление встречного течения реки времени, когда начал движение в обратном направлении, оттолкнувшись от XX столетия. Несмотря на то, что по целому ряду вопросов декларируемые автором тезисы спорны, его монография являет собой опыт глубокого анализа управленческих стратегий и практик генетически чуждой власти, каковой выступал Петербург в польских землях.

⁶¹ Вахтин Н.Б. Рецензия на: Tomasz Kamusella. The Politics of language and nationalism in modern central Europe. Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008 // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 337–338.

⁶² Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 540.

⁶³ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. С. 541.

⁶⁴ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. Москва: Международные отношения, 2002; см. также: Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / ответственный редактор Б.В. Носов. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999.

⁶⁵ Charle C. Review of Global Intellectual History / ed. by S. Moyon, A. Sartori. New York: Columbia University Press, 2013 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2017. Vol. 64–3. Is. 3. P. 219–221.

In 2020, as part of the *Okrainy Rossiiskoi imperii* [Outskirts of the Russian Empire] series, *Novoe Literaturnoe Obozrenie* published a monograph by Malte Rolf, a German historian, a professor at the Carl von Ossietzky University of Oldenburg, who is already well known to Russian readers and fellow colleagues.

About ten years ago, in 2008, the review of the monograph *Das Sowjetische Massenfest* [Soviet Mass Festivals] (Hamburg: Hamburger Edition, 2006) by Malte Rolf appeared in one of the Siberian historical journals. The author of the review took a liberty of making an interesting remark: “Although the book was published in German, it is so original and interesting that, in my opinion, it deserves to be reviewed in Russian historical periodicals.”¹ The value of this book was precisely in the fact that, written by a German historian, it offered the readers a special (almost by default) view of the Soviet mass festivals and for this reason alone was able to attract readers and motivate them to discover the book for themselves by using the reviewer’s information. The reviewer, V. Isaev, was not the only one to have that opinion about the book by Malte Rolf, and therefore it is not surprising that this book was soon translated into Russian.²

As for the book of 2020, it is a Russian translation of M. Rolf’s 2015 monograph *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* [Imperial Domination in the Vistula Land. Kingdom of Poland in the Russian Empire (1864–1915)] (München: De Gruyter, 2015) made by Kirill A. Levinson. The book, which has immediately evoked lively responses from

¹ V.I. Isaev, Review of *Das Sowjetische Massenfest* by Malte Rolf, Hamburg, Hamburger Edition, 2006 [in Russian], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 7, no. 1, *Istoriya* (2008): 260.

² M. Rolf, *Soviet mass festivals* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2009).

reviewers,³ actually turned into an expanded Russian version in the course of the further author's additions to the German version. It is hardly possible to miss the fact that even the titles of the German original and the Russian translation differ in chronological frames and tonality. In the first case the author emphasizes the Russian imperial domination from the January Uprising till 1915 (the year of the Great retreat of the Russian army and the loss of Poland). In the second case the author proposes an emotionally neutral (at least outwardly) picture of the stay of "Polish lands under the rule of St Petersburg" for a whole century, "from the Congress of Vienna to the First World War." It is important that the authorized translation of this monograph by Malte Rolf has become available to a wider circle of readers, thereby adding twice as much to the rich multilingual historiography of the issue.⁴

Unconditional interest of the reading public in this monograph is ensured, firstly, by the author's reference to the debatable topic (including the Polish question, which is interpreted in different ways) that has not lost its scientific and social relevance and, secondly, by fair expectations of Malte Rolf's special approach to the problem, as was the case of *Soviet Mass festivals*. It cannot escape our attention that the German historian, who has been attracted to the history of the twentieth century until recently, has been moving literally backwards in time, obviously taking some risks, which, however, can only enhance the readers' interest. The movement in time chosen by Malte Rolf noticeably distinguishes him from most of his fellow writers who prefer to develop their chronological advance in the opposite direction.

The monograph by M. Rolf covers the chronologically huge and extremely complex period of Polish history that is painfully intertwined (to a much greater extent than it was earlier) with Russian history. The monograph is divided into seven chapters, each of which has an internal subdivision. The first chapter, in which the author identified six thematic fields (pp. 18–19, 22, 24–25), is entitled "Introduction" (pp. 13–38), and the last chapter, "The Kingdom of Poland and the Russian Empire: Conclusion" (p. 490–537) is the final part of the monograph. In order to understand

³ See, e.g., F. Golczewski, "M. Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland," review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915* by Malte Rolf, Berlin, de Gruyter Oldenbourg, 2015, H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews, November, 2015, accessed November 25, 2021, <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699>; J. Schiller-Walicka, Recenzja: Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915), *Polonoznawstwo Interdyscyplinarne (Pol-Int)*, 2015, accessed November 25, 2021, <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699>.

⁴ See, e.g., relatively recent articles on a similar topic: A. Urushadze, O. Grom, and N. Dmitrieva, "The Russian Empire and the national periphery: between the theory of autocracy and management practices" [in Russian], *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 3 (2018): 835–53; T. Kamusella, "The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish kresy: objectivity and historiography," *Global Intellectual History*, vol. 4 (2018): 347–68.

the key idea of the book, it is important to take into account the fact that the author himself admits that “the first and foremost” of the six thematic fields is

the administrative apparatus that the tsarist authorities created after the uprising of 1863 in order to regain control over the rebellious province.⁵

It is possible to determine the author’s priorities by noting that the “second main topic” for Malte Rolf

is formed by the structural features of the imperial administrative apparatus in the Congress Kingdom of Poland,⁶

thereby expanding the boundaries of the “first and foremost thematic field.” Speaking about the “third thematic field,” where the author shows “imperial power as a forming factor” using the example of the Vistula Land,⁷ we are convinced that his attention is occupied not so much by the Polish lands themselves (even under the rule of St Petersburg) as by the activities of the power structures in the Polish lands. The emphasis remains the same in the “fourth main theme of the book” covering the “views of the administrative elites about themselves”⁸ and in the “sketch of the social and cultural world of this imperial public” that constitutes the “fifth theme of the book.”⁹ “The interconnection of Polish lands and other borderline territories of Russia with St Petersburg”¹⁰ becomes the subject of Malte Rolf’s consideration only in the “sixth thematic block of the book,” highlighting the Polish lands themselves for the first time (in the context of thematic fields). In other words, the main role in the book is assigned to the authorities (power holders and mechanisms of power). As for the Polish lands where this power manifests itself, if the focus is placed on the six declared thematic fields, they basically get supporting roles.

In his research, M. Rolf demonstrates his determination to raise “the fundamental question of the forms, structures and actors of domination over the territories subject to the multinational Russian Empire at the later stage in its history,” emphasizing that “the book will *describe* communication between high officials and their subjects, full of contradictions and conflicts.”¹¹ Along the way, let us point out the unexpected term *describe* and its derivatives, which are poorly connected with specific

⁵ M. Rolf, *Polish lands under the rule of St Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020), 18.

⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 19.

⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 22.

⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 22.

⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 24.

¹⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 25.

¹¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 15.

terminology but are used more than once. For instance, in his research, Rolf expects to reveal the peculiarities of the imperial context “by means of a comprehensive *description* of a complex of interactions,” to get “the possibility to *describe* a chaotic accumulation of structures and actors;”¹² he has a whole chapter “dedicated to a detailed *description*,”¹³ “the events *described* reveal,”¹⁴ and so on.

The author’s approach to the problem and the structure of the monograph dictated by this approach are logical in their own way. Even a cursory glance is enough to realize that the thesis formulated in the introduction (albeit contrary to the title) – “the focus will still be on Poland after the January Uprising”¹⁵ – corresponds to the fact that the center of gravity of the study lies precisely in the third chapter, “Structures, actors, and spheres of the Russian dominion in the Kingdom of Poland after 1863” (pp. 125–268), the title of which conveys the thesis declared in the introduction. It is here that the author is entirely focused on the multifaceted process of transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, but whether the transformation actually took place is another question. As for the subsequent chapters, they comprehensively analyze essentially the same process: in the fourth chapter, M. Rolf offers to take a closer look at “Empire and the Metropolis: the Example of Warsaw” (pp. 269–361); in the fifth chapter, to look at the “Forms of Imperial Society” (pp. 362–403); in the sixth chapter, to focus attention on “The Empire in Crisis: Kingdom of Poland in 1900–1914” (pp. 404–489). Coming to the last, seventh chapter that had already been mentioned above we find that the intra-imperial process of transformation remained incomplete.

The content of the third chapter, among other things, reveals the fact that this laborious process (that is, the transformation of this particular type) is not clearly described by the author in conceptual terms. This is expressed in the following facts. Developing the idea/topic of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, M. Rolf almost simultaneously informs the readers about the “reorganization of the administrative and legal system in the Kingdom of Poland after 1864” and about the reorganization of the Vistula Land, which “was a manifestation of a new political interest.”¹⁶ In other words, by blurring any boundaries at the conceptual level and, seemingly, ignoring the stages of solving this already complex, even indistinct problem, the author noticeably weakens his own positions where his constructive task as a researcher would be to clarify the long-standing confusing situation caused by alternative interpretation of the sources. By transferring the discrepancies in the interpretation of sources into historiography, the author gives it

¹² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 17.

¹³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 18.

¹⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 21.

¹⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 15.

¹⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 149.

full rights, thereby leaving the problem itself unresolved. No less indicative is another example (alas, not the only one) of when by the will of M. Rolf, the Congress Kingdom of Poland and the Vistula Land are conceptually identified. We can read: “Thus, the person who actively strengthened the ‘Russian element’ in the Congress Kingdom of Poland was put at the head of the Vistula Land administration by the monarch.”¹⁷ All this taken together can confuse an attentive reader, who most likely remembers well that the chapter promised the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land. However, from the first to the last pages of the book, Rolf uses the terms *the Congress Kingdom of Poland* and *the Vistula Land* as equivalents, although at the very end of the book he recalls the “formation of the Vistula Land” after the January Uprising.¹⁸

However, it is not difficult to find an explanation to M. Rolf’s balancing of concepts, which has rather deep roots. We have to admit that the incompleteness of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land had reasons of mental nature, which, among other things, were reflected in the genetically different state-political experience of the Polish and Russian peoples, who were partly not ready for and partly not capable of overcoming this difference in their experience in practice. Therefore, it is not surprising that the autonomous formation that emerged by the decision of the Congress of Vienna will always remain the Congress Kingdom of Poland (*Kongresówka*¹⁹) in Polish historiography, and the point here is hardly just the freedom to choose one or another version of word usage. In many ways, this is evidence of the adherence of Polish historians to tradition, a latent indication of high status of the Kingdom of Poland as a state entity, which is referred to as the Kingdom in the same way as in the old days, regardless of the peculiarities of its position in the Russian Empire, alien to it in spirit and in deep traditions.

The experience of the Polish-Russian communal life that formed, albeit involuntarily, in the Long Nineteenth Century should undoubtedly encourage a significant expansion of research problems, and Rolf’s monograph to a certain extent demonstrates the required expansion of the research field, dictated by an insufficient degree of elaboration of the issue. In this sense, the author’s attempt to create a collective portrait of Warsaw governors general can be considered fruitful. Perhaps, it would be interesting to compare this portrait with a series of political and official

¹⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 159.

¹⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 149.

¹⁹ Kongresówka (Polish) is a short designation of the Kingdom of Poland, which emerged after the Congress of Vienna.

biographies of Polish noblemen who made their careers under Emperor Nicholas I and his successor.²⁰

In his intention to personify the complex process of the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land, the author quite justifiably proceeds from the fact that

such a portrait of the emperors' representatives in the Kingdom of Poland – nine governors general and one viceroy – will make it possible not only to give a brief overview of the history of St Petersburg's rule in Poland but also to reveal some of the main features that were common to these 'imperial men' despite disagreement between them.²¹

Observations of the text convince us that, relying on the firm foundation of archival materials, M. Rolf feels quite confident when he characterizes in detail the activities of Warsaw governors general and ten governors in the Congress Kingdom of Poland (pp. 163–66, 172–215). In addition, let us note that the storylines related to the reconstruction of the biographies of the members of ruling elite of the Congress Kingdom of Poland who built their careers far from the imperial center were highly appreciated by the reviewers of the German version of M. Rolf's monograph.²²

The author's statement that all representatives of the ruling elite of the Congress Kingdom of Poland were united by the awareness of their own role and

the class solidarity of the sovereign's servants and the likeness of the way of thinking that was formed in the spaces of experience predetermined by very similar careers²³

looks quite convincing. The analysis of the activities of the supreme imperial administration and other imperial officials in the Congress Kingdom of Poland undertaken by M. Rolf is quite organically combined in this chapter both with description of various spheres of the internal life of Polish society (including underground activities and cross-border communication) and with characteristics of

²⁰ For more detail, see T.V. Andreeva, "Transformation of imperial politics in Poland from constitutionalism to bureaucratic centralization" [In Russian], *Vestnik SPbGU. Istoriya*, vol. 65, no. 3 (2020): 722–23.

²¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 193.

²² St. Seegel, "Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland," review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* by Malte Rolf, De Gruyter, München, 2015, *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, vol. 65, no. 2 (2016): 290–91.

²³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 198.

the administrative structure of the Congress Kingdom of Poland (from tsarist censorship to religious policy).

Another chapter of the monograph, which “examines the role that the tsarist officials played in the transformation of Warsaw at the turn of the 19th–20th centuries”²⁴ also works to strengthen the author’s initial idea of imperial rule in the Polish lands, which runs through the entire book, although it was not directly stated in the Russian version of the title. It is in this chapter that the author thoroughly captures “the interaction of the imperial elite with those parts of Warsaw society that participated in the modernization of the city,” consistently giving examples of “the density of communication within this conflict community.”²⁵ But a cautious question arises here. According to the author, “only prosperous Riga and, with reservations, chic Odessa could compare with Warsaw in terms of the level of development”²⁶ at the turn of the centuries. Was the modernization of Warsaw, which allowed the city to call itself Eastern Paris,²⁷ not the result of the activities of the “repressive regime”?²⁸

In the pages of M. Rolf’s monograph, a picture of the vibrant city life of Warsaw unfolds before the readers. Acknowledging

close interweaving of interests and actions of city administration officials and representatives of the Warsaw business world,²⁹

the author comes to the conclusion that “stigmatization of the tsarist power as a brake on modernization is baseless”³⁰ because

the imperial officials themselves had long before become part of the city the dominion over which was their official duty.³¹

However, it must be taken into account that this part was really small. It is known that the population census of 1897 revealed only slightly more than 7% of Russian-speaking residents in Warsaw, and their number even decreased after 1900 to barely reach 5% of the total population of the Polish capital. However, M. Rolf does not limit himself to these data, referring to such a connoisseur of Warsaw life as A. Sidorov, who argued that “since 1864, the share of Russians in the urban

²⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 270.

²⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 271.

²⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 277.

²⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 270.

²⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 528.

²⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 343.

³⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 357.

³¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 360.

population had increased by more than 30%,” making Warsaw, where the number of Poles had declined almost by half, a city “less ‘typically Polish’.”³² The reader can only guess how the cited data of A. Sidorov’s are matched with the strict figures of the 1897 census and other indicators, which the author of the monograph cites on the same page while leaving obvious numerical inconsistencies without comment. Needless to say that all this taken together noticeably distorts the picture of the life of Russian community in Warsaw as it was conceived by M. Rolf (pp. 372, 374–76).

Of particular interest in the context of the Russian-Polish mental dialogue is the next part of M. Rolf’s monograph, where the “imperial society” is characterized as a heterogeneous entity that “included a wide range of professional, class, and status groups.”³³ Like a link in the chain, this chapter can be considered as a logical/semantic continuation of the previous one, which was dedicated to Warsaw, the only difference being that in this case the emphasis is laid on the peculiarities of the cultural life of “Russian Warsaw” under the conditions of “complete and widespread hegemony of Poles” in the cultural sphere.³⁴ It is quite natural that the storylines of Polish-Russian and Russian-Polish communication appear in the monograph all the time. Moreover, Rolf almost insists that the contacts of Russians with the “Polish social environment” were by no means sporadic. As proof, he cites the diary entries of Apollon Benkevich, proving that their author “perceived ‘Poles’ as ‘others’, with whom, however, he often dealt in everyday life without conflict.”³⁵ At the same time, according to the author,

Since the Russian residents of Warsaw considered themselves to be the bearers of the imperial – understood as predominantly Russian – culture, superiority of which had to be demonstrated to the population of Warsaw, . . . they were engaged in the construction of cultural hierarchies designed primarily for the Polish population.³⁶

Approaching the topic of the Imperial University of Warsaw, which was important from the point of view of imperial intentions but “local” by its scope in the book, M. Rolf supplies his extremely concise sketch of the history of the University of Warsaw and the Russian professors within it with considerable historiography of the issue (albeit not exhaustive, which is quite normal). Thus, the “Russian university project” is successfully integrated into the strategy of “the front line of the war for survival, the main task of which was to resist the constant danger of polonization.”³⁷

³² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 373.

³³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 362.

³⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 378.

³⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 379–80.

³⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 393.

³⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 402.

It is hard not to notice that the “danger of polonization” declared by Rolf contrasts with the ethnic structure of the population of Warsaw cited earlier: it seems that the author did not notice that the predominance of the Polish population in Warsaw, which he wrote about based on the data of the 1897 census, was not proved by A. Sidorov’s information. Even without going into details of what Malte Rolf means by the “danger of polonization,” it can be assumed that in addition to numerical superiority of the Polish element over Russians, the danger of polonization for the Russian population in the Polish Warsaw meant moral superiority of the influential indigenous population. Even more perplexing is the phrase “the population of the former Polish capital”³⁸ clearly belittling the status of Warsaw, which had been and still remained the capital of the Congress Kingdom of Poland, the name of the Vistula Land given to it being only nominal. From any point of view, another expression, “the affairs of the former Kingdom of Poland,”³⁹ also seems vulnerable, since the author himself was not able to demonstrate the “transformation of the Kingdom of Poland into the Vistula Land” he promised to his readers.

The two chapters that conclude the monograph by M. Rolf can be perceived as a single whole to a certain extent, especially bearing in mind that the last of them includes the conclusion of the book. Having sacrificed the first five years of the century, which seemingly did not have much to do with what would soon shake the empire, the author concentrated his primary attention here on the Revolution of 1905–07 in the Congress Kingdom of Poland, or rather, on how the results of the Revolution were reflected in the status of the Polish lands under the rule of St Petersburg. As noted by the author, in the context of party and political differences within Polish society and the intensification of the confrontation between the Polish socialists and the imperial center, the Warsaw governor general

was interested in making contact with those parts of Polish society that at least supported a withdrawal from the armed struggle against imperial domination.⁴⁰

However, as Rolf hastens to remind, it cannot be argued that

after the October Manifesto, a noticeable distance remained between the representatives of the St. Petersburg’s regime and the Polish national democrats.⁴¹

Along with this, he considers it necessary to emphasize not only “the tolerance of the imperial authorities – they almost did not interfere with the activities of the *Endecja*”⁴² – but also the fact that

³⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 272.

³⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 153.

⁴⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 444.

⁴¹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 443.

the tsarist authorities allowed a surprisingly open debate about the reforms that were needed in order to deal with the problems the land was facing.⁴³

Switching from political battles to peaceful affairs, the author unfolds a panorama of the transformations taking place in the Congress Kingdom of Poland, from relaxation of the rules “in the field of printing and publishing” to issuing “permits for the establishment of clubs and societies that did not set themselves openly political goals.”⁴⁴ On this basis, Malte Rolf rightfully argues that “the activation of the public was no longer viewed by the tsarist authorities as the main threat to the existing order.”⁴⁵ So, once again we have to raise the same question. Did the transformation of the Congress Kingdom of Poland into the Vistula Land happen?

Analyzing the status of the Polish lands under the rule of St Petersburg, M. Rolf quite reasonably states that

the political culture that existed in the Congress Kingdom of Poland after 1906 did not in any way contribute to the integration of the land into the general imperial whole. . . . The empire as a general context hardly ever became the subject of reflection in the Polish-language press in the last pre-war years.⁴⁶

Taking into account the evidence given in the monograph, it should be recognized that

in the pre-war years, the tsarist officials had a growing understanding that although the Vistula Land was pacified from the militarily point of view, its further unification, or even more organic fusion with the Russian lands was hardly possible.⁴⁷

It is unlikely that any objections can be raised to M. Rolf's assessment of the manifesto of Grand Duke Nikolai Nikolaevich of August 1, 1914. This document is curious in its own way, but it testifies only to the inconsistency of the situation around the attempts to resolve the Polish issue in wartime conditions.⁴⁸

⁴² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 448.

⁴³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 450.

⁴⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 451.

⁴⁵ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 453.

⁴⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 485.

⁴⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 485–86.

⁴⁸ L.M. Arzhakova, “The Polish question in 1914 (according to ‘Memoirs’ by G.N. Mikhailovsky)” [in Russian], *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya*, no. 4 (2012): 68.

Looking at the situation through the eyes of an imperial official and leaving aside individual episodes of contacts in the conflict community, M. Rolf, is forced to admit that

the Vistula Land and the Western Provinces were the spaces characterized by national antagonism, where the topos of the “rebellious Pole” became a reality, reinforced by everyday experience of service.⁴⁹

Summing up the results of his research and examining the Romanov monarchy through the prism of the *new imperial history*, the author – without further ado – prefers to emphasize the characteristics that can be equally “applicable to the relationship between the center and the periphery in the colonial and great powers.”⁵⁰

Undoubtedly, the research undertaken by M. Rolf turns out to be an organic content-based unity, but this does not mean that it is free from chaotic and eclectic presentation (which can hardly be appealing, unlike, for example, eclecticism in architecture). Obvious weaknesses and miscalculations are mainly concentrated in the second chapter “Establishment of Russian Rule over the Eastern Part of Partitioned Poland (1772–1863)” (pp. 39–124), which precedes the main content of the book. Particular attention is drawn to the chronological framework, shifted by the author not only in comparison with the original German version of the book (1864–1915) but even in comparison with the title of the extended Russian version, “from the Congress of Vienna to the First World War.” Of course, a rather brave move chosen by the author of the monograph imposes increased responsibility on him because, being within the limits of the 18th century (which is not close to him in spirit, as far as can it be judged), he touches upon a very complex era, the intricate code of which was attempted to be deciphered by more than one generation of Polish historians (and not only them). Being beautiful and tragic at the same time, poetically called *Stanisław’s era*, saturated with energetic searches and considerable success of the Polish Enlightenment figures headed by King Stanisław August Poniatowski, this era, nevertheless, one by one absorbed the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, due to which Polish historical memory perceives it as trauma.⁵¹

⁴⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 522.

⁵⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 529.

⁵¹ A.G. Vasil'ev, “Memorialization of trauma in cultural memory: ‘The fall of Poland’ in Polish historiography of the 19th century” [in Russian], in *Images of time and historical representations: Russia – East – West*, edited by L.P. Repina (Moscow: Krug, 2010), 813–43; A.G. Vasil'ev, “‘The fall of Poland’ and models of trauma memorialization” [in Russian], in *Crises of critical epochs in historical memory*, edited by L.P. Repina (Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2012), 215–48; A.G. Vasil'ev, “‘Origins’ and ‘partitions’: event and memory in the Polish historical grand-narrative of the Age of Partitions” [in Russian], in *Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries*, edited by L.P. Repina (Moscow: Akvilon, 2018), 385–418.

Is there any reason to say that the reader's expectations have been met and the German author has managed to highlight new significant features of this internally contradictory and hard-to-define era of Polish history? Definitely not. Already the first part of this chapter "The Period of Partitions, the Duchy of Warsaw, and the Congress of Vienna (1772–1815)" (pp. 40–58), which takes up less than twenty pages of almost six hundred pages of the text of the monograph, raises not just questions but protest. Who knows what A. Miller meant (and what he anticipated), when he incautiously suggested that his German colleague should "also include in the book some sections about the earlier stages of Russian domination in the territory of the former Polish-Lithuanian szlachta republic?"⁵² And from what time should the Russian domination in the Polish-Lithuanian lands be dated?⁵³ One way or another, as a result of such a wide chronological and thematic scope, Malte Rolf failed "to present a more complete picture of the history of Partitioned Poland under the rule of St Petersburg"⁵⁴ as he intended to do. Lacking a solid source base and a broad historiographical basis, this chapter is secondary in nature. Apparently, the experiment, which ended in failure for the author, can question the validity of I. Narskii's observations in many ways: the format of the second chapter of the monograph does not allow us to agree that

rejecting the linear, illusory holistic and consistent presentation, which is traditional for old national histories, M. Rolf chooses a "situational approach."⁵⁵

Moreover, judging by the Rolf's initial intention to cover "'the entire' history of the Kingdom of Poland under the rule of Russia,"⁵⁶ he is not at all inclined to unconditionally abandon the "illusory holistic and consistent presentation" in favor of a situational approach. Quite the opposite. And it is not the point that the compact (as brief as possible) historiography on which the author relies in this chapter contains many gaps and does not save the day. It may seem that Rolf's initial focus on other subjects and times would free him from the immersion in the problems not directly related to those stated in the monograph, but he did not escape the temptation of "illusory holistic and consistent presentation." A concerned reader has the right to expect from the new monograph, ready to take its place in the huge historiography of the history of Poland and the history of Russia in the 19th – early 20th centuries, a

⁵² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

⁵³ See, e.g., B.V. Nosov, *Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1756–1768* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2004).

⁵⁴ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

⁵⁵ I.V. Narskii, "On the role of the symbolic dimension of the historical process: reading Malte Rolf's book about the Polish Lands under the authority of St. Petersburg" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, no. 4 (51) (2020): 157.

⁵⁶ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 7.

new, purely author's view, author's observations, and author's reflections, and these expectations have been rewarded in many respects. But the reader could hardly expect that a solid monograph would remind him of the years of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and then quickly and concisely tell him about each of them; that the Seven Years' War and sinister plans of the union of the Three Black Eagles would be hardly touched upon; that the circumstances of Stanisław August Poniatowski's accession to the throne, ups and downs of the last Polish king, the first great Polish uprising with Kościuszko at the head, and the principle of liberum veto, to which Władysław Konopczyński dedicated a monograph (Kraków, 1918), would be mentioned tersely, taking up only 8 pages (pp. 40–48).

Among other things, some controversial theses arouse considerable protest: “the preliminary stage of the Partition of Poland,”⁵⁷ “the initiative to implement a joint strategy aimed at the partition of Poland. . . came primarily from Prussia,”⁵⁸ “a way to keep Poland in agony,”⁵⁹ “occupation and integration of Polish territories.”⁶⁰ In a similar way, the author presents further development of events: after the partitions of the Commonwealth, he outlines the Duchy of Warsaw together with Napoleon (pp. 50–58) and then immediately passes to the Congress of Vienna and its decisions (pp. 58–84). Only approaching the middle of the century, the author becomes more confident and seems to be relieved to turn away from the turbulent events of the 18th century and its tragic consequences for the Poles.

Was it necessary to extend the chronological borders without filling the resulting space with original content? Probably not. Moreover, it does not give us any reasons for describing the author of the monograph under review as “an increasingly rare type of scientists who feel free in more than one field of knowledge,”⁶¹ as N.B. Vakhtin wrote about Tomasz Kamusella. It is sufficient for the author to be impeccable in his own field. And of course, showing respect for the reader and colleagues, the author should have been impeccable when preparing the bibliography, which requires more careful attention, since it contains some misleading information that reproduces inaccuracies in the footnotes. For instance, let us point out that P. Glushkovskii is the author of the monograph about Thaddeus Bulgarin and L. Gorizontov was not his co-author, as indicated in the bibliography.⁶² M. Kulik is not the author of *Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the autonomous*

⁵⁷ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 41.

⁵⁸ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 43.

⁵⁹ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 44.

⁶⁰ Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 49.

⁶¹ N.B. Vakhtin, Review of *The politics of language and nationalism in modern Central Europe* by Tomasz Kamusella, Houndmills; N.Y., Palgrave Macmillan, 2008 [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 18 (2013): 333–38.

⁶² Rolf, *Polish Lands under the rule of St Petersburg*, 540.

*Kingdom of Poland. 1815–1830*⁶³ but only a reviewer of this monumental collective work; and it is disappointing that one cannot find the significant Russian monograph dedicated to the partitions of Poland⁶⁴ in the bibliography.

However, in all fairness, it must be said that omissions in historiography in our global world are almost inevitable. As Christophe Charle ironically wrote in his review of the collection *Global Intellectual History* (2013),

Global history, whether intellectual or not, will exist only if the cited scientific works are not limited to those that are available in English and to those that are stored in American libraries, no matter how rich they are.⁶⁵

However, it is pleasant that in general Malte Rolf successfully overcame the resistance of the head tide of time when he began to move in the reverse direction, having taken the 20th century as a starting point. Despite the fact that the theses declared by the author on a number of issues are controversial, his monograph is an example of in-depth analysis of management strategies and practices of a genetically alien power, which St. Petersburg was in the Polish lands.

Список литературы

Андреева Т.В. Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник СПбГУ. Серия: История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 721–749.

Аржакова Л.М. Польский вопрос в 1914 году (по «Запискам...» Г.Н. Михайловского) // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2012. Вып. 4. С. 68–76.

Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «Падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2010. С. 813–843.

Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 215–248.

Васильев А.Г. «Истоки» и «разделы»: событие и память в польском историческом гранд-нарративе эпохи разделов // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / под редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2018. С. 385–418.

⁶³ Rolf, *Polish Lands under the rule of St. Petersburg*, 541.

⁶⁴ P.V. Stegnii, *Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772, 1793, 1795* [in Russian] (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002); see also *Poland and Europe in the 18th century. International and domestic factors of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth* [in Russian], ed. B.V. Nosov (Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999).

⁶⁵ Ch. Charle, Review of *Global Intellectual History*, ed. S. Moyon and A. Sartori, New York, Columbia University Press, 2013, *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 64–3, is. 3 (2017): 219–21.

Вахтин Н.Б. Рецензия на книгу: Tomasz Kamusella. The Politics of Language and Nationalism in Modern Central Europe. Houndmills; N.Y.: Palgrave Macmillan. 2008 // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 333–343.

Исаев В.И. Рецензия на книгу: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006. 454 S. Мальте Рольф. Советский массовый праздник. Гамбург. 2006 (На немецком языке) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. 2008. Т. 7, № 1: История. С. 260–262.

Нарский И.В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. Вып. 4 (51). С. 156–162.

Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. Москва: Индрик, 2004. 728 с.

Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / ответственный редактор Б.В. Носов. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999. 228 с.

Рольф М. Советские массовые праздники. Москва: РОССПЭН, 2009. 438 с.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. Москва: Международные отношения, 2002. 696 с.

Урушадзе А., Гром О., Дмитриева Н. Российская империя и национальные окраины: между теорией самодержавия и практикой управления // Quaestio Rossica. 2018. Vol. 6, № 3. P. 835–853.

Charle Ch. Review Global Intellectual History / edited by S. Moyon, A. Sartori. New York: Columbia University Press, 2013 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2017. Vol. 64-3, issue 3. P. 219–221.

Golczewski F. Review of Rolf Malte. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915 // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Berlin: de Gruyter Oldenbourg, 2015. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699> (дата обращения: 25.11.2021)

Kamusella T. The Russian *Okrainy* (Окраины) and the Polish Kresy: objectivity and historiography // Global Intellectual History. 2018. Vol. 4, issue 4. P. 347–368.

Schiller-Walicka J. Recenzja: Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915) // pol-int. 2015. URL: <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699> (дата обращения: 25.11.2021)

Seegel St. Review of Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915). München: De Gruyter, 2015 // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. 2016. Vol. 65, no. 2. S. 290–291.

References

Andreeva, T.V. “Transformatsiya imperskoi politiki v Pol'she ot konstitutsionalizma k byurokraticheskoi tsentralizatsii” [Transformation of imperial politics in Poland from constitutionalism to bureaucratic centralization]. *Vestnik SPbGU. Istoriya*, vol. 65, no. 3 (2020): 721–49. (In Russian)

Arzhakova, L.M. “Pol'skii vopros v 1914 godu (po ‘Zapiskam...’ G.N. Mikhailovskogo)” [The Polish question in 1914 (according to ‘Memoirs’ by G.N. Mikhailovsky)]. *Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya*, no. 4 (2012): 68–76. (In Russian)

Charle, Ch. Review of *Global Intellectual History*, ed. S. Moyon and A. Sartori, New York, Columbia University Press, 2013. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 64–3, issue 3 (2017): 219–21.

Golczewski, F. “M. Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland.” Review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium 1864–1915* by Malte Rolf, Berlin, de Gruyter Oldenbourg, 2015. H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. November, 2015. Accessed November 25, 2021. <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=45699>

Isaev, V.I. “Rets. na kn.: Malte Rolf. Das Sowjetische Massenfest. Hamburg: Hamburger Edition, 2006. 454 S. Mal'te Rol'f. Sovetskii massovyi prazdnik. Gamburg. 2006 (Na nemetskom yazyke)” [Review of *Das Sowjetische Massenfest* by Malte Rolf, Hamburg, Hamburger Edition, 2006]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*, vol. 7, no. 1, *Istoriya* (2008): 260–62. (In Russian)

Kamusella, T. “The Russian Okrainy (Окраины) and the Polish kresy: objectivity and historiography.” *Global Intellectual History*, vol. 4, issue 4 (2018): 347–68.

Narskii, I.V. “O roli simvolicheskogo izmereniya istoricheskogo protsessa: chitaya knigu Mal'te Rol'fa o pol'skikh zemlyakh pod vlast'yu Peterburga” [On the role of the symbolic dimension of the historical process: reading Malte Rolf's book about the Polish Lands under the authority of St. Petersburg]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 4(51) (2020): 156–62. (In Russian)

Nosov, B.V. *Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* [Establishment of Russian domination in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1756–1768]. Moscow: Indrik, 2004. (In Russian)

Pol'sha i Evropa v XVIII veke. Mezhdunarodnye i vnutrennie faktory razdelov Rechi Pospolitoi [Poland and Europe in the 18th century. International and domestic factors of the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth], edited by B.V. Nosov. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1999. (In Russian)

Rolf, M. *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass festivals]. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)

Schiller-Walicka, J. Recenzja: Malte Rolf: *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. Polonoznawstwo Interdyscyplinarne (Pol-Int), 2015. Accessed November 25, 2021. <https://www.pol-int.org/pl/node/2057#r5699>

Seegel, St. “Malte Rolf: Imperiale Herrschaft im Weichselland.” Review of *Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)* by Malte Rolf, München, De Gruyter, 2015. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, vol. 65, no. 2 (2016): 290–91.

Stegnii, P.V. *Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772, 1793, 1795* [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772, 1793, 1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. (In Russian)

Urushadze, A., O. Grom, and N. Dmitrieva. “Rossiiskaya imperiya i natsional'nye okrainy: mezhdru teorii samoderzhaviya i praktikoi upravleniya” [The Russian Empire and the national periphery: between the theory of autocracy and management practices]. *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 3 (2018): 835–53. (In Russian)

Vakhtin, N.B. Review of *The politics of language and nationalism in modern Central Europe* by Tomasz Kamusella, Houndmills, N.Y., Palgrave Macmillan, 2008. *Antropologicheskii forum*, no. 18 (2013): 333–43. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. “‘Istoki’ i ‘razdely’: sobytie i pamyat' v pol'skom istoricheskom grand-narrative epokhi razdelov” [‘Origins’ and ‘partitions’: event and memory in the Polish historical grand-

narrative of the Age of Partitions]. In *Sobytie i vremya v evropeiskoi istoricheskoi kul'ture XVI – nachala XX veka* [Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries], edited by L.P. Repina, 385–418. Moscow: Akvilon, 2018. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. “Memorializatsiya travmy v kul'turnoi pamyati: ‘Padenie Pol'shi’ v pol'skoi istoriografii XIX veka” [Memorialization of trauma in cultural memory: ‘The fall of Poland’ in Polish historiography of the 19th century]. In *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Images of time and historical representations: Russia – East – West], edited by L.P. Repina, 813–43. Moscow: Krug, 2010. (In Russian)

Vasil'ev, A.G. ““Padenie Pol'shi’ i modeli memorializatsii travmy” [‘The fall of Poland’ and models of trauma memorialization]. In *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoi pamyati* [Crises of critical epochs in historical memory], edited by L.P. Repina, 215–48. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2012. (In Russian)

Информация об авторе

Аржакова Лариса Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник; larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>, Институт славяноведения РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А)

Information about the author

Larisa M. Arzhakova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher; larjak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32-A, Leninskii prospect, Moscow, 119991, Russia)

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; принята к публикации 09.08.2021.
The article was submitted 16.06.2021; accepted for publication 09.08.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 274–297
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 274–297

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-7>

Политическая история Хорватии рубежа XIX–XX вв.: проблемы и методы

Рецензия на: Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. 393 s.

Александр Михайлович Дронов,

Институт славяноведения РАН,

Москва, Россия,

dronov839@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-5219>

Aleksandr M. Dronov,

Institute of Slavic Studies RAS,

Moscow, Russia,

dronov839@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-5219>

Аннотация. В рецензии дан анализ монографии хорватского историка Бранко Остаймера «Народная партия в Славонии и Среме 1883–1903», рассмотрены историография, источниковая база, структура и содержание работы. Автор монографии не только вносит вклад в развитие хорватской историографии, но и полемизирует с предшественниками и современниками. Архивные источники исследуемого Б. Остаймером периода сохранились плохо, поэтому книга в значительной мере основана на периодике. Особенностью работы является обращение автора к ярким персоналиям эпохи, связанным с деятельностью Хорватской народной партии. Кроме того, следует выделить разбор автором такого важного для понимания исследуемого периода и региона понятия, как «славонство». Б. Остаймер изучает внутреннюю организацию партии, ее электорат, в том числе взаимодействие с отдельными социальными и этническими группами, а также деятельность партии в контексте хорватско-венгерских отношений. Значительное место в повествовании отводится фигуре хорватского бана К. Куэна-Хедервари, период правления которого и был взят в качестве хронологических рамок работы. Книга представляет интерес не только для хорватистов и специалистов по региону Балкан и Центральной Европы, но и для историков политических партий и общественных движений.

Ключевые слова: Хорватская народная партия, К. Куэн-Хедервари, Хорватия, Венгрия, Австро-Венгрия, народное движение 1886 г., народное движение 1903 г., Славония, Срем

© Дронов А.М., 2022

© Dronov A., 2022

Для цитирования: Дронов А.М. Политическая история Хорватии рубежа XIX–XX вв.: проблемы и методы. Рецензия на: Ostajmer B. *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 274–297. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-7>

Political history of Croatia at the turn of the 19th–20th centuries: problems and methods

Review of Ostajmer, B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018.

Abstract. The review analyzes the monograph by Croatian historian Branko Ostajmer *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. [The People's Party in Slavonia and Srem in 1883–1903] and considers the historiography, source base, structure, and content of the book. Not only does the author of the monograph contribute to the development of Croatian historiography, but he also polemicalizes with his predecessors and contemporaries. The extant archival sources of the period studied by B. Ostajmer are not plentiful, so the book is largely based on periodicals. A specific feature of his work is the author's focus on the outstanding personalities of the era associated with the activities of the People's Party. In addition, it is necessary to highlight the author's analysis of Slavonism, a concept that is important for understanding the period and the region under study. B. Ostajmer studies the internal organization of the party and its electorate, including the interaction with individual social and ethnic groups, as well as the activities of the party in the context of Croat-Hungarian relations. Much space in the narrative is given to the figure of Croatian Ban K. Khuen-Héderváry, whose reign was taken as the chronological framework of the work. The book can be of interest to historians of parties and social movements of the Modern Era as well as specialists in Croatia, the Balkans, and Central Europe.

Keywords: People's Party (*Narodna stranka*), K. Khuen-Héderváry, Croatia, Hungary, Austria-Hungary, People's Movement of 1886, People's Movement of 1903, Slavonia, Srem

For citation: Dronov, A.M. "Political history of Croatia at the turn of the 19th–20th centuries: problems and methods". *Review of Ostajmer, B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018." *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 274–97, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-7>

Одной из крупнейших политических партий Хорватии XIX в. была Хорватская народная партия (ХНП), выросшая из Иллирской народной партии (создана в 1841 г., но в 1843 г. была вынуждена сменить название). Изначально партия сформировалась на основе движения национального возрождения, отстаивавшего идеи хорватского национального самосознания в противовес провенгерским унионистам, создавшим Хорвато-венгерскую национальную партию. Своих политических оппонентов иллиры называли мадьяронами. Накануне революции 1848–1849 гг. названия «иллирская» и «иллиры» были

запрещены, поэтому партия постепенно стала называться «хорватской»¹. Несмотря на смену названия партия претендовала на выражение интересов всех южнославянских народов. В 1860-е гг. хорватская национальная и югославянская повестки как основные были зафиксированы в программе партии, а сама партия до 1867 г. была правящей. В 1867 г. партия отказалась признать дуалистическое преобразование Габсбургской монархии в Австро-Венгрию и коронацию императора-короля одновременно венгерской и хорватской коронами. В ходе перевыборов власть перешла к унионистам, которые в 1868 г. заключили хорвато-венгерское соглашение, оформившее права королевства Хорватии и Славонии на основе субдуализма в составе венгерской части монархии. Хорватская народная партия (народняки) не признала это соглашение, добиваясь нового переустройства Габсбургской

монархии на основе триализма или федерализма с выделением хорватской, либо югославянской части как равноправной Австрии и Венгрии. В 1872 г. народняки вернулись во власть, однако им пришлось признать хорвато-венгерское соглашение, которое было перезаключено в 1873 г. с несущественными уступками венгров в пользу Хорватии. В середине 1870-х гг. произошло слияние унионистов с народняками, а программа последних была сильно изменена, в нее были включены унионистские положения. С этой новой политической ориентацией партия пробыла во власти до начала XX в.² Этому периоду посвящена монография хорватского

¹ Подробнее см.: Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.

² На русском языке см.: Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). Санкт-Петербург: Алетейя, 2001; Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъём освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. Москва: Наука, 1970; Романенко С.А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX века // Балканы в конце XIX – начале XX века: очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе / под редакцией. М.А. Бирмана, Ю.А. Писарева. Москва: Наука, 1991. С. 117–154; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.: Очерки / под редакцией Л.А. Кириловой, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой. Москва: Индрик, 2018.

историка Бранко Остаймера «Народная партия в Славонии и Среме 1883–1903».

Партийная история второго периода нахождения Хорватской народной партии у власти (1873–1905 гг.) хуже изучена историками, и книга Остаймера восполняет этот пробел. Кроме того, не случаен и выбор географического аспекта. Б. Остаймер замечает, что даже в местных исторических сборниках статьи по интересующему периоду истории Славонии и Срема можно сосчитать на пальцах одной руки³. Автор выражает недоумение, почему истории партии в этих регионах уделялось так мало внимания, хотя именно их территории являлись электоральной базой партии, в особенности их сербское и еврейское население. Кроме того, среди всех хорватских политических партий XIX – начала XX в. наибольшее внимание в историографии было уделено Партии права («правашам»), тогда как весь спектр так называемых мадяронских (провенгерских) партий изучен недостаточно, хотя с 1841 до 1914 г. именно такие партии находились во власти в Хорватии⁴. Тем не менее, автор избегает определения «мадяронская» для Народной партии⁵.

Автор пишет, что главная трудность в изучении Народной партии состоит в том, что часть историографии следует политическим и идеологическим стереотипам о ХНП. В качестве наиболее яркого примера он приводит широко распространенный в хорватской и сербской историографиях стереотип о «либерализме» иллирской (народной) партии и якобы «консерватизме» унионистов (мадяронов), с которым автор не согласен⁶. Автор спорит с марксистской историографией периода социалистической Югославии, которая период правления бана (королевского наместника) Куэна-Хедервари красила исключительно в черные тона, и предлагает рассматривать габсбургский период хорватской истории объективно⁷. В отличие от недостаточно проработанной истории Народной партии, автор отмечает наличие работ по истории хорватских сербов и представлявшего их «сербский клуб» сабора как части Народной партии.

Б. Остаймер основывает книгу на опубликованных и неопубликованных архивных источниках, источниках личного происхождения и периодике. В плане архивных источников автор испытывал проблему их нехватки в связи с

³ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. S. 18.*

⁴ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 1–12.*

⁵ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 22.*

⁶ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 13.*

⁷ На русском языке см.: Романенко С.А. Проблемы истории национальных движений югославянских народов конца XIX – начала XX века в современной исторической публицистике // Югославия. Актуальные проблемы общественного развития. Москва: ИНИОН, 1990. Вып. 9. С. 28–47.

практически полной утратой архивных документов славонских и сремских жупаний за интересующий период во время Второй мировой войны. Мало сохранилось и источников личного происхождения (переписка, мемуары и т.п.) деятелей Народной партии. Поэтому одним из основных источников для автора стала периодика⁸, в которой он использует не только прессу ХНП, но и издания конкурирующих партий.

В книге соединены хронологический и проблемный подходы. Такое сочетание автор обосновывает желанием рассмотреть как разнообразные аспекты деятельности Народной партии, так и личности ее членов, что не характерно для других историков, которые берут во внимание лишь политическую и идеологическую сторону вопроса⁹.

Структура книги соответствует поставленным целям и задачам исследования. В начале монографии автор знакомит читателя с изучаемым регионом – Славонией и Сремом, давая сведения об административно-территориальном делении региона и статистические данные о его демографии. Затем речь идет об истории Народной партии в период, предшествовавший исследуемому в книге, а именно – во время правления бана Л. Пеячевича (1880–1883 гг.), что вводит читателя в исторический контекст кануна эпохи Куэна-Хедервари. При этом в данной главе уделяется внимание и биографии самого Куэна-Хедервари до момента назначения хорватским баном.

Отдельная глава посвящена участию Народной партии в выборах в хорватский сабор, где проанализированы все саборские выборы за исследуемый период. В конце главы сделан обзор участия Народной партии в выборах разного уровня: жупанийских (жупания – основная административно-территориальная единица Хорватии; соответствует комитату в Венгерском королевстве. – А. Д.), а также городских и общинных.

Глава 5 посвящена «народному движению» 1903 г., что перекликается с параграфом 3.2 третьей главы «Народное движение 1883 г.». Таким образом, автор делает разбор важных событий начальной и конечной даты исследования, совпадающих с первым и последним годами правления бана Куэна-Хедервари. В целом главы 3, 4 и 5 создают хронологически выстроенный нарратив истории Народной партии, где вехами послужили выборы в хорватский сабор.

Познакомив читателя с историей Народной партии, Б. Остаймер в главе 6 переходит к рассмотрению принципов партийной организации, а также ее социальной базы и экономической основы. По сути, глава 6 оказывается отдельным от предыдущего вторым большим разделом книги, в котором кроме уже названных исследуются также вопросы взаимодействия с другими партиями (например, Либеральной), с православным и католическим

⁸ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 15.

⁹ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 13–14.

духовенством Славонии и Срема, с крупными этническими группами региона, такими как сербы и евреи, а также – на примере девяти семейств – с славонско-сремской знатью. В этой же главе отдельно уделено внимание деятельности партии в крупных городах региона, а также сделан разбор партийной прессы как общехорватского, так и регионального уровня. Глава 7 посвящена выдающимся представителям Народной партии из Славонии и Срема.

По мнению Б. Остаймера, в исследуемый период Народная партия по своей организации была «всё ещё далека от партии в современном понимании данного термина». В частности, он указывает на такие факторы, как отсутствие сугубо партийного печатного органа и «четко сформулированной и обнародованной» партийной программы¹⁰. Правда, такую оценку автор дает в середине книги, хотя логичнее было бы это сделать в начале.

Вслед за историком и политиком В. Кришковичем автор определяет влияние бана Д. Куэна-Хедервари на развитие Хорватии того времени как одновременно «позитивное и негативное». Однако, по мнению автора, данный период хорватской истории невозможно понять без изучения находившейся тогда у власти Народной партии¹¹. Исходя из цели работы, автор рассматривает не только «деятельность, структуру и отчасти идеологию» Народной партии, но и ее влияние на «общественное, экономическое и культурное развитие» Славонии и Срема¹².

Во второй главе автор пишет, что за время правления Куэна-Хедервари в Славонии и Среме были построены «многочисленные дороги, прокопаны каналы, осушены болота», значительно увеличена протяженность железнодорожной сети¹³. Особое внимание автор уделяет Славонскому экономическому обществу, которое за время нахождения у власти Куэна-Хедервари усилилось и обросло 12 филиалами (на 1892 г.)¹⁴. Движение 1883 г. Б. Остаймер считает «началом новой главы хорватской политической истории». По мнению автора, недовольство населения было вызвано «переплетением политических и экономических причин»¹⁵.

Главу про выборы депутатов в хорватский сабор предваряет вводная часть, посвященная самой процедуре выборов и ее эволюции в начале XX в. Разбор каждого электорального цикла снабжен таблицей победивших депутатов Народной партии и диаграммой их социального статуса (или профессии), что значительно облегчает восприятие информации и наглядно демонстрирует социальное происхождение депутатов, а также дает возможность для сравнения

¹⁰ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 175.

¹¹ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 12.

¹² Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 13.

¹³ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 28.

¹⁴ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 30.

¹⁵ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 34.

данных. Переходя к обзору выборов в скупщины жупаний, автор замечает, что в историографии выборы такого уровня практически не изучены¹⁶. Говоря про движение 1903 г., Б. Остаймер замечает, что до конца апреля 1903 г. из провластной газеты “Narodni novini” нельзя было узнать практически ничего о волнениях в Хорватии. По словам автора, можно было «узнать больше о событиях в Македонии, нежели в Хорватии»¹⁷.

«Славонство». Автор отдельно разбирает такую проблему как особая славонская идентичность. На примерах из речей и текстов, принадлежащих бану Куэну-Хедервари, автор показывает, что хорватский бан пользовался самоопределением «славонец». При этом бан себя не ощущал ни хорватом, ни венгром. Такая идентичность влияла на политику Куэна-Хедервари, что преимущественно выражалось в поддержке славонских экономических и прочих региональных обществ в противовес к общехорватским. Осиек как столица Славонии в период правления Куэна-Хедервари не только возвысился, но и пытался стать равноправным Загребу, а часть славонской элиты подчеркивала свой особый статус и высокое положение региона: «Славония не окраина, а самодостаточное королевство»¹⁸. При этом автор отмечает, что в этот период не было зафиксировано ни одной попытки проявления славонского сепаратизма. Единственным случаем (который можно рассматривать в подобном ключе) стал шаг, предпринятый частью экономической элиты Земунa и контролируемые ею депутатами городского совета к вынесению на обсуждение вопроса о переходе города из состава королевства Хорватии и Славонии под юрисдикцию непосредственно Венгрии. Однако эта земунская провенгерская ирредента не увенчалась успехом и не была связана со «славонством». Помимо Куэна-Хедервари славонская идентичность была характерна для представителей рода Пеячевичей, двое из которых были банами Хорватии. В случае банов и депутатов хорватского сабора, идентифицировавших себя как «славонцев», автор считает возможным говорить именно о национальной идентичности. При этом, на наш взгляд, такую важную для понимания политики хорватских банов и славонских депутатов, а также региональных особенностей информацию нужно было давать уже в начале книги, где говорилось о Славонии и Среме как отдельном регионе королевства Хорватии и Славонии. Однако автор поместил этот параграф ближе к самому концу книги, приводя его между обзором положения Народной партии в славонско-сремских городах и обзором газет (центральных и региональных), связанных с Народной партией.

¹⁶ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 157.

¹⁷ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 165.

¹⁸ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 280.

ХНП и хорватско-венгерские отношения. Лидеры Хорватской народной партии, как пишет автор, видели в Хорватско-венгерском соглашении основу развития Хорватии внутри Венгрии, а также – *Magna Charta Libertatum* (Великую хартию вольностей), как назвал это соглашение историк Й. Живкович. Б. Остаймер замечает, что народняки призывали к «позитивной работе» в условиях действующего соглашения. Причём, о «позитивной работе» Народной партии в отличие от других хорватских партий говорил в саборе в апреле 1897 г. сам бан К. Куэн-Хедервари¹⁹. В тексте приводятся также карикатуры исследуемого периода, в которых оппозиционные партии, такие как праваша, высмеивали находившихся у власти народняков²⁰.

Автор уделяет внимание взаимоотношениям ХНП с союзной ей венгерской Либеральной партией, также в исследуемый период находившейся у власти в Венгрии. Критическим моментом этих отношений автор называет 1891 г., когда в Загребе прошла Экономическая выставка, превратившаяся в демонстрацию достижений королевства Хорватии и Славонии. На выставке также были представлены Далмация, Риека/Фиуме и Истрия – регионы, не входившие в королевство, но населенные хорватами. Организаторами выставки являлись Народная партия и сам бан Куэн-Хедервари. Однако венгерские либералы подвергли выставку критике. Автор указывает на то, что это привело к сплочению народняков для отражения венгерских нападков, в защиту выставки выступил даже представитель крайних унионистских взглядов Н. Црнкович, для которого сама государственность Хорватии не имела значения. Несмотря на подобные кризисы во взаимоотношениях между двумя партиями, они все же разделяли общие идеи, вполне закономерно, что поражение на выборах венгерских либералов в 1905 г. привело к скорому поражению и их хорватских союзников²¹.

Сравнивая хорватских и венгерских политиков, Б. Остаймер замечает, что Куэн никогда не выдвигал свою кандидатуру на выборах в сабор в отличие от Калмана Тисы, который, будучи премьер-министром Венгрии, был избран от Либеральной партии в венгерский парламент²². Преемник Куэна Т. Пеячевич тоже избирался в сабор в 1906 г.²³

В территориальном вопросе Народная партия и бан Куэн-Хедервари считали город Фиуме (совр. Риека) и его окрестности территориями, принадлежащими королевству Хорватии, Славонии и Далмации. На протяжении всего правления Куэна и Народной партии территориальная

¹⁹ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 173.*

²⁰ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 174.*

²¹ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 190.*

²² На русском языке см.: *Исламов Т.М.* Граф Иштван Тиса – «сильный человек» Венгрии // *Славяноведение*. 2005. № 3. С. 47–53.

²³ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 175.*

принадлежность Фиуме была предметом дискуссий и споров с венгерской стороной²⁴, которая выступала за полное выделение Фиуме и прилегающих территорий из состава Хорватии и создание отдельного епископства²⁵.

Персоналии. Примечательно, что в тексте монографии автор преимущественно называет Куэна-Хедервари не официальным именем Кáрой, а неофициальным – Драгутин. Возможно, он следует за источниками, современными правлению бана, в которых он тоже назывался Драгутином, а не Кароем, что было вызвано, по всей вероятности, желанием подчеркнуть его частичное славянское (славонское) происхождение. Автор пишет о реальном месте рождения Куэна-Хедервари (Бад-Грефенберг в Моравии, совр. Лазне-Есеник в Чешской Республике), хотя официально сам бан указывал другое место, в Славонии, чтобы в период пребывания в должности хорватского бана восприниматься местным уроженцем. Автор отмечает, что этот и подобные факты из официальной биографии бана были приняты на веру не только электоратом, но и частью историков²⁶. Остаймер пишет, что новый бан был холодно принят всеми хорватскими политическими партиями, а среди населения ходили слухи, что он долго не продержится на этом посту. При этом отдельные представители Народной партии готовы были сотрудничать с «молодым баном»²⁷.

Говоря о кадровой политике Куэна-Хедервари, автор наиболее показательной считает административную реформу 1886 г. в Хорватии, когда была окончательно сформирована жупанийско-котарская система управления, в которой важную роль играли главы котаров (районов). Примечательно, что значительное число чиновников времени Мажуранича и Пеячевича было отправлено на пенсию или понижено в должности, на их место пришли люди Куэна – лично преданные новым властям²⁸.

Автор отмечает, что в первой половине 1890-х гг., примерно около 1893 г., в Народной партии произошла смена поколений и вместо умерших в начале 1890-х «ветеранов» партии (Й. Мишкатовича, М. Хрвата, Л. Вукотиновича) пришли новые лица²⁹. С их приходом вновь усилилась борьба за отстаивание государственных прав Хорватии в отношении Венгрии, хотя незадолго до этого определенным влиянием в партии обладало её крайнее унионистское крыло, сторонники которого считали хорватское государственное право уже не

²⁴ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 191.

²⁵ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 192.

²⁶ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 44.

²⁷ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 46–47.

²⁸ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 177.

²⁹ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 183.

заслуживающим обсуждения, ибо видели его реализацию в пунктах хорвато-венгерского соглашения³⁰.

Говоря о представителях этого нового поколения партийных лидеров, Б. Остаймер обращается к такой значимой фигуре рубежа XIX–XX вв., как Никола Томашич. Этот юрист и профессор факультета государственного права Загребского университета свободно говорил на четырех европейских языках (венгерском, немецком, французском и английском) и был одним из самых образованных людей Хорватии своего времени. Он происходил из семьи приверженцев унионистских взглядов. Сам он являлся сторонником союза с Венгрией, но на равноправных условиях, поддерживал Хорвато-венгерское соглашение 1868 г. Свои взгляды он основывал на убеждении, что исторически вступление в хорвато-венгерский союз было добровольным решением хорватов (*Pacta conventa*), а не результатом завоевания Хорватии венграми. Исходя из этого, Н. Томашич считал важным развивать хорватское право. Эта идея нашла отражение в книге «Основы государственного права Хорватского королевства» (переиздавалась в 1909, 1910 и 1915 гг., а в 1918 г. была переведена на немецкий язык). Б. Остаймер выражает сожаление, что до сих пор не написана подробная политическая биография Н. Томашича³¹. По мнению автора, в течение последнего десятилетия пребывания в должности бана Куэна-Хедервари наиболее выдающимися представителями Народной партии являлись профессор права Й. Пливерич и Н. Томашич. При этом Н. Томашич в 1903–1906 гг. был лидером партии.

Среди приведенных в книге персоналий наш особый интерес вызвал «сегодня забытый», по определению Б. Остаймера, хорватский писатель Фердо Беичич, писавший под псевдонимом Федор Брестов. Он родился в Пшемысле (Перемышле) в 1844 г. в семье служащего, первоначально избрал карьеру военного, но в 1872 г. вышел в отставку. Обучался в Вене на граничарского чиновника (государственный служащий на Военной границе. – *А. Д.*), а затем служил офицером в Бродском и Градишском граничарских полках, а также чиновником в Вуковаре и Загребе, что делает его биографию типичной для человека, решившего связать свою судьбу с институтом Военной границы, ликвидированным окончательно в 1881 г. Главной темой стихотворных и прозаических произведений Ф. Беичича стали судьбы людей Военной границы. Автор указывает, что Ф. Беичича называли хорватским Виктором Гюго³².

Партийный электорат. Говоря о социальной основе Народной партии, автор замечает, что значительную часть ее элиты составляли люди свободных

³⁰ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 184.

³¹ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 181.

³² Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 179–180.

профессий, особенно адвокаты и нотариусы³³. Автор приводит статистику по региону исследования, собранную партией права за 1894 г., согласно которой в Среме было 28 адвокатов – сербов и лишь 8 – хорватов, а также 9 нотариусов – сербов и 2 нотариуса – хорвата³⁴. Признавая истинность этой статистики, автор с помощью нее опровергает обвинения Народной партии в ущемлении прав сербов, раздававшиеся со стороны сербской оппозиции.

Экономическую основу Народной партии, согласно данным автора, составляли дворяне, помещики и представители банковско-финансовых кругов³⁵. Например, автор приводит сведения, что в рассматриваемый период депутатами сабора города Осиека были ряд банкиров и финансистов³⁶.

Остаймер указывает, что для большинства представителей славонско-сремского дворянства и крупных промышленников река Драва не являлась границей, т.к. они мыслили себя частью венгерской элиты. Более того, они были включены в венгерскую экономическую, общественную, культурную и даже религиозную жизнь. У части из них были венгерские корни³⁷, некоторые получили образование в венгерских гимназиях и университетах.

Следует отметить, что автор не ограничивается рассмотрением светской элиты, он исследует также католический и православный клир Славонии и Срема. Остаймер замечает, что католическое священство в основной своей массе придерживалось оппозиционных взглядов. При этом Народную партию поддерживали лишь благочинные некоторых приходов (жупники), тогда как низший клир в основном был за правашей, либо «независимцев» (членов Независимой народной партии). Оппозиционный настрой католического духовенства особенно был характерен для занимавшего значительную часть Славонии и Срема Джаковского епископства³⁸.

Говоря об отношении православного духовенства к Народной партии, автор обращает внимание на то, что на территории Срема находился духовный центр православия в Австро-Венгрии – г. Сремски-Карловцы. При этом два сербских митрополита-патриарха периода правления Куэна Хедервари были назначены венгерскими властями в обход решений сербского народно-церковного собора. Верхушка православного клира и отдельные священники на местах выражали почести хорватскому бану и поддерживали на словах политику правящей

³³ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 193.

³⁴ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 194.

³⁵ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 200.

³⁶ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 201.

³⁷ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 210.

³⁸ Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 225.

Народной партии. Однако автор справедливо видит в этом не столько сознательную поддержку, сколько выражение должного уважения властям³⁹.

В монографии особое внимание уделено взаимоотношениям Народной партии с сербским населением королевства Хорватии и Славонии. Это взаимодействие автор прослеживает через отношения с сербскими политическими структурами: (Самостоятельным) Сербским клубом в хорватском саборе, сербскими политическими партиями Австро-Венгрии и Народно-церковным собором. Члены Сербского клуба в конце 1884 г. решили одновременно считаться и членами клуба Народной партии в саборе, что определило политическую ориентацию сербских депутатов (за исключением отдельных лиц). Для сербских партий было важным сохранить свою оппозиционность не только Народной партии, но и остальным хорватским партиям.

В разделе о взаимоотношениях Народной партии с еврейским населением в Славонии и Среме автор снова прибегает к выделению отдельных персоналий, биографии которых в данном случае наиболее выразительны. В частности, он пишет про адвоката Хьюго Шпитцера, участника первого сионистского конгресса в Базеле (1897), а после 1918 г. лидера югославских сионистов. В 1901 г. он был избран депутатом в городское собрание его родного Осиека. Кроме него депутатом стал и адвокат Юлио Шпрингер, брат которого Бела стал заместителем упомянутого выше Хьюго Шпитцера, тогдашнего председателя осиекской еврейской общины. Кроме них автор осветил деятельность ещё нескольких персоналий. Такой же подход выбран автором и для ознакомления читателя с каждым из крупных городов Славонии и Срема – через приведение сведений об известных людях, членах Народной партии из каждого города.

Заключение

Подводя итоги, Б. Остаймер указывает на проблемы хорватской «служебной» (официальной) историографии до 1990 г. в оценках партийной истории. В частности, он отмечает такие ее слабые стороны как ангажированность и попытки делить исторических деятелей и политические партии на «добрых» и «злых», а также на «патриотов» и «предателей»⁴⁰. Книга Остаймера призвана дать объективную оценку деятельности самой Народной партии, периоду правления бана Куэна-Хедервари и его личности. На наш взгляд, автору удалась взвешенная и объективная оценка рассматриваемой им проблемы, что вносит ощутимый вклад в хорватскую историографию истории Нового времени. Данная книга, очевидно, будет полезна отечественным хорватистам и югославистам, т.к. в российской историографии история

³⁹ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 234–235.*

⁴⁰ *Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. S. 345.*

Народной партии изучена недостаточно. Кроме того, книга может представлять интерес для специалистов по региону Балкан и Центральной Европы и историков партий и общественных движений Нового времени.

The People's Party (*Narodna stranka*) was one of the largest political parties in Croatia in the 19th century. The party was founded in 1841. It grew out of the Croatian Illyrian movement and was called the Illyrian Party (*Ilirska stranka*), but in 1843 it had to change its name. Initially, the party was formed on the basis of the national revival movement, which defended the idea of Croatian national identity as opposed to the pro-Hungarian unionists who founded the Croatian-Hungarian Party (*Hrvatsko-ugarska stranka*). The Illyrians referred to their political opponents as *mađaroni*. On the eve of the Revolution of 1848–49, the names “Illyrian” and “Illyrians” were banned, so the party gradually began to be referred to as Croatian.¹ Despite the change

in name, the party claimed to express the interests of all South Slavic peoples. In the 1860s, Croatian national agenda and Yugoslavian agenda were recorded in the party's program as the main ones, and the party itself was the ruling party until 1867. In 1867, the party refused to recognize the dualistic transformation of the Habsburg monarchy into Austria-Hungary and the coronation of the emperor-king with both Hungarian and Croatian crowns. After the re-election, the power switched to the unionists, who signed the Croatian-Hungarian Settlement (*Nagodba*) in 1868. The *Nagodba* formalized the rights of the Kingdom of Croatia-Slavonia on the basis of sub-dualism within the Hungarian part of the monarchy. The Croatian People's Party

¹ For more, see A.M. Dronov, “From Illyrianism to Croatianism in the Austrian Empire in the first half of the 19th century” [in Russian], *Slavyanovedenie*, no. 1 (2018): 55–69.

(*Narodnjaci*) did not accept this agreement, seeking a new reorganization of the Habsburg monarchy on the basis of trialism or federalism with the separation of the Croatian or the Yugoslavian part as an equal to Austria and Hungary. In 1872 the *Narodnjaci* returned to power, but they had to recognize the Croatian-Hungarian Settlement, which was renewed in 1873 with minor concessions from the Hungarians in favor of Croatia. In the mid-1870s, there was a merger of the unionists with the *Narodnjaci*, and the program of the latter was greatly changed, with unionist provisions included into it. With this new political orientation, the party remained in power until the beginning of the 20th century.² This period is the subject of the monograph *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. [The People's Party in Slavonia and Srem in 1883–1903] by Croatian historian Branko Ostajmer.

The history of the second period of the Croatian People's Party in power (1873–1905) is less studied by historians, and Ostajmer's book fills this gap. In addition, the choice of the geographical aspect is not accidental. B. Ostajmer notes that even in local historical collections, the articles on the period under consideration in the history of Slavonia and Srem can be counted on the fingers of one hand.³ The author is puzzled by the fact that so little attention was paid to the history of the party in these regions, although their territories, especially their Serbian and Jewish populations, were the electoral base of the party. Moreover, of all Croatian political parties of the 19th – early 20th century, the greatest attention in historiography has been paid to the Party of Rights (*Stranka prava, Pravaši*), while the entire spectrum of the so-called *mađaroni* (pro-Hungarian) parties has been insufficiently studied, although from 1841 to 1914 these parties were in power in Croatia.⁴ However, the author refrains himself from describing the People's Party as *mađaroni*.⁵

The author writes that the main difficulty in studying the People's Party is that part of historiography follows political and ideological stereotypes about the party. As the most striking example, he cites the stereotype, widespread in Croatian and

² In Russian, see V.I. Freidzon, *History of Croatia. A brief overview from ancient times to the formation of the republic* (1991) [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2001); V.I. Freidzon, *Struggle of the Croatian people for national freedom: The rise of the liberation movement in 1859–1873. History, ideology, political parties* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1970); S.A. Romanenko, "The problem of national statehood in the programs of political parties in Croatia-Slavonia and Vojvodina in the late 19th – early 20th centuries" [in Russian], in *Balkans in the late 19th – early 20th centuries: essays on the formation of nation states and political structure in South-Eastern Europe*, ed. M.A. Birman and Yu.A. Pisarev (Moscow: Nauka, 1991), 117–54; L.A. Kirilina, A.S. Stykalin, and O.V. Khavanova, eds., *Political parties and social movements in the Habsburg monarchy, 1848–1914: Essays* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2018).

³ B. Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. (Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018), 18.

⁴ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 1–12.

⁵ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 22.

Serbian historiography, about the liberalism of the Illyrian (People's) Party and the alleged conservatism of the unionists (mađaroni), with which the author does not agree.⁶ The author argues with the Marxist historiography of the socialist Yugoslavia period, which painted the period of Ban (viceroy) Khuen-Héderváry exclusively in black tones, and proposes to consider the Habsburg period of Croatian history objectively.⁷ In contrast to the insufficiently studied history of the People's Party, the author notes the availability of works on the history of Croatian Serbs and the Serbian club that represented them in the Sabor as part of the People's Party.

B. Ostajmer bases the book on published and unpublished archival sources, sources of personal origin, and periodicals. As far as archival sources are concerned, the author faced the problem of their shortage due to the almost complete loss of archival documents from the Slavonia and Srem županije of the period in question during the Second World War. The extant sources of personal origin (correspondence, memoirs, etc., of the People's Party leaders) are also not numerous. Therefore, periodicals served as one of the main sources for the author,⁸ and he referred to the publications of the competing parties as well as the press of the People's Party.

The book combines chronological and problem-based approaches. The author justifies this combination by the desire to consider various aspects of the People's Party activities as well as the personalities of its members, which is not typical for other historians who take into account only political and ideological aspects of the issue.⁹

The structure of the book corresponds to the goals and objectives of the study. At the beginning of the monograph, the author acquaints the reader with the region under study – Slavonia and Srem – by giving information about the administrative-territorial division of the region and statistical data on its demography. After that he overviews the history of the People's Party in the period preceding that studied in the book, namely, the reign of Ban L. Pejacević (1880–83), which introduces the reader into the historical context of the eve of Khuen-Héderváry's era. This chapter also pays attention to the biography of Khuen-Héderváry himself until the moment of his appointment as Ban of Croatia.

A separate chapter is devoted to the participation of the People's Party in the elections to the Sabor (the Croatian parliament) and considers all elections to the

⁶ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 13.

⁷ In Russian, see S.A. Romanenko, "Problems of the history of national movements of the Yugoslavian peoples in the late 19th – early 20th centuries in modern historical journalism" [in Russian], in *Yugoslaviya. Aktual'nye problemy obshchestvennogo razvitiya* (Moscow: INION, 1990), 28–47.

⁸ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 15.

⁹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 13–14.

Sabor during the period under study. At the end of the chapter, there is an overview of the participation of the People's Party in elections at various levels: *županijske* (*županija* is the main administrative territorial unit of Croatia; corresponds to *comitat* in the Kingdom of Hungary – A.D.) as well as urban and communal elections.

Chapter 5 is devoted to the People's Movement of 1903 and echoes Section 3.2 of the third chapter "People's Movement of 1883." Thus, the author conducts an analysis of important events of the starting and ending dates of the period under study, which coincide with the first and last years of the reign of Ban Khuen-Héderváry. Overall, Chapters 3, 4, and 5 provide a chronologically structured narrative of the People's Party history, with elections to the Sabor as milestones.

After acquainting the reader with the history of the People's Party, B. Ostajmer proceeds to consider the principles of the party's organization as well as its social base and economic basis in Chapter 6. In fact, Chapter 6 turns out to be a separate large section of the book, which explores the issues of interaction with other parties (for example, Liberal), the Orthodox and Catholic clergy of Slavonia and Srem, large ethnic groups of the region (such as Serbs and Jews), and the nobility (using nine families as an example). The same chapter also pays special attention to the activities of the party in the major cities of the region and analyses the party press both at the all-Croatian and at regional levels. Chapter 7 is dedicated to the outstanding representatives of the People's Party from Slavonia and Srem.

According to B. Ostajmer, the People's Party of the period under study was "still far from a party in the modern sense of the term" as far as its organization was concerned. In particular, he points to such factors as the absence of a press organ and a "clearly formulated and publicized" party program.¹⁰ The author gives this assessment in the middle of the book, although it would be more logical to do it at the beginning.

Following the historian and politician V. Krišković, the author defines the influence of Ban K. Khuen-Héderváry on the development of Croatia at that time as "positive and negative" simultaneously. However, according to the author, that period of Croatian history cannot be understood without studying the People's Party that was in power back then.¹¹ Based on the purpose of the work, the author examines not only the "activities, structure, and partly ideology" of the People's Party but also its impact on the "social, economic, and cultural development" of Slavonia and Srem.¹²

In the second chapter, the author writes that during the reign of Khuen-Héderváry, "numerous roads were built in Slavonia and Srem, canals were dug, swamps were drained," and the length of the railway network was significantly

¹⁰ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 175.

¹¹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 12.

¹² Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 13.

increased.¹³ The author pays special attention to the Slavonian Economic Society, which strengthened and overgrew with 12 branches (as of 1892)¹⁴ during the Khuen-Héderváry's time in power. B. Ostajmer considers the movement of 1883 to be "the beginning of a new chapter in Croatian political history." According to the author, the discontent of the population was caused by "the intertwining of political and economic reasons."¹⁵

The chapter on the election of deputies to the Sabor is preceded by an introductory part. It is devoted to the election procedure itself and its evolution in the early 20th century. The analysis of each electoral cycle is provided with a table of the winning deputies of the People's Party and a diagram of their social status (or profession), which greatly facilitates perception of information, clearly demonstrates social background of deputies, and also makes it possible to compare the data. Turning to the review of the elections to *županijske skupštine* (county assemblies), the author notes that elections of this level have been very little studied in historiography.¹⁶ Speaking about the movement of 1903, B. Ostajmer notes that until the end of April 1903, it was practically impossible to learn anything about the unrest in Croatia from the pro-government newspaper *Narodni novini*. As the author notes, it was possible to "learn more about the events in Macedonia than in Croatia."¹⁷

Slavonism. The author separately examines the problem of a special Slavonic identity. Using the examples from speeches and texts of Ban Khuen-Héderváry, the author shows that the Croatian Ban used the demonym "Slavonian." The ban did not feel like a Croat or a Hungarian. Such identity influenced the policy of Khuen-Héderváry, which was mainly expressed in the support of the Slavonian economic regional societies and other kinds of regional associations as opposed to the all-Croatian ones. Not only did Osijek rise as the capital of Slavonia during the reign of Khuen-Héderváry, but it also tried to become equal to Zagreb, and part of the Slavonian elite emphasized their special status and high position of their region: "Slavonia is not a remote district but a self-sufficient kingdom."¹⁸ At the same time, the author notes that no single attempt to manifest Slavonian separatism was made during that period. The only instance (which can be viewed as such) was the step taken by a part of Zemun's economic elite and the town council members under their control to bring up for discussion the issue of transferring the town from the Kingdom of Croatia-Slavonia to the direct jurisdiction of Hungary. However, this

¹³ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 28.

¹⁴ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 30.

¹⁵ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 34.

¹⁶ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 157.

¹⁷ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 165.

¹⁸ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 280.

Zemun's pro-Hungarian irredentism was not crowned with success and was not essentially associated with Slavonism. In addition to Khuen-Héderváry, Slavonian identity was characteristic of the Pejačević family, two members of which were bans of Croatia. In the instance of the bans and the deputies of the Sabor who identified themselves as Slavonians, it is national identity that the author thinks possible to consider. In our opinion, the information that is so important for understanding regional peculiarities as well as the policy of Croatian bans and Slavonian deputies should have been given at the beginning of the book where the author writes about Slavonia and Srem as a separate region of the Kingdom of Croatia-Slavonia. However, the author placed this section closer to the end of the book, between an overview of the situation of the People's Party in the cities of Slavonia and Srem and a review of central and regional newspapers associated with the People's Party.

The People's Party and Croat-Hungarian relations. According to the author, the leaders of the People's Party saw the Croatian-Hungarian Settlement as the basis for the development of Croatia within Hungary, its *Magna Charta Libertatum*, as historian J. Živković called that agreement. B. Ostajmer notes that the Narodnjaci called for "positive work" under the terms of the agreement currently in force. It is noteworthy that Ban Khuen-Héderváry pointed out the positive work of the People's Party in contrast to other Croatian parties in the Sabor in April 1897.¹⁹ The text also contains cartoons dating back to the period under study which show the opposition parties, such as the Party of Rights (Pravaši), ridiculing the Narodnjaci in power.²⁰

The author pays attention to the relations of the People's Party with the Hungarian Liberal Party allied to it, which was also in power in Hungary during the period under study. According to the author, the critical moment in these relations was 1891 when the Economic Exhibition held in Zagreb turned into a demonstration of the achievements of the Kingdom of Croatia-Slavonia. Dalmatia, Rijeka/Fiume, and Istria (regions that were not part of the kingdom but were inhabited by Croats) were also represented at the exhibition. The exhibition was organized by the People's Party and Ban Khuen-Héderváry himself. However, Hungarian liberals subjected the exhibition to criticism. As the author points out, the Narodnjaci rallied in order to repel Hungarian attacks, and even N. Crnković, a person of extreme unionist views who did not care for the statehood of Croatia at all, defended the exhibition. Despite such crises in the relationship between the two parties, they shared common ideas, and it is quite natural that the defeat of the Hungarian liberals in the 1905 elections led to the defeat of their Croatian allies.²¹

¹⁹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 173.

²⁰ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 174.

²¹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 190.

Comparing Croatian and Hungarian politicians, B. Ostajmer notes that unlike Kálmán Tisza who was elected to the Hungarian parliament from the Liberal Party when he held the post of Prime Minister of Hungary, Khuen never put forward his candidacy for the Sabor elections.²² Khuen's successor T. Pejačević was also elected to the Sabor in 1906.²³

In the territorial issue, the People's Party and Ban Khuen-Héderváry considered the city of Fiume (now Rijeka) and its surroundings as territories belonging to the Kingdom of Croatia, Slavonia, and Dalmatia. Throughout the reign of Khuen and the People's Party, the territorial affiliation of Fiume was the subject of discussions and disputes with the Hungarian side,²⁴ which advocated the complete separation of Fiume and adjacent territories from Croatia and the creation of a separate diocese.²⁵

Personalities. It is noteworthy that in the text of the monograph the author mainly calls Khuen-Héderváry by his unofficial name Dragutin rather than by official name Károly. Perhaps, he follows the sources, contemporary to the reign of the ban, in which he was also called Dragutin rather than Károly. It was probably caused by the desire to emphasize his partial Slavic (Slavonian) origin. The author writes about the real birthplace of Khuen-Héderváry (Bad Gräfenberg in Moravia, now Lázně Jeseník in the Czech Republic), although officially the ban himself indicated another place, in Slavonia, in order to be perceived as a local during his term of office as Ban of Croatia. The author notes that this and similar facts from the ban's official biography were taken for granted not only by the electorate, but also by some historians.²⁶ Ostajmer writes that all Croatian political parties gave a cold shoulder to the new ban, and there were rumors among the population that he would not last long in this post. At the same time, some representatives of the People's Party were ready to cooperate with the "young ban."²⁷

Speaking about the personnel policy of Khuen-Héderváry, the author considers the administrative reform of 1886 in Croatia to be most indicative. The županija-kotari administrative system had been finally formed and the heads of kotari (districts) played an important role in it. It is noteworthy that a significant number of officials of the time of Mažuranić and Pejačević were retired or demoted, and Khuen's people – personally loyal to the new authorities – replaced them.²⁸

²² In Russian, see T.M. Islamov, "Count Istvan Tisza – a 'strong man' of Hungary" [in Russian], *Slavyanovedenie*, no. 3 (2005): 47–53.

²³ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 175.

²⁴ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 191.

²⁵ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 192.

²⁶ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 44.

²⁷ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 46–47.

²⁸ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 177.

The author notes that in the first half of the 1890s, around 1893, a change of generations took place in the People's Party and instead of the veterans of the party who died in the early 1890s (J. Miškatović, M. Hrvat, Lj. Vukotinović) new faces came.²⁹ With their arrival, the struggle for upholding Croatia's state rights in relation to Hungary intensified again, although shortly before that its extreme unionist wing had a certain influence in the party, whose supporters considered Croatian state law no longer worthy of discussion because they saw its implementation in the clauses of the Croatian-Hungarian Settlement.³⁰

Speaking about the representatives of this new generation of party leaders, B. Ostajmer refers to such an important figure at the turn of the 19th and 20th centuries as Nikola Tomašić. This lawyer and professor at the Faculty of Public Law of the University of Zagreb was fluent in four European languages (Hungarian, German, French and English) and was one of the most educated people in Croatia of his time. He came from a unionist family. He was a supporter of an alliance with Hungary on equal terms and of the Croatian-Hungarian Settlement of 1868. He based his views on the belief that from the historical point of view the decision of the Croats to join the Croatian-Hungarian alliance was a voluntary (*Pacta conventa*) rather than the result of the conquest of Croatia by the Hungarians. Proceeding from this, N. Tomašić considered it important to develop Croatian law. This idea was reflected in the book *Temelji državnoga prava Hrvatskoga Kraljevstva* [Fundamentals of State Law of the Croatian Kingdom] (reprinted in 1909, 1910 and 1915, and translated into German in 1918). B. Ostajmer expresses regret that a detailed political biography of N. Tomašić has not been written yet.³¹ According to the author, during the last decade of Ban Khuen-Héderváry's term of office, the most prominent representatives of the People's Party were N. Tomašić and professor of law J. Pliverić, N. Tomašić being the leader of the party in 1903–1906.

Among the persons mentioned in the book, of special interest is Ferdo Becić, a Croatian writer (forgotten today, as B. Ostajmer put it), who wrote under the pseudonym Fedor Brestov. He was born in Przemyśl in 1844 into the family of a clerk; initially he chose a military career but resigned in 1872. He studied in Vienna to become a *granični službenik* (government official of the Military Frontier – *A. D.*) and then served as an officer of the Gradiška regiment and Brod regiment and an official in Vukovar and Zagreb, which makes his biography typical of a person who decided to tie his fate with the Military Frontier, which was finally liquidated in 1881. The fate of the people of the Military Frontier became the main theme of

²⁹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 183.

³⁰ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 184.

³¹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 181.

F. Becić's poetic and prose works. The author points out that F. Becić was called the Croatian Victor Hugo.³²

Party electorate. Speaking about the social basis of the People's Party, the author notes that a significant part of its elite included people of free professions, especially lawyers and notaries.³³ The author cites the 1894 statistics of the region under study, collected by the Party of Rights, according to which there were 28 Serb and only 8 Croatian lawyers and also 9 Serb and 2 Croatian notaries in Srem.³⁴ Recognizing the truth of these statistics, the author refutes the accusations against the People's Party of infringement of the Serbs' rights, which were heard from the Serbian opposition.

According to the author, the economic basis of the People's Party consisted of noblemen, landowners, and representatives of banking and financial circles.³⁵ For example, the author provides information that a number of bankers and financiers were deputies of the Osijek Sabor during the period under study.³⁶

Ostajmer points out that for most representatives of the Slavonian and Srem nobility and large industrialists the Drava River was not a frontier because they thought of themselves as part of the Hungarian elite. Moreover, they were included in Hungarian economic, social, cultural, and even religious life. Some of them were of Hungarian origin,³⁷ and some were educated in Hungarian gymnasiums and universities.

It should be noted that the author is not limited to the consideration of the secular elite. He also examines the Catholic and Orthodox clergy of Slavonia and Srem. Ostajmer notes that the majority of Catholic priesthood held oppositional views. At the same time, the People's Party was supported only by the deans of some parishes (*župniki*), while the lower clergy mostly supported the Pravaši or the members of the Independent People's Party. The oppositional attitude of the Catholic clergy was especially characteristic of Đakovo archdiocese, which occupied a significant part of Slavonia and Srem.³⁸

Speaking about the attitude of the Orthodox clergy to the People's Party, the author draws attention to the fact that the spiritual center of Orthodoxy in Austria-Hungary – the town of Srijemski Karlovci – was located in the territory of Srem. At the same time, during the reign of Khuen-Héderváry, two Serbian metropolitan bishops were appointed by the Hungarian authorities in circumvention of the

³² Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 179–80.

³³ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 193.

³⁴ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 194.

³⁵ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 200.

³⁶ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 201.

³⁷ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 210.

³⁸ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 225.

decisions of the Serbian People's Church Council. The top Orthodox clergy and some parish priests expressed their honors to the Croatian Ban and supported the policy of the ruling People's Party in words only. However, the author rightly sees it as an expression of due respect for the authorities rather than conscious support.³⁹

The monograph pays special attention to the relationship of the People's Party with the Serbian population of the Kingdom of Croatia-Slavonia. The author traces this interaction through relations with Serbian political structures: the (Independent) Serbian Club in the Croatian Sabor, the Serbian political parties of Austria-Hungary, and the People's Church Council. At the end of 1884, the members of the Serbian Club decided to be also considered as members of the People's Party club in the Sabor, which determined the political orientation of Serbian deputies (except for several individuals). It was important for the Serbian parties to maintain their opposition not only to the People's Party but also to the rest of the Croatian parties.

In the section on the relationship of the People's Party with the Jewish population in Slavonia and Srem, the author resorts to describing individual personalities whose biographies are most representative in this case. In particular, he writes about Hugo Spitzer, a lawyer who participated in the First Zionist Congress in Basel (1897) and later became the leader of the Yugoslav Zionists (after 1918). In 1901 he was elected to the city council of his native Osijek. Lawyer Julio Springer was also elected to the council, and his brother Bela Springer became deputy chairman of the Jewish Community of Osijek headed by Hugo Spitzer at the time. The same approach – giving information about famous people from each city who were members of the People's Party – was chosen by the author in order to acquaint the reader with each of the major cities of Slavonia and Srem.

Conclusion

Summing up, B. Ostajmer points to the problems of the Croatian official historiography before 1990 in the assessment of the party history. In particular, he notes such weaknesses as bias and attempts to divide historical figures and political parties into “good” and “evil” as well as “patriots” and “traitors.”⁴⁰ Ostajmer's book is designed to give an objective assessment of the activities of the People's Party, the period of reign of Ban Khuen-Héderváry, and his personality. In our opinion, the author succeeded in giving a balanced and objective assessment of the problem under consideration, which is a tangible contribution to the Croatian historiography of the history of Modern Era. This book will obviously be useful for domestic scholars of Croatia and Yugoslavia because the history of the People's Party has not been sufficiently studied in Russian historiography. In addition, the book may be of

³⁹ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 234–35.

⁴⁰ Ostajmer, *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu*, 345.

interest to specialists in the Balkans and Central Europe and historians of parties and social movements of the Modern Era.

Список литературы

Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.

Исламов Т.М. Граф Иштван Тиса – «сильный человек» Венгрии // Славяноведение. 2005. № 3. С. 47–53.

Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.: Очерки / под редакцией Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой. Москва: Индрик, 2018. 408 с.

Романенко С.А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX века // Балканы в конце XIX – начале XX века. Москва: Наука, 1991. С. 117–154.

Романенко С.А. Проблемы истории национальных движений югославянских народов конца XIX – начала XX века в современной исторической публицистике // Югославия. Актуальные проблемы общественного развития. Москва: ИНИОН, 1990. Вып. 9. С. 28–47.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 318 с.

Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъём освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. Москва: Наука, 1970. 384 с.

Ostajmer B. Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018. 393 s.

References

Dronov, A.M. “Ot illirizma k khorvatizmu v Avstriiskoi imperii pervoi poloviny XIX veka” [From Illyrianism to Croatianism in the Austrian Empire in the first half of the 19th century]. *Slavyanovedenie*, no. 1 (2018): 55–69. (In Russian)

Freidzon, V.I. *Bor'ba khorvatskogo naroda za natsional'nyu svobodu: Pod'em osvoboditel'nogo dvizheniya v 1859–1873 gg. Istoriya, ideologiya, politicheskie partii* [Struggle of the Croatian people for national freedom: The rise of the liberation movement in 1859–1873. History, ideology, political parties]. Moscow: Nauka, 1970. (In Russian)

Freidzon, V.I. *Istoriya Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.)* [History of Croatia. A brief overview from ancient times to the formation of the republic (1991)]. St Petersburg: Aleteiya, 2001. (In Russian)

Islamov, T.M. “Graf Ishtvan Tisa – ‘sil'nyi chelovek’ Vengrii” [Count István Tisza – a ‘strong man’ of Hungary]. *Slavyanovedenie*, no. 3 (2005): 47–53. (In Russian)

Kirilina, L.A., A.S. Stykalin, and O.V. Khavanova, eds. *Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniya v monarkhii Gabsburgov, 1848–1914 gg.: Ocherki* [Political parties and social movements in the Habsburg monarchy, 1848–1914: Essays]. Moscow: Indrik, 2018. (In Russian)

Ostajmer, B. *Narodna stranka u Slavoniji i Srijemu 1883.–1903*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2018.

Romanenko, S.A. “Problema natsional'noi gosudarstvennosti v programmakh politicheskikh partii Khorvatii-Slavonii i Voevodiny v kontse XIX – nachale XX veka” [The problem of national statehood in the programs of political parties in Croatia-Slavonia and Vojvodina in the late 19th – early 20th centuries]. In *Balkany v kontse XIX – nachale XX veka: ocherki stanovleniya natsional'nykh gosudarstv i politicheskoi struktury v Yugo-Vostochnoi Evrope* [Balkans in the late 19th – early 20th centuries: essays on the formation of nation states and political structure in South-Eastern Europe], edited by M.A. Birman and Yu.A. Pisarev, 117–54. Moscow: Nauka, 1991. (In Russian)

Romanenko, S.A. “Problemy istorii natsional'nykh dvizhenii yugoslavyanskikh narodov kontsa XIX – nachala XX veka v sovremennoi istoricheskoi publitsistike” [Problems of the history of national movements of the Yugoslavian peoples in the late 19th – early 20th centuries in modern historical journalism]. In *Yugoslaviya. Aktual'nye problemy obshchestvennogo razvitiya* [Yugoslavia. Current problems of social development], is. 9, 28–47. Moscow: INION, 1990. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Михайлович Дронов – кандидат исторических наук, научный сотрудник; dronov839@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-5219>, Институт славяноведения РАН (119991 Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А)

Information about the author

Aleksandr M. Dronov – Candidate of Historical Sciences, researcher; dronov839@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7348-5219>, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32-A, Leninskii prospect, Moscow, Russia, 119991)

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; принята к публикации 30.08.2021.
The article was submitted 09.08.2021; accepted for publication 30.08.2021.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 298–321
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 298–321

Рецензия

УДК 94(47).083+94(47).084.3

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-8>

История гибели Николая II и его семьи через призму источниковедения

Рецензия на: Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. Москва: РГГУ, 2020. 192 с.

Марк Андреевич Князев,

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

kn.mark.nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>

Mark A. Knyazev,

Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

kn.mark.nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>

Аннотация. Историография гибели российского императора Николая II, его семьи и приближенных пополнилась новой книгой. Монография известного историка Е.В. Пчелова «Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии», вышедшая в 2020 г. в издательстве Российского государственного гуманитарного университета, основана на результатах источниковедческого анализа некоторых вопросов, связанных с гибелью представителей российского императорского дома на Урале в годы Гражданской войны. Книга состоит из четырех разделов (глав), в которых разбираются соответственно четыре дискуссионных и недостаточно изученных проблемы в рамках указанной темы. Первая глава книги посвящена загадочной судьбе документов белогвардейского следствия по делу об убийстве царской семьи, при этом автор приходит к выводу, что материалы, сохранившиеся в разных уголках мира, в целом позволяют реконструировать содержание одиннадцати томов следственных материалов. Во второй части работы рассматривается проблема интерпретации находок, сделанных следователем Н.А. Соколовым в районе рудника Ганина яма, где была сожжена одежда погибших. Автор выражает несогласие с выводами белого следователя о полном уничтожении останков Романовых. Третий раздел книги освещает дискуссионную проблему

© Князев М.А., 2022

© Knyazev M., 2022

«загадочных» надписей в подвале дома Н.Н. Ипатьева, где была расстреляна императорская семья. Е.В. Пчелов ставит под сомнение «мистическую» и «каббалистическую» подоплеку этих надписей, хотя подчеркивает, что необходимо их дальнейшее научное изучение. В заключительной главе автор предлагает решение вопроса, давала ли Москва в лице В.И. Ленина и Я.М. Свердлова санкцию на убийство Романовых в Екатеринбурге. Исследователь приходит к обоснованному выводу о наличии «негласного» разрешения большевистской верхушки на уничтожение царской семьи. В рецензии отмечаются как положительные стороны исследования Е.В. Пчелова, так и некоторые неточные или недостаточно полные выводы автора, обусловленные, с одной стороны, игнорированием предшествующей историографии, а с другой стороны, упрощенным пониманием «источниковедческого подхода» как опоры исключительно на «имеющиеся источники».

Ключевые слова: Гражданская война, гибель Царской семьи, екатеринбургские останки, расследование, исторический источник, источниковедение, мемуары, Николай II, В.И. Ленин, Я.М. Свердлов

Для цитирования: Князев М.А. История гибели Николая II и его семьи через призму источниковедения. *Рецензия на:* Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. Москва: РГГУ, 2020 // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 298–321, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-8>

The story of the death of Nicholas II and his family through the prism of source study

Review of Pchelov, E.V. Tsareubiistvo 1918 goda: istochniki, voprosy, versii
[The regicide of 1918: sources, questions, and versions]. Moscow: RGGU, 2020.

Abstract. The historiography of the death of Russian Emperor Nicholas II, his family and retinue has been replenished with a new book. The monograph by famous historian Evgenii Pchelov *The Regicide of 1918: Sources, Questions, and Versions* published in 2020 by the publishing house of the Russian State University for the Humanities is based on the results of a source analysis of some issues related to the death of the members of the Russian imperial house in the Urals during the Civil War. The book consists of four sections (chapters), which respectively deal with four debatable and insufficiently studied issues within the framework of this topic. The first chapter of the book is dedicated to the mysterious fate of the documents of the White Guard investigation of the case of the murder of the tsar's family. The author comes to the conclusion that the extant materials from different parts of the world, in general, make it possible to reconstruct the contents of eleven volumes of the case files. The second part of the work deals with the issue of interpretation of the finds made by investigator Nikolai Sokolov in the area of the Ganina Yama mine where the clothes of the victims were burned. The author disagrees with the conclusions of the White investigator about the complete destruction of the Romanovs' remains. The third section of the book covers the controversial issue of "mysterious" inscriptions in the basement of the Ipatiev House, where the imperial family was shot. Evgenii Pchelov questions the mystical and cabbalistic background of these inscriptions, although he emphasizes that their further scientific study is necessary. In the final chapter, the author proposes a solution to the issue of whether Moscow represented by Vladimir Lenin and Yakov Sverdlov sanctioned the murder of the Romanovs in Yekaterinburg. The researcher comes to a reasonable conclusion about the presence of a tacit

permission from the top Bolsheviks to destroy the tsar's family. The review notes both positive aspects of Evgenii Pchelov's research and some inaccurate or insufficient conclusions of the author which were caused by ignoring the previous historiography, on the one hand, and by a simplified understanding of the source-study approach as relying solely on "available sources," on the other hand.

Keywords: Russian Civil War, death of the Tsar's family, Yekaterinburg remains, investigation, historical source, source study, memoirs, Nicholas II, Vladimir Lenin, Yakov Sverdlov

For citation: Knyazev, M. "The story of the death of Nicholas II and his family through the prism of source study. Review of Pchelov, E.V. *Tsareubiistvo 1918 goda: istochniki, voprosy, versii* [The regicide of 1918: sources, questions, and versions]. Moscow: RGGU, 2020. *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 298–321, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-8>

Введение

Тема гибели Николая II, его семьи и приближенных в Екатеринбурге в 1918 г. давно привлекает внимание исследователей¹. И это неудивительно, так как бессудное убийство бывшего монарха, его супруги и пятерых детей стало не только одним из ключевых событий Гражданской войны в России, но и, по сути, прервало существование трехсотлетней династии Романовых. Обстановка секретности и таинственности, в которой произошла т. н. «казнь», стала причиной появления большого количества литературы по этой теме – от художественно-публицистической до специально-научной. Однако попытки реконструкции предыстории преступления, подробностей убийства, а также сокрытия его следов, предпринимаемые в историографии в течение ста лет, не только не привели к «снятию» вопросов, но и породили немалое количество дискуссионных проблем. На ком лежит персональная ответственность за гибель императорской семьи, кто отдавал

¹ См., например: Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. Москва: Вече, 2005; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. Москва: Республика, 1992; Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. Москва: Терра, 1997; Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург: Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», 2003; Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. Москва: РОССПЭН, 2007; Мультатули П.В. Николай II: Дорога на Голгофу: Свидетельствуя о Христе до смерти.... Москва: АСТ: Астрель, 2010; Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле». Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2013; Оболенский А.А., Агаджанян Э.Г. Царская ложь: итоги расследования. Санкт-Петербург: НПК «Омега», 2020.

приказ, а кто был исполнителем этой политической акции, что произошло с останками убитых в подвале дома Н.Н. Ипатьева – эти вопросы до сих пор активно обсуждаются в литературе, однако дискуссия еще далека от завершения.

Дать квалифицированные и научно обоснованные ответы на некоторые из этих сложных вопросов призвана вышедшая в конце 2020 г. в издательстве Российского государственного гуманитарного университета монография кандидата исторических наук, заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института Евгения Владимировича Пчелова под названием «Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии»².

Появление этой работы на книжных прилавках именно сейчас неслучайно. Дело в том, что в 2015 г. Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ) возобновил расследование обстоятельств гибели царской семьи, однако, в отличие от предыдущего следствия 1993–1998 гг., в его рамках было решено провести историко-архивную экспертизу обстоятельств убийства. Для ее осуществления СК РФ был привлечен ряд квалифицированных архивистов, историков, в том числе и автор рецензируемого издания. Во избежание недоразумений Е.В. Пчелов уже во введении подчеркнул, что содержащиеся в монографии результаты исследований, проведенных в рамках историко-архивной экспертизы, отнюдь не являются «официальными результатами» следствия, а представляют собой лишь «сопутствующий» материал, добытый в ходе научных изысканий³.

Предупреждая возможный вопрос искушенного читателя о новизне и уникальности предлагаемого труда в сравнении с работами предшественников, историк отметил, что данная монография написана в русле «сугубо источниковедческого подхода», суть которого определяется так: «опираться прежде всего на имеющиеся источники и делать выводы только на основе анализа их сведений»⁴. Но разве этот подход (в трактовке Е.В. Пчелова) не является базовым для всех исторических исследований, в том числе касающихся темы гибели представителей императорского дома?

Не может не вызвать вопросов и следующее утверждение (особенно его вторая часть):

В основе настоящей книги лежат почти исключительно непосредственно документы, а потому ссылки на историографию приведены лишь по необходимости⁵.

² Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии / ответственный редактор А.Б. Безбородов. Москва: РГГУ, 2020.

³ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 7.

⁴ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 12.

⁵ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 12.

Однако использование источников, как опубликованных, так и неопубликованных, отнюдь не отменяет необходимости предваряющего исследование историографического обзора. К сожалению, вместо анализа литературы автор ограничился перечислением «наиболее заслуживающих внимание работ», хотя не пояснил, по каким критериям были отобраны именно эти труды. Отметим, что из указанных шести авторов лишь трое имеют отношение к академической исторической науке⁶, в список включены работы геолога⁷, юриста⁸ и, по-видимому, журналиста⁹. Учитывая этот факт, вызывает удивление незаслуженная критика в адрес доктора исторических наук И.Ф. Плотникова, видного специалиста по истории Гражданской войны, который, по мнению Пчелова, оказался «в плену ложных сведений», «полностью» доверившись «фальшивым документам и воспоминаниям И. Мейера и абсолютным выдумкам псевдоисторика И. Бунича»¹⁰. Однако в своем фундаментальном исследовании¹¹ Плотников дал подробный анализ воспоминаний австрийского военнопленного И.П. Мейера¹², отметив их высокий источниковый потенциал, хотя и не исключил их частичной или даже полной фабрикацией (как, собственно, и т. н. «документов Мейера» о гибели царской семьи)¹³. В меру осторожное отношение историк проявил и к известной книге И.Л. Бунича¹⁴, подчеркнув, что «вопрос о степени достоверности приводимых указанным автором документов требует дополнительной проверки»¹⁵. Таким образом, утверждение о полном «доверии» ученого к сведениям указанных авторов является ошибочным. Более того, монография И.Ф. Плотникова признана специалистами и давно заняла достойное место в историографии гибели Романовых, а аргументированное оппонирование уральскому историку, безусловно, только повысило бы весомость оценки Е.В. Пчелова.

⁶ См., например: Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии; Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи.

⁷ Авдонин А.Н. Ганина яма: история поисков останков царской семьи. Екатеринбург: Реал-Медиа, 2013.

⁸ Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле».

⁹ Розанова Н.Л. Царственные страстотерпы. Посмертная судьба. Москва: Вагриус, 2008.

¹⁰ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 12.

¹¹ Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи.

¹² Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера / перевод с немецкого П.А. Коновницына. Москва: Товарищество «Возрождение» Всероссийского фонда культуры, 1990.

¹³ Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. С. 173–200.

¹⁴ Бунич И.Л. Быль беспредела, или Синдром Николая II. Санкт-Петербург: Облик, 1995.

¹⁵ Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. С. 168.

В своем исследовании автор сосредоточил внимание на некоторых «острых и дискуссионных вопросах, связанных с екатеринбургской трагедией»¹⁶. Эти четыре вопроса, поставленные историком, собственно, и определили четырехчастную структуру монографии. Правда, отсутствие историографического предисловия опять же не позволяет читателю проследить, каким образом Пчелов пришел к необходимости решения именно этих проблем, имеются ли ответы на эти вопросы в литературе, и если они есть, то каким образом автор пытается уточнить или опровергнуть мнение других исследователей.

Основная часть

Первая глава книги посвящена судьбе документов белогвардейского следствия по делу об убийстве членов императорской фамилии. Несмотря на то, что эта проблема нечасто поднимается в литературе, ее решение необходимо для полноценного изучения обстоятельств гибели Романовых.

Начатое в Екатеринбурге в конце июля 1918 г. (менее чем через две недели после преступления) и законченное лишь в Париже в сентябре 1923 г., дело об убийстве представителей царской фамилии имело сложную и запутанную историю. За это время успели смениться три следователя – А.Д. Намёткин (1918), И.А. Сергеев (1918–1919) и Н.А. Соколов (1919–1923), а одиннадцать томов материалов, собранных ими за годы расследования, оказались рассредоточенными по различным архивохранилищам и библиотекам России и США. Перед читателями книги разворачивается едва ли не детективная история с изготовлением копий документов в целях обеспечения их сохранности в условиях Гражданской войны (Чита, 1919 г.), их переправкой в 1920 г. через Дальний Восток (Харбин) в Западную Европу (Париж), передачей части документальных материалов бывшему послу России в Италии М.Н. Гирсу, затем похищением части архива Н.А. Соколова русскими и немецкими коммунистами в Берлине в 1921 г., а затем обнаружением их и возвращением в СССР советскими военными властями в 1945 г.¹⁷

Результатом кропотливой работы, связанной с изучением истории перемещений материалов следствия, стала сводная таблица¹⁸, в которой автор в сжатом виде представил основную информацию о сохранившихся подлинниках и копиях дела, а также местах их хранения на сегодняшний день.

К сожалению, большинство документов следствия дошло до нас только в копиях, однако сохранившиеся материалы в целом позволяют реконструировать содержание одиннадцатитомного дела.

¹⁶ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 12.

¹⁷ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 23–31.

¹⁸ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 40

Во второй главе анализируется вопрос о том, что было найдено в районе рудника Ганина яма близ Екатеринбурга, куда после убийства были привезены трупы царя, его семьи и приближенных, и какие выводы из этого были сделаны белым следствием.

Так как Н.А. Соколов, как и его предшественники, не смогли задержать и допросить ни одного из участников убийства¹⁹, впрочем, как и тех, кто участвовал в сокрытии останков царской семьи, он был вынужден делать свои выводы о посмертной судьбе тел лишь по вещественным доказательствам, а также косвенным свидетельствам допрашиваемых им лиц.

Скрупулезно и дотошно, подобно следователю, Е.В. Пчелов реконструирует историю находок в районе Ганиной ямы, обращая особое внимание на те оценки, которые давались этим вещественным доказательствам сначала полуграмотными крестьянами, затем белыми партизанами и хуторянами, посетившими рудник, группой белых офицеров и судебными властями Екатеринбурга²⁰. Не используя эффектных художественных средств, выразительных речевых оборотов, автор тем не менее постепенно погружает читателя в обстановку лета 1918 г., ведет его за собой по следам преступления, вместе с допрашиваемыми измеряет костры, в которых сжигалась одежда убитых, принимает одни версии и отвергает другие, все дальше и дальше продвигаясь по пути расследования.

Нужно признать, что в вопросе о судьбе останков автор приходит к иному, нежели Н.А. Соколов, выводу о том, что тела монарха, его семьи и приближенных не были уничтожены огнем и серной кислотой в районе Ганиной ямы. В качестве аргументов Пчелов указал, в частности, на то, что в кострищах около т. н. «открытой шахты» следствием было обнаружено малое количество обгоревших костей, которые, как и следы сальных масс, так и не были точно атрибутированы как принадлежавшие человеку²¹. В русло авторских рассуждений, казалось бы, логично встраивается версия, широко известная сегодня по так называемой «записке» руководителя убийства Я.М. Юровского, согласно которой трупы семьи Николая II были захоронены в

¹⁹ Исключением в данном случае выступает начальник внешней охраны Дома особого назначения, где содержалась семья Николая II, П.С. Медведев, который был допрошен белыми. Однако вопрос о том, участвовал ли он в убийстве, является дискуссионным.

²⁰ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 42–78.

²¹ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 91–92.

Поросёнковом логу, в нескольких километрах от Ганиной ямы²². Судя по всему, этой же версии симпатизирует и сам автор, оценивая ее как «правду»²³.

Однако трудно полностью согласиться с выводом Пчелова о том, что найденных Соколовым костных останков недостаточно для подтверждения полного уничтожения тел Романовых.

Учитывая тот факт, что в ночь с 17 на 18 июля, как об этом свидетельствовал чекист И.И. Родзинский, было «сыро» и «холодно»²⁴, тела могли сжигать в какой-либо емкости, а не на земле (почему-то автор категорически отверг имевший место слух о «смоляном бочонке», в котором сжигалось тело царя²⁵). К тому же Соколов в силу объективных причин (наступление красных на Екатеринбург) не успел провести полное обследование глиняной площадки, где были обнаружены следы от одного из костров и сожжена одежда убитых. Также было бы странно предполагать, чтобы большевики оставили следы преступления в виде недогоревших костей на поверхности площадки, где их могли без труда обнаружить.

Также Пчелов упоминает о третьем кострище на руднике, диаметром около трех метров, которое было случайно обнаружено Соколовым уже накануне завершения екатеринбургского этапа расследования и потому изучено не в полной мере²⁶. Во-первых, обращают на себя внимание размеры этого кострища, в три-четыре раза превосходившие диаметр других, где сжигалась одежда. Во-вторых, если два кострища были без труда обнаружены еще в июле 1918 г., а третье было открыто значительно позже, следовательно, оно было тщательнее замаскировано? Что же могло сжигаться на этом, большего размера костре? Ответ на этот вопрос белое следствие дать не успело. Следовательно, ставить точку в вопросе о правильности или ошибочности версии Соколова пока еще рано, вернее, эта тема нуждается в дополнительном исследовании, при этом не только в рамках исторической науки, но и биологии, химии, антропологии и других дисциплин.

Особый интерес во второй главе вызывает та часть, которая посвящена слухам о судьбе останков семьи Романовых. К сожалению, автор ограничился

²² Записка Я.М. Юровского о расстреле царской семьи и сокрытии трупов // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи: сборник документов и материалов / под редакцией В.М. Хрусталева. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 236–239.

²³ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 107.

²⁴ Князев М.А. «Конечно, самое-то ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось»: воспоминания чекиста И.И. Родзинского о сокрытии останков Царской семьи под Екатеринбургом в 1918 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 334. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-318-340

²⁵ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 112–113.

²⁶ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 92.

лишь кратким изложением их содержания²⁷, не подвергая их тщательному анализу и классификации. Тем не менее анализ слухов как исторического источника – важная часть комплексного источниковедческого анализа материалов белого следствия (ведь именно белыми по большей части эти слухи и были собраны). Безусловно, этот сюжет мог бы быть развит в отдельной главе книги, но, поскольку этого не произошло, он оставляет возможности для более подробного изучения в будущем²⁸.

Третья глава монографии посвящена вопросу, который активно обсуждается в историографии – что означают «загадочные надписи» в Ипатьевском доме. Речь идет о двух записях, сделанных на обоях подвальной расстрельной комнаты – цитате из стихотворения Г. Гейне «Валтасар», а также рукописных знаках и цифрах, оставленных неизвестной рукой.

В историографии публицистической направленности давно бытует мнение о том, что эти записи носили «мистический» или даже «каббалистический» характер. Может показаться, что решение данного вопроса вряд ли возможно в рамках исторической науки. Тем не менее, на помощь автору вновь приходит источниковедческий подход.

Воспроизводя надпись из Гейне по материалам Н.А. Соколова, Пчелов пришел к выводу, что стихотворная цитата, помещенная на обоях, представляет собой (за исключением одного предлога) кальку с немецкого оригинала, что исключает версию об «игре слов» или каких-либо манипуляциях с именем вавилонского правителя Валтасара²⁹. Важным представляется и замечание о времени появления этой надписи: она могла быть создана в промежуток с 17 по 25 июля 1918 г., когда к дому была приставлена стража³⁰. Таким образом, оставить ее в это время мог любой человек, посетивший дом Ипатьева и знавший стихотворение Гейне наизусть.

Рассуждая о природе «цифровых» записей, оставленных в расстрельной комнате, автор склоняется к мнению, уже высказанному в историографии, о том, что они являются следами арифметических подсчетов и могли быть

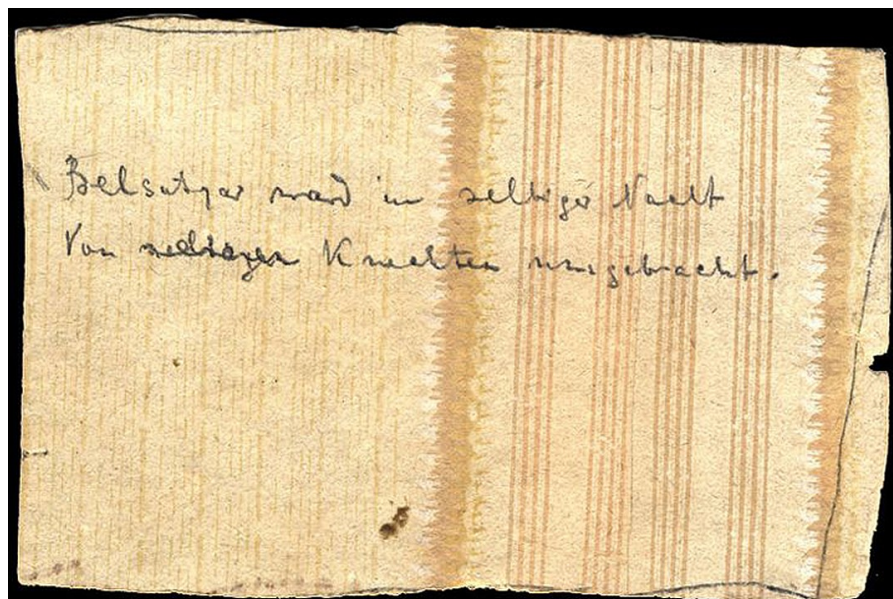
²⁷ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 104–115.

²⁸ Некоторые предварительные результаты исследования данной проблемы были изложены автором рецензии в отдельной публикации: Князев М.А. Сожжены или сокрыты? Судьба останков Николая II и его семьи в зеркале слухов: к постановке проблемы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.) / под редакцией Д.И. Петина и др. Омск: ОмГТУ, 2021. С. 132–141.

²⁹ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 125.

³⁰ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 130.

сделаны еще до убийства, так как в подвале дома некоторое время размещалась контора агентства по торговле черными металлами «Макеев и Голландский»³¹.

Фрагмент обоев с надписью на немецком языке, обнаруженный членом суда И.А. Сергеевым в подвальной комнате Дома Ипатьева, где была расстреляна царская семья: “Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht” [«В эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами» – строки из поэмы Г. Гейне «Валтасар»].

Источник: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

Особое внимание Е.В. Пчелов уделил анализу сведений о расшифровке «тайных» знаков, размещенных по соседству с цифрами. Историк в критическом ключе рассмотрел брошюру «параученого» М.В. Скарятин (Энель) «Жертва» (1925), которая была и является основным источником для экзегетического разбора этих символов. Автор отмечает неточности в рассуждениях Энеля, произвольность толкования отдельных знаков, что, безусловно, ставит под сомнение выводы о «каббалистической» подоплеке данной надписи. Тем не менее Е.В. Пчелов подчеркнул промежуточность собственного вывода, отметив, что «анализ надписи ... следует провести заново, с привлечением соответствующих специалистов в области криптографии, каббалистики и восточных письменностей и языков»³².

Вынесенный в заглавие четвертой главы вопрос о том, давал ли большевистский центр санкцию на убийство императорской семьи, относится к числу наиболее дискуссионных вопросов темы. Причина такого обсуждения вполне понятна: на сегодняшний день так и не обнаружено документа за

³¹ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 130; Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле». С. 464.

³² Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 141.

подписью председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина и председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Я.М. Свердлова, в котором бы черном по белому был зафиксирован приказ об уничтожении Романовых. И если для одних это является доказательством непричастности Москвы к екатеринбургской трагедии, то для других – свидетельством того, что большевистские лидеры стремились максимально скрыть свое участие в решении судьбы царской семьи. «Слабое звено» в цепочке подобного рода рассуждений – отсутствие опоры на источники, хотя бы и косвенные, которые, тем не менее, сохранились.

Основным источником для решения проблемного вопроса в данной главе в отличие от предыдущих разделов монографии выступили не материалы белого следствия, а советские мемуарные тексты, повествующие об убийстве представителей царствующего дома. Весьма интересным представляется выделение автором т. н. «мемуарных волн» 1920–1930-х и 1950–1960-х гг., посвященных гибели Романовых, в которых можно наблюдать эволюцию трактовок и оценок трагических событий 1918 г.³³ Предложенная автором реконструкция событий убедительно доказывает, что гибель императорской семьи отнюдь не была самочинством местных уральских властей, а была осуществлена с негласной санкции большевистской верхушки в Москве.

Но была ли эта верхушка – в лице В.И. Ленина и Я.М. Свердлова – едина в представлениях о судьбе Романовых? Е.В. Пчелов дает однозначно утвердительный ответ³⁴, хотя материалы, введенные в научный оборот в недавнее время, не позволяют столь определенно отвечать на этот вопрос. Было установлено, в частности, что в конце августа 1918 г., после покушения Ф. Каплан на Ленина, лидер петроградских большевиков Г.Е. Зиновьев выступил с предложением передать высшую власть в стране тандему Я.М. Свердлова и Л.Д. Троцкого в условиях смертельного (как полагали) ранения В.И. Ленина³⁵. И хотя этот факт не имеет прямого отношения к истории цареубийства, тем не менее он не может не подтолкнуть к определенным рассуждениям, а именно по поводу «связки» Свердлов–Зиновьев.

Примечательно, что телеграмму с завуалированным запросом о возможности убийства Романовых представители Уральского областного совета Ф.И. Голощёкин и Г.И. Сафаров послали не напрямую в Москву, а через Петроград и лично Зиновьева. Зачем это было нужно, если прямая связь между Екатеринбург и Москвой была? Пчелов справедливо замечает, что

³³ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 151–153.

³⁴ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 150.

³⁵ Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. Москва: АИРО-XXI, 2016. С. 121–142.

«большевистское руководство Екатеринбурга хотело, чтобы и Зиновьев был в курсе событий и выступал как бы «сторонним» свидетелем этой ситуации»³⁶. Однако, к сожалению, автор не развил мысль, какую же цель могло преследовать включение в эти переговоры руководителя Петрограда.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в телеграмме на имя Ленина и Свердлова уральцы просят ответить в том случае, если «ваши мнения противоположны» – не является ли это косвенным свидетельством в пользу противоречий, имевших место между руководителями Советского государства, о судьбе представителей императорской фамилии? Примечательна и адресация телеграммы, переданной Зиновьевым в Москву: на верхнем ее поле указано «Москва Ленину», однако в «зиновьевском» тексте мы читаем: «Москва Кремль Свердлову копия Ленину»³⁷. Не означает ли это, что Зиновьевым в первую очередь ставился в известность Свердлов, а не Ленин, следовательно, голос председателя ВЦИК был определяющим? При этом документальные свидетельства получения главой СНК такой телеграммы отсутствуют, что не позволяет однозначно и полноценно утверждать, что имелась его персональная санкция на убийство: «молчание» Ленина могло быть обусловлено совсем не согласием со Свердловым, а тем, что он не получил копию телеграммы с Урала.

Таким образом, утверждать, что Ленин и Свердлов имели единую позицию по вопросу о судьбе Романовых пока все-таки преждевременно, а сама проблема принятия данного решения, безусловно, должна решаться в контексте борьбы за власть в большевистской верхушке летом 1918 г.

Заключение

Подводя итог размышлениям над монографией Е.В. Пчелова, хотелось бы отметить, что декларируемый автором в предисловии источниковедческий подход к проблеме, несмотря на его важность, отнюдь не должен становиться «панацеей» для историка, тем более, при изучении темы, носящей междисциплинарный характер. Однако этот серьезный инструмент в руках исследователя может быть полезен при комплексном изучении накопленной за сто лет историографии гибели Романовых. Использование потенциальных возможностей такого направления, как источниковедение историографии, позволит более точно определить основные направления в дискуссии по теме, выявить сильные и слабые стороны в аргументации ученых и, с учетом полученных результатов, найти оптимальные пути решения тех или иных проблем.

³⁶ Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии. С. 174.

³⁷ Телеграмма Г.Е. Зиновьева Председателю Совнаркома В.И. Ленину и Я. М. Свердлову о полученном сообщении из Екатеринбурга относительно участи царской семьи // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 653. Л. 12.

Introduction

The topic of the death of Nicholas II and his family and retinue in Yekaterinburg in 1918 has been attracting attention of researchers for a long time.¹ And this is not surprising, since not only did the extralegal execution of the former monarch, his wife, and five children become one of the key events of the Civil War in Russia, but also it terminated the existence of the three-hundred-year-old Romanov dynasty. The atmosphere of secrecy and mystery in which the so-called execution was held became the reason for the emergence of a large amount of literature on this topic – from essays and journalistic publications to special scholarly works. However, the attempts to reconstruct the prehistory of the crime as well as the details of the murder and concealment of its traces, which have been undertaken in historiography for a hundred years, not only failed to answer the questions but also gave rise to a considerable number of controversial problems. Who bears personal responsibility for the death of the imperial family? Who gave the order? Who was the executor of this political action? What happened to the remains of those killed in the basement of the Ipatiev House? These questions are still being actively discussed in the literature but the discussion is far from being over.

¹ See, e.g., S.P. Mel'gunov, *The fate of Emperor Nicholas II after abdication: historical and critical essays* [in Russian] (Moscow: Veche, 2005); G.Z. Ioffe, *Revolution and the fate of the Romanovs* [in Russian] (Moscow: Respublika, 1992); Yu.A. Buranov and V.M. Khrustalev, *The regicides. Destruction of the dynasty* [in Russian] (Moscow: Terra, 1997); I.F. Plotnikov, *The truth of the history. Death of the Tsar's family* [in Russian] (Yekaterinburg: Sverdlovskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Za dukhovnost' i npravstvennost", 2003); L.A. Lykova, *Investigation into the murder of the Russian imperial family. Historiographical and archaeological essay* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2007); P.V. Mul'tatuli, *Nicholas II: The road to Calvary: Testifying of Christ till death...* [in Russian] (Moscow: AST: Astrel', 2010); Yu.A. Zhuk, *Question marks in the 'Tsar's case'* [in Russian] (St Petersburg: BKhV-Peterburg, 2013); A.A. Obolenskii and E.G. Agadzhanyan, *The Tsar's lie: the findings of the investigation* [in Russian] (St Petersburg: Omega, 2020).

To give qualified and scientifically reasoned answers to some of these complex questions is the aim of the monograph by Evgenii V. Pchelov, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Auxiliary Historical Disciplines and Archaeography of the Historical and Archival Institute, which was published under the title *The Regicide of 1918: Sources, Questions, and Versions* by the publishing house of the Russian State University for the Humanities at the end of 2020.²

It is no coincidence that this work has appeared on book shelves right now. The fact is that in 2015 the Investigative Committee of the Russian Federation (SKR) resumed its investigation into the circumstances of the death of the tsar's family. However, unlike the previous investigation of 1993–98, within its framework it was decided to conduct a historical and archival examination of the circumstances of the murder. For its implementation, the SKR involved a number of qualified archivists and historians, including the author of the publication under review. To avoid misunderstanding, Evgenii Pchelov emphasized in the introduction that the results of the research which was carried out within the framework of historical and archival examination and published in the monograph are by no means the “official results” of the investigation but they are only “accompanying” material obtained in the course of scientific research.³

In anticipation of a possible question from a sophisticated reader about the novelty and uniqueness of the proposed work in comparison with the works of the predecessors, the historian noted that this monograph was strictly in line with the “source study approach,” the essence of which is defined as follows: “Relying primarily on available sources and making conclusions only on the basis of analysis of the information they contain.”⁴ Is this approach (as interpreted by Evgenii Pchelov) not fundamental for all historical research, including that concerning the death of the members of the imperial house?

The following statement (especially its second part) cannot but raise questions:

This book is based almost exclusively on documents and therefore references to historiography are given only when necessary.⁵

However, the use of sources, both published and unpublished ones, does not in any way replace the necessity for a historiographical review to precede the study. Unfortunately, instead of analyzing the literature, the author limited himself to listing “the most noteworthy works” although he did not explain the criteria for the selection

² E.V. Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions* [in Russian], ed. A.B. Bezborodov (Moscow: RGGU, 2020).

³ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 7.

⁴ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 12.

⁵ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 12.

of these particular works. It should be noted that out of the six authors mentioned, only three are related to academic historical science;⁶ the list includes the works of a geologist,⁷ a lawyer,⁸ and, apparently, a journalist.⁹ Given this fact, it is surprising that the author undeservingly criticized Doctor of Historical Sciences I. Plotnikov, a prominent expert in the history of the Russian Civil War. According to Pchelov, he found himself “in captivity of false information,” having put his complete trust in “the false documents and memoirs of Johann Ludwig Mayer and the absolute fiction of pseudo-historian I. Bunich.”¹⁰ However, in his fundamental research,¹¹ Plotnikov analyzed in detail the memoirs of the Austrian prisoner of war Johann Ludwig Mayer¹² and noted their high source potential, although he did not rule out their partial or even complete fabrication (as, in fact, was the case of the so-called Meyer’s documents about the death of the tsar’s family).¹³ The historian was also moderately cautious towards the well-known book by I. Bunich,¹⁴ emphasizing that “the issue of the credibility of the documents cited by the specified author requires additional verification.”¹⁵ Thus, the statement about the scholar’s complete “trust” in the information by the specified authors is erroneous. Moreover, the monograph by I. Plotnikov is recognized by the experts and has been taking a worthy place in the historiography of the death of the Romanovs for a long time, and a reasoned opposition to the Ural historian would undoubtedly make Evgenii Pchelov’s judgment more remarkable.

In his research, the author focused on some “acute and controversial issues related to the Yekaterinburg tragedy.”¹⁶ These four issues raised by the historian, in fact, determined the four-part structure of the monograph. However, the absence of a historiographical preface does not allow the reader to follow Pchelov’s arguments on

⁶ See, e.g., Buranov and Khrustalev, *The regicide. Destruction of the dynasty*; Lykova, *Investigation into the murder of the Russian imperial family*.

⁷ A.N. Avdonin, *Ganina Yama: the history of the search for the remains of the tsar’s family* [in Russian] (Yekaterinburg: Real-Media, 2013).

⁸ Zhuk, *Question marks in the ‘Tsar’s case’*.

⁹ N.L. Rozanova, *Royal passion-bearers. Postmortem fate* [in Russian] (Moscow: Vagrius, 2008).

¹⁰ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 12.

¹¹ Plotnikov, *The truth of the history. Death of the Tsar’s family*.

¹² *How the tsar’s family died. Eyewitness testimony of J.L. Mayer* [in Russian], trans. P.A. Konovnitsin (Moscow: Tovariščestvo “Vozrozhdenie” Vserossiiskogo fonda kul’tury, 1990).

¹³ Plotnikov, *The truth of the history. Death of the Tsar’s family*, 173–200.

¹⁴ I.L. Bunich, *The true story of total lawlessness, or the Syndrome of Nicholas II* [in Russian] (St Petersburg: Oblik, 1995).

¹⁵ Plotnikov, *The truth of the history. Death of the Tsar’s family*, 168.

¹⁶ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 12.

how he came to the conclusion that it was necessary to solve these very problems, whether there were answers to these questions in the literature, and if there were some, in what way the author would try to clarify or refute the views of other researchers.

Main body

The first chapter of the book is dedicated to the fate of documents from the White Guard investigation of the murder of the imperial family. Despite the fact that this issue has rarely been raised in the literature, its solution is necessary for a full-fledged study of the circumstances of the Romanovs' death.

The case of the murder of the tsar's family, which was started in Yekaterinburg at the end of July 1918 (less than two weeks after the crime) and completed in Paris only in September 1923, had a complex and confusing history. During that time, three investigators changed: Aleksei Nametkin (1918), Ivan Sergeev (1918–19) and Nikolai Sokolov (1919–23), and eleven volumes of materials they had collected over the years of investigation were scattered across various archives and libraries in Russia and the United States. The story that unfolds in front of the readers of the book is almost a detective story, which includes copying the documents in order to ensure their safety in the conditions of the Civil War (Chita, 1919), their transportation through the Far East (Harbin) to Western Europe (Paris) in 1920, the transfer of some documentary materials to the former Russian ambassador to Italy M. von Giers, the theft of a part of Nikolai Sokolov's archives by Russian and German communists in Berlin in 1921, and then their discovery and return to the USSR by the Soviet military authorities in 1945.¹⁷

The result of thorough work related to the study of the movement of investigation materials was a summary table,¹⁸ in which the author presented in tabloid form basic information about the extant originals and copies of the case files as well as the places of their storage now.

Unfortunately, most of the documents of the investigation survived only in copies, but the materials that have survived generally make it possible to reconstruct the content of the eleven-volume case.

The second chapter analyzes the issue of what was found in the area of the Ganina Yama mine near Yekaterinburg, where the bodies of the tsar, his family and his entourage were brought after the murder, and what conclusions were drawn from this by the White investigators.

¹⁷ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 23–31.

¹⁸ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 40.

Like his predecessors, Nikolai Sokolov could not detain and interrogate either the participants in the murder¹⁹ or those who participated in the concealment of the remains of the tsar's family. That is why he was forced to make his own conclusions about the bodies' postmortem fate relying only on physical evidence and circumstantial evidence provided by the persons he interrogated.

Scrupulously and meticulously, like an investigator, Evgenii Pchelov reconstructs the history of the finds in the Ganina Yama area, paying special attention to the assessments that were given to this physical evidence first by semiliterate peasants and then by the White partisans and farmers who visited the mine, a group of white officers, and the judicial authorities of Yekaterinburg.²⁰ Without using spectacular artistic means and expressive rhetorical twists, the author nevertheless gradually immerses the reader in the atmosphere of the summer of 1918, leads him along the traces of the crime; together with the persons under interrogation, he measures the bonfires in which the clothes of the murdered were burned, accepts some versions, and rejects others, moving further and further along the path of investigation.

It must be admitted that in the issue of the fate of the remains, unlike Nikolai Sokolov, the author comes to the conclusion that the bodies of the monarch, his family and retinue were not destroyed by fire and sulfuric acid in the Ganina Yama area. As arguments, Pchelov points out, in particular, that the investigation found a small number of burnt bones on the bonfire sites near the so-called open air pit; neither they nor the traces of sebaceous masses were accurately attributed as human.²¹ It would seem that the version widely known today from the so-called note of the key man of the murder Yakov Yurovskii is logically built into the mainstream of the author's reasoning. According to this version, the corpses of the family of Nicholas II were buried in Porosyonkov Log, a few kilometers from Ganina Yama.²² Apparently, the author also sympathizes with that version, evaluating it as "truth."²³

However, it is difficult to fully agree with Pchelov's conclusion that the bone remains found by Sokolov are not enough to confirm the complete destruction of the Romanovs' bodies.

¹⁹ An exception in this case is P. Medvedev, the head of the external security of the House of Special Purpose where the family of Nicholas II was kept, who was interrogated by the Whites. However, the question of whether he participated in the murder is still debatable.

²⁰ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 42–78.

²¹ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 91–92.

²² Note by Yakov Yurovsky about the execution of the tsar's family and the concealment of corpses [in Russian], in *Archive of the latest history of Russia*, Publications, vol. 3, *The mournful journey of the Romanovs (1917–1918). The death of the tsar's family: collected documents and materials*, ed. V.M. Rhrustalev (Moscow: ROSSPEN, 2001), 236–39.

²³ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 107.

Considering the fact that according to Chekist Isai Rodzinskii, the night of July 17–18 was “damp” and “cold,”²⁴ the bodies could be burned not on the ground but in some container (for some reason, the author categorically rejects the rumor about a “tar barrel” in which the tsar’s body was burned).²⁵ In addition, due to objective reasons (the Red attack on Yekaterinburg) Sokolov did not have enough time to conduct a complete survey of the clay site where traces of a bonfire had been found and the clothes of the dead had been burned. It would also be strange to assume that the Bolsheviks left unburned bones behind as traces of the crime on the surface of the site where they could be easily found.

Pchelov also mentions the third bonfire at the mine, about three meters in diameter, which was accidentally discovered by Sokolov on the eve of the completion of the Yekaterinburg stage of the investigation and therefore was not fully studied.²⁶ Firstly, the size of this bonfire calls attention to itself: it was three to four times larger than the diameter of the others, where clothes were burned. Secondly, two bonfire sites were easily discovered back in July 1918, and the third one was found much later; therefore, was it more carefully camouflaged? What could be burned on this larger bonfire? The White investigation did not have time to give an answer to this question. Consequently, it is still too early to decide whether the Sokolov’s version is correct or not. This topic needs additional research within the framework of historical science as well as biology, chemistry, anthropology, and other disciplines.

Of particular interest in the second chapter is the part dedicated to rumors about the fate of the Romanovs’ remains. Unfortunately, the author limited himself to a brief summary of the rumors,²⁷ without subjecting them to a thorough analysis and classification. Nevertheless, the analysis of rumors as a historical source is an important part of a comprehensive source study analysis of the materials of the White investigation (after all, for the most part, those rumors were collected by the White Guards). Of course, this storyline could have been developed in a separate chapter of the book. As this did not happen, it leaves room for more detailed study in the future.²⁸

²⁴ M.A. Knyazev, “‘Surely, the most important thing was to cover it up so that there would be no traces left’: the memoirs of chekist Isai Rodzinskii about the concealment of the remains of the Tsar’s family near Yekaterinburg in 1918” [in Russian], *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 34 (2021): 334, <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-34-318-340>

²⁵ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 112–13.

²⁶ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 92.

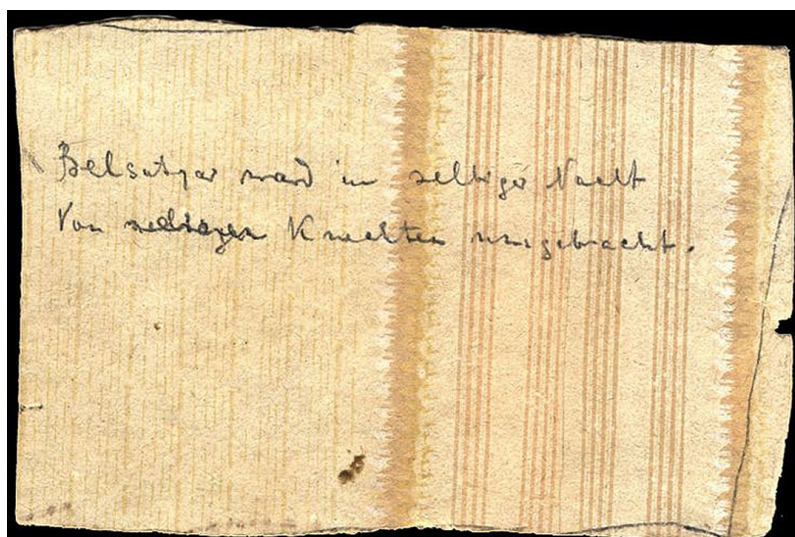
²⁷ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 104–15.

²⁸ Some preliminary results of studying this problem were presented by the author of the review in a separate publication (M.A. Knyazev, “Burnt or hidden? The fate of the remains of Nicholas II and his family in the mirror of rumors: to the problem statement” [in Russian], in *Civil War in the east of Russia: outlook through the documentary heritage: materials of the Fourth International Scientific-Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the West*

The third chapter of the monograph is dedicated to an issue that is being actively discussed in historiography: what do the mysterious inscriptions in the Ipatiev House mean? This refers to the two writings on the wallpaper of the execution room in the basement: a quote from the poem “Belsatzar” by Heinrich Heine and handwritten signs and numbers left behind by an unknown hand.

In the journalistic-oriented historiography, there is a long-held opinion that these writings were of a mystical or even cabbalistic character. It may seem that the solution to this issue is hardly possible within the framework of historical science. Nevertheless, the source study approach helps the author again.

Reproducing the quotation from Heine according to N. Sokolov’s materials, Pchelov came to the conclusion that the verses written on the wallpaper (except for one preposition) reproduced the German original, which excludes the version of a play on words or any manipulations with the name of the Babylonian ruler Belsatzar.²⁹ The remark about the time when the inscription appeared is also important: it could be made in the period between July 17 and July 25, 1918 when the house was guarded.³⁰ Thus, any person who visited the Ipatiev House at that time and knew Heine’s poem by heart could leave it there.

A fragment of wallpaper with the inscription in German, discovered by a member of the court Ivan Sergeev in the basement room of the Ipatiev House where the tsar’s family was shot: “Belsatzar ward in selbiger Nacht Von seinen Knechten umgebracht” [Belshazzar however in that same night Was done to death by his own vassals], lines from the poem “Belsatzar” by Heinrich Heine.

Source: F. 1837, op. 1, d. 57, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]), Moscow, Russia.

Siberian uprising and the 10th anniversary of the Center for the Study of Civil War History (Omsk, October 20–21, 2021), ed. D.I. Petin et al. (Omsk: OmGTU, 2021), 132–41.

²⁹ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 125.

³⁰ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 130.

When discussing the nature of the numeric inscriptions in the execution room, the author inclines to the view that has already been expressed in historiography: they are the traces of arithmetic calculations and could be made before the murder because the basement of that building housed the office of Makeev and Gollandskii's agency for trade in ferrous metals for some time.³¹

Evgenii Pchelov paid special attention to the analysis of information about the decoding of the "secret" signs placed next to the numbers. The historian critically examined the brochure *The Sacrifice* (1925) by the parascientist M. Skaryatin (Enel), which was and still is the main source for the exegetic analysis of these symbols. The author noted the inaccuracies in Enel's arguing and the arbitrariness of the interpretation of individual signs, which, of course, discredits the conclusions about the cabbalistic background of this inscription. Nevertheless, E. Pchelov emphasized that his own conclusion was intermediate, noting that "the analysis of the inscription... should be carried out anew, with the involvement of relevant specialists in the field of cryptography, cabbalism, and oriental scripts and languages."³²

The question of whether the Bolsheviks sanctioned the murder of the imperial family, which is the title of the fourth chapter, is one of the most controversial issues of the topic. The reason for the discussion is quite understandable: no document has been found so far which would be authored by Chairman of the Council of People's Commissars Vladimir Lenin and Chairman of the All-Russian Central Executive Committee Yakov Sverdlov and would contain the order to exterminate the Romanovs recorded in black and white. While some readers might view this as proof of Moscow's innocence of the Yekaterinburg tragedy, for others it is evidence that the Bolshevik leaders tried to conceal their participation in deciding the fate of the tsar's family as much as possible. A weak link in the chain of this kind of arguing is the lack of reliance on the extant sources, albeit indirect ones.

In contrast to the previous sections of the monograph, not the materials of the White investigation but Soviet memoir texts telling the story of the murder of the reigning house members constitute the main source for solving the problematic issue in this chapter. A noteworthy fact is that the author identified the so-called memoir waves of the 1920–30s and 1950–60s dedicated to the death of the Romanovs, in which the evolution of interpretations and assessments of the tragic events of 1918 can be observed.³³ The reconstruction of the events by the author convincingly proves that the death of the imperial family could hardly be a result of the arbitrariness of local Ural authorities. It was given a tacit sanction by the top Bolsheviks in Moscow.

³¹ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 130; Zhuk, *Question marks in the 'Tsar's case'*, 464.

³² Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 141.

³³ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 151–53.

But were these top Bolsheviks – Vladimir Lenin and Yakov Sverdlov – united in their view of the fate of the Romanovs? E. Pchelov gives an unequivocally affirmative answer,³⁴ although the materials that have been recently introduced into scientific circulation do not allow such a definite conclusion. It was established, in particular, that at the end of August 1918, after F. Kaplan's assassination attempt on Lenin, the leader of the Petrograd Bolsheviks G. Zinoviev proposed to transfer the supreme power in the country to the tandem of Sverdlov and Trotsky in the conditions of the mortal (as it was believed) wound of Lenin.³⁵ Although this fact is not directly related to the history of regicide, it cannot but push us to certain arguing, namely, about the Sverdlov–Zinoviev liaison.

It is noteworthy that the representatives of the Ural Regional Council F. Goloshchyokin and G. Safarov sent the telegram to Moscow with a camouflaged request about the possibility of the murder of the Romanovs not directly but through Petrograd and through Zinoviev personally. Why was it necessary if there was a direct connection between Yekaterinburg and Moscow? Pchelov rightly notes that “the Bolshevik leadership of Yekaterinburg wanted Zinoviev to be aware of the events and to act as a kind of an ‘outside’ witness to this situation.”³⁶ Unfortunately, the author did not elaborate the idea of what purpose the inclusion of Petrograd's leader in these negotiations could pursue.

Another fact that draws attention is that in the telegram addressed to Lenin and Sverdlov, the Urals representatives asked to reply provided that “their opinions were the opposite.” Is this not indirect evidence of the contradictions about the fate of the imperial family between the leaders of the Soviet state? The address of the telegram sent by Zinoviev to Moscow is also noteworthy: on the upper margin it says “Moscow, to Lenin”, but in the Zinoviev's text we read: “Moscow, Kremlin, to Sverdlov, copy to Lenin.”³⁷ Does this not mean that not Lenin but Sverdlov was the first to be informed by Zinoviev and therefore the vote of Chairman of the All-Russian Central Executive Committee was the deciding one? At the same time, there is no documentary evidence that Chairman of the Council of People's Commissars received such a telegram, which makes it impossible to unambiguously and fully

³⁴ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 150.

³⁵ S.S. Voitikov, *A bridle for Trotsky. Red leaders during the Civil War* [in Russian] (Moscow: AIRO-XXI, 2016), 121–42.

³⁶ Pchelov, *The regicide of 1918: sources, questions, and versions*, 174.

³⁷ “Telegramma G.E. Zinov'eva Predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Leninu i Ya. M. Sverdlovu o poluchennom soobshchenii iz Ekaterinburga otnositel'no uchasti tsarskoi sem'I” [The telegram from Grigory Zinoviev to Chairman of the Council of People's Commissars Vladimir Lenin and Yakov Sverdlov on the message received from Yekaterinburg regarding the fate of the tsar's family]. F. P-130, op. 2, d. 653, l. 12. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], Moscow, Russia.

assert that he gave his personal sanction for the murder: Lenin could be silent not due to disagreement with Sverdlov but due to the fact that he did not receive a copy of the telegram from the Urals.

Thus, it is still too early to assert that Lenin and Sverdlov had a common point of view on the fate of the Romanovs, and the problem of making that decision, undoubtedly, should be solved in the context of the struggle for power among the top Bolsheviks in the summer of 1918.

Conclusion

Summing up the reflections about the monograph by E. Pchelov, I would like to note that despite its importance, the source study approach that the author declares in the preface should by no means become a panacea for a historian, especially when studying an interdisciplinary topic. However, this serious tool in the hands of a researcher can be useful in a comprehensive study of the historiography of the Romanovs' death that has been accumulated over a hundred years. Using the potential of such an approach as historiographical source study will make it possible to more accurately determine the main directions in the discussion on the topic, to identify strengths and weaknesses in the arguments of scholars, and, taking into account the results obtained, to find the best ways to solve certain issues.

Список литературы

Авдониин А.Н. Ганина яма: история поисков останков царской семьи. Екатеринбург: Реал-Медиа, 2013. 291 с.

Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. Москва: Терра, 1997. 394 с.

Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. Москва: АИРО-XXI, 2016. 432 с.

Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле». Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2013. 640 с.

Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. Москва: Республика, 1992. 349 с.

Князев М.А. «Конечно, самое-то ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось»: воспоминания чекиста И.И. Родзинского о сокрытии останков Царской семьи под Екатеринбургом в 1918 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 318–340. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-318-340

Князев М.А. Сожжены или сокрыты? Судьба останков Николая II и его семьи в зеркале слухов: к постановке проблемы // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Западно-Сибирского восстания и 10-летию Центра изучения истории Гражданской войны (Омск, 20–21 октября 2021 г.) / под редакцией Д.И. Петина и др. Омск: ОмГТУ, 2021. С. 132–141.

Лыкова Л.А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. Историографический и археографический очерк. Москва: РОССПЭН, 2007. 320 с.

Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения: историко-критические очерки. Москва: Вече, 2005. 544 с.

Мультатули П.В. Николай II: Дорога на Голгофу: Свидетельствуя о Христе до смерти... Москва: АСТ: Астрель, 2010. 637 с.

Оболенский А.А., Агаджанян Э.Г. Царская ложь: итоги расследования. Санкт-Петербург: Омега, 2020. 344 с.

Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург: Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», 2003. 527 с.

Пчелов Е.В. Цареубийство 1918 года: источники, вопросы, версии / ответственный редактор А.Б. Безбородов. Москва: РГГУ, 2020. 192 с.

Розанова Н.Л. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба. Москва: Вагриус, 2008. 560 с.

References

Avdonin, A.N. *Ganina yama: istoriya poiskov ostankov tsarskoi sem'i* [Ganina Yama: the history of the search for the remains of the tsar's family]. Yekaterinburg: Real-Media, 2013. (In Russian)

Buranov, Yu.A., and V.M. Khrustalev. *Ubiitsy tsarya. Unichtozhenie dinastii* [The regicide. Destruction of the dynasty]. Moscow: Terra, 1997. (In Russian)

Ioffe, G.Z. *Revolutsiya i sud'ba Romanovykh* [Revolution and the fate of the Romanovs]. Moscow: Respublika, 1992. (In Russian)

Knyazev, M.A. “Konechno, samoe-to otvetstvennoe bylo, chtoby ukryt', chtoby sledov ne ostalos”: vospominaniya chekista I.I. Rodzinskogo o sokrytii ostankov Tsarskoi sem'i pod Ekaterinburgom v 1918 g.” [‘Surely, the most important thing was to cover it up so that there would be no traces left’: the memoirs of chekist Isai Rodzinskii about the concealment of the remains of the Tsar's family near Yekaterinburg in 1918]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, no. 34 (2021): 318–40. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-34-318-340>

Knyazev, M.A. “Sozhzheny ili sokryty? Sud'ba ostankov Nikolaya II i ego sem'i v zerkale slukhov: k postanovke problemy” [Burnt or hidden? The fate of the remains of Nicholas II and his family in the mirror of rumors: to the problem statement]. In *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Zapadno-Sibirskogo vosstaniya i 10-letiyu Tsentra izucheniya istorii Grazhdanskoi voiny (Omsk, 20–21 oktyabrya 2021 g.)* [Civil War in the east of Russia: outlook through the documentary heritage: materials of the Fourth International Scientific-Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the West Siberian uprising and the 10th anniversary of the Center for the Study of Civil War History (Omsk, October 20–21, 2021)], edited by D.I. Petin, et al., 132–41. Omsk: OmGTU, 2021. (In Russian)

Lykova, L.A. *Sledstvie po delu ob ubiistve rossiiskoi imperatorskoi sem'i. Istoriograficheskii i arkheograficheskii ocherk* [Investigation into the murder of the Russian imperial family. Historiographical and archaeographical essay]. Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russian)

Mel'gunov, S.P. *Sud'ba imperatora Nikolaya II posle otrecheniya: istoriko-kriticheskie ocherki* [The fate of Emperor Nicholas II after abdication: historical and critical essays]. Moscow: Veche, 2005. (In Russian)

Mul'tatuli, P.V. *Nikolai II: Doroga na Golgofu: Svidetel'stvuya o Khriste do smerti...* [Nicholas II: The road to Calvary: Testifying of Christ till death...]. Moscow: AST: Astrel', 2010. (In Russian)

Obolenskii, A.A., and E.G. Agadzhanyan *Tsarskaya lozh': itogi rassledovaniya* [The Tsar's lie: the findings of the investigation]. St Petersburg: Omega, 2020. (In Russian)

Pchelov, E.V. *Tsareubiistvo 1918 goda: istochniki, voprosy, versii* [The regicide of 1918: sources, questions, and versions], edited by A.B. Bezborodov. Moscow: RGGU, 2020. (In Russian)

Plotnikov, I.F. *Pravda istorii. Gibel' Tsarskoi Sem'i* [The truth of the history. Death of the Tsar's family]. Yekaterinburg: Sverdlovskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya "Za dukhovnost' i npravstvennost'", 2003. (In Russian)

Rozanova, N.L. *Tsarstvennye strastoterptsy. Posmertnaya sud'ba* [Royal passion-bearers. Postmortem fate]. Moscow: Vagrius, 2008. (In Russian)

Voitikov, S.S. *Uzda dlya Trotskogo. Krasnye vozhd'i v gody Grazhdanskoi voiny* [A bridle for Trotsky. Red leaders during the Civil War]. Moscow: AIRO-XXI, 2016. (In Russian)

Zhuk, Yu.A. *Voprositel'nye znaki v 'Tsarskom dele'* [Question marks in the 'Tsar's case']. St Petersburg: BKhV-Peterburg, 2013. (In Russian)

Информация об авторе

Марк Андреевич Князев – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, kn.mark.nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603022 Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23).

Information about the author

Mark A. Knyazev – postgraduate student, Department of Foreign Regional Studies and Local History, kn.mark.nn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1654-637X>, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23 Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod 603022, Russia)

Статья поступила в редакцию 28.06.2021; принята к публикации 01.09.2021.
The article was submitted 28.06.2021; accepted for publication 01.09.2021.

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

СООБЩЕНИЯ

COMMUNICATIONS

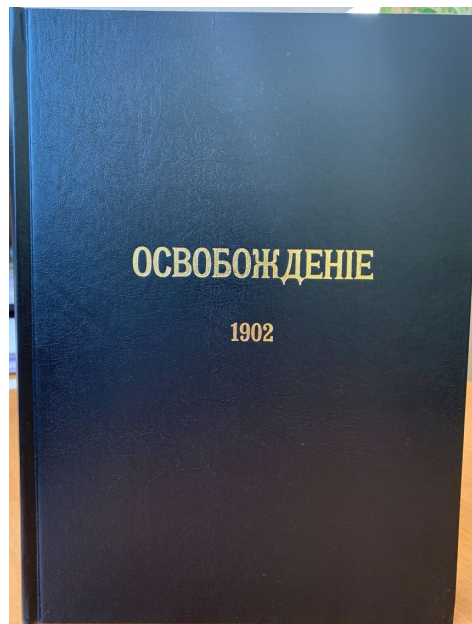
2022 · Vol. 6 · № 1

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 323–328
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 323–28

Сообщение

Журнал «Освобождение» крупным планом

В истории русской общественно-политической мысли есть периодические издания, символизирующие целую эпоху. Это «Колокол» и «Полярная звезда» А.И. Герцена и Н.П. Огарева, революционная «Искра» и др. Одним из таких «знаковых» изданий являлся и журнал «Освобождение», выходивший под редакцией П.Б. Струве с июня 1902 по октябрь 1905 г. два раза в месяц вначале в Штутгарте, а затем в Париже. Термин «журнал» в данном случае условен – «Освобождение» нелегально распространялось в России, что требовало максимальной полиграфической компактности (каждый номер насчитывал 16 страниц в ¼ доли листа), так как «толстые» журналы было значительно труднее доставлять в страну подпольным образом. Поэтому инфраструктурно «Освобождение» мало чем отличалось от нелегальных газет – социал-демократической «Искры» или эсеровской «Революционной России». Тем не менее, уже среди современников за изданием закрепился термин «журнал», что было связано, прежде всего, с обилием серьезных аналитических статей, характерных для журнальной периодики. Кроме того, в качестве приложения к изданию печатались «Листки Освобождения» газетного формата, содержавшие оперативную информацию о политических событиях.

«Освобождение» сыграло большую роль в консолидации русской либеральной оппозиции – по сути, на его базе выросла кадетская партия, многие лидеры которой были постоянными авторами журнала¹. В то же время было бы неверным оценивать «Освобождение» только с партийной точки зрения: журнал отразил широкий спектр различных позиций, мнений, в основном, либеральных и умеренно социалистических, став настоящим памятником общественно-политической мысли того времени. По влиянию на

¹ См.: Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. Москва: Наука, 1985.

общественное мнение уже современники стали сравнивать его с герценовским «Колоколом»².

«Освобождение» хорошо известно историкам, отдельные аспекты истории журнала неоднократно изучались в историографии³, но сами номера оставались для исследователей (особенно провинциальных) труднодоступными, что естественно для издания, носившего в момент выхода нелегальный характер. В 2021 г. данная проблема была полностью решена: в издательстве Модеста Колерова вышло репринтное издание (в трех томах) всех 79 номеров журнала с приложением всех «Листков Освобождения»⁴. Издание осуществлено под редакцией М.А. Колерова и Ф.А. Гайды (члена редколлегии журнала «*Historia provinciae* – журнал региональной истории»). Ими же подготовлена обширная вступительная статья, подробно раскрывающая роль журнала в общественно-политической истории России. М.А. Колеров и Ф.А. Гайда подчеркивают значение журнала «Освобождение» как исторического источника в трёх аспектах. Во-первых, в издании содержится большой объем конкретного фактического материала, воссоздающего в деталях ту бурную эпоху. Во-вторых, журнал отразил внутренний мир разнородной русской оппозиции социал-либеральной направленности. В-третьих, данный источник позволяет предметно анализировать информационную политику отечественной периодики начала XX в., поскольку

открыто, бесцензурно, политически откровенно освещает те вопросы, которые в самой России описывались в пределах «эзопового языка» подцензурной печати и в условиях политической несвободы⁵.

В 1903–1904 гг. в виде приложения к данному журналу вышли два сборника статей и материалов (первый – в Штутгарте, второй – в Париже) под таким же названием – «Освобождение». Для того, чтобы избежать путаницы с названиями, современники называли их «Книжки Освобождения». Они издавались под редакцией П.Б. Струве в усеченном формате традиционного

² Водовозов В.В. Освобождение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1906. Т. 2 (доп.). С. 353.

³ См.: Шацлло К.Ф. Новые сведения о псевдонимах в журнале «Освобождение» // Археографический ежегодник за 1977 год. Москва: Наука, 1978. С. 111–114; Канищев В.Ю. Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный областной университет, 2006.

⁴ Журнал «Освобождение» (1902–1905 гг.): Репринтное издание под редакцией М.А. Колерова и Ф.А. Гайды: в 3 кн. Москва: Модест Колеров, 2021.

⁵ Гайда Ф.А., Колеров М.А. Журнал «Освобождение» в истории России // Журнал «Освобождение» (1902–1905 гг.): Репринтное издание под редакцией М.А. Колерова и Ф.А. Гайды: в 3 кн. Москва: Модест Колеров, 2021. Т. 1. С. 19.

русского толстого журнала (без беллетристики). В начале 2022 г. М.А. Колеров и Ф.А. Гайда, продолжая публикацию «Освобождения», переиздали и эти сборники⁶. Во вступительной статье они указали, что по своему содержанию «Книжки Освобождения» вписываются в знаменитую триаду «идейных сборников» – «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Вместе с ними они представляют собой своеобразную энциклопедию русской жизни и отражают идейные, философские, партийные и политические манифесты той эпохи.

Репринтная публикация «Освобождения» сопровождается указателями имен и псевдонимов (большинство авторов, учитывая нелегальный характер издания, публиковались под псевдонимами), составленными Н.А. Кутуевой. Она же подготовила для переиздания копии «Книжек Освобождения». Понимая большое значение данных изданий для исторической науки, М.А. Колеров и Ф.А. Гайда разместили их в Интернете в свободном доступе⁷.

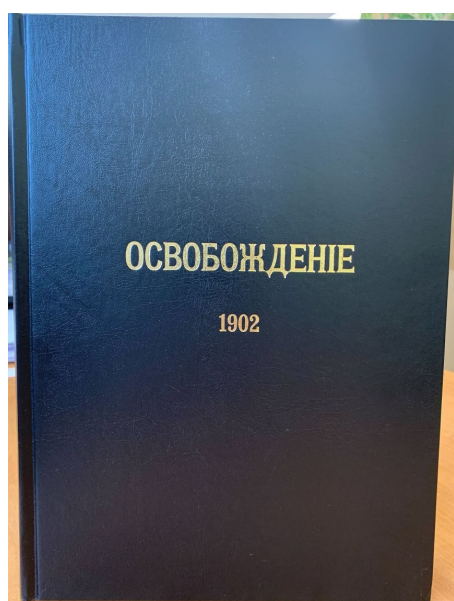
Данные издания, безусловно, не только станут стимулом для научных изысканий по политической истории России начала XX в., истории общественно-политической мысли, но и окажут большую помощь преподавателям высших учебных заведений, читающим соответствующие курсы. Журнал «Освобождение», «Листки Освобождения» и «Книжки Освобождения» можно использовать как на семинарских занятиях, так и для вовлечения студентов в научную деятельность. Хочется пожелать М.А. Колерову и Ф.А. Гайде не останавливаться на достигнутом и продолжать публикацию уникальных источников по общественно-политической истории России.

⁶ Сборники «Освобождение» («Книжки Освобождения») (1903–1904) / Переиздание полного текста под редакцией М.А. Колерова. Статья М.А. Колерова и Ф.А. Гайды. Москва: Модест Колеров, 2022.

⁷ Книги Информационного агентства REX. URL: <https://iarex.ru/books/> (дата обращения: 14.12.2021)

The journal *Osvobozhdenie* in close-up

In the history of Russian socio-political thought there are periodicals that symbolize an entire era. They are A. Herzen's and N. Ogarev's *Kolokol* [The Bell] and *Polyarnaya zvezda* [Polar Star], the revolutionary *Iskra* [the Spark], and others. The journal *Osvobozhdenie* [Liberation] is among those landmark publications. It was edited by P. Struve and issued twice a month, from June 1902 to October 1905, first in Stuttgart and then in Paris. The term "journal" is quite relative in this case because *Osvobozhdenie* was distributed in Russia illegally, which required maximum printing compactness (each issue consisted of 16 pages of a quarter of a sheet size), since "thick" journals were much more difficult to smuggle into the country. Therefore, in terms of infrastructure, *Osvobozhdenie* was not much different from illegal newspapers, such as the Socialist Democratic *Iskra* or the Socialist Revolutionary *Revolutsionnaya Rossiya*. Nevertheless, the contemporaries referred to the publication as the journal, which was essentially associated with the abundance of serious analytical articles characteristic of journal periodicals. In addition, *Listki Osvobozhdeniya* [Leaflets of Liberation] that contained up-to-date information about political events were printed in a newspaper format as a supplement to the periodical.

Osvobozhdenie played a significant role in consolidating the Russian liberal opposition. In fact, it was the basis on which the Kadet party grew up, since many of its leaders were regular contributors to the journal.¹ However, it would be wrong to evaluate *Osvobozhdenie* only from the party point of view because the journal reflected a wide range of different opinions, mostly liberal and moderately socialist ones, and became a real memorial to the socio-political thought of that time. In terms of its influence on public opinion, even the contemporaries began to compare it with Herzen's *Kolokol*.²

Osvobozhdenie is well known to historians. Certain aspects of the journal's history have been studied in historiography more than once,³ but the issues of the

¹ See K. Shatsillo, *Russian liberalism on the eve of the 1905–1907 Revolution: Organization. Programs. Tactics* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1985).

² V.V. Vodovozov, "Osvobozhdenie" [in Russian], in *Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary*, vol. 2 (St Petersburg: F.A. Brokgauz i I.A. Efron, 1906), 353.

³ See K.F. Shatsillo, "New information on the pseudonyms in the journal *Osvobozhdenie*" [in Russian], in *Archaeographic yearbook for 1977* (Moscow: Nauka, 1978), 111–14;

journal were difficult for researchers to access (especially for provincial researchers), which is quite natural for a periodical that was illegal at the time of its publication. But the problem was solved in 2021. Modest Kolerov's publishing house issued a three-volume reprint edition of all 79 issues of the journal and its supplement, *Listki Osvobozhdeniya*.⁴ The publication was edited by M. Kolerov and F. Gaida (a member of the editorial board of *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*). They also prepared a voluminous introductory article, which considers in detail the role of the journal in socio-political history of Russia. M. Kolerov and F. Gaida stressed the importance of *Osvobozhdenie* as a historical source in three aspects. Firstly, the publication contains a huge amount of concrete factual material that recreates that turbulent era in detail. Secondly, the journal captured the inner world of the heterogeneous Russian social-liberal opposition. Thirdly, this source makes it possible to analyze in detail the information policy of Russian periodicals of the early 20th century because

openly, without censorship, and politically frankly, it covered those issues that were described in the Aesopian language of the censored press under the conditions of political unfreedom in Russia.⁵

Two collections of articles and materials were published (the first one, in Stuttgart and the second one, in Paris) under the same title *Osvobozhdenie* in 1903–04 as a supplement to the journal. To avoid confusion with the titles, the contemporaries called them *Knizhki Osvobozhdeniya* [Books of Liberation]. They were edited by P. Struve and published in a reduced format of the traditional Russian thick journal (without fiction). Continuing the publication of *Osvobozhdenie*, M. Kolerov and F. Gaida reprinted these collections⁶ at the beginning of 2022. In the introductory article they noted that according to their contents, the collections fit into the famous triad of the “ideological collections” (*Problemy idealizma* [Problems of Idealism] (1902), *Vekhi* [Milestones] (1909), *Iz glubiny* [From the Depths] (1918)). Together they make a kind of encyclopedia of Russian life and reflect the ideological, philosophical, party, and political manifestos of that era.

V.Yu. Kanishchev, *The role of the journal Osvobozhdenie in the formation of the Constitutional Democratic Party* [in Russian] (PhD thesis, Moscow Region State University, 2006).

⁴ *The journal Osvobozhdenie (1902–1905): Reprint edition edited by M.A. Kolerov and F.A. Gaida* [in Russian], 3 vols. (Moscow: Modest Kolerov, 2021).

⁵ F.A. Gaida and M.A. Kolerov, “The journal *Osvobozhdenie* in the history of Russia” [in Russian], in *The journal Osvobozhdenie (1902–1905): Reprint edition edited by M.A. Kolerov and F.A. Gaida*, vol. 1 (Moscow: Modest Kolerov, 2021), 19.

⁶ *The collections of Osvobozhdenie (Knizhki Osvobozhdeniya) (1903–1904)* [in Russian], ed. M.A. Kolerov, introductory article by M.A. Kolerov and F.A. Gaida (Moscow: Modest Kolerov, 2022).

The reprint publication of *Osvobozhdenie* includes indexes of names and pseudonyms (due to the fact that the publication was illegal, most of its contributors used pseudonyms) compiled by N. Kutueva. She also prepared *Knizhki Osvobozhdeniya* for republication. Taking into account the great importance of these publications for historical science, M. Kolerov and F. Gaida posted them on the Internet in the public domain.⁷

These publications are certain to inspire research into the political history of Russia of the early 20th century and history of socio-political thought and also to be of great help to the university lecturers who teach the corresponding courses. The journal *Osvobozhdenie*, *Listki Osvobozhdeniya*, and *Knizhki Osvobozhdeniya* can be useful both for seminars and for involving students into research activities. Let me express a wish that M. Kolerov and F. Gaida do not stop at what they have accomplished and continue to publish unique sources on the socio-political history of Russia.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Егоров – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии, заместитель главного редактора журнала «*Historia provinciae – журнал региональной истории*», <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Вологодская обл., г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

Information about the author

Andrei N. Egorov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State university, Deputy editor-in-chief of the journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Cherepovets State University (5, Pr-t Lunacharskogo, Cherepovets, Russia, 162600)

⁷ Books of the REX information agency [in Russian], accessed December 12, 2021, <https://iarex.ru/books/>

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 329–338
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 329–38

Сообщение

Наука и историческая память: студенческие проекты в регионах

Интерактивная выставка, посвященная Великой Отечественной войне

Историческая память, преемственность поколений, студенческая наука, учебная проектная деятельность – все эти аспекты, важные для современного российского социума, представлены в интерактивной выставке, посвященной переломным сражениям Великой Отечественной войны. Она создана благодаря усилиям студентов трех российских вузов – Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, Московского городского педагогического университета и Новгородского государственного университета.

Дистанционный проект, посвященный 80-летию Битвы за Москву, является развитием и продолжением виртуальной фотовыставки военно-исторических инсталляций «Фронтовые сюжеты и портреты», организованной ВИУ РАНХиГС в 2020 году. При подготовке новой выставки-инсталляции были использованы инновационные цифровые технологии, только подлинные предметы воинского обмундирования, снаряжения и атрибуты из личных коллекций, боевая техника – как в оригинале, так и запечатленная на находящихся в свободном доступе фото.

Создатели выставки попытались не только восстановить эпизоды боев, тяжелые солдатские будни, дороги войны, редкие минуты отдыха и фронтового быта, но и воссоздать внутренний мир советских бойцов и командиров, участвовавших в Битве за Москву. При этом учитывались регламентация и практика ношения военного обмундирования, использования воинского снаряжения, применения оружия и боеприпасов соответственно военной эпохе.

В качестве моделей при создании военно-исторических инсталляций выступили студенты и магистранты Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, актеры Нового экспериментального театра Волгограда, сотрудники Главного управления МВД Волгоградской области.

Художественная фотосъемка и обработка материалов – профессиональная. Над проектом работали фотографы-художники Алексей Сатыренко, Татьяна Знаменьщикова и Анастасия Черкасова. Цифровая обработка и фотосовмещение инсталляций были осуществлены студенткой Института права и управления МГПУ Анастасией Якуниной. Студенты Института права и управления МГПУ, Юридического факультета ВИУ РАНХиГС и Новгородского государственного университета аннотировали фото и придали им экспозиционный вид, подобрали к фото-инсталляциям аннотации с использованием фрагментов стихов и песен военной поры и органично разместили их в экспозиции. В итоге инсталляции получились живыми и реальными. В их основу были положены прежде всего подлинные фото военной поры.

«Есть мнение, что нынешняя молодежь не может на эмоциональном уровне воспринимать то, что случилось 76 лет назад, что Великая Отечественная – лишь «нечто» из глубин «темного» XX века, а празднование Дня Победы – бессмысленно. Более того, историческое беспамятство, невежество и неблагодарность приписываются всему молодому поколению России», – прокомментировал выставку автор и научный руководитель проекта, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского

института управления – филиала РАНХиГС А. Епифанов. По его мнению, справедливый гнев наших ветеранов, высказывающих подобные горькие упреки в адрес современной молодежи, вполне оправдан и сомнению не подлежит. Однако руководитель проекта утверждает, что неверно приписывать аналогичные убеждения всем российским молодым людям. Напротив, как представляется, это лишь неприятные исключения из общего правила. На самом деле они верны исторической памяти защитников Отечества, воевавших и погибших в годы войны. Молодежь России помнит и чтит ветеранов Великой Отечественной войны. Подтверждением тому служит данный дистанционный проект.

С экспозицией виртуальной выставки можно ознакомиться по ссылке: https://vk.com/album-199600386_283607524

Проект «Мой Череповец»

Проект «Мой Череповец» реализуется студентами и преподавателями Гуманитарного института Череповецкого государственного университета («Фабрика разработок») и Центром поддержки молодёжного парламентаризма совместно с Центром хранения документации и информагентством «Череповец» при поддержке Правительства Вологодской области. В рамках проекта «Мой Череповец» для жителей и гостей города создан путеводитель по Советскому проспекту (главной магистрали в историческом центре города), который представляет собой аудиогид, карту и документальный фильм по Советскому проспекту, охватывающие период с 1917 года до 1940 года. Авторы выбрали период между революцией и Великой Отечественной войной потому, что считают его недостаточно изученным. Из путеводителя можно узнать, как люди общались в то время, о чем мечтали, как большие купеческие дома становились коммунальными, как в них бурлила жизнь, как закрывались и разрушались храмы, как люди переживали репрессии 1937 года. Тогда Череповец был провинциальным городом, затем – губернским, а потом – районным центром. Каждое изменение приносило новое в жизнь города.

На интерактивной карте и в фильме показаны самые интересные места, которые есть в аудиогиде. На основе путеводителя проводятся экскурсии и интерактивные квесты по Советскому проспекту. В будущем авторы, основываясь на материалах путеводителя, планируют создать большую виртуальную экскурсию. Путеводитель опубликован в социальных сетях, в приложении и на сайте «izi.TRAVEL». Документальный фильм размещен на официальном сайте Череповца «Cherinfo.ru».

Информация о проекте и создателях: Аудиогид «Советский проспект: от революции 1917-го года до Великой Отечественной войны» создан в рамках проекта «Мой Череповец» студентами и преподавателями Череповецкого госуниверситета. В содержании аудиогuida представлена информация об истории зданий Советского проспекта с 1917 по 1940 гг. Автор – Ольга Кобякова, экскурсовод, старший преподаватель кафедры истории и философии Гуманитарного института ЧГУ. Руководитель проекта – Андрей Малышев, студент Гуманитарного института ЧГУ, директор АНО «Центр поддержки молодёжного парламентаризма», председатель Молодежного парламента Череповца. Редакторы: Антон Всеволодов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института ЧГУ, Елена Иванова, кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института ЧГУ. В проекте использованы материалы Череповецкого центра хранения документации, фотографии из собрания Череповецкого музейного объединения, открытых источников и книги «Череповец. Хроники провинциального города» (авторы-составители: А.В. Всеволодов, О.В. Куликова. Череповец, 2017).

Аудиогид «Советский проспект: от революции 1917-го года до Великой Отечественной войны». URL: <https://izi.travel/browse/db57ac77-2b08-4f1a-8ebf21b12f0249e7/ru>
Видеоролик «Мой Череповец». URL: <https://youtu.be/m0XuTN8co3s>

Science and historical memory: student projects in the regions

Interactive exhibition devoted to the history of the Great Patriotic War

Historical memory, continuity of generations, student science, educational project activities – all these aspects that are important for the present-day Russian society are presented in an interactive exhibition dedicated to the crucial battles of the Great Patriotic War. The exhibition was created by the effort of the students of three

Russian universities, namely Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA, Moscow City University, and Novgorod State University.

The online project, which is dedicated to the 80th anniversary of the Battle of Moscow, is the development and continuation of the virtual photo exhibition of military history installations “Front-line Scenes and Portraits” that was organized by RANEPA in 2020. Preparation of the new exhibition involved the use of innovative digital technologies, authentic items of military uniforms, equipment, and paraphernalia from private collections as well as military equipment, both in the original form and captured on the publicly available photographs.

Not only did the creators of the exhibition try to reconstruct battle episodes, hard everyday life of soldiers, roads of the war, rare moments of rest, and life at the front, but they also made an attempt to recreate the inner world of the Soviet soldiers and

commanders who fought in the Battle of Moscow. Rules and practices of wearing military uniforms and using military equipment, weapons, and ammunition that were customary during the wartime were taken into account.

Students and undergraduates of Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA, actors of the New Experimental Theater in Volgograd, and employees of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Volgograd Oblast acted as models for the creation of the military historical installations.

Photography and processing of materials were highly professional. Photographers Alexei Satyrenko, Tatyana Znamenshchikova and Anastasia Cherkasova worked on the project. Digital processing and compositing of the installations were made by Anastasia Yakunina, a student of the Institute of Law and Management of Moscow City University. Students of the Institute of Law and Management of Moscow City University, the Faculty of Law of RANEPA, and Novgorod State University captioned the photos and made them ready for exposition, selected captions for the photo installations using fragments of poems and songs of the wartime, and organically placed them in the exposition. As a result, the installations turned out to be true to life and real. They were based primarily on the authentic photos of the wartime.

“There is an opinion that today’s youth cannot emotionally perceive the events that happened 76 years ago, the Great Patriotic War is just “something” from the depths of the “dark” 20th century, and the celebration of Victory Day is meaningless. Moreover, historical oblivion, ignorance, and ingratitude are attributed to the entire young generation of Russia,” said A. Epifanov, author and scientific supervisor of the project, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA. In his opinion, the righteous anger of our veterans who bring up such bitter reproaches against today’s youth is fully justified and must not be questioned. However, the project supervisor argued that it is wrong to attribute similar beliefs to all Russian young people. On the contrary, these seem to be only unpleasant exceptions to the general rule. In fact, they are faithful to the historical memory of the defenders of the Fatherland who fought and died during the war. Young people of Russia remember and honor the veterans of the Great Patriotic War. This online project proves that.

The online exhibition is available at https://vk.com/album-199600386_283607524

The project “My Cherepovets”

The project “My Cherepovets” is carried out by the students and teachers of School of Humanities of Cherepovets State University (“Development Factory”) and the Center for the Support of Youth Parliamentarism together with the Document Storage Center and the news agency “Cherepovets” under the aegis of the

Government of Vologda Oblast. As part of the project, a guide to Sovetsky Prospekt (the main thoroughfare in the historical center of the city) has been created for the residents and guests of the city. It includes an audio guide, a map, and a documentary about Sovetsky Prospekt, covering the period from 1917 to 1940. The authors chose the period between the Revolution and the Great Patriotic War because they consider it insufficiently studied. One can learn from the guide how people socialized back then, what they dreamed about, how large merchant houses were divided into communal apartments, how life vibrated in them, how churches were closed and destroyed, and how people survived the repression of 1937. Cherepovets was a provincial city; then it became the principal city of the governorate and the district center after that. Each change brought something new to the life of the city.

The interactive map and the documentary show the most interesting places that are mentioned in the audio guide. The guide is the basis for excursions and interactive quests in Sovetsky Prospekt. The authors plan to create a large virtual tour using the materials of the guide in the future. The guide was posted on social networks as well as in the application and on the website izi.TRAVEL. The documentary was posted on Cherinfo.ru, the official website of Cherepovets.

Information about the project and its creators: The audio guide “Sovetsky Prospekt: from the Revolution of 1917 to the Great Patriotic War” was created within the framework of the project “My Cherepovets” by the students and teachers of Cherepovets State University. The contents of the audio guide provide information

about the history of the buildings in Sovetsky Prospekt from 1917 to 1940. Olga Kobyakova, a guide and a senior lecturer at the Department of History and Philosophy of the School of Humanities of Cherepovets State University, is the author of the project. The project manager is Andrei Malyshev, a student of the School of Humanities of Cherepovets State University, director of the Center for Support of Youth Parliamentarism, chairman of the Youth Parliament of Cherepovets. Anton Vsevolodov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Communications and Media of the School of Humanities of Cherepovets State University, and Elena Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Communications and Media of the School of Humanities of Cherepovets State University, are the editors of the project. The project used the materials from the Cherepovets Document Storage Center, photographs from the collection of the Cherepovets Museum Association, open sources, and the book *Cherepovets. Chronicles of a Provincial City* (compiled by A. Vsevolodov and O. Kulikova, Cherepovets, 2017).

Audio guide “Sovetsky Prospekt: from the Revolution of 1917 to the Great Patriotic War”:
<https://izi.travel/browse/db57ac77-2b08-4f1a-8ebf21b12f0249e7/ru>

Video “My Cherepovets”: <https://youtu.be/m0XuTN8co3s>

Информация об авторах

Александр Егорович Епифанов – доктор юридических наук, профессор, Mvd_djaty@mail.ru, Волгоградский институт управления – Филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (400066 Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8), Региональное отделение Российского военно-исторического общества в Волгоградской области, Военно-исторический музей «Наследие» (400066 Россия, г. Волгоград, ул. Мира, д. 13)

Ольга Юрьевна Солодянкина – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала “*Historia provinciae* – журнал региональной истории”, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru, Череповецкий государственный университет (162600 Россия, Вологодская обл., г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5)

Information about the authors

Alexandr E. Epifanov – Doctor of Law, Professor, Mvd_djaty@mail.ru, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (d. 8, ul. Gagarina, Volgograd, Russia, 400066), Regional Branch of the Russian Military Historical Society (RMHS) in Volgograd Oblast, Military History Museum ‘Nasledie’ (d. 13, ul. Mira, Volgograd, Russia, 400066)

Olga Yu. Solodyankina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, <https://orcid.org/0000-0001-6419-8085>, olga_solodiantkin@mail.ru, Cherepovets State University (d. 5, Pr-t Lunacharskogo, g. Cherepovets, Vologodskaya obl., Russia, 162600)